

**ВВЕДЕНИЕ
В ИНДИЙСКУЮ
ЛОГИКУ
НАВЬЯ-НЬЯ**

Д·Г·Х·ИНГОЛЛС

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Д. Г. Х. ИНГОЛЛС

**ВВЕДЕНИЕ
В ИНДИЙСКУЮ ЛОГИКУ
НАВЬЯ-НЬЯ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1975

Daniel Henry H. Ingalls

MATERIALS FOR THE STUDY
OF NAVYA-NYAYA LOGIC

Cambridge (Mass.) — London, 1951.

Ответственный редактор
В. А. СМЕРНОВ

Перевод с английского

В книге содержится первое систематическое изложение основ индийской формальной логики навья-ньяя — единственной завершенной системы логики, возникшей вне пределов европейской культуры, приводятся биографические материалы и сведения о работах крупнейших представителей этой школы за период XII—XVII вв., дается интерпретация главных понятий, теорий и методов навья-ньяя с позиций современной математической логики. Автор книги Дэниэл Генри Холмс Ингаллс — видный американский индолог, профессор Гарвардского университета.

И $\frac{10501-10}{013(02)-75}$ 23-73

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1975.

ОТ РЕДАКТОРА

В последние годы заметно повысился интерес к истории логики. Возможно, это связано с надеждой найти здесь новые руководящие идеи для разработки до сих пор еще не решенных проблем «и отстающих» разделов, таких, например, как интенциональная логика. Значительные успехи были достигнуты в исследовании античной логики. Польский ученый Ян Лукаевич сумел реконструировать силлогистику Аристотеля, представив ее в форме, удовлетворяющей жестким требованиям современной науки. Советский читатель мог познакомиться с переводами работы Я. Лукаевича («Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики») и обеих «Аналитик» Аристотеля. Выход этих книг оказал стимулирующее влияние на развитие логической мысли в СССР.

Индийская логика представляет собой совершенно оригинальное явление. В сжатой форме ее системы («старая» ньяя, буддийская логика, «новая» ньяя) изложены в двухтомной «Индийской философии» С. Радхакришнана. Исключительный вклад в изучение буддийской логики внес Ф. И. Щербатской. Работа проф. Д. Г. Х. Инголса,— пожалуй, первое систематическое исследование навья-ньяя («новый метод», «новая логика»), школы, основоположником которой считается автор трактата «Таттва-чинтамани» Гангеша (XII—XIII вв.). В данной школе логика приобретает характер самостоятельной науки и отделяется от общей философии, выступая в качестве метода и инструмента научного познания.

Книга Д. Инголса специфична по сравнению с работами Щербатского, Радхакришнана и многих других ученых. Если названные авторы рассматривают логику в сопоставлении с силлогистикой Аристотеля или традиционной (европейской) логикой, то Инголс делает попытку привлечь достижения символической логики.

Навья-ньяя мало известна за пределами Индии. Эта система формальной логики заметно отличается от систем, исторически сложившихся в Западной Европе. Ее освоение, а в дальнейшем и реконструкция в терминах новых логических теорий, по нашему мнению,— задача весьма благодарная.

В основе онтологии навья-ньяя лежит последовательный реализм, в современной классификации — интенциональный платонизм. Вывод здесь — процесс, в котором оперируют не просто высказываниями и терминами как лингвистическими объектами, а «знаниями». Однако, несмотря на это, вывод носит формальный характер. Знание не совпадает с актом

суждения: субъект может судить об истинности или ложности картины мира. Автор показывает (§ 7), что истинное знание определяется как знание, соответствующее тому, каков мир на самом деле. Представляет несомненный интерес метод универсализации навья-ньяи, позволяющий элиминировать кванторы. То, что сегодня в науке принято выражать с помощью кванторов, в изучаемой школе осуществлялось с помощью абстракций и отрицаний.

Центральным вопросом книги Д. Инголса и, пожалуй, логики найиков является анализ отношения проникновения. Данная проблема на первый взгляд схоластична (и действительно, схоласты Европы уделяли аналогичной проблеме значительное внимание), но она и современна. В недавно вышедшей работе ленинградского логика И. Н. Бродского¹ проведен тщательный анализ философских дискуссий о природе предикации и отрицательных высказываний, дискуссий, особенно интенсивных на рубеже XIX и XX в. и вновь оживших в настоящее время. Мы настоятельно рекомендуем при чтении труда Инголса обратиться к работе Бродского. Автор ее кратко останавливается и на проблеме отрицательных высказываний в навья-ньяе.

Проблемы отношения проникновения в индийской логике и отношения присущности в аристотелевской логике отнюдь не тривиальны. Последняя описывает способы рассуждений, в которых посылки и заключение имеют вид категорических высказываний, т. е. принимают один из четырех видов:

Все S суть P, или, по Аристотелю, P присуще всякому S.

Ни одно S не суть P, или P не присуще ни одному S

Некоторые S есть P, или P присуще некоторым S

Некоторые S не есть P, или P не присуще некоторым S

Эти высказывания символически записывают как ASP, ESP, ISP, OSP. Высказывания ASP и ESP — общие, ISP и OSP — частные; A и I — утвердительные, E и O — отрицательные.

Силлогистику Аристотеля — вопреки самому Аристотелю — можно построить, предполагая в качестве предшествующей теории исчисление высказываний. Я. Лукасевич сформулировал следующую аксиоматику для силлогистики: $ASS, ISS, ASM \wedge AMP \supset ASP, AMP \wedge AMS \supset ISP$. Согласно определению $ESP = D_f \uparrow ISP, OSP = D_f \uparrow ASP$. Первые две аксиомы у самого Аристотеля не принимаются. На наш взгляд, более близкой к собственной аристотелевской системе будет такая аксиоматика: $ASP \supset ISP, ISP \supset IPS, ASM \wedge AMP \supset ASP, ASM \wedge EMP \supset ESP, ESP \sim \uparrow ISP$. В обоих случаях принимается исчисление высказываний: « \wedge » это «и», « \supset » — «если... то», « \uparrow » — «не», « \sim » — «...если и только если...». Отметим, что систему силлогистики в указанных вариантах можно построить, не предполагая в качестве предварительной теории исчисление высказываний, при этом построить в различных формах (натурального исчисления, исчисления секвенций).

Как же понимать отношение присущности? Каким образом перевести высказывания A, E, I, O на язык математической логики? С точки зрения современной науки отношение свойства к предмету аналогично отношению функции к своему аргументу. Нельзя ли высказывание A трактовать как

утверждающее отношение включения (\subseteq) между классами, если считать, что пустой класс является подклассом любого класса?

Тогда общие высказывания ASP и ESP будут переводиться формулами $\forall x(Sx \supset Px)$ и $\forall x(Sx \supset \neg Px)$, а частные высказывания ISP и OSP — соответственно $\exists x(Sx \ \& \ Px)$ и $\exists x(Sx \ \& \ \neg Px)$. Именно так истолковывают категорические высказывания Д. Гильберт и В. Аккерман², С. Клини³. Подобная трактовка дается во многих учебниках математической логики. Имеется в виду, что общие суждения (А и Е) не предполагают непустоты субъекта, а частные — предполагают.

Однако эта интерпретация не адекватна аристотелевской силлогистике, ибо в данном случае не будет правомерен переход от общего к частному (от А к I и от Е к O) и не будут верны некоторые модусы силлогистики.

Возможна интерпретация, при которой общие суждения утверждают непустоту субъекта, а частные не утверждают⁴.

При третьей интерпретации — пожалуй, наиболее естественной — утвердительные высказывания предполагают непустоту субъекта, а отрицательные не предполагают. В таком случае формула

ASP переводится посредством	$\exists x Sx \ \& \ \forall x (Sx \supset Px)$,
ISP	$\exists x (Sx \ \& \ Px)$,
ESP	$\forall x (Sx \supset \neg Px)$,
OSP	$\exists x Sx \supset \exists x (Sx \ \& \ \neg Px)$.

Последнего тезиса придерживался В. Оккам и автор «Алисы в стране чудес»⁵; на том же настаивает А. Черч⁶. В принципе возможно и понимание, двойственное третьему, но оно не согласуется с интуицией.

Мы обратились к вопросу взаимоотношения аристотелевской и математической логики для того, чтобы акцентировать внимание на двух аспектах: во-первых, отметить трудность понимания одной логической системы в терминах другой (в логическом аспекте эта проблема состоит в погружении одной системы в другую), во-вторых, подчеркнуть, что традиция европейской логики согласуется с традицией индийской логики в толковании утвердительных высказываний как постулирующих существование объектов, подпадающих под субъект.

Анализ структуры высказываний в навья-ньяе и представление их в терминах математической логики даны Д. Инголлом и еще более убедительно К. Гоекоопом (см. приложение к книге). Следуя К. Гоекоопу, отношение проникновения можно определить таким образом: пусть $\exists R(Ay \ Ryx)$ означает x есть место А через R. Сокращенно это запишется Sx . Аналогично Rx — $\exists T(By \ \wedge \ Tyx)$, т. е. x есть место В через Т. Тогда большая посылка «место А есть место В» в логике предикатов запишется в виде $\forall x(Sx \supset Rx) \wedge \exists x Sx$ или — после элиминации сокращений — $\forall x(\exists y(Ay \ \wedge \ Ryx) \supset \exists y(Byx \ \wedge \ Tyx)) \ \wedge \ \exists x \exists y(Ay \ \wedge \ Ryx)$. В пользу такого уточнения свидетельствует эквивалентность пяти различных определений отношения проникновения (см. стр. 199).

Проблема отношения проникновения, центральная в трактовке процесса логического вывода в навья-ньяе, не является единственной проблемой, обсуждаемой в работе Инголса. Мы хотели бы привлечь внимание читателя на анализ способов образования сложных терминов. Интересно

сравнение тонкого различия акта утверждения и акта предикации у наиков и у Г. Фреге.

Д. Инголлс склонен видеть в логике рассматриваемой системы зачатки ряда идей, получивших развитие в математической логике. В частности, он полагает, что в наивья-ньяе содержатся идеи теории отношений и процедуры определения числа, аналогичные методам теории множеств. Нам кажется, что все эти вопросы нуждаются в дополнительном исследовании.

В. А. Смирнов

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Впервые я приступил к изучению логики навья-ньяя в 1941 г. под руководством Шри Калипада Таркачарьи, преподавателя ньяи в Санскритском колледже Калькутты. Мне доставляет истинное удовольствие выразить благодарность учителю, явившемуся достойным продолжателем традиции Гаутамы и Гангешы. Его терпение и доброта были столь же неисчерпаемы, сколь и его познания. Одновременно мне хотелось бы выразить благодарность д-ру Сурендранатху Дасгупте, возглавлявшему Санскритский колледж и исследовательский институт во время моего пребывания там и оказывавшему мне всяческую поддержку.

Из соотечественников я более всего обязан моему учителю, Уолтеру Э. Кларку, профессору Гарвардского университета, от которого я получал постоянную помощь и ободрение. В частности, я признателен ему за то, что он взял на себя труд прочесть книгу в рукописи и выправить все ошибки.

Уиллард Ван Орман Куайн, профессор кафедры философии Гарвардского университета, любезно согласился прочесть раздел II в первой редакции. В одном или двух случаях я отметил его рекомендации в сносках, однако вновь пользуюсь возможностью поблагодарить его за общие критические замечания по данному разделу, определившие во многом его окончательную редакцию.

Из исследователей, предшествовавших мне в этой области, наибольшую помощь я получил от д-ра Сайлесвара Сена, который опубликовал перевод третьей части текста Матхуры, приводимый в настоящем издании. В работе над разделом I особенно полезными для меня оказались «Вводные замечания» Пханибхушана Таркавагиши к «Ньяяпаричая». Имена других лиц, без участия которых моя работа имела бы гораздо больше недостатков, чем она их содержит теперь, читатель найдет в списке литературы.

В заключение я хочу выразить признательность Коллегии Гарвардского университета, поддержавшей мои исследования в Индии и способствовавшей их возобновлению в Гарварде после перерыва, вызванного войной, что позволило мне достигнуть наконец долгожданного результата.

Дэниэл Г. Х. Инголлс

ВВЕДЕНИЕ

Специалисты расходятся в том, каких именно индийских философов следует отнести к школе навья-ньяя («Новая ньая»). В настоящем исследовании я из соображений удобства предполагаю, что все наяйики со времени Гангешы (XIII в.) были навья-наяйиками. Философам этой школы принадлежат работы по логике, эпистемологии, физике и грамматике, однако наиболее характерными для них остаются труды по логике. Именно такого рода исследованиями они создали новый стиль и метод в индийской философии.

Число работ по логике, принадлежащих навья-наяйикам, огромно, однако почти ничего из этой массы не известно на Западе. Западных санскритологов отлугивает сложность стиля навья-ньяя, а индийские пандиты, для которых он привычен, как правило, не имеют понятия о западной логике.

Цель настоящей книги — представить небольшое число текстов навья-ньяя в таком виде, чтобы они были понятны западным ученым. Хотя я не ставил при этом специальной задачи сравнительного анализа, в некоторых случаях мне приходилось сопоставлять навья-ньяю с аристотелевской или математической логикой — если это давало возможность лучше уяснить специфику той или иной теории и метода навья-ньяя.

Индологу вряд ли нужно доказывать необходимость изучения навья-ньяя. Большая часть индийской философии после XIII столетия без знания этой логики осталась бы совершенно непонятной. Я полагаю также, что она во многом может оказаться интересной для всех, изучающих общую философию и логику. Я перечислю некоторые вопросы, которые, по моему мнению, представляют именно такой интерес, отметив в скобках параграфы раздела II, где эти вопросы разбираются более подробно. Но прежде следует сказать, что перечень и анализ носят предварительный характер. Оценку этой системы логики в целом невозможно дать до тех пор, пока не будут осуществлены переводы и интерпретация значительно большего числа текстов.

В основе онтологии навья-ньяя лежит последовательный реализм, что, однако, не мешает ей быть формальной логикой, отличающейся необычайно высокой степенью абстракции. Реа-

лизм ее проявляется в том, что она не довольствуется чисто лингвистическим анализом. Наяйики всегда пытались продвигнуться дальше, в область отношений между самими вещами. Вот почему эта логика почти не рассматривает высказывания, скорее она оперирует «знаниями», которые, в случае их истинности, представляют факты, какими они действительно являются (§ 7). Кроме того, навья-ньяя проводит различие не между именами и описаниями, а между «обнаруживаемыми» и «обнаруживающими» объектами (§ 20). Иногда подобный реализм приводит к путанице (§ 42). Однако не слишком часто. Примером крайнего реализма и высочайшей степени абстракции может служить применяемый навья-ньяей метод универсализации. Кванторы («все», «некоторые», «любые» и т. п.) почти никогда не используются. Факты, которые мы привыкли выражать с помощью квантификации, в навья-ньяе выражаются посредством абстракции свойств и комбинированием отрицаний (§ 22, 28, 32).

В некоторых отношениях навья-ньяя решительно превосходит аристотелевскую логику. Ее создатели, например, имели понятие о конъюнкции, дизъюнкции и их отрицании (§ 35, 36), а также знали следствие о классах из закона Де Моргана (§ 38). В навья-ньяе признак класса никогда не смешивается с признаками его элементов (§ 50). Своей концепцией числа эта логика, по-видимому, на несколько столетий предвосхитила математическую логику (§ 51).

Я не склонен преувеличивать достоинства навья-ньяи. Разумеется, она имеет и недостатки, но многое из того, о чем пойдет речь и что современному логике может показаться неразумным или запутанным, было получено навья-ньяей по традиции от «старой» школы, причем эти взгляды разделялись лишь наиболее консервативными ее представителями. К древней традиции восходит громоздкая система категорий (§ 13, 21), нелогические концепции контакта (§ 48) и реальности (§ 26), несоблюдение различия между абстрактным выводом и конкретным примером вывода (§ 50).

Поздняя, или радикальная, школа навья-ньяи, основанная Рагхунатхой, преодолевает многие из этих недостатков. По моему глубокому убеждению, Рагхунатха, будь его работы известны за пределами Индии, получил бы всеобщее признание как великий логик.

Навья-ньяя так и не пришла к использованию символов. Вместо них здесь была разработана удивительно сложная система клише, благодаря которой удавалось получить множество выражений, по нашим понятиям немислимых без применения символов. Незнание символов вряд ли справедливо считать недостатком, поскольку никто, за исключением стоиков, не использовал символы в логике вплоть до XIX столетия. Клише навья-ньяи, хотя выглядят громоздкими по сравнению

с символами современной логики, остаются тем не менее наиболее совершенным логическим инструментом в применении к обычному языку.

Несколько слов о самой книге

В разделе I собраны все имеющиеся сведения о жизни и работах исследуемых авторов. При этом значительное внимание уделено местной традиции, не столько оттого, что ее свидетельствам можно всецело доверять, сколько из-за скудости других источников. Во всяком случае, некоторые сведения о Рагхунатхе выглядят довольно правдоподобно.

Раздел II специально посвящен изложению логики навья-ньяи, однако мне все-таки не удалось полностью исключить металогические вопросы. В частности, мне показалось необходимым предпослать изложению логики элементарные сведения по эпистемологии навья-ньяи. Приведены также краткие сведения о традиционной системе категорий и о возражениях Рагхунатхи против нее.

Там, где речь идет о современной логике, я старался избегать спорных вопросов. Я не затрагивал, а тем более не пытался дать ответ на вопросы о том, что именно понимают представители математической логики под «классом» и что, собственно, означает в философии логики понятие «существование». В качестве руководства по теории математической логики я использовал книгу У. В. Куайна «Математическая логика», и именно по этой причине я употребляю наименование «математическая логика», а не «символическая логика», или «логика отношений», хотя все эти термины в настоящее время обозначают одну и ту же науку.

В разделе II мне пришлось в целях удобства изложения ввести ряд символов для обозначения некоторых терминов и выражений навья-ньяи. Смысл этих символов поясняется по мере их введения. Еще несколько дополнительных символов появляется в разделе IV. Список использованных символов с указанием их значений приводится в конце раздела II (§ 59).

Что касается текстов прилагаемых трех отрывков, то «Определения» Гангешы взяты из опубликованного в Каши «Вьяпти-панчака-рахасья». В публикации «Bibliotheca Indica» никаких разночтений с этим изданием нет. Текст Рагхунатх и взят из «Дидхити», издания Чоукхамба. При этом учтены разночтения с публикацией Гададхары в той же серии. Текст «Вьяпти-панчака-рахасья» Матхуры скомбинирован из двух изданий: Каши и «Bibliotheca Indica». В случаях разночтений между обоими изданиями, если только они не касались незначительных вопросов орфографии и *сандхи*, отвергнутый вариант приводится в сноске.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

1. Гангешопадхья (XIII столетие)

Датировка жизни Гангеши была предметом многочисленных дискуссий. Есть основания почти с полной уверенностью утверждать, что он жил в XIII в., однако определить более точную дату не представляется возможным. В нашем распоряжении имеются следующие сведения.

Он не мог жить раньше, чем Шри Харша, на чье великое творение «Кхандана-кханда-кхадья» ссылается¹. Шри Харша пользовался покровительством Джайчанда, раджи Канауджа (годы правления 1170—1194)². Известна также рукопись труда Шри Харши, датируемая ок. 1233 г.³.

Азиатское Общество Бенгала располагает рукописью «Кусуманджали-пракаша» — произведения сына Гангеши, Вардхаманопадхьяи. Наиболее древняя часть ее, судя по эпиграфическим источникам, появилась между 1300 и 1360 гг.⁴.

Датировка рукописей Шри Харши и Вардхаманы образует наиболее тесные неоспоримые границы жизни Гангеши⁵. Более ранние даты, предлагаемые Чакраварти и другими исследователями, должны быть отвергнуты, поскольку они основываются на неверной датировке жизни Джаядевы Пакшадхары (см. ниже).

По-видимому, «Упадхья» следует интерпретировать как родовое имя (современное «Оджха»), а не как почетный титул⁶. Свидетельство традиции о том, что Гангеша родился в деревне Карион (санскритское Корана)⁷, расположенной приблизительно в 12 милях от Дарбханги, вероятно, можно считать правдоподобным: Митхила (провинция Тирхут, столицей которой некогда была Дарбханга) оставалась в течение 250 лет центром изучения наследия Гангеши. Он был отцом Вардхаманопадхьяи, который как логик уступает в популярности, пожалуй, только ему самому⁸. Кроме этих скудных фактов, о жизни Гангеши ничего не известно⁹.

Величайшим творением его является «Таттва-чинтамани». Сатисчандра Видьябхушана дал краткое изложение ее содержания¹⁰, однако до сих пор не было сделано никаких попыток

ее перевода. Те несколько строчек из «Таттва-чинтамани», которые приводятся в нашей книге и составляют основу для комментариев, явно недостаточны для того, чтобы на их основании предпринять общий философский анализ произведения, даже если бы я был способен на такое начинание. Однако некоторые сведения о его исторической роли могут оказаться полезными.

«Таттва-чинтамани» содержит систематическое изложение эпистемологии и философии грамматики. Другие вопросы, такие, как, например, доказательство существования бога, рассматриваются мимоходом. Она состоит из четырех книг, озаглавленных «Пратьякша», «Анумана», «Упамана» и «Шабда» (значения этих терминов разъясняются ниже, в разделе II). В «Таттва-чинтамани» Гангеша называет свое учение «новая» ньяя¹¹ в отличие от «старой» ньяи, которая берет начало от «Ньяя-сутры» и последние работы наиболее крупных представителей которой — Удаяны, Джаянты и Бхасарваджни относятся к X в.

Употребление термина «новая» ньяя следует понимать не как указание на оригинальность учения Гангешы, а скорее как указание на особую оригинальность его метода. Решительный переворот в учении этой школы связывается с именем Рагхунатхи. Некоторые нововведения его будут перечислены в разделе II. Ввиду оригинальности работ Рагхунатхи кое-кто из индийских авторов относит к навья-ньяе только его самого и его последователей¹². Я не придерживаюсь этого взгляда, поскольку в таком случае просто не оказывается термина, применимого к Учению Гангешы и его комментаторов в XIV и XV вв.

В чем же состоит новизна метода Гангешы? Его труд отличается от сочинений предшественников. Он принимает многие положения вайшешики, а также распределяет весь материал учения ньяи по четырем разделам, заменив ими 16 категорий (*падартха*) «старой» ньяи. Однако и в том и в другом смысле его нововведения были предвосхищены¹³. Более существенным является то, что Гангеша изменил основную ориентацию полемики. Старая ньяя направляла свою аргументацию главным образом против буддистов. Гангеша, живший в эпоху, когда буддизм в Индии почти исчез, направляет ее против мимансы, веданты и других современных ему активно действовавших школ. Но более всего новизна метода Гангешы заключается в модернизации стиля и новой компоновке материала. Стиль его гораздо строже, и он тщательнее определяет термины, чем его предшественники. Этими достоинствами его работы объясняется тот факт, что, пожалуй, добрая половина литературного наследия навья-ньяи базируется либо на самой «Таттва-чинтамани», либо на комментариях к ней.

Хотя представители навья-ньяи продолжали улучшать ме-

тодику вплоть до настоящего времени, пределы их проблематики ограничиваются преимущественно темами «Таттва-чинтамани» и комментариями по вайшешике сына Гангеши. Тем не менее имеются некоторые исключения. Так, ряд новых проблем был поднят Рагхунатхой. С другой стороны, в последний период формирования школы круг ее интересов стал замыкаться на предмете доказательства, т. е. на одной лишь формальной логике. Ниже будет показано, что Рагхунатха комментировал всю «Таттва-чинтамани», тогда как его комментаторы, Джагадиша и Гададхара (XVII в.), довольствовались только первыми двумя книгами. Сравнивая число известных комментариев к книге II (по логике) с числом комментариев к книге I (по эпистемологии), нетрудно выявить направление интересов в навья-ньяе, установившееся к тому времени¹⁴.

Известна также рукопись другой, менее значительной работы Гангеши, носящей название «Лакшана-манджари»¹⁵ и охватывающей лишь часть проблем, поднятых в «Таттва-чинтамани».

2. Джаядева Пакшадхара (ок. 1425 — ок. 1550 г.)

В течение более чем двух столетий после смерти Гангеши Митхила оставалась центром изучения логики навья-ньяя. Провинция была в значительной мере свободна от деспотического владычества мусульман, которое длилось несколько веков, предшествовавших просветительской деятельности Моголов¹⁶. Во многих отношениях здесь осуществлялась связь между индийской культурой домусульманского периода и культурой, создававшейся на северо-востоке, в империи Моголов. Митхила была центром традиции «смрити», равно как и ньяи. Распространение в провинции нового религиозного движения, охватившего широкие слои населения, привело к внезапному расцвету в XV в. поэзии на местном диалекте. Это движение возникло в процессе возрождения вишнуизма в Бенгале, возведенного проповедью Чайтаньи (1485—1533 гг.).

Джаядева Пакшадхара¹⁷ был, по-видимому, крупнейшим представителем школы навья-ньяя в Митхиле в XV в. Хотя мы не рассматриваем его работ, считаем необходимым уделить некоторое внимание датировке его жизни, поскольку Пакшадхара связан традицией с Рагхунатхой, о котором речь пойдет ниже, и поскольку годы жизни Пакшадхары часто устанавливаются неверно¹⁸.

Раджендралал Митра (Mitra, V, № 1976), следуя Чакраварти (Chakravarti, стр. 267), Сатисчандре (Satischandra, стр. 407) и Сену (Sen, стр. 12—14), интерпретировал принадлежащее Пакшадхаре двустичие из комментария к «Таттва-чинтамани» таким образом, что его можно отнести к 1278 г.¹⁹

Эта ранняя датировка жизни Пакшадхары в настоящее время признается неверной из-за следующих двух фактов:

а) Общество научных исследований Бихара и Ориссы располагает рукописью «Вишну-пураны», транскрибированной Пакшадхарой в 1464 г.²⁰;

б) ученик его, Ручидатта, транскрибировал эту рукопись в 1505 г.²¹.

Почти все сведения традиции о Пакшадхаре соответствуют более поздней датировке. Так, его имя упомянуто вместе с именами Шанкарамишры и Вачаспатимишры в стихотворении, до сих пор пользующемся известностью в Тирхуте:

Шанкарамишра и Вачаспатимишра столь же сильны в ньяе,
Сколь Шанкарачарья и Вачаспати — в веданте;
Однако оппонента, подобного Пакшадхаре, нельзя сыскать²².

Как Шанкарамишру, так и Вачаспатимишру можно с уверенностью отнести к XV столетию²³.

Традиция связывает Пакшадхару также с поэтом и баснописцем Видьяпати, творчество которого, согласно Грирсону, приходится на первую половину XV в.²⁴. Его называют учеником Хари Мишры, дяди и наставника Пакшадхары²⁵. Однако есть основания полагать, что последний был значительно младше Видьяпати.

Предание повествует, что Пакшадхара, будучи еще маленьким мальчиком²⁶, пришел в дом Видьядхары и уселся в углу. Это дало повод хозяину сравнить в каламбуре «гостя» *prāghuṇa* с «мелкой козявкой» (*ghuṇa* — вид термитов):

Prāghuṇo ghuṇavat' koṇe
Sūkṣmatvān popalakṣyate
Мой маленький гость (*prāghuṇa*) сидит, словно мошка
(*ghuṇa*), в углу —
Он слишком мал, чтобы быть замеченным.

Ответ ребенка был удачнее, чем шутка взрослого:

Na hi sthūladhīyaḥ pūṃsaḥ
Sūkṣme dr̥ṣṭīḥ prajāyate
Грубо мыслишь, мужлан-тугодум:
Не разглядеть тебе тонкостей.

Здесь *sūkṣme* означает и «мелкое» и «тонкое», а выражение *sthūladhīyaḥ* «крупномыслящий» может с равным успехом обозначать «тупицу»²⁷.

Пакшадхара был моложе Видьяпати, и то, что его деятельность приходится скорее на вторую, чем на первую половину XV в., подтверждается фактами более солидными, нежели история, приведенная выше. Известно, что Пакшадхара обучал Бхагиратху Тхаккура вплоть до достижения последним двадцатилетнего возраста²⁸. Младший брат Бхагиратхи, Махеша Тхаккур, предок нынешнего раджи Дарбханга, стал

раджей Митхилы в 1557 г.²⁹ и жил до 1569 г.³⁰. Какова разница в возрасте братьев, неясно, но маловероятно, что смерть Пакшадхары наступила намного раньше 1500 г. По-видимому, около этого года он был еще жив, что особенно подчеркивается традицией, связывающей его с Рагхунатхой.

3. Рагхунатха Широмани (ок. 1475 — ок. 1550 г.)

Рагхунатха Широмани³¹ — один из наиболее оригинальных индийских философов. В своих комментариях ко второй книге Гангешы он часто расходится с учителем во мнениях; его «Падартха-таттва-нирупака» еще более решительно ниспровергает догматику школы. Благодаря оригинальности его работ, а также вследствие того, что его наиболее вероятный учитель Васудева Сарвабхаума был связан с религиозным вождем Чайтаньей, о Рагхунатхе и его учителе возник широкий круг преданий. Некоторые из них, очевидно, не имеют исторической ценности, однако многие кажутся заслуживающими доверия, и их, пожалуй, не следует отбрасывать без критического анализа. В изображении традиции Рагхунатха предстает перед нами блестящим, но непочтительным учеником в молодости, крупным ученым, быть может, излишне высокомерным в зрелом возрасте.

Его учитель Васудева Сарвабхаума родился в известнейшей в Бенгале семье — Акхандала Банёрджи (Бандхьопадхьяя)³². Она принадлежала к брахманской касте рарихи³³, и проф. Пханибхушана Таркавагиша утверждает, что имя Васудева встречается в сохранившихся генеалогических списках данной касты³⁴. Проблема происхождения Васудевы затрудняется тем обстоятельством, что многие фамилии считают его своим предком, очевидно, без всяких на то оснований³⁵.

О происхождении Рагхунатхи ничего определенного не известно. По наиболее достоверной традиции, он родился в бедной семье в Надия³⁶, отец его рано умер, и мать была вынуждена сделаться домашней прислугой, чтобы прокормить себя и сына. К счастью для него, она нанялась в семью Васудевы. Другое сообщение, согласно которому Рагхунатха был брахманом касты рарихи и родился в Кота Манкар в округе Бурдван³⁷, представляется менее вероятным из-за отсутствия соответствующих указаний в записях рарихи. Часто повторяемое утверждение, будто местом рождения его был Силхет в Ассаме, также не заслуживает доверия³⁸.

Мнение о том, что Рагхунатха был учеником Васудевы, основывается в первую очередь на традиции, однако имеются и некоторые факты, подтверждающие его. Согласно сообщениям традиции, записанным, насколько мне известно, ранее других, явствует, что у Васудевы были четыре ученика,

позже прославившихся: Рагхунатха, Чайтанья, знаток ритуала Рагхунандана и тантрист Кришнананда. Это сообщение записал Кольбрук³⁹ еще в 1810 г., и на него часто ссылались. Пханибхушана считает данное утверждение ошибочным, поскольку учителями Чайтаньи, как свидетельствуют старые вишнуитские тексты, были Шри Вишнупандита и другие; он полагает также, что Рагхунандана был намного младше Рагхунатхи. Эти возражения, однако, не кажутся мне серьезными. Допустим, Васудева не был гуру Чайтаньи, но существует рассказ, что он восемь дней подряд разъяснял Пророку Любви смысл упанишад⁴⁰. Значит, он все же обучал Чайтанью, хотя потом сам принял взгляды человека, который был моложе его. Далее, допущение, что Рагхунандана цитирует Рагхунатху⁴¹, вовсе не исключает возможности их совместного обучения у одного и того же учителя.

Тот факт, что Рагхунатха был учеником Васудевы, отмечает также Кантичандра Рарихи⁴², который 50 лет назад собрал материалы устной традиции среди пандитов Надии и опубликовал их в своей работе «Навадвипа-махима».

По-новому к решению проблемы недавно подошел Бхаттачарья⁴³. Он проанализировал фрагменты комментария Васудевы к «Таттва-чинтамани», сравнив высказанные в этом комментарии положения с содержанием комментария Рагхунатхи к тому же произведению, и явственно показал, что по крайней мере в двух местах Рагхунатха ссылается на работу Васудевы, причем на это прежде обращали внимание и его субкомментаторы. Весьма существенно, что в одном из таких мест Рагхунатха выражает несогласие со взглядами Васудевы, о котором говорит в безличной форме *kecit tu...* — «некоторые утврждают».

Таким образом, Бхаттачарья подтвердил, что Рагхунатха не мог быть старше Васудевы. Не мог он также быть и младше его более чем на одно поколение⁴⁴. Кажется вполне убедительным, что оба они жили в одном и том же городе. Эти данные в их совокупности существенно подкрепляют свидетельство устной традиции.

Примечательно, что сам Рагхунатха нигде не упоминает имени своего учителя. Такое умолчание — явление почти уникальное среди индийских философов того времени. Напрашивается мысль объяснить это его гордостью. Рагхунатха начинает свои работы, как правило, всегда одинаковым двуступенчатым во славу Абсолютного Духа. Такой обычай естественнее скорее для представителя школы веданты, чем для наийика⁴⁵. За стихом иногда следует похвальное слово себе или своей работе, как, например, в берлинской рукописи «Анумана-дидхити»:

«Знаменитый Таркика-Широмани, изучив все книги и творческим умом извлекая из них всю премудрость, предлагает

комментарий „Дидхити“ к „Чинтамани“. Пусть эта книга поэта Рагхунатхи доставит радость сведущим, ибо в ней опровергаются иные мнения; ее отличает исключительное интеллектуальное мастерство автора, благодаря ясности его мысли она лишена каких-либо недостатков»⁴⁶.

Более знаменит стих в похвалу самому себе, помещенный в конце «Анумана-дидхити», в нем обыгрывается имя «Рагхунатха»:

Все то, что мудрецы прошедших лет
Единомысленно истинным считали или ложным,
Должно быть пересмотрено: так я считаю,
Владыка логики, чей лишь Рагху владыка⁴⁷.

Очевидно, работы Васудевы уступали работам Рагхунатхи, и тот выразил свое невысокое мнение о них, отказавшись от общепринятого обычая воздавать хвалу учителю.

Рассказывают, что Васудева, будучи главой школы в Навадвипе⁴⁸, взял Рагхунатху себе в ученики, ибо был поражен его природным дарованием. О раннем развитии мальчика существует много историй. Начав изучать алфавит, он пожелал узнать, почему «ka» должно идти перед «kha», почему имеются два «ja» («ya» и «ja») и три «sa» («sa», «ṣa» и «ṣa»), которые в бенгальском языке произносятся одинаково. К тому времени, когда Васудева кончал объяснять алфавит, он уже познакомил Рагхунатху со всей фонетикой и грамматикой⁴⁹. Изумительные способности ребенка, вероятно, компенсировали в глазах окружающих его бедность и физический недостаток: он был слеп на один глаз⁵⁰.

Согласно «Навадвипа-махима», метод обучения, применявшийся Рагхунатхой, состоял в том, что он переписывал текст, намеченный к обсуждению на следующий день, подыскивая опровержения для всех замеченных им логически слабых мест, а затем формулировал свое собственное мнение по вопросу, который разбирался в критикуемом тексте. Поистине прекрасный метод изучения! Однако Васудева, должно быть, почувствовал себя довольно неловко, когда его ученик начал опровергать слабые места книги учителя — «Сарвабхауманирукты». Возможно, именно это побудило Васудеву отправить своего строптивого ученика в Митхилу для завершения логического образования под руководством престарелого Пакшадхары⁵¹.

Рассказывают⁵², что прием, оказанный Рагхунатхе в Митхиле, был отнюдь не сердечным, что Пакшадхара при виде его произнес будто бы следующий стих:

Индра был тысячеоком, Шива был с тремя глазами,
Пару глаз имеют люди, это что за одноглазец?⁵³.

На что Рагхунатха не задумываясь ответил:

Кто слепцам дарует прозренье, кто детей на ум наставляет,
Тот лишь может наставником зваться, все же прочие —
лишь имя носят⁵⁴.

Жажда знаний тем не менее удержала Рагхунатху в Митхиле. Но и здесь его бескомпромиссность вскоре привела к неприятности. Как-то он затеял с Пакшадхарой спор по поводу комментария, который тот писал к «Саманья-лакшана»⁵⁵, и выразил решительное несогласие со всей теорией «Саманья-лакшана» в целом. Пакшадхара обозвал его «одноглазым мальчишкой» (*vakṣoja-rāpa-kṛt kāpa*) и выгнал из класса. Спустя несколько дней в присутствии многих людей (ибо ожидание стычки всегда привлекает зрителей) спор разгорелся с новой силой. Говорят, что Пакшадхара уже осознал свою неправоту, но ему стыдно было в этом признаться при учениках и учителях, и он вновь принялся оскорблять Рагхунатху, называя его безмозглым негодяем (*nirbodh vyālik*). Публика же отпускала вслед уходящему колкости и насмешки.

Той же ночью Рагхунатха решил идти к учителю, чтобы либо принудить его признать свое поражение, либо убить его⁵⁶. С мечом в руке приблизился он к дому, но, к счастью, услышал, как старик, любуясь полной луной в безоблачном небе, заметил жене, что более яркое светило возшло в образе его нового ученика Рагхунатхи. После таких слов злоумышленник выбежал из укрытия и бросился к ногам учителя.

На другой день перед всеобщим собранием пандитов и учеников Митхилы Пакшадхара признал свое поражение, а Рагхунатха получил завидное право присуждать почетные титулы последователям ньяи, что до тех пор являлось прерогативой исключительно представителей митхильской школы.

Трудно сказать, насколько истории о Рагхунатхе и Пакшадхаре соответствуют реальности. «Шабда-кальпадрума» содержит запись независимой традиции, согласно которой Рагхунатха значится учеником Пакшадхары; впрочем, сам контекст лишает это свидетельство почти всякой ценности⁵⁷. По крайней мере хронологически все рассказываемое является вполне допустимым, поскольку Васудева покинул Надию где-то между 1497 и 1510 гг.⁵⁸, вероятнее всего — в начале нового века, и поселился в Пури, где пользовался заметным влиянием при дворе Пратапарудры, раджи Ориссы (1497 — ок. 1541)⁵⁹. Следовательно, Рагхунатха должен был завершить свое обучение у Васудевы до 1510 г., очевидно, за несколько лет до этого⁶⁰. Дополнительно известно, что Джаядева Пакшадхара жил в период между 1440 и 1464 гг. и, конечно, мог дожить до конца столетия. Если Рагхунатха посетил

Митхилу в промежуток между 1490 и 1500 гг., то не исключено, что он слушал лекции старого логика.

Предание, приведенное как в «Навадвипа-махима», так и в «Надия-кахини», сообщает, что Рагхунатха, возвратившись в Навадвипу, не сумел сразу открыть собственную школу из-за отсутствия средств и только спустя какое-то время ему удалось сделать это благодаря щедрости некоего зажиточного благотворителя по имени Хари Гхош, принадлежавшего к касте гопа. Эта история отличается всеми признаками этимологического мифа⁶¹, зато можно вполне доверять другому сообщению, согласно которому в школу Рагхунатхи в Навадвипе немедленно устремились ученики со всех концов Индии. Это подтверждается появлением в следующем столетии множества толкований его трудов.

Существует давнее утверждение Фитцджеральда Холла⁶², будто логик Рамабхадра Сарвабхаума был сыном Рагхунатхи. Но это наверняка не так⁶³, и, насколько мне известно, нет никаких оснований ставить под сомнение сведение, содержащееся в «Навадвипа-махима» (стр. 60), где сказано, что Рагхунатха никогда не был женат. Легенда добавляет, что, когда у него спрашивали о причине этого, он отвечал: «Обычно женятся, чтобы иметь сыновей и дочерей. Но „Вьютпатти-вада“— мой сын, а „Лилавати“— моя дочь. Выходит, что я, не вступая в брак, вкусил плоды брачной жизни».

Из факта обилия комментариев к «Дидхити», появившихся в течение XVI и XVII вв., можно сделать вывод, что у Рагхунатхи было много учеников. Имена их по большей части не сохранились. Единственное исключение составляет Рамакришна Бхаттачарья Чакраварти, автор «Гуна-широмани-пракаша», служащего комментарием к работе его учителя «Гуна-кирнавали-пракаша-дидхити». В посвятельном стихе Рамакришна ясно указывает, что его учителем был Широма⁶⁴. Рамакришна написал комментарии и к другим его работам, а именно: «Лилавати-пракаша-дидхити», «Акхьята-вада»⁶⁵, «Нан-вада»⁶⁶ и «Таттва-чинтамани-дидхити»⁶⁷.

В свое время он считался одним из ведущих наайнков в Индии. Абу-л Фазл в своем сочинении «Айн-и-Акбари» перечисляет наиболее образованных людей Индии во времена этого могольского императора⁶⁸. Образованные люди разделены им на пять категорий, причем к четвертой категории отнесены те, «кто смотрит на писание, как на нечто, изъеденное ржавчиной сомнения, и ничего не принимает на веру без доказательства»⁶⁹. Фактически все индусы четвертой категории, вдвое превосходящие мусульман по численности, являются наайниками. Среди 15 названных индусов упомянут и Рамакришна⁷⁰. Д. С. Бхаттачарья, из статьи которого

я почерпнул эти сведения, утверждает, что образованные люди, перечисленные в сочинении, «к началу царствования Акбара находились в самом расцвете творческих сил». Следовательно, можно предположить что Рамакришна был знаменит в 60-е и 70-е годы XVI в. Подобное предположение прекрасно согласуется с тем, что мы сейчас знаем о датах жизни Рагхунатхи.

Кроме Рамакришны учеником последнего мог также быть Бхавананда Сиддхантавагиша. Таково мнение Гопинатха (Gopināth, V, 137—8), но оно не подкреплено сколько-нибудь сильными аргументами. Зато наверное известно, что Вишванатха Панчанана не был учеником Рагхунатхи⁷¹.

Самый старый датированный манускрипт со списком комментариев к работам Рагхунатхи, который мне удалось разыскать, был переписан в 1593 г.⁷² Но сам логик к тому времени давно умер. Джагадиша в 1610 г. был уже достаточно стар и имел собственных учеников (см. следующий подраздел); учитель его Рамабhadра Сарвабхаума, также комментировал Рагхунатху, но его комментарий не мог быть создан раньше смерти Рагхунатхи. Далее, отсутствие его имени в «Айн-и-Акбари» при том, что в сочинении, указано имя его ученика, заставляет предположить, что он умер до начала царствования Акбара. Приняв за год его кончины 1550, мы вряд ли ошибемся более чем на 20 лет.

Работы Рагхунатхи, по крайней мере те, которые были опубликованы, невелики по размерам: вместе взятые, они составят том средней величины. Его стиль отличается такой феноменальной лаконичностью, что для понимания полного смысла его положений и всех вытекающих из них следствий необходим комментарий, по объему в десять раз превосходящий основной текст. Ни одна из его работ не была переведена на европейские языки, и, насколько мне известно, нет ни одного современного исследования, посвященного его философии.

Крупнейшей работой Рагхунатхи является «Дидхити», или комментарий к «Таттва-чинтамани» Гангешы. Довольно часто высказывалось мнение, что это — комментарий только к первым двум книгам «Таттва-чинтамани»⁷³, но у меня нет никаких сомнений в том, что в первоначальном виде он относился ко всему произведению Гангешы. Существуют списки рукописей «Дидхити» к двум последним книгам. Даже если исключить рукописи «Дидхити» к III и IV книгам «Таттва-чинтамани», которые упоминаются в каталоге Опперта как сомнительные, то остается «Шабда-кханда-широмани», включенная в Бенаресский каталог (стр. 178). На полях одного из Лейпцигских манускриптов — «Анамуна-дидхити» — имеется примечание, относящееся к «Шабдамани-дидхити»⁷⁴. Кроме того, известны небольшие работы Рагхунатхи, перечисленные

в *Cat. Cat.* и являющиеся фрагментами его комментария к IV книге «Таттва-чинтамани» — «Аканхша-вада», «Вакья-вада», «Йогьятва-рахасья» и «Апурва-вадарахасья» — коль скоро они принадлежат Рагхунатхе, а не Матхуре.

Ниже приводится список доступных мне наименований работ Рагхунатхи и дается их краткая характеристика. При этом, если вслед за указанием на публикацию иных дополнительных сведений нет, значит, по крайней мере одно издание содержится в перечне Эмено. При отсутствии ссылки на рукопись соответствующее указание можно найти в *Cat. Cat.*⁷⁵

1. «Таттва-чинтамани-дидхити». Комментарий к «Таттва-чинтамани» Гангешы. Названия рукописей, перечисленные в *Cat. Cat.* в разделе, относящемся к Рагхунатхе, представляют собой наименования различных частей этой работы. До настоящего времени сохранились книги I, II и фрагменты из книги IV (см. выше). Книга II публиковалась во многих изданиях.

2. «Акхьята-вада». Работа посвящена значениям глагольных суффиксов. В ней дается новая трактовка вопроса, рассматриваемого в разделе «Акхьята-вада» книги IV «Таттва-чинтамани». Опубликовано совместно с «Виврити» Матхуры и «Типпани» Рамачандры Ньяявагиши в качестве приложения к изданию «Таттва-чинтамани» в серии V.I., т. IV, ч. II, стр. 867—1009.

3. «Нан-вада», называемая также «Нан-артха-виврити» (*Cat. I.O.*, № 2049), «Нан-вьютпатти» (*Cat. Adyar. Lbi.*, стр. 182) и «Нан-вивека» (*Bhandarkar 1880*, № 116). Содержит анализ значений отрицания. Эта проблема Гангешей не рассматривалась. Опубликовано совместно с «Нан-вада-тикой» Гададхары в качестве приложения к изданию «Таттва-чинтамани» в серии V.I., т. IV, ч. II, стр. 1010—1086).

4. «Падартха-таттва-нирупана» известна комментаторам также под названием «Падартха-кхандана». Посвящена анализу категорий. Показана невозможность логического обоснования большинства традиционных определений категорий, вместо них предлагается несколько новых категорий. Главные положения критики категорий Рагхунатхой вкратце излагаются ниже (раздел II, § 13). Работа опубликована. В Париже хранится рукопись «Падартха-кхандана-типпани» (*Cat. Bibl. Nat.*, № 860), авторство которой приписывают самому Рагхунатхе, однако, по-видимому, без достаточных оснований, поскольку не зафиксировано ни одного случая, когда бы он комментировал собственные работы.

5. «Атма-таттва-вивека-дидхити», называемая также «Атма-таттва-вивека-виврити» (*Cat. Bomb Br.*, № 1013) и «Бауддхадхиккара-дидхити» (*Cat. I.O.*, № 589; *Mitra*, № 1327). Комментарий к знаменитому произведению Удаяны, опровергающему буддизм, Опубликован не полностью.

6. «Киранавали-пракаша-дидхити». Комментарий к комментарию Вардхаманы к составленному Удаяной обзору взглядов вайшейшиков на проблемы субстанции и качества. Обзор Удаяны фактически является комментарием к одному из разделов «Бхашьи» Прашастапады. Рагхунатха повторяет многие, если не все, суждения, уже высказанные им в «Падартха-таттва-нирупана», однако более подробно. Первая часть работы Рагхунатхи, посвященная субстанции, еще не опубликована, но известна в рукописи. См. Cat. Vik., где под № 1166 значится работа Рудры Ньяявачаспати «Дравья-киранавали-парикша», являющаяся подкомментарием к «Дравья-киранавали-парикша-виврити» Рагхунатхи. Вторая часть работы — о качестве — издана в «Princess of Wales Sagarwati Bhavana Sk. Series под № 38. Некоторые полезные замечания по поводу воззрений Рагхунатхи, нашедшие отражение в этой работе, содержатся в рукописи Калипады Таркачарьи «Бхашья-татпарья», относящейся к «Бхашье» Прашастапады.

7. «Дидхити». Комментарий к «Кхандана-кханда-кхадья» Шри Харши. Имеется только в рукописи. Выдержки из нее, опубликованные в полном издании «Кхандана-кханда-кхадья» в «Chowkhamba Sanskrit Series», столь незначительны, что вряд ли оправдывают помещение на титульном листе имени Рагхунатхи. Составленный Шри Рагхунатхой Бхаттачарьей комментарий «Кхандана-бхуша-мани» к «КХ. кх. кх», с которого началась публикация «Chowkhamba Sanskrit Series» (1-й выпуск — в 1936 г.), не принадлежит нашему Рагхунатхе, что доказывается расплывчатым характером сочинения.

8. «Ньяя-лилавати-пракаша-дидхити», или «Вистарика» — комментарий к «Лилавати-пракаша» Вардхаманы, в свою очередь являющийся комментарием к работе вайшешика Валлабхи «Ньяя-лилавати».

9. «Ньяя-лилавати-вибхути» (см. Hall, стр. 73). По-видимому, это не та работа, что обозначена под № 8, и относится она непосредственно к основному тексту, т. е. к сочинению Валлабхи.

10. Комментарий к «Ньяя-кусуманджали» Удаяны⁷⁶.

11. «Малимлуча-вивека». Трактат о дополнительных месяцах, о котором впервые упоминает Кантичандра Рарихи («Navadvīpa-Mahimā», стр. 59). Проф. Пханибхушана видел рукопись трактата. Поскольку посвяtitельный стих к нему идентичен с посвяtitельным стихом к «Таттва-чинтамани-дидхити», авторство Рагхунатхи не оставляет никаких сомнений. Ср. Phaṇibhūṣaṇa, Введение, где также говорится, что ссылка на эту работу содержится в «Маламаса-таттва» Рагхунанды.

Кроме перечисленных еще две работы в Cat. Cat. значатся под именем Рагхунатхи; я не могу ничего добавить по

поводу них, разве только привести заголовки: «Адвайтешвара-вада» (1), «Нийоджъянвая-нирупана» (2). О последней у Холла (Hall, стр. 193) сказано, что она посвящена мимансе.

Сатисчандра (Satischandra, стр. 465) упоминает также работу Рагхунатхи — «Аваччхедакатва-нирукти», представляющую собой, по его словам, «оригинальное сочинение». Однако в этом можно усомниться. «Аваччхедакатва-нирукти» — название раздела «Таттва-чинтамани-дидхити» (R. Jāg., 257). Указанная Бюлером в Cat. Cat. «Ниродха-лакшана» — это, по-видимому, ошибочно прочтенная «Виродха-лакшана», или «Вирудха-лакшана», тоже раздел «Таттва-чинтамани-дидхити» (R. Jāg., II, 1123).

Согласно традиции, Рагхунатха обладал поэтическим талантом. Возможно, это утверждение не лишено оснований, поскольку он сам называет себя «поэтом Рагхунатхой»⁷⁷. В «Navadvīpa-mahimā» ему приписываются четыре стихотворения, в которых он похваляется этой своей способностью. Во втором из них сообщается, что человек, постигший трудную, но стройную логику «Чинтамани», невольно становится поэтом, подобно тому как Шива, выпив океан яду, приобрел способность свободно играть со змеями⁷⁸. Быть может, Рагхунатха и в самом деле писал стихи, однако в рукописях они не сохранились.

4. Матхуранатха Таркавагиша (ок. 1600 — ок. 1675 г.)

Матхуранатха — один из самых плодовитых авторов навьяньяи. Его сочинения по объему по крайней мере раз в двадцать превосходят написанное Рагхунатхой. Но в отличие от более древнего автора традиция сохранила о нем лишь очень незначительные сведения, причем все они либо сомнительны, либо неверны. И в том нет ничего удивительного. Матхура был трудолюбивым, я бы даже сказал — дотошным ученым, т. е. человеком, который вряд ли мог произвести сильное впечатление на современников.

Несмотря на отсутствие данных традиции, годы жизни Матхуры устанавливаются довольно точно. Известно, что он был сыном Рама Таркаланкара; он сам говорит об этом в двестишии, предворяющем каждую книгу его комментария к «Таттва-чинтамани»:

Изкий поклон моему отцу, Шри Рама Таркаланкару,
сотворившему мост через воды ньяи,
Славному во всех трех мирах, единственному источнику
моих успехов...⁷⁹

Более чем вероятно, что Рама был не только отцом, но и учителем Матхуры. Чакравари приводит в качестве доказательства следующий стих:

К ногам учителя мира, Шри Рама, склоняясь главою .
Сын его, Матхуранатха, хочет «Дидхити» дать разъяснение⁸⁰.

Судя по сказанному, Рама, должно быть, являлся видным наыйиком. Отец его, по всей вероятности, также был наыйиком⁸¹. Следовательно, Матхура принадлежал к потомственным логикам, что было весьма обычным для того времени. Единственная сохранившаяся работа его отца, насколько мне известно, — комментарий к «Атма-таттва-вивека-дидхити» Рагхунатхи, недавно опубликованный в издании «Атма-таттва-вивека» в серии Чаукхамба (вып. № 63, 1925) вместе со многими другими комментариями к этому произведению. Названному комментарию предпосылается такой посвятельный стих:

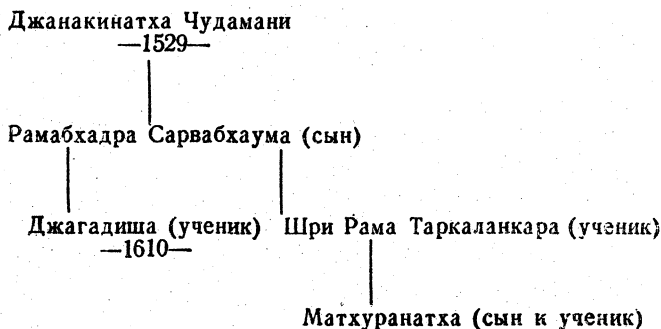
Припадая к ногам достославного Кришны с поклоном,
В сердце память храня об истине слов Сарвабхаумы,
Комментарий автора «Дидхити» на «Атма-таттва-вивека»,
Чтоб порадовать мудрых, Шри Рама здесь разъясняет⁸².

Стих содержит указание на то, что Рама был учеником Сарвабхаумы⁸³. Этот Сарвабхаума, по-моему, — не кто иной, как Рамабhadра Сарвабхаума⁸⁴, автор комментария к Р.Т.Н., носящего название «Падартха-кхандана-типани», и комментария к «Ньяя-сиддханта-манджари» Джанакинатхи, озаглавленного «Сиддханта-сара»⁸⁵.

Рамабhadра Сарвабхаума⁸⁶, по всей вероятности, был учителем Джагадиши⁸⁷, который также называет его просто Сарвабхаума⁸⁸, а возможно, и Джаярамы Ньяяпанчананы⁸⁹. Он говорит о себе, как о сыне Чудамани⁹⁰, имея при этом в виду, очевидно, Джанакинатха Чудамани⁹¹.

Время жизни Рамабhadры Сарвабхаумы можно приблизительно установить по годам жизни его отца и его ученика Джагадиши. Харипрасад Шастри опубликовал сообщение («Ind. Ant.», 1912, стр. 9) о найденном им письме Махеша Тхаккура к Таркика-Чудамани, на котором проставлен 1529 г.⁹² С другой стороны, известно, что Джагадиша преподавал логику около 1610 г., поскольку сохранилась датированная рукопись с указанием, что ее переписал Вишнушарман, «преданный ученик Джагадиши»⁹³.

Все эти сведения нетрудно свести в такую схему:

Линия преемственности от Джанакинатхи к Матхуре объясняет поразительное сходство между отрывком из «Ньяя-сиддханта-манджари» Джанакинатхи и известным замечанием Матхуры. Первый утверждает, что размышление, предшествующее доказательству, не может считаться инструментальной причиной доказательства, так как в противном случае для его осуществления потребовалась бы дополнительная операция: «so 'yam parāmarśo nānumiteḥ karaṇam vyāparābhāvāt» («Ньяя-сиддханта-манджари», «The Pandit», 1908, стр. 92); объяснение этой теории приводится ниже (см. раздел II, § 4 и 5). Матхура, комментируя определение доказательства, даваемое Гангешей (Т.С., II, 19), высказывает такое же мнение и обосновывает его совершенно идентичными доводами: «parāmarśasya vyāparābhāvenākaraṇatvāt».

Отмеченный параллелизм приобретает особое значение не столько из-за оригинальности отстаиваемой им теории, сколько ввиду того обстоятельства, что Матхура, применяя ее к указанному отрывку из Гангешы⁹⁴, вольно обращается с текстом, придавая ему смысл, который едва ли можно считать допустимым и который несомненно был бы отвергнут Рагхунатхой. Предвзятое отношение Матхуры нетрудно объяснить, если учесть, что он обучался логике в школе, восходящей к традиции Джанакинатхи.

Даты самых ранних из сохранившихся рукописей Матхуры определенно указывают на то, что он должен быть на одно поколение младше Джагадиши. Самая ранняя рукопись, о которой мне известно, появилась в 1652 г.⁹⁵ Чакраварти датирует самую раннюю его рукопись 1675 г. (стр. 278).

Стиль работ Матхуры также указывает на то, что он принадлежит к более молодому поколению, чем Джагадиша. Использование длинных словосочетаний, тщательность анализа, обстоятельность аргументации делают его стиль несколько тяжеловесным по сравнению со стилем Джагадиши. Его сочинения намного превосходят произведения Рагхунатхи по качеству проработки, хотя и уступают трудам Гададхары⁹⁶.

На основании вышесказанного допустимо предположение, что Матхура жил в XVII столетии, причем если в качестве крайних дат его жизни принять 1600 и 1675 гг., ошибиться можно не более чем на 25 лет.

Пожалуй, лучше всего характеризует недостоверность традиционных сведений о Матхуре сама история их появления. Например, определенно известно, что «Таттва-чинтамани-рахасья» — одно из последних произведений Матхуры, поскольку в ней он ссылается на свою работу «Гуна-киранавали-пракашарахасья» (V.P.R., 14, 7), а также, по всей вероятности, на другую работу, «Дидхити-рахасья» (см. Chakravartī, стр. 277). В Бенгале широко пользуются Т.С.Р., между тем как «Дидхити-рахасья» ценится мало: считается, что комментарии

Джагадиши, Гададхары и других намного лучше. Этот факт был интерпретирован в свете традиционной преемственности учения наядиков: Пакшадхара — Рагхунатха — Матхура⁹⁷, и породил легенду, о которой сообщают Митра и Кантичандра Рарихи⁹⁸. Легенда рассказывает, что Рама был учеником Рагхунатхи, но тот пренебрегал им и отдавал предпочтение другому, отъявленному тупице. Рама затаил обиду и поклялся отомстить. Позднее его сын Матхура также обучался у Рагхунатхи, проявил блестящие способности и, не закончив еще обучения, начал писать комментарий к «Дидхити». Рама, восхищенный способностями своего сына, уговорил его бросить «Дидхити» и прокомментировать самое «Таттва-чинтамани», причем выполнить это настолько безупречно, чтобы впредь никто не читал «Дидхити».

Несколько менее фантастической выглядит история, излагаемая в «Навадвипа-махима» (стр. 68). Матхура сам обучал своего сына, но умер, не завершив курса. Сын не пожелал обратиться к другому учителю и решил по совету матери выучиться самостоятельно, проштудировав все сочинения своего покойного отца. Так он и поступил и позднее поражал всех современников фундаментальным знанием ньяи. Это сообщение традиции есть не что иное, как расширенный пересказ посвяжительного стиха, которым часто пользовался Матхура:

Ученые-логики танцуют по правилам,
Но тот, кто умен, этих правил не зная,
Может и сам приступить к обучению,
Лишь изучив моих книг содержание⁹⁹.

Кроме дат жизни, ничего определенного о Матхуре не известно, разве лишь то, что он, как и его отец, был вишнуитом. Само имя его указывает на вишнуитские убеждения, но лучше всего о них говорит следующий посвяжительный стих:

Пусть царствует тот, чья кожа темна, словно тучи,
Кто пальцами водит по флейте, губой ее нижней
Прижав, веселя милovidных пастушек¹⁰⁰.
Я славлю пастушек любовника, живущего на Вриндаване,
Чьи очи чисты и лучисты, кто обликом туче подобен¹⁰¹.

Лаконичные обращения к Шиве, Парвати или Кали, которые встречаются иногда в рукописях Матхуры¹⁰², по-видимому, прибавлены позднейшими переписчиками.

V.P.R., текст и перевод которой публикуются в разделе IV, на мой взгляд, служит прекрасным образцом творчества Матхуры. Она обнаруживает как его достоинства, так и недостатки. Главным достоинством стиля Матхуры является ясность. Даже самый сложный предмет он умеет преподавать

и изложить таким образом, что все становится понятным. Не переставая призывать к краткости¹⁰³, он тем не менее охотно вставлял лишнее слово или параграф, если, по его мнению, они способствовали уяснению смысла. Несомненно, это придает его работам большую педагогическую ценность и объясняет широкую популярность в Бенгале «Вьяпти-панчака-рахасья» и «Сиддханта-рахасья», используемых в качестве введения в навья-ньяю.

Однако подобное достоинство снижается докучным педантизмом нашего автора. Доказав основную мысль, он начинает мусолить аргументы до бесконечности, а при анализе определений уделяет плохим определениям столько же внимания, сколько хорошим. Например, основной принцип, отстаиваемый им, заключается в том, что отсутствие нельзя разделить на виды в зависимости от его местоположения (см. раздел II, § 38, и IV, § 89, прим. 1—4). Однако, комментируя второе определение Гангешы, которое ему следует отвергнуть, поскольку оно противоречит данному принципу, Матхура с величайшим тщанием пытается предположить разные условия, при которых такого рода разделение было бы осуществимым. Разумеется, эти предположения являются чистыми софизмами, и он бьется над решением проблем, ложных в своем исходном пункте.

В некоторых случаях софизмы, к которым прибегает Матхура, можно считать оправданными, поскольку они способствуют логической тренировке, полезной начинающим, но зачастую он так злоупотребляет ими, что при всем желании пользу усмотреть невозможно. Так, в «Вьяпти-панчака-рахасья» обычно не проводится различие между «местом *x*» и «обладанием *x*» (см. раздел II, § 10 и 18), но Матхура, оказавшись не в состоянии найти иного различия между третьим и пятым определениями Гангешы, в конце концов признал это различие для данного случая в качестве истинного.

Чтобы привести полную библиографию его работ, нужно было бы изучить сотни рукописей в Индии и в Европе. Большинство работ Матхуры являются комментариями к следующим четырем произведениям: «Лилавати» Валлабхи, «Киранавали» Удаяны, «Атама-таттва-вивека» того же автора и «Таттва-чинтамани» Гангешы. Матхура имел обыкновение комментировать не только исходный, или основной, текст, но также комментарии других авторов к этому тексту. Обычно отдельная рукопись содержит лишь одну главу или раздел той или иной книги, поэтому, даже располагая подробным описанием такой рукописи, невозможно сказать с уверенностью, к какой именно работе она принадлежит. Сочинение под названием «Сиддханта-рахасья» (на тему «Сиддханта-лакшаны», входящей во вторую часть «Таттва-чинтамани») может являться либо частью комментария Матхуры к самой «Таттва-

чинтамани», либо его комментарием к «Алоке» Пакшадхары, или к «Дидхити» Рагхунатхи. Возможно даже, что это название относится к самостоятельной работе.

Ввиду сказанного приводимый ниже список работ Матхуры не может претендовать на исчерпывающую полноту. В описаниях даны лишь самые необходимые сведения, которые позволяют отождествить тот или иной манускрипт; во многих случаях дополнительные сведения можно почерпнуть в Cat. Cat. Из публикаций мне довелось видеть лишь № 8 и 9 и начало № 7. Кроме того, был издан раздел «Вьяпти-панчака» из № 10.

*А. Работы, базирующиеся
на «Ньяя-лилавати» Валлабхи*

1. «Ньяя-лилавати-рахасья». Комментарий к основному тексту (Mitra, № 1077, 1202).
2. «Ньяя-лилавати-пракаша-рахасья». Комментарий к комментарию Вардхаманы на основной текст (Mitra, № 1201).
3. «Ньяя-лилавати-пракаша-дидхити-рахасья». Комментарий к комментарию Рагхунатхи на комментарий Вардхаманы к основному тексту (Mitra, № 1089).

*Б. Работы, базирующиеся
на «Киранавали» Удаяны*

4. «Киранавали-рахасья». Комментарий к основному тексту. Мне удалось обнаружить только вторую половину этой работы («Гуна-рахасья»), да и то в одной рукописи (Cat. I. O., № 5069).
5. «Киранавали-пракаша-рахасья». Комментарий к комментарию Вардхаманы на основной текст (Mitra, № 2124). По видимому, сохранилась только вторая часть («Гуна-рахасья»). В ссылках Cat. Cat. отсутствуют какие-либо указания на «Дравья-рахасья».
6. «Киранавали-дидхити-рахасья». Комментарий к комментарию Рагхунатхи на комментарий Вардхаманы к основному тексту (Cat. Jam. & Kash., стр. 143). Первая половина является редкостью (Cat. Cat. упоминает только одну неполную рукопись).

*В. Комментарий к «Атма-таттва-вивека»
Удаяны*

7. «Бауддха-дхиккара-виврити». Публикация этого текста была начата в издании «Атма-таттва-вивека» в серии В. I. (1907), однако издание осталось незавершенным.

*Г. Работы, базирующиеся
на «Таттва-чинтамани» Гангешы*

8. «Таттва-чинтамани-рахасья». Комментарий к основному тексту. Большая часть наименований сочинений, приписываемых Матхуре в *Cat. Cat.*, представляет собой рукописные тексты разделов этой огромной работы. Значительная их часть опубликована в изданиях В.И. Кроме того, имеется несколько печатных изданий отдельных частей книги II (некоторые из них — на языке телугу; но мне они не встречались). Из них особо ценны изданные в Каши «Вьяпти-панчака-рахасья» и «Сиддханта-лакшана-рахасья» — благодаря современным суперкомментариям к ним Шивадатты Мишры.

9. «Таттва-чинтамани-алока-рахасья». Комментарий к комментарию Пакшадхары на «Таттва-чинтамани». Рукописи книги IV широко распространены, книга I встречается менее часто, а книга II — редкость (я обнаружил только три фрагмента: *Cat. I. O.*, 1935—36 и *Cat. Berlin*, стр. 201, № 671, причем последний сомнителен). Книга III утеряна.

10. «Таттва-чинтамани-дидхити-рахасья». Комментарий к комментарию Рагхунатхи на «Таттва-чинтамани». Почти все рукописи относятся к книге II. Однако в *Cat. Jam. & Kash.* приводятся несколько фрагментов из книг I и IV. Раздел «Вьяпти-панчака» был переведен на бенгальский язык Раджендранатхом Гхосе и издан в серии «*Lotus Library*» (Калькутта, 1915).

Д. Прочие комментарии к Рагхунатхе

11. «Акхьята-вада-виврити». Комментарий к «Акхьята-вада» Рагхунатхи. Опубликован в издании Т.С., IV, стр. 867—1006.

12. «Нан-вада-вьякхья». Комментарий к «Нан-вада» Рагхунатхи (*Cat. Jam. & Kash.*, стр. 147).

Е. Разные работы

13. «Аюр-дая-бхавана». Упоминается только у Митры (*Mitra*, № 2241). По всей вероятности, представляет собой фрагмент комментария к «Аюр-дая», книге по астрологии, посвященный вопросу вычисления продолжительности человеческой жизни. Часть «Аюр-дая», очевидно, та самая, которую комментирует Матхура, хранится в Лейпцигском собрании манускриптов (*Cat. Leipzig*, 1086). *Cat. Tanjore* содержит ссылку на другой комментарий (№ 11316—19) к этой же работе.

14. «Паниграхадикритья-вивека». Упоминается только у Митры (*Mitra*, IX, № 3164) «Собрание правил брачной цере-

монии с указанием на наиболее благоприятные астрологические сочетания, которые должны ей сопутствовать».

15. «Акаша-вада».

16. «Акаша-кхандана».

Напрашивается мысль отнести 16 к комментарию на Р.Т.Н. Рагхунатхи (см. Р.Т.Н., стр. 3—10), однако как 16, так и 15 могут относиться к «Дравья-киранавали». По поводу 15 Cat. Cat. указывает только на Холла (Hall, стр. 5), по поводу 16—лишь на Cat. Guj., но, по-видимому, существуют и другие списки 16 (а именно в Cat. I. O., № 2132 и 2133, хотя и без имени автора).

Возможно, что розыск в библиотеках Бенареса и Калькутты поможет обнаружить еще некоторые разделы, значащиеся в приведенном выше списке утерянными.

АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ТЕОРИЙ И МЕТОДОВ ЛОГИКИ НАВЬЯ-НЬЯ

1. «Vyāpti-panśaka»

«Vyāpti-panśaka» — это список из пяти определений, которые рассматриваются во второй книге «Таттва-чинтамани» Гангешы. За этими определениями последовала серия других, предшествовавших формулировке «siddhānta-lakṣaṇa», или окончательного определения «проникновения» (vyāpti). Большинство навья-наяйников комментировало их, пытаясь возможно точнее передать смысл и обосновать их применимость в предельно большем числе случаев. Однако любое определение в известных ситуациях оказывалось недостаточным.

2. «Проникаемое» (vyāru), «проникающее» (vyāra), «проникновение» (vyāpti)¹

Глагол vyāpnoti означает буквально «заполнять целиком» или «пропитывать», подобно тому как вода заполняет кувшин или соль растворяется в море. Причастие vyārua буквально означает «проникаемое» и приблизительно — «нечто заполненное» или «нечто, целиком содержащее в себе что-либо», как кувшин или море. Vyāra означает «проникающее», т. е. воду в первом случае или соль во втором. Vyāpti, или «проникновение», — это ситуация или результат отношения «проникаемого» и «проникающего».

Грубо говоря, в навья-ньяе один «объект» считается «проникающим» другой, если он наблюдается во всех случаях, когда наблюдается другой, или же в большем числе случаев. Рассмотрим пример с огнем и дымом. Всюду, где есть дым, есть и огонь. Следовательно, дым «проникаем» огнем. Но огонь бывает и без дыма, например в раскаленном железе. Огонь «не проникаем» дымом. Все подобные случаи удобно изобразить при помощи двух концентрических кругов: больший круг объемлет меньший, меньший — объемлется большим. Если оба круга совпадают, то можно с равным основанием сказать одно «проникает» другое или «проникаемо» им.

Мнимое противоречие приведенному объяснению содержится в высказывании о том, что 50 рупий «проникают» 100 рупий. Атхалье (Āthalye, T.S., стр. 246) дает следующее толкование: 50 рупий встречаются чаще, чем 100, поскольку, располагая 100 рупиями, мы тем самым располагаем 50, но не наоборот. Здесь каждый «случай» предполагает наличие определенной суммы денег, а не отдельных монет, составляющих эту сумму².

На важность и трудность проблемы точного определения «проникновения» указывает факт существования множества определений, даваемых наыйяками этому термину, а также огромной массы толкований к определениям. В «Ньяя-коша» приводится список 21 неверных и 13 приемлемых определений «проникновения». Многие из них связаны с именами отдельных логиков; так, три приписывают Чакраварти, три — Прагалбхе и три — Мишре³. При изучении их разделяли на группы — *vyāpti-rajśaka*, «львиные» и «тигровые» определения, 14 определений *vyādhikaraṇa-prakaraṇa*⁴ и т. д. Существуют сотни рукописных комментариев к этим специфическим группам.

В настоящем вступительном курсе я не ставлю своей задачей детальный анализ определений; моя цель — объяснение основных идей и приемов, которые использовались в предлагаемых читателю текстах для предварительной формулировки понятия «проникновения». Значение его в логике навья-ньяя определяется той исключительной ролью, которую оно играет в эпистемологии ньяя. Поэтому наш анализ следует начать с изложения некоторых основных эпистемологических теорий этой школы.

3. Четыре типа истинного знания. Способы его достижения

Следуя традиции Старой школы, навья-ньяя признает четыре основных типа истинного знания (*pramā* или *pramiti*⁵): восприятие (*pratyakṣa* — здесь означает то, что воспринимается), логический вывод (*anumiti* — то, что выводится), отождествление (*uramiti* — то, что отождествляется)⁶ и вербальное знание (*śabda-ja-jñāna*, или *sābda-bodha*). Для получения каждого из этих типов истинного знания существует особый инструмент (*pramāṇa*): «инструмент восприятия» (*pratyakṣa-karaṇa*), «инструмент логического вывода» (*anumiti-karaṇa*, или *anumāna*), «инструмент отождествления» (*uramāna*) и «инструмент вербального знания» (*śabda* — «слово»).

Все авторы навья-ньяя считают, что логический вывод (т. е. то, что выводится) получается прямо или косвенно в результате знания «проникновения». Заметим, что «проникно-

вание» само по себе вовсе не предполагалось причиной доказательства. Именно благодаря основной роли «проникновения» в процессе доказательства это понятие приобрело в навья-ньяе особую важность. Относительно того, каким образом знание «проникновения» приводит к получению доказательства, имелись две теории, а именно: теория Гангешы и так называемая модифицированная теория.

4. Процесс логического вывода. Теория Гангешы

Всякий не вечный объект выступает результатом комплекса причин⁷ и их оперативного воздействия (*vyāpāra*). Комплекс причин включает такие универсальные причины, как бог и время, а также некоторые специальные причины, которые разделяются на существенные (*samavāyi-kāraṇa*), несущественные, т. е. косвенные (*asamavāyi-kāraṇa*), и на инструментальные (*nimitta-kāraṇa* или просто *kāraṇa*.) Инструментальной причиной горшка служит гончарный прут⁸, а оперативным воздействием при этом будет взаимодействие прута с глиной⁹. В другом примере топор служит инструментальной причиной падения дерева, но работа топора при его взаимодействии с деревом считается оперативным воздействием.

Человеческое знание неечно, и, подобно всем прочим не вечным вещам, оно должно быть результатом причин и их оперативного воздействия. Анализируя каждый из четырех процессов, приводящих к получению истинного знания, можно определить порождающую его инструментальную причину и охарактеризовать способ действия этого инструмента. Гангеша и его близкий последователь Вишванатха анализируют процесс логического вывода следующим образом.

Инструментальной причиной логического вывода является знание «проникновения» (*vyāpti-jñāna*, Т.С., II, 550; «*vyāpti-dhī*», Вh. P., 66). В случае вывода: «*parvato vahnimān dhūmāt*» — «На горе огонь [ввиду] дыма»¹⁰, инструментальное знание должно быть представлено в форме: «*vahni-vyāpūyo dhūmaḥ*» — «проникаемый огнем дым».

Эта операция называется «усмотрение» (*parāmarśa*) и может быть определена как знание наличия в *raḥṣa* (меньший термин) того, что специфицируется посредством «проникновения»¹¹. В приведенном выше примере доказательства оперативное знание (т. е. знание оперативного воздействия) должно быть представлено в форме *vahni-vyāpūya-dhūmavān parvataḥ* — «[вот] гора, обладающая дымом, проникаемым огнем».

Результатом действия инструментальной и оперативной причин является логический вывод. В приведенном выше примере вывод, строго говоря, должен принять форму: *parvato*

vahnīmān — «На горе огонь». В специальных трактатах и при развернутой форме устного дедуцирования обычно принято к строгой формулировке вывода прибавлять одно слово, как бы суммирующее его предыдущие стадии, т. е. parvato vahnīmān dhūmāt — «На горе огонь [ввиду] дыма»¹².

Приверженцами теории Гангеши были Матхура, Вишванатха, Лаугакши Бхаскара (Т.К., стр. 10, строки 24—26) и другие авторы¹³.

5. Процесс логического вывода. Модифицированная теория

Известным признанием в навья-ньяе пользовалась также модифицированная теория процесса логического вывода. Я ограничусь только краткой характеристикой ее, поскольку она изложена у Атхалье¹⁴ и поскольку не нашла отражения в текстах, приведенных в настоящем издании.

Согласно этой теории, инструментальная причина отличается от всех причин тем, что лишь она одна непосредственно связана с результатом¹⁵. Другими словами, то, что в обычной теории рассматривается как действие инструментальной причины, в модифицированной теории считается самой инструментальной причиной. Основанием для распространения данной теории, по-видимому, послужила затруднительность представления этой операции (т. е. действия, относящегося к третьей категории ньяи) как чего-то, существующего независимо от своей субстанции. Напомним, что знание считалось не субстанцией, а качеством, поскольку оно присуще душе. Модифицированная теория, по всей вероятности, была известна еще до Гангеши, во всяком случае ее придерживается автор S.P. Наиболее знаменитым поборником этой теории был Рагхунатха¹⁶.

6. Замечание об использовании термина апитāпа

Можно порекомендовать читателю отложить изучение этого параграфа до тех пор, пока он не ознакомится с содержанием всего раздела II. Однако автор счел нужным поместить его здесь, поскольку двусмысленность термина апитāпа требует знания хотя бы самых общих положений теории логического вывода ньяи.

В навья-ньяе апитāпа используется в более строгом смысле, чем у логиков «старой» школы. Вообще говоря, навья-наяйики понимают под этим инструментальную причину вывода. Однако смысл данного понятия в терминологии того или иного

автора зависит от того, какой теории процесса логического вывода он придерживается.

Последователи Гангеши понимают под *апумāна* знание проникновения, в то время как сторонники модифицированной теории называют так только операцию логического вывода. Использование в первом смысле характерно для Матхуры, Вишванатхи и Бхаскары¹⁷, а во втором смысле — для Шивадиты, Рагхунатхи, Аннамбхатты и др.¹⁸.

В этой традиции различного употребления термина имеется всего одно любопытное исключение — позиция самого Гангеши. Определение вывода у него явно двусмысленно, однако я при переводе придерживаюсь следующей интерпретации¹⁹: «Вывод — это знание, возникающее из прежнего знания природы меньшего термина, как она специфицируется проникновением; инструментальной причиной его является *апумāна*, т. е. усмотрение среднего термина, но не усмотренный средний термин»²⁰. Я понимаю это так, что *апумāна* — одновременно и инструментальная причина, и операция. Я не настаиваю на своей интерпретации, хотя ей присуще то достоинство, что она близка к пониманию *апумāна* Уддьотакарой, представителем «старой» школы, который считает (N.V., I, стр. 143, строка 2 и далее), что *апумāна* может включать все каузальные элементы, ведущие к доказательству, однако наиболее характерным для нее является последний из них — «усмотрение» (*paṅāmarśa*) ввиду его особой важности²¹. Понимание Гангешей *апумāна*, если я не ошибаюсь, отличается от принятого у других представителей *навья-ньяи* попросту тем, что оно ближе к взглядам «старой» школы.

Термин *апумāна* употреблялся в «старой» школе еще и в других смыслах. Все они редко встречаются в *навья-ньяе*. Однако в понятиях *svārthānumāna* (вывод для себя) и *parārthānumāna* (вывод для других) *апумāна* скорее всего означает акт вывода (как он определен в N. Bh., I.1.3).

7. Два силлогизма.

Приписывание, утверждение и знание

Современная западная логика проводит различие между утверждением и приписыванием. Приписывание просто означает соотношение предиката с субъектом или отношения с его членами, например: «богатый Джон» или «Джон, отец Уильяма», между тем как утверждение (высказывание, или пропозиция) определяет предикацию или отношение как некоторый факт; например: «Джон богат» или «Джон — отец Уильяма». Индийская логика с древнейших времен также различает эти два понятия.

Ниже приводится классический пример силлогизма «старой» ньяи. Он состоит из пяти членов.

- (1) Тезис (pratijñā)*): «На горе огонь».
- (2) Основание (hetu): «[ввиду] дыма».
- (3) Пример (udāharaṇa): «Где дым, там и огонь, как в очаге, и т. п.».
- (4) Применение (урапау): «Также и здесь».
- (5) Заключение (nigamaṇa): «Следовательно, так и есть»²².

Поскольку в санскритских конструкциях отсутствуют личные глаголы, то без пояснений древних авторов вряд ли можно было догадаться, что два первых члена такого силлогизма являются приписываниями, а три других — утверждениями. Но в N. Bh. (I.1.39) ясно сказано, что «тезис» (pratijñā) «есть только нечто возможное» (sambhavas tāvat-pratijñā). Именно этим он отличается от заключения. Точно так же и четвертый член понимался именно как утверждение, поскольку без (4) невозможно утверждать (5)²³.

Поскольку общение между людьми требует, чтобы идеи формулировались в виде утверждений, то навья-ньяя продолжает пользоваться этим традиционным пятичленным силлогизмом, если бывает нужно обосновать точку зрения в споре (parārthānumāna — «вывод для других»). Однако утверждение не является обязательным в случае вывода для себя (svārthānumāna), а именно этот тип доказательства преимущественно и интересует авторов навья-ньяи.

«Вывод для себя» представляется трехэтапным процессом, уже описанным выше, т. е. включает знание проникновения, оперативное знание и знание вывода. Этот трехэтапный процесс можно считать чем-то вроде неассерторического силлогизма. Об истинности или модальности его стадий трудно высказаться однозначно. Они не являются простыми фактами приписывания, поскольку логический вывод, даже если он делается для себя, все же является истинностной формой знания, а истинное знание (pramā) определяется как знание, соответствующее тому, каков мир на самом деле. Но они не являются и утверждениями, поскольку иначе, по мнению наййиков, не было бы нужды прибегать к помощи пятичленного силлогизма. Для наййика проникновения, «операции» и «выводы» суть просто «знания» (jñānāni), и я буду пользоваться этим термином, хотя он выглядит несколько неуклюже. При переводе я постараюсь изображать их конструкциями без глагола в личной форме (например, «гора, обладающая огнем») или такими, где он может быть опущен (например, «гора — место огня»). В крайнем случае глаголы будут заключены в скобки²⁴.

Считается, что знание может быть составным элементом одного из 24 типов качества. Ему приписывается двойная

роль. Оно содержит или формирует представления о внешнем мире, которые извлекаются из контакта органа чувствования и объекта или же из прошлого знания, и в то же время оно неотъемлемо присуще нашему «я» или душе (ātma), содержится в них. «Я» — это нечто вроде зеркала, на котором вспыхивают образы. Знание есть очертание или цельный образ индивидуальной картины. Элементы картины составляют содержание знания, являющееся репрезентацией внешнего мира. «Я» не судит об истинности или ложности этих картин. Если в образующем их механизме нет никакого изъяна, они считаются истинными знаниями, в противном случае они ложны.

Если различие между приписыванием и утверждением имеет непосредственное значение для логики, то различие между утверждением и знанием — лишь косвенное. Во-первых, следует учитывать психологический факт: труднее сознательно придерживаться ложного знания, чем сделать ложное утверждение. Это можно выразить в такой форме: труднее сознательно дезинформировать себя, чем дезинформировать других. Учитывая сказанное, нетрудно понять, почему наяйки в силлогизмах «для себя» отказываются оперировать с «небесными лотосами» или с «невечными душами».

Необходимо также учесть, что наяйки были крайними реалистами. Если на одной из предварительных ступеней доказательства появится ложное знание, то и окончательный результат будет ложным. Будучи реалистом, наяйик не может удовлетвориться формальной правильностью самого процесса доказательства, ибо что за польза от этого, если ошибочен конечный результат? Неассерторический силлогизм служит свидетельством реалистической концепции ньяи. Подобного рода концепция и связанный с ней метод ограничивают область исследования, попадающую в сферу логического анализа. Западная логика — и классическая, и современная — не страдает таким предубеждением против ложных высказываний²⁵.

8. Условия, необходимые для осуществления логической операции

Согласно теории, изложенной в § 4, знание проникновения является инструментальной причиной вывода. Но это вовсе не означает, что оно непременно создает вывод, как не всегда наличие топора заставляет дерево падать. Для этого необходимо осуществить логическую операцию, которая возможна только при определенных условиях. Глядя на дымящуюся гору, вовсе не обязательно во всех случаях предпринимать доказательство наличия на ней огня.

Интересная формулировка условий, необходимых для осуществления логического вывода, приводится в S.M.²⁶. Там сказано, что к выводу приходится прибегать лишь тогда, когда отсутствует комбинация знания ответа (siddhi) с нежеланием его получить (~siśādhayīṣā)²⁷. При такой условии знание проникновения всегда приводит к выводу.

9. Термины логического вывода: *s*, *h*, *p*,

Во всех случаях, когда вывод осуществляется в развернутом виде (т. е. с характерным прибавлением, о котором говорилось в § 4), он содержит три термина: «садхья» (далее обозначается *s*) — то, что требуется доказать, т. е. больший термин; «хету» (*h*) — основание (называемое также liṅga, или «знак»), т. е. средний термин; и «пакша» (*p*) — то, о чем известно, что если в нем пребывает *h*, то можно сделать вывод о пребывании в нем *s*, — это меньший термин²⁸. В нашем классическом примере огонь — *s*, дым — *h*, гора — *p*.

10. Форма логического вывода

Обычная форма логического вывода, если использовать обозначения из § 9, выглядит следующим образом: «*p*, *s* + притяжательный суффикс, *h* в отложительном падеже». «Ввиду *h*» есть сокращенная форма выражения: «поскольку это обладает *h*, проникаемым *s*» (см. § 4, прим. 12). Иногда *p*, будучи ясным из контекста, не указывается, как в примерах (б) и (в).

Примеры:

(а) parvato vahnī-mān dhūmāt
гора, обладающая огнем, [ввиду] дыма,

т. е. «На горе огонь, поскольку там дым».

(б) sattā-vān jāteḥ
[Это] реально, [ввиду] родового характера,

т. е. «Это обладает реальностью ввиду его родового характера».

(в) kapī-samyogī etad-vṛkṣatvāt
«обладание-контакта-с-обезьяной» (ввиду «это-дерев-ности»,

т. е. «Этому [присущ] контакт с обезьяной, поскольку ему присуща 'это-дерев-ность'» (т. е. потому что это дерево).

Вместо притяжательного суффикса в качестве синонима можно употребить термин «место» (adhikaraṇa).

11. Вариант нормальной формы логического вывода

Известен еще один вариант нормальной формулировки вывода. Он используется в тех случаях, когда наличие объекта выводится из его определения:

ṛṭhivī
[Это] земля

gandha-vat-tvāt
[поскольку это] — место запаха
(обладает «запахомместилищностью»)

Здесь *s* обозначает не землю, но «земляность» (родовая характеристика, общая для всех земляных объектов). Фактически мы имеем здесь сокращенную форму следующего выражения:

ṛṭhivī tva-vān
[Этому] присуща земляность,
(досл. «[Это] — обладатель
земляности»)

gandha-vat-tvāt
[поскольку] оно есть место запаха
(досл. «обладает запахом»)

«Обладание земляностью» выражено в более простой форме — «земля», поскольку эти два понятия являются синонимами, согласно правилу: «tat-tva-vat tad eva» — «место свойства, характерного для *x*, есть *x*». При двучленных выражениях доказательства, когда за первым существительным не следует притяжательный суффикс, нужно следить за тем, чтобы не принять это существительное за *s*.

12. Обозначение терминов и отношений

Проникновение содержит в явной форме два термина *s* и *h*. Для определения отношения между ними, очевидно, необходимо придать каждому точное значение. Понятно также, что отношение *s* и *h* существует не в пустоте. Объект становится *sādhyā* или *hetu*, только если он связан с другими объектами. Необходимо дать этим связям особые обозначения. Например, знание того, что *sādhyā* находится в отношении контакта, весьма отлично от знания, что *sādhyā* находится в отношении присущности обладания. Если *s* — «огонь», он может быть в контакте с горой или с очагом, но не находится в отношении обязательной присущности (обладания) ни одному из них. Очевидно, отношение между *s* и *h* будет различным в зависимости от характера отношения между *s* и его местом.

Термины и отношения обозначаются в навья-ньяе в основном при помощи четырех средств: спецификаторов — определителей (*viśeṣaṇa*), абстрактных свойств (*dharma*), попарных «обнаруживателей» — «обнаруживаемых» (*nirūpaka* — *nirūpita*)

и ограничителей (avacchedaka). Для понимания сущности спецификаторов необходимо вкратце ознакомиться с системой категорий ньяи и с теорией определенного и неопределенного знания.

13. Категории (padārtha)

Сторонники традиционных взглядов в навья-ньяе относят каждую сущность во вселенной к одной из следующих семи категорий:

(1) *Субстанция* (dravya). Традиция насчитывает девять субстанций: земля, вода, tejas (тепло, свет, огонь, жар), ветер, akāśa (также называется: kha, vyoma, gaganā — все эти слова служат для обозначения «эфира» или неба), время, dik (пространство, направление), ātma (самость, душа) и разум (manas) (Вх.Р., 3). Субстанция — единственная категория, члены которой могут вступать в отношение контакта. Субстанции пребывают в их составных частях.

(2) *Качество* (guṇa). Традиционный список 24 качеств приводится в Вх.Р. (3—5). Они пребывают только в субстанциях. Такие из них, как gūra (цвет, форма), вкус, запах и т. п., присущи материальным субстанциям. Такие же, как счастье (sukha), несчастье (duḥkha), знание и т. п., присущи душе. Некоторые качества, например число или контакт, свойственны всем девяти видам субстанций.

(3) *Действие* (kriyā). Действия разделяются по пяти видам (см. Вх.Р., 6). Подобно качествам, они присущи только субстанциям.

(4) *Родовая характеристика* (jāti). В терминологии других школ, пользующихся санскритом, jāti часто обозначает класс или род, но в ньяе это — не род сам по себе, но признак или характеристика, по которой родовое распознается в индивидуальном. Jāti лошади — лошадность, а не класс лошадей в обычном словоупотреблении. Родовые характеристики присущи субстанциям, качествам и действиям. Более подробно они рассматриваются ниже, в § 15.

(5) *Элементарное различие* (viśeṣa) — сущность, пребывающая в атоме, свойством которого является его отличность от других атомов. Основанием для выделения элементарного различия в самостоятельную категорию послужило такое соображение. Сущности различаются, поскольку различаются их части. Наименьшие части — это атомы. Так как они неделимы, они не могут, подобно другим сущностям, различаться своими частями. Приходится считать, что они различаются благодаря присущим им элементарным различиям.

(6) *Неотъемлемая присущность* (samavāya) — это свойство, в силу которого субстанции соотносятся со своими

частями, а качества и действия — с субстанциями. Подробнее о присущности см. в § 49.

(7) *Отсутствие* (abhāva). Об этой категории также см. ниже (§ 27 и сл.).

Все перечисленные категории, за исключением последней, восходят к древнейшему из сохранившихся текстов вайшешики²⁹. Категория отсутствия также была введена вайшешиками³⁰. Именно в таком виде эта система принималась Гангешей и Матхурой, а также, по всей вероятности, и Вишванатхой.

Однако Рагхунатха убедительно показал, что почти все традиционные категории являются полностью нелогическими и по определениям и по составу. Касаясь элементарного различия, он вполне резонно замечает, что с равным основанием возможно предположить, что атомы различаются по природе или же содержат в себе другие сущности, обладающие от природы «различительным» свойством. Слепой вере в традицию он противопоставляет научный подход и здоровое чувство юмора. «Утверждают, что йоги видят элементарные различия. В таком случае, пусть они подтвердят это под присягой!»³¹.

С не меньшей силой убедительности Рагхунатха отрицает наличие у 24 качеств каких-либо особых родовых характеристик³², а это означает, что они не образуют независимой категории. Он называет качества неотделимыми имманентными свойствами (akhaṇḍopādhi); то же самое, по его мнению, можно сказать о присущности³³, отсутствии³⁴ и о ряде других, если не о всех, родовых характеристиках³⁵. Из традиционных категорий он оставляет неприкосновенными только субстанцию и действие³⁶.

Любой логик невольно отдаст дань восхищения критическим достоинствам Р.Т.Н. Рагхунатхи. В аналитической части работы его мысль целиком логична и никак не связана традицией³⁷. Зато конструктивная часть гораздо более уязвима. Вместо отвергнутых категорий Рагхунатха предлагает множество новых³⁸. Для определения их ценности потребовалось бы детальное изучение всех его трудов.

14. Определенное и неопределенное знание

Согласно учению навья-ньяи, все объекты во вселенной, независимо от их категориальной принадлежности, познаваемы — если не для нас, то, во всяком случае, для бога. Наше знание объектов бывает двух видов: неопределенное (nirvikalpa) и определенное (savikalpa)³⁹.

Определенное знание — это такое знание, объект которого отличен от других вещей. Горшок может быть у меня перед

глазами, но пока я не отличаю его от ткани или от земли, от собаки или от кошки, мое знание горшка останется неопределенным. Для того чтобы отдифференцировать или определить именно горшок, я должен помимо неопределенного знания горшка располагать по крайней мере еще двумя другими знаниями: во-первых, неопределенным знанием⁴⁰ дифференцирующего фактора (в данном случае «горшковости», т. е. родовой характеристики, общей для всех горшков), во-вторых, знанием того, что вещь, находящаяся у меня перед глазами, примечательна именно этим дифференцирующим фактором. Поскольку последнее знание подразумевает неопределенное знание объекта и его отличительной характеристики, оно принимается в качестве минимального требования ко всякого рода определенному знанию.

В соответствии с этим определенным знанием называется такое знание, которое «проникает» отношение между специфицируемым (*viśeṣya*; в нашем примере — горшок) и спецификатором (*viśeṣaṇa*: в нашем примере — горшkovость) (*viśeṣya-viśeṣaṇayoḥ sambandhāvagāhī jñānam*)⁴¹. Подобного рода знание можно просто выразить в форме высказывания «это кувшин». Такое знание нельзя получить непосредственно, не осознав прежде связь объекта с родовой характеристикой, общей для всех горшков. Лишь только осознав это отношение, можно присвоить объекту имя — «горшок»⁴².

Неопределенное знание невозможно выразить словами, потому что все слова относятся к определенным объектам. Нельзя даже узнать, разве только с помощью доказательства, что человек обладает неопределенным знанием, поскольку каждый представляет себе лишь то, что может выразить словами. Необходимость постулирования неопределенного знания состоит в том, что определенное знание рассматривается как нечто сложное, а всякой сложной сущности должны предшествовать простые.

15. Использование в качестве спецификаторов (*viśeṣaṇa*) родовых характеристик (*jāti*) и выделяющих свойств (*upādhi*)

Выше было сказано, что все, о чем мы имеем определенное знание, выделяется из прочих объектов при помощи какого-нибудь отличительного признака, индикатора. Этот признак чаще всего обозначается понятием *viśeṣaṇa*, которое я перевожу как «спецификатор»⁴³.

Понятно, что всякий специфицируемый объект может иметь множество спецификаторов. Когда мы говорим: «Этот человек красив» (*naḥo 'yam suṇḍaraḥ*), то спецификаторами человека будут как «человечность» (*paratva*), так и «красота» (*saṁ-*

daṅya). Однако любое специфицируемое понятие должно обладать по крайней мере одним спецификатором. Тот, который отвечает этому минимальному требованию, считается самым широким спецификатором, объемлющим специфицируемое понятие. Знание «человек», независимо от наличия прочих спецификаторов, всегда специфицируется «человечностью». Спецификаторы, имеющие такой базисный характер, можно обозначить прибавлением абстрактного суффикса (например, «-ность») к специфицируемому понятию. Эти спецификаторы всегда относятся либо к родовым характеристикам (jāti), либо к выделяющим свойствам (upādhi).

Разница между родовой характеристикой и выделяющим свойством состоит главным образом в степени осуществляемого ими выделения специфицируемого объекта из прочих объектов. Эта разница важна, поскольку отношение, в которое, согласно традиции, входит родовая характеристика, отличается от отношения, в которое входит выделяющее свойство.

Если я обладаю знанием «это — человек», то спецификатором человека в этом знании выступает родовая характеристика «человечность», по которой распознается представитель рода человеческого. Эта характеристика проявляется во множестве индивидов. Считается, что она присутствует во всех своих вместилищах, подобно тому как одно качество может быть присуще многим субстанциям. Однако, если мое знание, возникающее при такой же ситуации, будет: «это Девадатта», то спецификатором Девадатты будет «девадаттовость». В данном случае спецификатор выступает выделяющим свойством, которое никому больше не принадлежит, кроме человека по имени Девадатта. Считается, что оно пребывает в Девадатте не в отношении присущности (обладания), но в отношении отличительной спецификации (viśeṣaṇatā-viśeṣa-sambandha). Это отношение действительно является отношением спецификации, поскольку «девадаттовость» становится известной только в качестве спецификатора Девадатты. Оно называется отношением *отличительной* спецификации согласно доктрине, по которой любое отношение между выделяющим свойством и его вместилищем есть отличительное отношение, разнящееся по своей природе от всякого другого отношения такого рода. По той же самой причине его называют также собственным отношением, пригодным только для соединяемой им пары (svaḅpā-sambandha). В дальнейшем я для удобства буду заменять эти термины (т. е. viśeṣaṇatā-viśeṣa-sambandha, svaḅpā-sambandha) буквенным обозначением «Р»⁴⁴.

Если «человечность» есть характеристика, по которой определяется член данного рода, то «девадаттовость» есть характеристика, по которой распознается то, что мы могли бы назвать элементом единичного класса. Характеристика вто-

рого типа всегда рассматривалась навья-наяйками как выделяющее свойство, а не как родовой признак. Последующее правило требует, чтобы спецификатор определялся как выделяющее свойство, если это спецификатор родовой характеристики (либо же если его выражение получено в виде двойной абстракции). Например, «горшковость-ство» (ghaṭatvatva) является выделяющим свойством, специфицирующим родовую характеристику «горшковость», которая в свою очередь специфицирует горшки.

Помимо указанных еще и другие спецификаторы обычно определяют выделяющие свойства, а не родовые характеристики. Спецификатор считается выделяющим свойством, если он составной (sakhāṇḍa). Составное выделяющее свойство (sakhāṇḍopādhi) обозначает характеристику, по которой определяется произведение двух классов⁴⁵, например «звериность» (paśutva)⁴⁶, поскольку зверь определяется как «существо с волосами и хвостом». Составными элементами «звериности» будут «волосатость» и «хвостатость»⁴⁷. Спецификатор считается выделяющим свойством, если его субъекты суть субъекты родовой характеристики⁴⁸. Таким спецификатором будет «палкодержательность» (daṇḍitva). Субъектами всякой «палкодержательности» будут люди, держащие палку. Эти же люди — субъекты палок. Палки суть субъекты родовой характеристики «палковости»⁴⁹.

16. Sāmānya (классовая характеристика)

Некоторые авторы (например, Вишванатха, S.M., 8, 9) отождествляют термин sāmānya с jāti (родовая характеристика). Другие, и среди них Матхура, используют sāmānya или sāmānya-dharma, в более широком смысле — почти что в качестве характеристики класса. Они относят эти термины не только к родовым характеристикам, но также и ко всем выделяющим свойствам, кроме характеристик единичных классов⁵⁰.

17. Специфицируемое (viśeṣya). Спецификатор (viśeṣaṇa). Главный спецификатор (prakāra)

Термин «специфицируемое» (viśeṣya) естественным образом относится к тому, что выражается подлежащим в предложении. В знании bhūtale ghaṭaḥ — «на земле горшок» — горшок может быть назван специфицируемым, в то время как в знании ghaṭavad bhūtalam — «огоршенная земля» — земля может быть названа специфицируемым⁵¹.

Чаще всего понятия «специфицируемое» и «спецификатор»

употребляются в тех случаях, когда объекты, выраженные соответственно подлежащими и сказуемыми, объединены отношениями, которые не являются отношениями присущности (обладания) или контакта. Так, в знании «горшка на земле нет» — bhūtale ghaṭo nāsti или bhūtale ghaṭabhāvaḥ, отсутствие горшка — специфицируемое, в то время как в знании «безгоршечная земля» — ghaṭabhāvavad bhūtaḥ специфицируемым выступает земля⁵².

Если специфицируемое имеет два спецификатора, причем один из них выражен подлежащим, а другой — сказуемым, то второй определяется как prakāṣa, или главный спецификатор. Так, в знании «этот высокий человек красив» высокий рост служит простым спецификатором (viśeṣaṇa), а красота — главным (prakāṣa). Если специфицируемое имеет только один спецификатор, например в выражении «это — человек» (спецификатор — «человечность»), понятия «спецификатор» и «главный спецификатор» становятся эквивалентными. Понятно, что любой спецификатор или главный спецификатор могут в свою очередь иметь собственные спецификаторы.

Дальнейшее применение термин «главный спецификатор» получает при анализе знаний. В знании «это — огоршеченная земля» горшок можно считать главным спецификатором знания «огоршеченная земля» и еще главным квалификатором «земли»⁵³.

Не следует упускать из виду, что «спецификатор» и «специфицируемое» относятся не к словам, а к объектам. Так, в отношении знания «этот человек красив» допустимо сказать, что человек специфицируется красотой (paraḥ saundarya-viśiṣṭaḥ), но можно сказать и что этот человек специфицируется словом «красивый» (paraḥsundara-pada-viśiṣṭaḥ). Однако нельзя сказать, что человек специфицируется «красив». Точно так же знание «это — горшок» (ayaṁ ghaṭaḥ) анализируется как знание, где специфицируемое — «это горшок», а главный спецификатор — «горшечность». «Это» — выражение, относящееся к специфицируемому, но не само специфицируемое.

18. Вмещающее (ādheya) и место (adhikarāṇa) [субстрат (ādhāra), или вместилище (āśraya)]

Если два объекта находятся в отношении друг к другу, часто можно представить один из них наложенным на другой. Отношения контакта (С), присущности (обладания) (Н) и отличительной спецификации (Р) дают тому наглядные примеры. Огонь накладывается на гору отношением С; он накладывается на свои атомы отношением Н, «девадаттовость» накладывается на Девадатту отношением Р. Накладываю-

щийся элемент носит название «вмещаемого» (*ādheya*); элемент, в котором он находится, называется «местом» (*adhikaraṇa*). В смысле «место» используются и два других термина — «субстрат» (*ādharma*) и «вместилище» (*aśraya*). В приводившихся выше примерах «огонь» и «девадаттовость» являются «вмещаемыми»; «гора», «атомы» и «Девадатта» — суть «места». О «месте» можно сказать, что в нем есть «вмещаемое» (*ghaṭavād bhūtaḥalam*)⁵⁴. О «вмещаемом» можно сказать, что оно встречается или пребывает, или существует, или находится в некотором месте («*bhūtaḥ ghaṭo vartate, bhūtaḥ ghaṭas tiṣṭhati, bhūtaḥ ghaṭaḥ*»).

19. Адъюнкт (*pratlyogi*) и субъюнкт (*anuyogi*)

Все отношения (*sambandha*), рассматриваемые ньяей, трактуются как отношения между двумя терминами⁵⁵. Один из них называется адъюнктом отношения (*pratlyogi*)⁵⁶, а другой — субъюнктом (*anuyogi*). Всякий раз, когда об одном из членов отношения можно сказать, что он имеет другой член своим местом либо встречается в нем или, если употребить специальное выражение ньяи, во всех случаях отношений, требующих обязательного сопутствования (*vyṭti-niyāma*)⁵⁷, «вмещающее» образует адъюнкт отношения (если только «вмещающее» не является отсутствием), а «место» — его субъюнкт. Отношения Н и Р — это всегда отношения, требующие обязательного сопутствования их членов. Контакт иногда требует появления одного из контактирующих членов в другом или на другом, иногда же — нет, например контакт между двумя руками, расположенными вертикально, ладонями вместе⁵⁸.

В случаях контакта, не требующих обязательного сопутствования, и во всех отношениях, где невозможно требование обязательного сопутствования (скажем, нельзя быть отцом кого-либо — «периодически»), специфицируемое понятие определяется как адъюнкт отношения, а спецификатор — как его субъюнкт. Так, когда я говорю «моя правая рука в контакте с моей левой», моя правая рука является адъюнктом. Если я говорю «Девадатта связан с Индрадаттой отношением отцовства» (*sva-sunutā-sambandha*)⁵⁹, то «Девадатта» есть адъюнкт.

Необходимо отметить, что во многих случаях «адъюнкт» и «вмещающее» могут одновременно быть употреблены по отношению к одному и тому же объекту в одном и том же знании, как, например, к горшку в «огорщенной земле». Однако понятие адъюнкта совершенно отлично от понятия «вмещаемого». «Адъюнкт» всегда есть адъюнкт *отношения*, «вмещающее» же накладывается на место или субстрат.

20. Абстрактные отношения. Теория «обнаружителей»

Западная логика различает имена и дескрипции. Имя, например «Калькутта», обозначает объект безотносительно к чему-либо, в то время как дескрипция, например «столица Бенгала», обозначает нечто только лишь в его отношении к чему-то другому. «Калькутта» относится только к одному объекту; «столица Бенгала» — к трем объектам: Бенгалу, отношению столицы чего-либо, и к третьему объекту, обозначаемому дескрипцией «столица Бенгала».

Поскольку в санскрите отсутствует синтаксическое различие между определенными и неопределенными выражениями, то представляется разумным, рассматривая санскритоязычную логику, включать в нашу категорию имен такие неопределенные выражения, как «гора» (*parvataḥ*), наряду с определенными выражениями (обозначающими единичный объект), такими, как «Калькутта». В противоположность имени «гора» мы можем термин «место огня» (*vahny-adhikagaṇa*) считать дескрипцией. Эта дескрипция относится к трем сущностям: огню, отношению места чего-либо, а также к третьему объекту, обозначенному дескрипцией «место огня». Отметим, что слова «столица» и «место» — составные части дескрипций; сами по себе они ничего не обозначают.

Указанное различие относится только к словам. Однако навья-ньяя, верная своему непреклонному реализму, стремится иметь дело с самими объектами непосредственно. Поскольку они могут выступать в разных ролях или, как выразился бы западный логик, в разных отношениях, в навья-ньяе делается допущение, что у объектов попеременно проявляются (*bhāsate*, *bhāti*) различные свойства (*dharma*). Если Джон — отец, то можно говорить об отцовстве (*pitṛtā*) Джона. Если же рассматривать Джона как сына Уильяма, то речь уже пойдет о сыновстве (*sunutā*) Джона. В санскрите свойства такого рода всегда могут быть выражены прибавлением абстрагирующих суффиксов *-tā* или *-tva* к выражению для объекта в указанной роли или отношении. Мы, однако, при переводе ограничимся одним суффиксом. Удобнее всего использовать суффикс *-(н)ость*, который можно обозначить индексом «1», например: «отцов-ость», или «отец₁». Двойная абстракция обозначится индексом «2», например «отцов-ость-ость», или «отец₂»⁶⁰.

Свойство, находящееся в отношении *P* к каждому вмещаемому, есть «вмещаемость₁»; к каждому субстрату — «субстрат₁»; точно так же «адъюнкт₁», «субъюнкт₁», «садхья₁», «хету₁», «пакша₁», «специфицируемое₁», «специфицирующее₁», «главный спецификатор₁» — находятся в отношении *P* к каждому адъюнкту, субъюнкту, садхье и т. д. соответственно.

Несколько иным способом образуется наименование абстрактного свойства «встречаемость» (vṛttitva).

Если один объект (например, огонь) проявляется в другом объекте (например, в атомах огня) или помещается на нем, то допустимо сказать, что первый встречается вместе со вторым. Первый объект может быть назван «встречающимся» или «случающимся» (vṛttin), вследствие чего говорят об абстрактном свойстве «встречаемости», которым надделено «встречающееся»⁶¹.

Все эти свойства: «отец₁», «место₁», «встречающееся₁» и т. п. — фактически служат абстракциями отношений⁶². Они суть абстракции тех отношений, выражения для которых, как мы видели, образуют элементы дескрипций. Уже говорилось, что «место₁» само по себе ничего не обозначает. Но у наййиков иной подход к этому: для них «место-ность» обозначает объект точно так же, как и «горшок», — разница лишь в том, что объект «место-ность» неявен и зависим, чего нельзя сказать об объекте «горшок».

Для случая

(1) Гора [есть] место огня

наййики предлагают следующий анализ ситуации:

(2) Место₁, находящееся на горе, обнаруживается (nirūpita) огнем⁶³.

Можно также сказать, что «место₁ обнаруживается огненностью» (vahnitva-nirūpita). Огонь или огненность при этом могут быть названы обнаружителями (nirūpaka) места₁ на горе⁶⁴.

Существенное различие между «дескрипцией» западной логики и «обнаружителем» навья-ньяи заключается в том, что первая относится к высказыванию, а второй — к объекту*. Однако следует дать более точное определение того, что именно подразумевают наййики под выражением «что-либо обнаруживается чем-либо».

Махеша Чандра (B.N., стр. 13—14) предлагает два толкования: «Специфицируется — значит определяется» (viśeṣato 'vadharyate) и «— ставится в зависимость» (āpekṣate).

Отвлеченное «место₁» почти столь же неявно в качестве объекта, как и просто суффикс «-ность», однако «место₁, обнаруживаемое огнем», столь же определенно, как «человечность» или «лошад-ность». Это — характеристика класса (sāmānya), проявления которой (vyakti) пребывают в горе, в очаге и т. п., подобно тому как проявления «человечности» пребывают в Девадатте, в вас и во мне. И в то же время место₁ зависит от любого объекта, поскольку оно не может входить в знание само по себе.

Теперь мы сумеем более точно сформулировать различие

между «вмещаемым» и «адъюнктом», о чем уже шла речь в конце предыдущего параграфа. «Вмещаемое» всегда обнаруживается субстратом, между тем как «адъюнкт₁» обнаруживается отношением⁶⁵.

Можно также указать на различие между двумя значениями «главного спецификатора» (pṛakāṅga), о которых упоминалось в § 17. В знании «огорщенная земля» главный спецификатор₁ (pṛakāṅga₁) горшка обнаруживается землей и вместе с тем знанием «огорщенная земля».

Выражение «ставится в зависимость от обнаруживаемого» даже для такого случая, который был иллюстрирован примером (2), может быть использовано в совершенно различных контекстах. Например, выражение (1) допустимо также интерпретировать следующим образом:

(3) «Место₁ на горе обнаруживается вмещаемым₁ в огне»⁶⁶,

поскольку во всех случаях появление в знании свойства «место₁» влечет за собой появление свойства «вмещаемое₁». Оба эти свойства взаимозависимы (sāreṅga-dharmāu, pīṅgura-pīṅgura-ka-bhāvau). Ситуация, передаваемая выражением (1), может быть также передана высказыванием «огонь [есть] вмещаемое на горе», которое анализируется так:

(4) «Вмещаемое₁ в огне обнаруживается местом₁ на горе».

Большинство свойств, абстрагирующих отношения между двумя терминами, характеризуется появлением при них дополнительных абстракций, с которыми эти свойства взаимосвязаны⁶⁷. Примерами таких взаимно зависимых пар свойств могут служить «специфицируемое₁» и «главный спецификатор₁»⁶⁸, «причина₁» и «результат₁»⁶⁹, «знание₁» (viśayitā) и «содержание₁» (viśayata)⁷⁰. Заметим, что само выражение «что-либо обнаруживается чем-либо» представляет собой обратимое отношение только в том случае, если оно относится к двум соотносящимся абстракциям. Так, невозможно обратить (2) и сказать, что огонь или огненность обнаруживают место₁ на горе.

21. Трудности навья-ньяи при объяснении абстрактных и выделяющих свойств

Прежде чем перейти к изложению следующего вопроса, необходимо отметить, что различие абстрактных и выделяющих свойств оказалось для логиков навья-ньяи делом отнюдь не легким и они сами обычно признают трудности (gaugava), связанные с объяснением этих различий в традиционной теории. Трудности теории, говоря специальным язы-

ком, означают либо допущение многих гипотез в тех случаях, когда их число могло бы быть меньшим, либо же формулировку закона в переменных терминах, в то время как его следовало бы сформулировать в терминах такого же числа констант. Мы предложили объяснение основных понятий ньяи при помощи терминов западной логики — абстракции отношений, символа единичных классов и т. п. Но укладываются ли подобные понятия в систему семи категорий? Традиционная теория ньяи утверждает, что каждая из этих характеристик, хотя и не тождественна ее «месту», однако принадлежит к той же категории, что и ее «место»⁷¹. Подобного рода объяснение действительно трудно принять. Единственный выход из затруднения, по-видимому, состоит в том, чтобы последовать примеру Рагхунатхи и отказаться от традиционной системы категорий.

22. Ограничители положения и ограничители обнаружения. Различие между взглядами навья-ньяи и концепциями западной логики

Наиболее характерными и, пожалуй, самыми важными специальными терминами навья-ньяи являются «ограничиваемое» (avacchinna) и «ограничитель» (avacchedaka). Эти выражения имеют много оттенков значений, большая часть которых чужда концепциям западной логики.

Слово «ограничиваемое» используется главным образом при образовании абстракций отношений. Если обо всех других объектах говорится, что они специфицируются спецификаторами, то об абстракциях отношений можно сказать, что они ограничиваются ограничителями. Например, в знании «на горе огонь» гора является специфицируемым, и специфицируется она «горостью» и «огнем», причем огонь — главный спецификатор, который в свою очередь специфицируется огненностью. Соответственно можно сказать, что в этом знании

- (1) специфицируемое₁, находящееся на горе, есть специфицируемое₁, ограниченное горой₁ и обнаруживаемое огнем, а (главный спецификатор₁), находящийся в огне, есть (главный спецификатор₁), ограниченный огнем₁ и обнаруживаемый горой⁷².

Кроме того, можно сказать:

- (2) вывод, в котором садхья₁ ограничена огнем₁⁷³.

Выражение такого рода выделяет абстракцию отношения — 'садхья₁' в выводе, о котором идет речь, — точно так же как выражение «субстанция квалифицируется свойством „огонь“» выделяет именно ту субстанцию, о которой идет речь.

Абстракции отношений (1) и (2) ограничиваются спецификаторами объектов, в которых они находятся. В специальной терминологии это звучит так: абстракции «ограничены отношением положения (*niṣṭhātva-sambandhāvacchinna*, ср. Śiv. Miśra, 22). Я буду называть ограничители типа «гора₁» и «огонь₁» в выражениях (1) и (2) просто «ограничителями положения».

Выражение типа (2) всегда можно перефразировать следующим образом:

- (3) «Вывод, в котором садхья есть огонь, специфицируемый огненностью».

Ограниченные абстракции в (1) и (2) суть частные проявления (*vyakti*) абстракций отношений.

Например, специфицируемое₁ для огня⁷⁴, которое ограничено горой, — всего лишь одно из проявлений «специфицируемого₁ для огня». Иные проявления этой абстракции, скажем для случаев ограничения очагом и т. п., могут входить в состав других знаний. Ниже приводится пример того, каким образом осуществляется ограничение абстракции отношения в ее родовой форме.

Поскольку горшки изготавливают только при помощи гончарного прута, то можно считать, что все инструментальные причины горшков специфицируются «прутовостью».

Обычно это утверждение выражается в форме такого высказывания:

- (4) Прут₁ [есть] ограничитель (инструментальной причины₁), обнаруживаемой горшком⁷⁵.

Тем самым мы получили общее утверждение, а не высказывание, относящееся к какому-либо частному знанию или ситуации. Здесь прут₁ ограничивает не то или иное частное проявление (инструментальной причины₁), обнаруживаемой горшком: он ограничивает (инструментальную причину₁) для горшка в ее родовой форме.

Определение ограничителя в навья-ньяе для случаев, подобных (4), отличается некоторым своеобразием. Утверждается, что ограничитель целиком сопутствует (*anātrikṭavṛtti*) ограничиваемому объекту, или, выражаясь точнее, занимает место не большее и не меньшее, чем последний⁷⁶. При таком определении трудно признать (4) истинным. Родовая характеристика «прут₁» присуща и прутьям, растущим в лесу, однако при их помощи горшки не делаются. Тем не менее наяйки заявляют, что эти прутья, поскольку они обладают потенциальной способностью (*yogyatva*) быть пригодными для выделки горшков, все же содержат в себе абстрактное свойство «причина₁», обнаруживаемое горшком. Можно возразить, что кривой прут не пригоден для изготовления горшков и, следовательно, не обладает указанной способностью. Но

представитель логики ньяя противопоставит этому следующее рассуждение. Замечание справедливо, однако данная способность отсутствует у кривого прута не потому, что он прут, а оттого, что он кривой. Стало быть, любой объект, коль скоро он является прутом, содержит в себе свойство «причина₁ для горшка».

Допустимо обобщить этот пример, сказав, что любой объект, если он специфицируется просто своей родовой характеристикой или видовым свойством, содержит в себе абстракции всех отношений, в которые указанный объект может входить в любых частных случаях. Огонь, специфицируемый просто огненностью, содержит в себе присущие ему свойства — «встречающееся₁ для горы», «встречающееся₁ для очага», «садхья₁ для дыма» и т. д.

Позиция навья-ньяи в данном вопросе настолько своеобразна, что ни один из методов западной логики не в состоянии обеспечить адекватную интерпретацию выражений с «ограничением» в принятых терминах. В западной логике для фактов, передаваемых выражением (1), можно предложить следующую формулировку:

- (5) Для всех x , если x есть специфицируемое в знании «на горе огонь», то x есть некоторая гора.

Факты, о которых идет речь в (4), будут выражены так:

- (6) Для всех x , если x — горшок, то причиной горшка является некоторый прут.

Западная логика не допускает обращения импликации в выражениях (5) и (6). Так, недопустимо:

- (7) Для всех x , если x — прут, то x есть причина некоторого горшка.

Однако имеются выражения навья-ньяи, полностью аналогичные (4), для которых западная логика допускает обращение импликации. Например:

Всякая субстанция находится в контакте с чем-то, и всякий контакт имеет своей существенной причиной некоторую субстанцию (т. е. происходит через присущность данной субстанции).

В соответствии с этим утверждается:

- (8) «субстанция₁ есть ограничитель (существенной причины₁), обнаруживаемой контактом»⁷⁷.

Хотя (8) вполне аналогично (4), тем не менее, переводя (8) в термины западной логики, нетрудно убедиться в обратимости импликации:

- (9) Для всех x : если x — контакт, то x обусловлено некоторой субстанцией, а для всех y , если y — субстанция, то y обуславливает некоторый контакт.

Преобразования типа (5), (6) и (9) иногда могут оказаться полезными, однако их следует выполнять очень осторожно, поскольку они производятся над понятиями, коренным образом отличающимися от тех, с которыми приходится иметь дело в (1), (4) и (8). Общие высказывания аристотелевской или математической логики квантифицированы, т. е. они являются высказываниями обо всех объектах (единичных, классах или высказываниях) данного рода. Но в логике навья-нья, общие высказывания и знания, как правило, выражаются не через посредство кванторов⁷⁸, а при помощи абстрактных свойств. Высказывание о свойстве «причина₁ для горшка» отличается по смыслу от высказывания о всех причинах горшков так же, как свойство «человечность» отличается по смыслу от выражения «все люди».

Свойство «место₁ для огня» в знании «огонь на горе» ограничено ограничителем положения «гора₁», но отсюда не вытекает, будто свойство «место₁ для огня» всегда ограничивается подобным образом. Место₁ для огня может проявляться в очаге, на перекрестке дорог и т. п. Абстракция всех этих проявлений носит наименование «родового места₁, обнаруживаемого огнем» (*vahni-nirūpita-adhikarāṇatva-sāmānyam*)⁷⁹, о котором можно сказать, что оно ограничивается либо огнем, либо огненностью. Точно так же свойство «родовое встречающееся₁ для горы» служит абстракцией появлений объектов в виде огня, деревьев, скал и всего прочего, что может оказаться на горе. Оно ограничено горой или горой₁⁸⁰. Ограничители «гора» и «гора₁» в этом случае и ограничитель «огонь₁» в вышеприведенном примере не выступают ограничителями положения⁸¹ и не совпадают целиком с ограничиваемыми объектами. Они всегда появляются вместе с ограничиваемыми объектами, но в различных местах.

Ограниченные в этих примерах абстракции носят специальное наименование абстракций, «ограничиваемых через отношение обнаруживаемости» (*nirūpitatva-sambandhenāvacchīna*, Śiv. Miśra, 24.13). Для краткости я буду называть такие ограничители, как «гора», «гора₁» и «огонь₁» в вышеприведенных примерах *ограничителями обнаружения*.

23. Ограничивающие отношения

Абстракция отношения типа «место₁» может в свою очередь вступать еще в некоторое число более специфических отношений. Так, например, «место₁, ограниченное горшком», находится в горшке, если

(1) горшок состоит в контакте с землей

и если

(2) горшок пребывает в своих половинках.

Как место₁ для горшка отличается от места₁ для ткани или палки, что находит отражение в определении вида «место₁, ограниченное горшком», так место₁ для *x*, когда *x* состоит в контакте с чем-либо, может отличаться от места₁ для *x*, когда *x* вступает в другие отношения. Первая ситуация определяется как «место₁ ограниченное контактом». В общем случае:

Абстракцию отношения, находящуюся в любом объекте, всегда можно определить путем ограничения ее некоторым специфическим отношением, в котором оказывается данный объект, в качестве места определяемой абстракции.

Например, для случая (1) можно сказать:

(3) «В горшке находится вмещаемое₁, ограниченное контактом и горшком₁».

Ограничивающие отношения играют весьма важную роль в определениях разных вариантов «проникновения» и логического вывода. Например:

(4) «На горе огонь, [ввиду] дыма»

представляет собой неявную формулировку логического вывода: здесь «дым» будет *h*, а «огонь» — *s*. Если под термином «[ввиду] дыма» мы подразумеваем выражение «вследствие наличия дыма через неотъемлемую присущность», то вывод будет ложным, поскольку дым проявляется «через неотъемлемую присущность» только в виде атомов дыма, а последние не служат «местами» для огня. Вывод будет правильным в том случае, если выражение «(ввиду) дыма» означает «вследствие наличия дыма посредством контакта». Истинный вывод можно отличить от ложного лишь путем точного указания того, что 'хету₁' в дыме ограничен контактом⁸². Равным образом, чтобы (4) было истинным, 'садхья₁' для огня должна быть ограничена контактом. Поскольку об отношении известно, что оно постоянно пребывает (*tiṣṭhati*) в обоих своих членах⁸³, имеются все основания для предположения, что ограничивающее отношение является одновременно и ограничителем обнаружения.

Однако наийки, по-видимому, считали необходимым выделить ограничивающие отношения в особый ряд. Слово «ограничитель» (*avacchedaka*) обычно употребляется только в том случае, когда речь идет об ограничении не через посредство отношения: в противном случае всегда говорится именно об «ограничивающем отношении» (*avacchedaka-sambandha*). Таким

образом, если нужно сказать, что x ограничено всеми объектами, которые ограничивают y , то это выражается в виде утверждения, что x имеет ограничитель (ограничители) и ограничивающее отношение (y) по y . Некоторые позднейшие авторы высказывают мнение, будто место₁ и подобные ему свойства не могут иметь никаких ограничивающих отношений, поскольку о месте нельзя сказать, что оно связано с чем-либо такими характерными отношениями, как контакт, неотъемлемая присущность, частная спецификация и т. п.; скорее можно сказать, что с ним связано нечто⁸⁴.

Но Матхура, как правило, допускает возможность образования ограничивающего отношения к месту₁, как ко всякому другому абстрактному свойству. То, что такая возможность соответствует общим принципам ограничения, доказывается следующим рассуждением. Из двух знаний:

(5) Горшок пребывает в своих половинках

(6) Горшок состоит в контакте со своими половинками

первое будет истинным, а второе — ложным, хотя в обоих случаях место₁ в половинках горшка ограничивается «горшкополовинностью» и обнаруживается горшком. В целях различения места₁ для каждого из этих двух знаний необходимо дополнительно ввести еще какое-то понятие. Матхура считает, что место₁ в половинках горшка для случая (5) ограничено (неотъемлемой) присущностью, в то время как место₁ в половинках горшка для случая (6) не ограничено ею⁸⁵.

Таким образом, согласно Матхуре, любая взаимозависимая пара: место₁/встречающееся₁ или место₁/вмещаемое будет характеризоваться одним и тем же ограничивающим отношением.

24. Ограничители ограничителя, (avacchedakatāvaccchedaka)

Можно представить себе абстрактный ограничитель₁, сходный по своему характеру с другими абстракциями отношений, которые мы только что рассмотрели. При появлении y объекта такого ограничителя₁ он в свою очередь может быть ограничен.

Ограничитель₁ x ограничивается родовой характеристикой или выделяющим свойством, специфицирующим ограничитель y , в котором находится x ; кроме того, x может быть ограничен отношением, в котором y стоит к объекту таким образом, что ограничивает этот объект. Например, в выводе «огонь [ввиду] дыма» ограничителем 'садхьи₁' в огне будет огонь₁, а этому огню₁ свойствен ограничитель₁, который в свою очередь ограничен огнем₂ и неотъемлемой присущностью.

25. Знание объекта в двойном употреблении

Нами еще не рассматривался такой тип знания, в котором объект может быть использован более чем по одному назначению. Анализируя вывод «на горе огонь [ввиду] дыма», мы вправе подставить вместо слова «дым» дескрипцию 'хету' в знании «на горе огонь [ввиду] дыма». Будем называть эту дескрипцию в данном параграфе просто 'хету'. Тогда можно сказать:

- (1) [Имеется] встречающееся₁, обнаруживаемое горой, содержащейся в 'хету'.

Но каким образом ограничивается это «встречающееся₁»?

Нельзя сказать, что 'хету' специфицируется 'хету₁' как, например, в случае, когда «дым» специфицируется дымом₁. Если мы хотим указать спецификатор, то в данном случае речь должна идти о спецификаторах объекта, который является 'хету'. Другими словами, (1) фактически не предсказывает единственное свойство, а именно свойство «появляющееся₁ на горе», которое относится к одному объекту. Правильнее здесь говорить о предсказании двух свойств одного объекта.

(1) содержит утверждение: объект «х» таков, что «х» обладает свойством «быть 'хету'», а также обладает свойством «встречающееся₁ на горе». Между обоими свойствами существует тесная связь. Второе рассматривается лишь постольку, поскольку речь идет о первом. Наяйики формулируют эту зависимость так, что второе свойство ограничивается всем тем, что ограничивает первое свойство. Стало быть, вместо (1) можно записать:

- (2) [Имеется] встречающееся₁, обнаруживаемое горой, причем встречающееся₁ ограничено ограничителем и ограничивающим отношением 'хету₁'.

В текстах, которые приводятся ниже, выражения подобного рода с двойным употреблением терминов попадают очень часто, однако встречаются они только в сочетании с отрицаниями. Поэтому конкретные примеры можно будет привести лишь после того, как мы рассмотрим трактовку отрицания в логике ньяя.

26. Слова, выражающие существование, — sattā, bhāva

Общие замечания. Европейских философов очень долго сбивала с толку двусмысленность слов «быть» и «существовать». В обычном употреблении одно и то же слово может пониматься как в экзистенциальном смысле (например, «бог

есть», так и в предикативном смысле или в качестве связи (например, «русалка есть наполовину женщина, наполовину рыба» или «русалки суть мифологические персонажи»).

Проблема «существования» возникла также и в индийской философии, но в столь ослабленном виде, что индийцы не сразу осознали ее значение. Причина, по которой эта проблема была для них менее важной, заключается в том, что связи в санскрите обычно опускаются. Из высказывания «бог совершенен» нельзя сделать вывод: «бог существует». Однако эта трудность возникает даже и в санскрите, когда приходится рассматривать выражения вроде «в озере есть отсутствие огня». Более консервативные представители навья-ньяи, по-видимому, так и не осознали этого затруднения. На него обратил внимание Рагхунатха и разрешил вполне в духе Канта.

Консервативные представители навья-ньяи проводили различие между *sattā* и *bhāva*.

*Sattā*⁸⁶ означает «существование» или «реальность». Ее традиционно определяют как родовую характеристику, наиболее широкую из всех, ибо она неотъемлемо присуща всем элементам первых трех категорий, т. е. пребывает в субстанциях, качествах и действиях⁸⁷. Но при всей широте этой характеристики о многих вещах можно сказать, следуя данной терминологии, что они не «существуют» и не «реальны». Сюда относятся сами родовые характеристики и фактически последние четыре категории.

*Bhāva*⁸⁸, со своей стороны, лучше всего переводится словом «присутствие» в противоположность *abhāva* — «отсутствие». Так, у наяйиков принято говорить о присутствии родовой характеристики «человечность» в людях и об отсутствии этой родовой характеристики в лошадях.

Определения *bhāva*, даваемые консервативными наяйиками, совершенно бесполезны. Считается, что *bhāva*-ность служит общим свойством первых шести категорий, а *abhāva*-ность — общим свойством для всего прочего (S.M., 12).

Можно указать и на другие погрешности во взглядах консервативных наяйиков по этому вопросу. Во-первых, трудно понять, каким целям должна служить такая искусственная абстракция, как *sattā*, в приведенном выше определении. Более того, *sattā* становится прямо-таки вредной, когда ее употребляют в значении, несовместимом с названным определением, а такое случается довольно часто. Вот типичный пример из V.P.R. (96.8): «...*vahny-abhāvādi-sattvena*». Это не может означать, «из-за существования таких [вещей], как отсутствие огня на чем-либо...», ибо отсутствие не существует и не является элементом ни одной из первых трех категорий; скорее это означает: «поскольку такие вещи, как место отсутствия огня, могут быть истинно предпосредствены...».

Рагхунатха утверждает, что между *sattā* и *bhāva* нет никакой разницы. Слова *sattā* и *bhāva* относятся к одной и той же вещи — неотъемлемому (имманентному) свойству, которое присуще любому объекту, коль скоро этот объект вступает в отношения: «ghaṭādau sad-vyavahāraś ca vartamānatva-nibandhanaḥ» — «говорим ли мы или нет, что горшок и т. п. есть [нечто], зависит от того, наблюдается ли горшок [где-либо] или нет» (P.T.N., стр. 48—49).

Это ограничение смысла экзистенциальности аналогично утверждению Канта о том, что «существование» не является предикатом⁸⁹. Для обоих философов высказывание «бог существует» лишено смысла. Но выражение «бог вездесущ», независимо от его истинности, оба философа сочли бы осмысленным.

27. Два типа отсутствия

Навья-ньяя различает два основных типа отсутствия, взаимное отсутствие (*anyonyābhāva*) и относительное отсутствие (*samsargābhāva*).

Взаимное отсутствие есть отрицание тождества. Пример: «Огонь обладает свойством (или есть место) взаимного отсутствия по отношению к воде» (*vahnir jalānyonyābhāvavān*, или *vahnau jalānyonyābhāvaḥ*, т. е. огонь и вода взаимно исключают друг друга). Это можно выразить и таким образом: «Огонь отличен от воды» (*vahnir jala-bhedavān*, или *vahnir jala-bhinnaḥ*). Для обозначения взаимного отсутствия я буду пользоваться символом «—». В таком случае упомянутое знание изобразится следующим образом:

(1) — вода в огне.

Отсутствие отношения есть отрицание отношения, отличного от тождества. Отсутствие отношения бывает трех разновидностей: первоначальное отсутствие (*prāg-abhāva*), или отсутствие вещи где-либо до ее создания; последующее отсутствие (*dhvamsābhāva*), или отсутствие вещи где-либо после ее разрушения; и постоянное отсутствие (*atyantābhāva*), или отсутствие вещи где-либо, если это отсутствие не ограничено во времени. В публикуемых ниже текстах используется только последний из этих трех терминов, а именно «постоянное отсутствие».

Пример постоянного отсутствия отношения:

«Озеру присуще (или оно есть место) постоянное отсутствие огня» (*hrado vahnny-atyantābhāvavān*, или *hrade vahnny-atyantābhāvaḥ*). Для символизации постоянного отсутствия отношения я воспользуюсь знаком отрицания «—». В таком

случае указанный пример будет выглядеть следующим образом:

(2) — огонь в озере.

Приводя примеры в стиле западной логики, где различие взаимного и относительного отсутствия приводится в выражениях для отношений, а не для отрицаний, я следую общепринятой терминологии и обозначаю символ отрицания тильдой «~». В символах западной логики высказывания, соответствующие приведенным выше примерам, будут выглядеть так:

(1a) ~ (огонь = вода),
(2a) ~ (огонь R' озеро),

где R' обозначает отношение, отличное от тождества.

Наяйки не проводят различия между отрицанием термина и отрицанием высказывания или формулы. Для них всякое отсутствие есть единичный термин, поскольку всякое высказывание может быть выражено одним сложным словом. Однако ни один из этих типов отсутствия не соответствует тому, что в математической логике называется отрицанием термина, поскольку всякое отсутствие содержит в себе идею отношения. Так «~ вода» соответствует части высказывания «~ (... = вода)», «— огонь» соответствует «~ (огонь R'...)».

28. Контрпозитив (abhāvīya-pratīyogī).

Контрпозитивность (pratīyogitā).

Ограничители и обнаружитель контрпозитивности

Мы видели, что в знании «огонь на горе» огонь может быть назван адъюнктом (pratīyogī), а гора субъюнктом (anuyogī) отношения (в данном случае — отношение контакта) (§ 19). Те же самые термины могут использоваться и в случае негативного знания. В знании «постоянное отсутствие огня в озере» огонь может быть назван адъюнктом (pratīyogī), а озеро — субъюнктом (anuyogī) *отсутствия*, а именно: постоянного отсутствия огня. Буквальным наименованием такого адъюкта будет «адъюнкт отсутствия» (abhāvīya-pratīyogī), однако, поскольку существует опасность спутать его с другим типом отношения⁹⁰, я решил именовать его впредь *контрпозитивом*. Итак, всякий объект, который отрицается отсутствием *x*, есть контрпозитив отсутствия *x*.

Всякому контрпозитиву свойственна пребывающая в нем контрпозитивность (pratīyogitā). Очевидно, контрпозитив, представляющий собой абстракцию отношения в таком же роде, что и 'садхья₁', встречающееся₁, место, и т. п. Однако он отли-

чается от них тем, что один из двух терминов, которые им абстрагируются, особым образом связан с другим.

Встречающееся₁ абстрагирует отношение между x и y , но контрпозитив₁ абстрагирует отношения между x и отсутствием x . Контрпозитив₁ меняется лишь в том случае, если меняются спецификатор и отношение объекта, в котором он пребывает. Иными словами, контрпозитив₁ как в случае видового отсутствия (отсутствия именно этого огня), так и в случае родового отсутствия (отсутствия огня вообще) ограничивается ограничителем положения.

В этом отношении контрпозитив₁ всегда рассматривается как причина, (в двух примерах, которые мы приводили в § 22). «Контрпозитив₁ для отсутствия этого огня в озере» ограничивается свойствами «этого огня₁» и «контакта»⁹¹. «Контрпозитив₁ для родового отсутствия огня в озере» ограничивается только свойствами «огня₁» и «контакта».

Отсутствие, контрпозитив₁ к которому ограничен родовой характеристикой или свойством, общим для нескольких объектов, определяется как родовое отсутствие (*sāmānyābhāva*) и противопоставляется видовому (специфическому) отсутствию (*viśeṣābhāva*). Отметим при этом, что *родовое отсутствие обладает способностью отрицать все частные случаи в пределах данного класса*. Так, выражение

- (1) Озеро — место постоянного отсутствия огня, контрпозитив₁ к которому ограничен огнем₁ и контактом⁹²,

относится к тем же самым фактам, что и высказывание:

- (2) Для всех x , если x — огонь, то x не в контакте с озером.

Однако (1) не означает то же, что и (2), потому что (1) выражает знание фактов через абстрактные свойства, а не посредством квантификации (ср. аналогичные замечания к § 22).

Контрпозитив₁ обнаруживается его отсутствием⁹³, причем выражение «обнаруживается» здесь не означает обратимого отношения, поскольку отсутствие не есть абстракция отношения (ср. § 20).

Если при рассмотрении некоторого числа отрицаний хотя специально подчеркнуть, что ни для одного из них контрпозитив₁ не обнаруживается взаимным отсутствием, то говорят, что контрпозитив₁ обнаруживается «постоянной отсутственностью»⁹⁴. *Mutatis mutandis*, можно сказать, что контрпозитив₁ обнаруживается «взаимной отсутственностью»⁹⁵. Здесь выражение «обнаруживается» также не означает обратимого отношения.

Заслуживают внимания некоторые частные случаи выражений для ограничителей контрпозитива₁.

(А) Случай, когда отрицается один из элементов дескрипции. Например, следующее (недостаточное) определение «проникновения»:

(3) Непоявляющееся₁ для 'хету' в месте отсутствия 'садхьи'⁹⁶.

Здесь «отсутствие 'садхьи'» следует понимать как отсутствие, обнаруживающее контрпозитив₁, который ограничен ограничителем и ограничивающим отношением 'садхьи'₁⁹⁷. Основанием для такого понимания служит то, что «отсутствие 'садхьи'» не отрицает отношения в применении к одному объекту, т. е. к 'садхье', но отрицает отношение в применении к *любому объекту, который служит в качестве 'садхьи'* (ср. § 25). В выводе «имеется огонь [ввиду] дыма» отсутствие 'садхьи' будет означать отсутствие огня, а контрпозитив₁ к этому отсутствию будет ограничен огнем₁ и контактом. В выводе «этому [присуща] земля, поскольку это является местом запаха», «отсутствие 'садхьи'» будет означать отсутствие земли₁, а контрпозитив₁ к этому отсутствию будет ограничен землей₂ и (неотъемлемой) присущностью⁹⁸.

(В) Случай, когда отрицается вся дескрипция в целом. При этом существуют два способа выражения для ограничителей. Первым пользуются, если дескрипция является простой, т. е. не содержит в свою очередь дескрипций.

(В₁) для простой дескрипции. Контрпозитив₁ к отсутствию держащего палку (т. е. к отсутствию места для палки) ограничивается палкой и контактом. Это является просто еще одним случаем применения общего принципа, согласно которому абстракция отношения ограничивается спецификатором объекта, в коем она пребывает. Единственным спецификатором, общим для всех локализаций палок, является палка⁹⁹.

(В₂) — когда дескрипция в свою очередь содержит дескрипции. Например, еще одно (недостаточное) определение «проникновения»:

(4) «Невстречающееся₁ для 'хету' в том, чему свойственно взаимное отсутствие места 'садхьи'»¹⁰⁰.

Здесь взаимное отсутствие места 'садхьи' обнаруживает контрпозитив₁, ограниченный свойством «(место 'садхьи'₁)» (sādhyavattva)¹⁰¹. При этом нельзя сказать, что ограничителем выступает 'садхья', как это было возможно для «палки» в варианте (В₁), поскольку 'садхья' сама по себе ничего не отрицает. Более того, мы вынуждены менять ограничитель для разных случаев вывода. Если 'садхья' — «огонь₁», то свойством «(место 'садхьи'₁)» будет свойство «(место огня)₁», которое в такой же мере, как и огонь, является спецификатором для всех мест огня¹⁰².

29. Отношение между отсутствием и его местом

Когда наяйик говорит, что озеро обладает отсутствием огня (*vahnuyabhāvavān hradaḥ*), он имеет в виду прямое отношение между этим отсутствием и озером. Такое отношение не является контактом, поскольку «контакт» означает «прикосновение», а прикосновение к отсутствию невозможно. Контакт выступает ограничителем контрпозитива₁, т. е. представляет собой отрицаемое отношение. Кроме того, отношение между отсутствием и озером не может быть отношением присущности, ибо присущность предполагает присутствие чего-либо. Наяйки называют отношение между отсутствием и местом отсутствия отношением частной спецификации отсутствия (*abhāvīya-viśeṣaṇatā-viśeṣa-sambandha*). Это — отношение спецификации, говорят они, поскольку отсутствие огня осознается в качестве спецификатора озера¹⁰³. Но в то же время оно будет частным отношением по определению, поскольку каждое такое отношение обособляется и противопоставляется единству всех случаев присущности (см. § 15).

Я обозначаю это отношение символом 'P'. Оно определяется также как «собственное отношение отсутствия» (*abhāvīya-svaḥvara-sambandha*). К сожалению, наяйки не всегда различают позитивные и негативные отношения частной спецификации. Фактически некоторые из их аргументов связаны с двусмысленностью выражения «частная спецификация» (например, V.P.R., 47. 1—6).

Из сказанного видно, что для логики ньяи всякое отсутствие подразумевает по крайней мере два отношения — ограничивающее отношение контрпозитива₁ и отношение, в котором отсутствие соотносится с его местом.

30. Ограничители отсутствия

Отсутствие можно ограничить двумя способами. Во-первых, его собственными ограничителями: отсутствием₁ и отношением, в котором фигурирует отсутствие¹⁰⁴. Этими ограничителями отсутствие отличается от всего прочего, что не есть отсутствие. Однако для отличия одного отсутствия от другого необходима иная система ограничений. Очевидно, то, что отличает отсутствие от другого, представляет собой различие в том, что отрицается. Поэтому вторым способом ограничения отсутствия будет ограничение его относящимися к нему контрпозитивами₁. Пример из V.P.R. (96. 3—5): «*guṇādau sat-tadeḥ samyoga-sambandhāvaccinnabhāva-sattve 'pi*» («Хотя имеется отсутствие, ограниченное отношением контакта, реальности и т. п. в качестве и пр.»). Здесь у отношения контакта отрицается контрпозитив; реальность, т. е. контакт ог-

раничивает контрпозитив₁ отрицанием, но в приведенной цитате сказано, что он является также ограничителем отсутствия (отрицания). Другой пример из V.P.R. (51.5): «sādhyatāvaccchedaka-sambandhāvacchinna-sādhyābhāva». Здесь avacchinna определяет abhāva. Это означает: «Отсутствие 'садхьи', которое ограничено посредством ограничения отношения 'садхьи'».

31. Извлечение (paravyasāya)

Как место₁, так и отсутствие могут быть ограничены ограничителями других объектов, а именно «вмещаемого₁» (или «встречающегося») и «контрпозитива₁» соответственно. В результате знание или его часть нередко оказывается возможным выразить двумя или более эквивалентными способами, например:

- (1) Место₁, ограниченное огнем₁ и контактом₁¹⁰⁵.
- (2) Место₁, обнаруживаемое вмещаемым₁, ограниченным огнем₁ и контактом¹⁰⁶.

Пандиты, давая объяснение того или иного выражения по типу (1), обычно комментируют его выражением по типу (2). Выражение (2) называют «извлечением» (paravyasāya) или «извлеченным значением» (paravyasitārtha) выражения (1). В самом деле, в (2) как бы извлекается и выражается в явном виде объект «вмещаемое₁», который только подразумевался в (1).

Аналогичный пример представляет собой следующая пара эквивалентных выражений:

- (3) Отсутствие, ограниченное ограничивающим отношением для 'садхьи'₁¹⁰⁷.
 - (4) Отсутствие, обнаруживающее контрпозитив₁, ограниченный ограничивающим отношением для 'садхьи'₁¹⁰⁸.
- (4) представляет собой извлечение из (3).

32. Выражения для некоторых случаев «проникновения»

Мы видели, каким образом в навья-ньяе с помощью абстрактных свойств получают выражения для тех фактов, которые в западной логике передаются посредством кванторов (§ 22, 28). Существует, однако, важный класс выражений с комбинацией кванторов «все» и «некоторые», для коих мы еще не указали эквивалентных форм в индийской логике. Это наши трехчленные выражения, соответствующие «проникновениям» навья-ньяи.

Рассмотрим утверждение:

- (1) Все дымящиеся тела встречаются вместе с огнем.

Мы понимаем, что означает (1), но следует признать, что выражения «место» и «огонь» двусмысленны, причем их двусмысленность не исчезнет, если мы изменим (1) на аристотелевский лад и будем читать: «некоторое место» и «некоторый огонь». Можно интерпретировать (1) таким образом, будто имеется только одно место (например, гора) для всех дымящихся тел, но можно также интерпретировать это так, что «дым с горы» встречается в долине, а «дым из долины» — на горе. Первая интерпретация в аристотелевской логике может быть отнесена к ошибкам *in dictione*; вторая интерпретация представляет собой пример того, что в навья-ньяе носит название «просеивания» (*śālaniya-nyāya* или *śālani-nyāya*)¹⁰⁹. Согласно навья-ньяе, высказывания с комбинацией квантора «все» и выражения, эквивалентные квантору «некоторые», недопустимы (*asambhava*), поскольку термины в такого рода высказываниях всегда могут быть неправильно классифицированы при «просеивании».

В навья-ньяе существует способ недвусмысленного выражения фактов, содержащихся в знании (1). Этот способ несколько сложнее, чем приводившееся в § 22 преобразование выражения (6) с помощью выражения (4). Прежде чем разъяснить его, следует затронуть проблему квантификации.

Посредством двойного отрицания «некоторые» всегда можно преобразовать во «все». Высказывание «некоторые лебеди черные» можно преобразовать в высказывание «неверно, что все лебеди не черные»¹¹⁰. В выражении (1) два термина частично квантифицированы: под «местом» мы понимаем «то или иное место», а под «огнем» — «то или иное горящее тело». Можно преобразовать (1) в выражение, все термины которого будут иметь кванторы общности:

(2) Ни одно дымящееся тело не наблюдается в любом месте, где не имеется ни одного горящего тела.

Выражение (2) более точно можно передать при помощи символов математической логики¹¹¹, но нам достаточно было показать, каким образом все три термина становятся общими с применением двойного отрицания. Каждое определение из «Вьяпта-панчака» обязательно включает два «отсутствия». Они используются всякий раз, когда необходимо избежать двусмысленности в выражениях «некоторые», «некоторый» и т. п.

Но прежде чем осуществить преобразование (2) в выражение, где вместо кванторов использовались бы абстрактные свойства, необходимо разрешить еще одну проблему. Мы можем устранить третий квантор («ни одного» в выражении: «Не имеется ни одного горящего тела») по принципу, разъясненному в § 28. Тогда:

- (3) Ни одно дымящееся тело не появляется в любом месте отсутствия огня, каковое отсутствие обнаруживает контрпозитив₁, ограниченный огнем₁ и контактом.

По тому же принципу мы можем устранить второй квантор («любое» в выражении «любое место»). Тогда:

- (4) В дыме имеется родовое отсутствие встречающегося₁, обнаруживаемого местом отсутствия огня, каковое отсутствие обнаруживает контрпозитив₁, ограниченный огнем₁ и контактом¹¹².

Родовое отсутствие встречающегося₁, обнаруживаемого местом₁ x , отрицает все видовые (специфические) проявления встречающегося₁, обнаруживаемого местом x ; оно отрицает встречающееся₁, обнаруживаемое местом a , местом b , ..., местом n . О контрпозитиве₁ для такого рода отсутствия можно сказать, что он ограничивается встречающимся₂ и местом x (см. Śiv. Mīśra, стр. 24).

По поводу того, осуществляется ли в (4) квантификация дыма в такой же мере, как и места, существуют различные мнения. Śiv. Mīśra (стр. 67, строка 7) и Матхура в основном отвечают на этот вопрос утвердительно. То есть, если сказано, что существует родовое отсутствие встречающегося₁ для y в x , то тем самым отрицается, что в любом y пребывает любое x , а не просто, что какое-то x не встречается в любом y . Те, кто не придерживается подобного мнения, бывают вынуждены удалить из (2) каким-либо иным способом первый квантор (т. е. «ни одно» в выражении «ни одно дымящееся тело»). Например, строится такое выражение:

- (5) Дым₁ не служит ограничителем родового встречающегося₁, обнаруживаемого местом отсутствия огня и т. п.¹¹³.

33. Неотрицаемые (kevalānvayi) понятия. Различие между неотклонением (avyabhicaritvatva) и проникновением

Замена выражения (2) из § 32 выражением (4) из того же параграфа представляет собой пример метода универсализации, примененного в первом определении из «Вьяпти-панчака». При получении всех остальных определений этой группы использован несколько иной метод, но во всех случаях универсализация терминов достигается с помощью двух отрицаний. Единственная трудность в применении такого метода универсализации состоит в том, что он «не работает», когда один из терминов проникновения — неотрицаемое понятие.

Согласно ньяе, существуют некоторые объекты, отсутствие которых недопустимо. Такими объектами являются свойство «быть именуемым» (*vācyatva*, *abhidheyatva*) или свойство «быть познаваемым» (*jñeyatva*). Наяйики настаивают на том, что каждый термин в истинном знании должен соответствовать какому-либо объекту, существующему во вселенной. Отсутствие огня, ограниченное контактом с озером, может входить в истинное знание, поскольку огонь в контакте соответствует существующему объекту, а это обеспечивает возможность его отсутствия в озере. Но отсутствие свойства познаваемости посредством \bar{P} не может входить в истинное знание. Такое отсутствие вообще ничему не соответствует.

Хотя познаваемое₁ и будет проникаемо именуемым₁, точно так же как дым проникаем огнем, если мы в примере (4) из § 32 подставим познаваемое₁ и именуемое₁ вместо дыма и огня соответственно, однако результат:

В познаваемом₁ имеется родовое отсутствие встречающегося₁, обнаруживаемого местом отсутствия именуемого₁ и т. п.

будет содержать недемонстрируемые (*aprasiddha*) термины, а потому не будем истинным.

«Вьяпти-панчака» и комментарии к ней не дают развернутого описания методов получения выражений для случаев проникновения неотрицаемых терминов. Ниже следует краткое замечание лишь об одном из таких методов.

Задача состоит в нахождении метода, который позволил бы нам получить выражение без отрицания неотрицаемых объектов: Если для всех x мы не можем утверждать истинность отсутствия свойства познаваемости x , все же *допустимо* сказать, что познаваемость не является контрпозитивом отсутствия, присущего x . Выражение «родовое отсутствие контрпозитива₁ в познаваемом₁ для отсутствия, находящегося в месте именуемого₁»¹¹⁴, не отрицает что-либо неотрицаемое. В самом деле, имеются отсутствия в месте именуемого₁ (например, отсутствие огня в озере), *имеются* и контрпозитивности, обнаруживаемые этими отсутствиями (например, контрпозитив₁, обнаруживаемый отсутствием огня), а также родовое отсутствие такого контрпозитива₁ в познаваемом₁.

Как раз указанная трудность универсализации знаний, содержащих неотрицаемые термины, и делает все пять формулировок «Вьяпти-панчака» непригодными в качестве определенных проникновения. То, что фактически ими определяется, носит название *неотклонения* (*avyabhicaritatva*). Представляет смысл указать на приблизительное различие между неотклонением и проникновением.

Неотклонение *в* (например, дыма) в отношении *а* (например,

огня) имеется, когда в нельзя найти нигде в ином месте, кроме места *a*.

Проницаемость *v* в отношении *a* имеется, если *a* всегда находится там, где находится *v*.

34. Символы для обозначения ограничителей и обнаружителей

В заключительной части раздела II и замечаниях, помещенных в разделах IV и V, я буду для удобства обозначать ограничители и обнаружители символами.

Наименования ограничителей объекта обозначаются уголками с обеих сторон, сверху, и помещаются слева от наименования ограничиваемого объекта. Так, например,

«Г₁ огонь₁, С₁ отсутствие»

обозначает

отсутствие, ограниченное огнем₁ и отношением контакта.

Обнаружитель объекта отмечается такими же уголками, снизу, и ставится справа от обнаруживаемого объекта. Так например,

встречающееся₁ гора₁

обозначает

«встречающееся₁, обнаруживаемое горой».

35. Конъюнкция и дизъюнкция

На первый взгляд навья-нья не производит впечатления пропозициональной системы логики, поскольку любой элемент в ее выкладках обычно выражен в виде одного термина, а не в форме высказывания (пропозиции). Однако многие из таких выражений фактически представляют собой «знания», которые соответствуют целым высказываниям, а не единичным понятиям или классам понятий. Высказывание «отсутствие встречающегося₁ в огне, обнаруженное местом₁ в озере», только на санскрите может быть выражено в словесной форме как единичный термин, наподобие того как мы записываем формулы «Ф» или «Ψ» в виде единичных терминов, даже если «Ф» и «Ψ» символизируют целые высказывания. Благодаря тому что применяемые в ньяе длинные сложные сочетания, которые могут оканчиваться словом «отсутствие» или наименованием абстрактного свойства, фактически относятся ко всему знанию или высказыванию в целом, а также благодаря тому что эти сочетания можно комбинировать различными

способами (как в западной логике это принято делать с буквенными обозначениями), логики навья-ньяи прекрасно ориентируются в ряде проблем, совершенно не известных классической аристотелевской логике. Например, им был понятен истинностно-функциональный характер терминов «и» и «или»¹¹⁵.

Anyatara («то или другое») определяется как *bheda-dvaya-avacchinna-pratityogitāka-bhedavat* («то, что обладает взаимным отсутствием, контрпозитив, к которому ограничен двумя взаимными отсутствиями») ¹¹⁶. Это определение охватывает использование *anyatara* и в качестве связки между единичными терминами, и в его пропозициональной функции. Пример использования в первом значении — «огонь либо вода» (*vahni-jalānyatara*). Оно означает «отличное от того, что одновременно отлично и от огня и от воды». Однако для логики больший интерес представляет употребление этого слова во втором значении: «Огню присуще либо встречающееся₁, обнаруживаемое горой, либо встречающееся₁, обнаруживаемое озером» (*vahnau parvata-nirūpita-vṛttitva-jalahrada-nirūpita-vṛttitva-nyataratva*). В случае истинного знания это вполне эквивалентно сложному высказыванию «огонь пребывает на горе или огонь пребывает в озере». Согласно определению навья-ньяи, последнее означает: «Огню присуще то, что отлично от того, что одновременно отлично от встречающегося₁, обнаруживаемого горой, и отлично от встречающегося₁, обнаруживаемого озером». Применительно к таким примерам определение навья-ньяи в точности соответствует современному определению неразделительной дизъюнкции:

$$p \vee q \equiv \sim (\sim p \cdot \sim q)^{117}.$$

Дизъюнкция «встречающееся₁, [гора] \vee встречающееся₁, [озеро]» допускает три различных распределения значений истинности ее компонентов. С другой стороны, конъюнкция «встречающееся₁, [гора] \cdot встречающееся₁, [озеро]» допускает только одно из четырех возможных распределений.

36. Отсутствие попарной конъюнкции (*ubhayābhāva*). Отсутствие дизъюнкции (*anyataraḥbhāva*)

Термины «*ubhaya*» и «*anyatara*» используются главным образом при отрицании.

«Отсутствие попарной конъюнкции»¹¹⁸ (*ubhayābhāva*) может относиться к трем случаям: « $\sim p \cdot q$ », « $p \cdot \sim q$ », « $\sim p \cdot \sim q$ »¹¹⁹. Следующий пример отсутствия попарной конъюнкции взят из V.P.R. Матхуры (24.1—3 и 100.4).

Два объекта в огне: (1) встречающееся₁, обнаруженное местом «— дым» (например, раскаленное железо) — назовем

это «р»; (2) отсутствие водности — назовем это «— q». Следовательно, в огне — отсутствие попарной конъюнкции $p \cdot q$ (dhūmābhāvavad-vṛttitva-jalatvobhayatvāvaccinnābhāva).

«Отсутствие дизъюнкции»¹²⁰ (anyatarābhāva) возможно только в одном случае, а именно: $\sim p \cdot \sim q$. Пример такого отсутствия приводится в V.P.R. (см. 91.1—92.6 и соответствующие примечания).

37. Родовое отсутствие (sāmānyābhāva) и видовое отсутствие (viśeṣābhāva)¹²¹

О родовом понятии можно сказать, что оно проникает все свои разновидности. Так, дым, специфицированный просто дымом₁, проникает дымы на горе, в очаге и т. п. Родовое отсутствие, напротив, не проникает, но само проникаемо своими видовыми отсутствиями. Таким образом,

x проникает x^1 , x^2 и x^3 ,

но

$\sim x^1$ проникает $\sim x$,

поскольку — дым на горе пребывает не только во всех местах «¹ дым₁¹ отсутствие», но также и в большинстве мест дыма, специфицируемых дымом₁. О видовом отсутствии говорится, что оно есть atirikta, т. е. «выпадающее из круга», который изображает родовое отсутствие¹²², в то время как позитивный видовой термин является «не-atirikta» для соответствующего родового понятия¹²³.

38. Об использовании закона Де Моргана. Abhāva-kūṭa

По закону Де Моргана¹²⁴, отрицание дизъюнкции эквивалентно конъюнкции отрицаний: « $\sim(\Phi \vee \Psi) \equiv \sim\Phi \cdot \sim\Psi$ ». Насколько мне известно, формулировка этого закона в явном виде в навья-ньяе не встречается, однако одно из рассуждений «Вьяпти-панчака» Гангешы представляет собой случай его применения. Это рассуждение сводится к следующему:

- (1) «Неотклонение (avyabharitātva) есть a (первое определение), и неотклонение есть b (второе определение), и ..., и неотклонение есть e (пятое определение)».
- (2) Высказывание «проникновение (vyāpti) есть a , или проникновение есть b или ..., или проникновение есть e — ложно».

- (3) Следовательно, «проникновение не есть a , и проникновение не есть v , и ..., и проникновение не есть e ».
- (4) Следовательно, «проникновение не есть неотклонение».

Более интересным, чем этот случай применение закона Де Моргана, в котором Гангеша, по всей видимости, не осознал самого принципа¹²⁵, служит пример сознательного использования последнего Матхурой в его комментарии к указанному рассуждению Гангешы. Речь идет о выведении следствия о классах из закона Де Моргана. Его можно изобразить так¹²⁶:
 $\sim(a \cup v) \equiv \sim a \cap \sim v$.

Я полагаю, что Матхуре был знаком этот принцип. Однако его трактовка существенно отличается от приведенной выше формулировки закона и требует определенных разъяснений.

Предположим, что a — родовое понятие (т. е. термин, специфицированный характеристикой класса), например огонь, специфицированный огненностью, и что a^1, a^2, \dots, a^n — соответствующие видовые понятия, например: огонь на горе, в очаге, на перекрестке дорог и т. п. Не всякое место $-a^1$ будет местом $-a$ (см. выше). Однако то, что является местом $-a^1$ и в то же время местом $-a^2$, и т. д., вплоть до $-a^n$ включительно, будет также и местом $-a$. Иными словами, все места $-a^1 \cap -a^2 \cap \dots \cap -a^n$ суть места $-a$. В логике новая это формулируется следующим образом: «Контрпозитив к « $k\dot{u}\dot{t}a$ » (букв. «куча») видовых отсутствий ограничен характеристикой класса»¹²⁷. Это попросту иной способ выражения того факта, что контрпозитив к $-a \cap -v$ есть $a \cup v$.

Матхура (V.P.R., 7.5—6), комментируя рассуждение Гангешы, говорит; что $k\dot{u}\dot{t}a$ (куча) видовых отсутствий имеет следствием родовое отсутствие (т. е. эквивалентна ему по значению истинности). Таким образом, из аргумента Гангешы по пункту (2) следует (4).

Другой пример употребления термина $abh\dot{a}va-k\dot{u}\dot{t}a$ содержится в комментарии Матхуры к четвертому определению Гангешы. Матхура высказывает предположение, что родовое отсутствие 'садхы' (в нашем классическом примере вывода — отсутствие огня, ограниченное огненностью) различается в зависимости от того особого места, в котором оно пребывает¹²⁸. Он мысленно представляет бесконечный ряд: отсутствие огня в озере x , отсутствие огня в озере y , ... и т. д. В результате делается вывод об отсутствии места $k\dot{u}\dot{t}a$ ¹²⁹ в этих частных проявлениях родового отсутствия. В понятиях западной логики, произведение таких классов есть нулевой класс.

$Abh\dot{a}va-k\dot{u}\dot{t}a$ в этих примерах может означать только «логическое произведение отсутствий...». При всем том, насколько мне известно, в навья-ньяе не существовало общих терминов для обозначения логической суммы и логического произведения.

39. Равенство, эквивалентность, тождество и существенное тождество

В западной логике первые три термина различаются примерно следующим образом. Равенство есть отношение между классами¹³⁰. Эквивалентность есть функция истинности, соединяющая высказывания или формулы¹³¹. Тождество есть отношение между индивидуальными понятиями¹³².

В «Ньяя-коша» дается такое определение равенства (*tulyatva*): *x* равно *y*, если *x* обладает всеми проявлениями (*vyakti*) *y* и никакими иными проявлениями, кроме *y*. Сходство с определением Куайна, приведенным на стр. 130 его книги, поразительно.

Поскольку проявления могут иметь только родовые характеристики и свойства, то отношение равенства устанавливается только между подобными объектами.

Так как наяйки не отличают термины от высказываний, у них отсутствует слово, точно соответствующее «эквивалентности». Чаще всего употребляемое в этом смысле наименование в переводе примерно означает «эквивалентно чему-либо» — *sama-niyatā-bhāva*¹³³. Согласно N.K., *sama-niyatā-bhāvātva* есть отношение *x* к *y*, когда *x* проникает *y*, а *y* проникает *x*, причем *x* и *y* могут принадлежать к любой категории.

В навья-ньяе отсутствует термин, значение которого было бы точным синонимом тождества, как оно обычно определяется в современной западной логике. Однако в навья-ньяе часто используются выражения для обозначения тождества в более широком смысле:

- x* *y* — *svaṅgā* — букв. *x* той же природы, что и *y*
- x* *y* — *tādātmya* — букв. *x* обладает той же самостью, что и *y*
- x* *y* — *eva*¹³⁴ — букв. *x* есть в точности *y*.

Эти три выражения используются как синонимы, и каждое из них может быть переведено так: *x* существенно тождественно *y*.

Понятие существенной тождественности заслуживает более пристального рассмотрения. Это одно из основных понятий мировоззрения ньяи.

Наяйка интересуют не выражения, а реалии. Его не может полностью удовлетворить установление тождества на основе взаимозаменяемости двух высказываний. Ему нужно знать, тождественны ли два объекта (например, горшок и — горшок). Обладают ли они одинаковой самостью, одинаковой природой? Являются ли они существенно тождественными?

Существенное тождество (*tādātmya*, *tat-svarūpata*) можно определить как ограничивающее отношение контрпозитива, к взаимному отсутствию¹³⁴. Так как мы обозначили взаимное отсутствие символом « $\dot{=}$ », то существенное тождество допустимо обозначить сходным символом « $\dot{=}$ ».

А теперь остановимся на некоторых трудностях, к которым приводит принятие концепции существенного тождества.

40. Постоянное отсутствие постоянного отсутствия

В навья-ньяе знаменита дискуссия по вопросу о том, действительно ли

(1) «— — горшок $\dot{=}$ горшок».

Консервативные логики принимали выражение (1) безоговорочно. Матхура приводит их доводы в V.P.R. (44.6—10): «Независимо от того, наблюдается ли горшок, отсутствие горшка все равно не наблюдается, а поэтому можно утверждать постоянное отсутствие постоянного отсутствия горшка».

Самым известным противником этой точки зрения был Рагхунатха. Свою аргументацию он вкратце излагает в P.T.N. (стр. 55). Основной ее смысл сводится к тому, что все отсутствия обладают от природы отсутствием, (*abhāvatva*), которое, по мнению Рагхунатхи, является выделяющим свойством и, в соответствии со взглядами тех же консерваторов, должно обладать природой седьмой категории. Поэтому никакими ухищрениями невозможно превратить эти отсутствия в объекты, природой которых является присутствие, (*bhāvatva*), т. е. совсем другое выделяющее свойство, обладающее, по учению логиков-консерваторов, природой первых шести категорий. Рагхунатха утверждает, что его аргументация не приводит к бесконечному ряду (*anavasthā*), поскольку третье отсутствие существенно тождественно первому отсутствию (— — — $x \dot{=} -x$)¹³⁵.

Матхура, по всей вероятности, разделял мнение Рагхунатхи (V.P.R., 41.2.3), но, не будучи принципиальным противником традиционных взглядов, представил свои рассуждения в столь утонченном виде, что они показались правильными даже традиционалистам.

41. Существенное тождество чистого объекта и специфицированного объекта.

Различие между спецификаторами и обнаруженными местами,

В навья-ньяе считается общепризнанным, что

(1) Голубой горшок $\dot{=}$ горшок.

На первый взгляд это может показаться странным по двум причинам. Во-первых, мы всегда склонны забывать, что найинки оперируют объектами, а не словами. Выражение «голубой горшок» действительно не может быть существенно тождественным выражению «горшок». Во-вторых, отношение « $\underline{=}$ » в (1) образуется между спецификаторами, находящимися по обе стороны от знака отношения, а не между целыми сложными высказываниями. То, что выражается одним понятием «горшок» — есть тип, или структура, сохраняющаяся во всех знаниях горшков. Это понятие становится известным в результате основного различения того, что является общим для всех знаний подобного рода, и оно остается одним и тем же в знании голубого горшка, красного горшка или просто горшка. Согласно навья-ньяе, если не принять (1), то придется допустить, будто голубой горшок — это не горшок (ср. Ragh., 19—20).

Однако признание (1) порождает неизменные трудности. Поскольку то, что существенно тождественно x , есть x , нам может показаться, будто голубой горшок всегда допустимо заменить просто горшком. Но это ведет к явной нелепости. Подстановка вместо «чистого» объекта (горшок) «специфированного» объекта (голубой горшок) порождает менее явное, но не менее серьезное противоречие, как это видно из следующего ниже примера¹³⁶.

Реальность является родовой характеристикой, единичной и вечной, неотъемлемо присущей первым трем категориям (субстанции, качеству, действию). Однако мы можем выделить ту часть реальности, которая относится только к субстанции, присвоив ей наименование «реальность, специфицируемая отличностью от качества и действия» (*guṇa-karmānyatva-viśiṣṭa-sattā*)¹³⁷. Назовем ее коротко: «специфицированная реальность» в противоположность предельно экстенсивной «чистой реальности» (*śuddha-sattā*). В таком случае мы можем построить следующий правильный вывод:

(2) [Этому] присуща субстанциональность, поскольку [ему присуща] специфицированная реальность.

Представим схематический анализ полученного вывода в таком виде:

s: субстанция ₁	—s: качество, действие, родовая характери- стика ₁ и т. д.	h: специфициро- ванная реаль- ность
место s: субстанциональные места	—s: качество действие родовая характери- стика и т. д.	

Но, согласно первому определению из «Вьяпти-панчака», (2) может быть истинным, только если h не оказывается ни в одном из мест— s . Тогда, по аналогии с (1), мы можем сказать:

(3) Чистая реальность \doteq специфицированная реальность.

Но чистая реальность не встречается в виде качества и действия. В таком случае (2) оказывается ложным¹³⁸.

Наяйки признают все эти трудности, но все же не отказываются от формулировки (1). Они предпочитают устранять их, давая определение дистинкций там, где, по их представлениям, эти дистинкции должны заключаться: (а) в спецификаторах существенно тождественных объектов и (в) в местах, которые ими обнаруживаются.

(а) Объекты, известные как «горшок» и «голубой горшок», существенно тождественны, однако они становятся известными различными способами. «Голубой горшок» выражает знание горшка, сопутствуемое знанием голубизны, из-за этого сопутствия «голубой горшок» не может относиться к тому же множеству объектов, что и «горшок»¹³⁹.

Теперь покажем, что вывод (2) является истинным.

Нельзя утверждать, что реальность, коль скоро она специфицируется просто «реальность-остью», не может встречаться в виде качества и действия, но верным будет сказать, что она не в состоянии наблюдаться в них, коль скоро она специфицируется отличностью от качества и действия. Если в нашем определении проникновения мы требуем, чтобы 'хету', специфицируемое всеми своими спецификаторами, не наблюдалось ни в одном месте — s , тогда можно показать, что (2) истинно¹⁴⁰.

(в) Справедливо, что когда на земле стоит голубой горшок, то на земле стоит тот же самый объект, что и в том случае, когда там находится просто горшок. Однако, если мне известно, что на земле стоит просто горшок, земля становится местом горшка не из-за того, что объект специфицируется голубизной, но просто из-за того, что объект специфицируется горшковостью. На специальном языке ньяи это звучит так, что место, на земле обнаруживается только объектом, специфицируемым горшковостью; оно не обнаруживается объектом, специфицируемым голубизной.

Навья-наяйки были вынуждены постоянно следить за тем, чтобы в результате принятия ими (1) не возникало противоречия¹⁴¹. Только стремление к самому бескомпромиссному реализму могло заставить целую школу логиков признать подобную теорему. Именно благодаря наличию этой теоремы мы встречаем в навья-ньяе нечто такое, что на первый взгляд представляется невозможным: выражение « x существенно

тождественно у» применяется как в тех случаях, когда мы должны сказать: x содержит (или имплицитует) y , так и когда мы говорим: x содержится в y (или имплицитруется им).

42. Постоянное отсутствие взаимного отсутствия (*bhedābhāva*, — $\dot{\bar{}}x$)¹⁴²

Мы видели, каким образом наядики разрешают, хотя и не без натяжек, многие противоречия, к которым приводит реалистическая интерпретация тождественности. Теперь рассмотрим противоречие, возникающее по той же причине. Разрешить его еще труднее.

Всеми наядиками признавалось, что

(1) — $\dot{\bar{}} \text{ горшок} \dot{\bar{}} \text{ горшковая}$.

Это доказывалось следующим образом:

« $\dot{\bar{}} \text{ горшок}$ » встречается у всех вещей, которые не горшки;

«— $\dot{\bar{}} \text{ горшок}$ » встречается у всех вещей, которые горшки.

То, что встречается у всех элементов класса объектов, есть классовая характеристика этих объектов.

Классовой характеристикой для горшка служит горшковая.

Если x встречается всюду, где встречается y , и наоборот, то x и y взаимно тождественны¹⁴³.

Следовательно, — $\dot{\bar{}} \text{ горшок} \dot{\bar{}} \text{ горшковая}$.

Однако допущение «— $\dot{\bar{}} x \dot{\bar{}} x_1$ » приводит к определенной трудности. Заменяв контрпозитив сокращенным выражением c , мы получим¹⁴⁴:

— — $x \dot{\bar{}} x$; (§ 40)

следовательно, — — $\dot{\bar{}} x = \dot{\bar{}} x$ (путем подстановки c — — $\dot{\bar{}} x \dot{\bar{}} c \dot{\bar{}} x$ (объекты, отрицаемые существенно тождественными объектами, сами существенно тождественны)

c — — $\dot{\bar{}} x \dot{\bar{}} \dot{\bar{}} x$, а $c \dot{\bar{}} x \dot{\bar{}} x$ (по определению c).

Следовательно, — $\dot{\bar{}} x \dot{\bar{}} x$.

Выход из создавшегося затруднения, обычно предлагаемый навья-ньяей, нельзя назвать самым удачным. Утверждается, что — $\dot{\bar{}} x$ обладает двойственной природой (*ubhaya-gūṛatva*, Śiv. Mīśra, 51.3): x_1 и x . Как замечает Матхура:

(2) — $\dot{\bar{}} x \dot{\bar{}} x$ так же, как — — $x \dot{\bar{}} x_1$ ¹⁴⁵.

Поскольку Матхура принимает (2), не допуская при этом, что x_1 существенно тождественно x , то, очевидно, он имеет в виду следующее:

(3) Иногда $- \dot{\div} x \doteq x$, а иногда $- \dot{\div} x \doteq x_1$ ¹⁴⁶.

Шив. Мишра прямо заявляет (46, «Tirraṇi», строка 9): «В настоящее время считается, что условие „ $- \dot{\div} x \doteq x_1$ “ не соблюдается во всех случаях».

Однако среди наийиков были и такие, которые оспаривали допустимость « \doteq » в выражении (2). Как замечает Рагхудева (устаами своего оппонента), невозможно назвать объект существенно тождественным другому объекту, если он не всегда находится там же, где находится второй¹⁴⁷.

Откровенно говоря, я не вижу возможности удовлетворительно разрешить возникшую трудность, если настаивать на том, что « $- \dot{\div} x$ » является объектом. Однако путаницу можно легко избежать, если перенести центр тяжести дискуссии на проблему отношения между высказываниями (или «знаниями», если угодно) относительно « $- \dot{\div} x$ » и x , т. е. если рассматривать импликацию и эквивалентность, а не существенное тождество.

43. Прямые и косвенные отношения

Контакт, присущность и частная спецификация суть прямые отношения (sākṣāt-sambandha), которые противоплагаются отношениям косвенным (paraṃparā-sambandha). Косвенным отношением считается такое, в котором a относится к b через посредство c . Существует много типов косвенных отношений. Примером может служить отношение, называемое samavāyisamavetatva, — присущность c того, чему в свою очередь присуще нечто (т. е. b), благодаря субъекту присущности (a). Цвет нитей, образующих ткань, связан с тканью именно этим отношением¹⁴⁸, поскольку ткань (c) присутствует в ее частях, т. е. в нитях (b), а им присущ собственный цвет (a)¹⁴⁹. Список других косвенных отношений приводится в S.M. (18.62). Некоторые, очень замысловатые примеры перечисляются в B.N. (стр. 10) и у Сена (стр. 18).

Математическая логика различает бинарные, тернарные и т. д. отношения, в зависимости от числа содержащихся в них терминов. Так, отношение, посредством которого a находится в контакте с b , является бинарным. Соотношение, в котором a находится между b и c , будет тернарным. В навьяньюе вводится подобное же различие, но осмысливается оно по-иному. В приведенном выше примере опосредствованного (косвенного) отношения, полагается, что отношение устанавливается между двумя терминами, a и c . Есть только один

адъюнкт, а именно *a*, и один субъюнкт, а именно *c*. Собственно говоря, *b* не является членом косвенного отношения: оно входит в качестве члена в два разных прямых отношения, которые образуют это косвенное отношение.

44. Отношения с требованием сопутствования (встречаемости) и без него (*vṛtti-niyāma* и *vṛtty-anīyāma*)

О различии между отношениями с требованием сопутствования и без него уже говорилось (§ 19). В приводившихся там выражениях «требующее», или «обязующее» (*niyāma*) означало «ограничивающее» (*avacchedaka*)¹⁵⁰. Отношение с требованием сопутствования — это, например, отношение ограничения встречающегося, в объекте (см. § 23). Мы видели, что контакт может выступать отношением с требованием сопутствования, но может и не быть им; Н и Р (включая \bar{P}) всегда являются отношениями первого типа. Кроме этих двух, отношениями с требованием сопутствования считаются также отношения времени (как прямое, так и опосредствованное) и отношение «парьяпти», о котором речь пойдет ниже.

Примерами отношений без требования сопутствования служат проникающие, существенная тождественность и др.

Проникающее не встречается в проникаемом, оно встречается в местах проникаемого. Объект не сопутствует самому себе, он существенно тождествен самому себе.

Опосредствованные (косвенные) отношения, за исключением опосредствованного отношения времени, обычно считаются отношениями без требования сопутствования¹⁵¹.

45. Неполное сопутствование

Отношением неполного сопутствования (*avyārua-vṛtti*) называется такое отношение, в котором *x* встречается только в части *y*. Единственными интересующими нас отношениями этого типа являются контакт и отсутствие объекта при контакте¹⁵². Первое отношение всегда образуется по этому типу. Если обезьяна сидит на дереве, то она вступает в отношение только с частью дерева, скажем, с частью одной из его ветвей — именно посредством контакта. Аналогично постоянное отсутствие контакта с обезьяной ставится в отношение \bar{P} тоже лишь с частью дерева, например с корнями, для которых вообще невозможен контакт с обезьяной.

Если *a* = контакт с обезьяной, а *x* = дерево, то возникает следующее явное противоречие: *x* есть место *a* и в то же время *x* есть место \bar{a} . Здесь \bar{a} служит примером *prati-*

yogi-samānādhikaraṇātyantābhāva — постоянного отсутствия, которое встречается в том же месте, что и его контрпозитив.

Логики навья-ньяи пытались разрешить это явное противоречие следующим образом. Контакт с обезьяной, говорили они, не имеет собственного встречающегося, на этом дереве, ограниченного «это-деревностью». Его встречающееся, на этом дереве ограничено частью этого дерева, контактирующей с обезьяной, например, той или иной ветвью. Аналогично встречающееся, на этом дереве для случая отсутствия обезьяны в контакте ограничено частью этого дерева, которая не бывает в контакте с обезьяной, например, корнями. В указанном примере, помимо встречающегося, о котором только что шла речь, еще два других объекта могут оказаться ограниченными: (1) качественный контакт с обезьяной: (2) место, для контакта с обезьяной, находящейся на дереве. Наяйики признают, что в этих случаях «ограничитель» имеет смысл, отличный от того, в котором он употреблялся в проводившемся нами выше анализе (§ 22 и сл.). Они называют его *śimā-paricchedaka* — «разграничитель (физических) границ»¹⁵³. В таком смысле место (например, ветвь) места (например, дерева) объекта (например, контакта с обезьяной) может ограничивать этот объект¹⁵⁴.

46. Неограниченное место, (*anavacchinnādhikaraṇatā*)

Если место₁, находящееся в месте объекта неполного сопутствования, считается ограниченным, то место₂, находящееся в месте объекта неполного сопутствования, называется неограниченным местом (*anavacchinnādhikaraṇatā*). Например, место₁ на дереве для отсутствия контакта с обезьяной ограничено, поскольку это отсутствие наблюдается в определенных частях дерева и не наблюдается в других. Однако место₂ в качестве для отсутствия контакта с обезьяной не ограничено, поскольку это отсутствие присутствует во всех качествах. Контакт, сам будучи качеством, может быть присущ только субстанциям. Поскольку «ограниченное» имеет здесь отличный от указанного в § 22 и 23 смысл, то «неограниченное» место₂ может быть еще ограничено отношением и свойствами, в соответствии с принципами, изложенными в § 22 и 23¹⁵⁵.

47. Типы отношений

Число возможных отношений между объектами, вообще говоря, превышает количество объектов, однако имеются некоторые типы отношений, которые охватывают довольно большое число их. Некоторые из них уже упоминались. Ниже перечисляются все те отношения, о которых идет речь в V.P.R., и даются необходимые пояснения.

48. Контакт (C) (samyoga)¹⁵⁶

Контакт считается качеством, т. е. элементом второй категории. Подобно другим качествам, контакт пребывает в субстанции, но в отличие от большинства качеств он присущ не индивидуальным, а парным объектам. Например, когда огонь состоит в контакте с горой, контакт пребывает и в огне, и в горе¹⁵⁷. Контакт — это отношение с требованием сопутствования (контактируемых объектов), однако сопутствование может быть неполным. Оно носит временный характер, поскольку исчезает при разрушении соединяемых объектов.

49. [Неотъемлемая] присущность (H) (samavāya)¹⁵⁸

Согласно учению «старой» ньяи (неотъемлемая) присущность образует особую категорию¹⁵⁹. Она является отношением (с требованием обязательного) сопутствования, которое устанавливается между одним объектом и более чем одним объектом. В отличие от контакта присущность всегда будет отношением полного сопутствования¹⁶⁰.

Родовые характеристики присущности субстанциям, качествам и действиям. Действия и качества присущности субстанциям.

Субстанции пребывают в своих частях. Те из субстанций, которые являются вечными, а именно воздух ('эфир' — *ākāśa*), время, душа и пространство («направление» — *dik*), не могут быть ничему присущности¹⁶¹. О присущностях говорят, что они единичны и вечны¹⁶².

50. Видовое отношение (P) (svagūpa-sambandha)¹⁶³

Видовое отношение является отношением с требованием сопутствования, причем полного сопутствования. Мы видели, что его можно также назвать отношением частной спецификации, поскольку, если *x* пребывает в *y* в отношении P, это *x* специфицирует *y*. Особо важное значение в навья-ньяе имеют следующие два типа видовых отношений: (1) позитивное отношение между выделяющим свойством или абстракцией отношения и их местом (см. § 15) и (2) негативное отношение между отсутствием и его местом (см. § 29). Многие другие отношения навья-наяйки также относят к типу видовых отношений, например отношение между обнаружителем и обнаруживаемым (Ср. N.K., слово *piṛupakatvam*).

Факт наличия видового отношения (а также отношения присущности) передается окончанием родительного падежа¹⁶⁴. Это означает, что присущность и видовое отношение соответствуют отношению элемента класса (ε) в математической логике и предцированию у Аристотеля.

Следует заметить, что в навья-ньяе не смешивается предикат элемента класса с предикатом самого класса, как это наблюдается в аристотелевской логике. Аристотель считал бы, что в посылке

(1) «Все люди смертны»

смертность предцирует класс всех людей, точно так же как в посылке

(2) «Сократ мудр»

мудрость предцирует Сократа. Но в навья-ньяе выражение (2) приняло бы вид: «Сократ есть место мудрости через при-сущность», а вместе с тем (1) было бы представлено следующим образом: «Смертность проникает человечность», т. е. «всякое место человечности посредством Н есть место смертности посредством Р».

Различия между Н и Р соответствуют различиям между свойством и родовой характеристикой. Классическая теория насчитывает всего три различия:

(1) Р может существовать между отдельными объектами;

(2) каждый случай Р есть отношение, в то время как Н — одно;

(3) : из (2) следует, что Р преходяще, а Н вечно.

Идея единства присущности представляется весьма древней. Она возникла вследствие неспособности отличить конкретный случай, например, когда «горшковость присуща горшкам», от абстракции: «отношение любого элемента x к любому элементу y таково, что x присуще y . Заслуга Рагхунатхи в том, что он указал на имеющуюся разницу. Если бы традиционная теория была справедлива, то все объекты, которые могут быть присущими, присутствовали бы в каждом Н и Р¹⁶⁵. Рагхунатха не делает различия между Н и Р.

51. Отношение 'парьяпти' (paryāpti-sambandha)¹⁶⁶

Пожалуй, самой интересной концепцией отношения в навья-ньяе является теория 'парьяпти'. Она очень сильно напоминает современные представления западной логики о числе, как классе классов. Однако изложим сперва взгляды индийских логиков.

В старой школе придерживались мнения, что число — это качество: подобно качествам, оно присуще своему месту. Рассматривая отношение между двоичностью (dvitva) и двумя горшками, старые логики утверждали, что двоичность присуща как первому горшку, так и второму, поскольку присущность определяется через отношение между одним объектом и несколькими объектами.

Новая теория указывает, что существует два вида двоичности. Один из них является родовой характеристикой, присущей каждому члену пары. Второй вид двоичности есть выделяющее свойство. Оно относится через посредство 'парьяпти' не к членам пар, но к самим парам¹⁶⁷. Именно это свойство позволяет нам говорить, что места двоичности и троичности взаимно исключают друг друга¹⁶⁸.

Согласно Махеша Чандре, 'парьяпти' следует интерпретировать в смысле «полноты», «завершенности», «целостности» (paryavasānam, sākālyam). 'Парьяпти' — это отношение, посредством которого числа пребывают в целых объектах, а не в частях целого.

Теория, утверждающая, что числа существуют посредством 'парьяпти', фактически имеет в виду то же самое, на что впервые в Европе указал Фреге в XIX столетии¹⁶⁹. «Двоичность, присущая каждому члену пары», соответствует западному понятию «класса двух элементов». «Двоичность, относящаяся через 'парьяпти' к парам, а не к членам пар...», соответствует западному понятию «число два, класс всех классов из двух элементов».

Однако теория чисел, существующих благодаря 'парьяпти', не играет в системе ньяи такой роли, какую теория Фреге играет в современной логике. Индийцы разработали эту теорию главным образом для устранения противоречия в своей системе категорий¹⁷⁰. Правда, ликвидировав противоречие, они продолжали пользоваться указанной теорией в качестве средства против одного вида софизма, который мы рассмотрим в § 52, но они никогда не пытались приспособить свою теорию для разработки нового направления в логике, как это было сделано Расселом и другими с теорией Фреге¹⁷¹.

52. Свойства (vyāsaḥya-vṛtti (vyāsaḥya-vṛtti-dharmāḥ))

Такие свойства, как двоичность, троичность и т. д., соответствуют классам классов западной логики. Наяйики не только подчеркивают специфический характер этих свойств, выделяя их в качестве 'парьяпти', т. е. специального отношения этих свойств к их «местам», но и присваивают им особое наименование: «vyāsaḥya-vṛtti-dharmāḥ» — «свойства, встречающиеся в тех местах (например, a и b), части которых (a , b) плотно прилегают друг к другу» (т. е. неразрывны).

Термин vyāsaḥya-vṛtti-dharma обычно упоминается в связи с особым рода софизмом, который состоит в подмене выражения «отличный от 2 x » выражением «отличный от x ». Пример поможет уяснить, как это происходит.

Отсутствие «— манго» (amgānyonyābhāva) есть взаимное

отсутствие, контрпозитивность к которому ограничена манговостью (amratvāvacchinna-pratīyogitākābhāvaḥ).

Отсутствие «— два манго» (amradvayānyonyābhāvaḥ) есть взаимное отсутствие, контрпозитивность к которому ограничена свойством vyāsaḥya-vṛtti, т. е. двоичностью (vyāsaḥya-vṛtti-ātma-kā-dvītvāvacchinna-pratīyogitākābhāvaḥ). Оно подобно взаимному отсутствию, пребывающему в его собственном контрпозитиве (sva-pratīyogī-vṛtti-nyonyābhāvaḥ), поскольку «манго № 1» является частью контрпозитива к «— два манго», а «— два манго» встречается в «манго № 1».

Повсюду, где в определении употребляется термин «взаимное отсутствие», комментаторы ньяи считают необходимым вставить одну-две фразы, предупреждающие против софистической подстановки «— x» вместо «— 2 x»: vyāsaḥya-vṛtti-dharmānavacchinna-pratīyogitākābhāvaḥ (взаимное отсутствие, контрпозитивность к которому не ограничена свойством vyāsaḥya-vṛtti), или sva-pratīyogī-vṛtti-nyonyābhāvaḥ (взаимное отсутствие, которое не наблюдается в своем собственном контрпозитиве). Примеры — в V.P.R., 93.5—8.

53. Отношение времени (kālika-sambandha)¹⁷²

Временное отношение бывает двух видов: прямое (sākṣāt) и косвенное (paraprayāya). Время признается единичной, бесформенной и вечной субстанцией. Все пребывает непосредственно во времени через временное отношение. В этом смысле время вполне сходно с пространством (dik), которое также есть место всех объектов.

Подобное представление с точки зрения логики выглядит вполне резонным: конструкция asmīn māse varṣaḥ («дождь в этом месяце») выражает то же синтаксическое отношение, что и Vaiṅgadeśe varṣaḥ («дождь в Бенгале»).

Прямое отношение времени. Прямое временное отношение в свою очередь бывает двух видов. Первый вид — это отношение, по которому все объекты, вечные и не вечные, пребывают непосредственно в универсальном времени (mahākāla). Подобное отношение не представляет особого интереса для логики. Второй вид — это отношение, по которому все не вечные объекты пребывают непосредственно в некотором отрезке времени. Именно таково отношение между дождем и данным месяцем. Настоящий временной интервал является выделяющим свойством (upādhi) времени¹⁷³, поскольку время само по себе вечно и бесформенно. Его выделяющие свойства суть отметки, или меры (calibrations), образуемые действиями, контактами и разъединениями¹⁷⁴. Например, отрезки времени можно измерять по движению солнца через меридиан. Солнце в своем движении вступает в контакт с линией меридиана, а затем разъединяется с ней. Отношение между дож-

дем и данным месяцем, которое вообще считается прямым отношением времени, можно также интерпретировать в качестве косвенного отношения другого вида, устанавливающегося между дождем и выделяющим свойством времени через субстанции, в которых это свойство пребывает непосредственно¹⁷⁶. Данное отношение играет важную роль в физике ньяи, но для нас оно не представляет особого интереса.

Косвенное отношение времени. Возможно и не прямое отношение между объектами во времени, которое также подразделяется на два вида: в первом случае это будет «трехчленное отношение» через посредство универсального времени, во втором — такое же отношение через посредство промежуточного отрезка времени. Первый тип в логике ньяи почти не находит применения. Под временным отношением (*kālika-sambandha*) обычно понимают второй тип косвенного отношения времени, т. е. отношение между *a* и *b*, при котором как *a*, так и *b* пребывают в некотором отрезке времени. Поскольку этот временной интервал может быть сколь угодно малым по сравнению с временем в целом, то все объекты, кроме вечных сущностей, сопоставимы друг с другом в этом отношении.

Мне непонятно только, почему найяики считали его отношением с требованием обязательного сопутствования¹⁷⁶.

Вообще говоря, навья-найяики уделяют косвенному отношению времени внимания гораздо больше, нежели оно того заслуживает с точки зрения западной логики. Использование такого отношения позволяет получить бесконечное число явных парадоксов. Например, дым и озеро встречаются в одном и том же отрезке времени, так что имеется возможность утверждать, будто дым встречается в озере через посредство (косвенного) отношения времени. Более того, поскольку постоянное отсутствие дыма само по себе хотя и является вечным, как объект знания должно быть невечным, если только это не божественное знание. В таком случае можно сказать, что постоянное отсутствие (осознаваемого) дыма появляется в озере посредством того же отношения, через которое там появляется его присутствие¹⁷⁷. Быть может, более глубокое изучение навья-ньяи покажет, что подобные парадоксы создавались с какой-либо целью, помимо явного намерения привести в замешательство профанов.

54. Отношение, в котором место, обнаруживается специфицированным объектом (*viśiṣṭa-nirūpitādhāratā-sambandha*)

Это «экзотическое» отношение оказывается полезным при разрешении дилеммы, возникающей вследствие утверждения существенного тождества «чистого» и «специфицированного» объектов.

Рассмотрим вывод:

- (1) [Этому] присуща субстанция₁, поскольку [ему присуща] реальность, специфицированная отличностью от качества или действия.

Один из методов доказательства истинности данного утверждения нами уже рассматривался (§ 41). Другой метод состоит в констатации того, что специфицированная реальность проникается субстанцией₁ не в отношении присущности, а в виде того самого «экзотического» отношения, в котором место₁ обнаруживается специфицированным объектом. В таком случае (1) оказывается ложным, если только его не интерпретировать следующим образом:

- (2) [Этому] присуща субстанция, поскольку ему присуща через отношение L реальность, специфицируемая отличностью от качества или действия.

Здесь 'L' обозначает наше «экзотическое» отношение. Но ведь 'h' в форме чистой реальности образует отношение только через присущность, а не через L, так что если (1) интерпретировать в виде (2), то от этого не произойдет никакого ущерба — даже в том случае, когда чистая реальность фактически пребывает через присущность в месте —s: вывод по-прежнему остается истинным.

55. Отношения без требования обязательного сопутствования

Упоминающиеся в приводимых ниже текстах отношения без требования обязательного сопутствования встречаются довольно редко и, вообще говоря, не представляют трудности для понимания, если иметь в виду все изложенное выше. Однако следует обратить внимание на особый метод именования этих отношений в санскрите.

Как правило, они именуются по названию абстрактного свойства, появляющегося во втором члене отношения¹⁷⁸.

Отношение проникающего (vyāyatva-sambandha — букв. «отношение проникаемости») — такое отношение x к y , в котором x проникает y .

Отношение непроникающего (avyāyatva-sambandha — букв. «отношение непроникаемости») — такое отношение x к y , в котором x не проникает y ¹⁷⁹.

Отношение содержащего (viśayatva-sambandha — букв. «отношение содержательности») — такое отношение знания x к y , в котором y является содержанием x .

Отношение содержания (viṣayitva-sambandha — букв. «отношение обладания содержанием») — такое отношение *x* к знанию *y*, в котором *x* является содержанием *y*.

Отношение существенного тождества — см. § 39.

56. Определение (lakṣaṇa)

Метод пояснения определения в навья-ньяе заключается в подыскании ряда возражений против него. Каждое возражение призвано обнаружить ошибки в определении и должно быть опровергнуто, коль скоро эти ошибки оказываются мнимыми, — в противном случае, если дефект определения объясняется недостаточной точностью, оно дополняется (niveśana) путем ограничения или спецификации одного из его терминов или отношений.

Считается, что определение может обладать тремя недостатками¹⁸⁰:

(1) сверхпроникновения¹⁸¹ (ativyāpti), когда выраженное определением понятие слишком широко и проникает нечто большее, чем определяемый объект, например: «Коровы — это звери с рогами»;

(2) непроникновения (avyāpti), когда определение слишком узко и часть определяемого объекта не проникается тем, что выражено в определении, например: «Коровы — это пятнистые звери»;

(3) несовместимости (asambhava), когда то, что выражено в определении, вовсе не совпадает с определяемым объектом, например: «Коровы — звери с нераздвоенными копытами».

Нетрудно убедиться, что указанные недостатки по существу те же, что и традиционные hetv-ābhāsa, или «ошибочные 'хету'»¹⁸². Этого следовало ожидать, поскольку определения, в сущности, являются основаниями (hetavaḥ). Они суть основания, по которым судят об отличии не принадлежащего к определяемой области объекта от принадлежащего к ней. Польза определения в том, что его можно применить в качестве 'хету' в отрицательных выводах¹⁸³.

У определения может быть еще и четвертый недостаток, хотя его обычно относят ко второму из указанных трех типов. Это — aparisiddhyavyāpti «непроникновение вследствие того, что один из терминов не подкреплён примером». В определении «Проникновение есть родовое отсутствие сопутствующего₁ в 'хету', для места отсутствия 'садхьи' эта ошибка становится очевидной, если могут быть указаны случаи, когда нельзя найти пример отсутствия 'садхьи' и т. д. Это и в самом деле ошибка, поскольку определение с термином, не подкреплённым примером, бесполезно: с его помощью не удается получить отрицательный вывод.

Имеется еще одна веская причина, по которой наяйки вообще избегают пользоваться недемонстрируемыми понятиями. Последние делают определение бесполезным и, более того, не могут служить в качестве элементов истинного знания. Объяснения по этому вопросу приведены выше (§ 7, 33).

57. Отрицание самопротиворечивости ¹⁸⁴

Отрицание самопротиворечивости может быть названо разновидностью «ошибки недемонстрируемого термина»; оно также является недостатком, которого следует избегать не только в определениях, но и во всех выражениях вообще. В навьянях различают два типа отрицания самопротиворечивости:

(1) Отсутствие, обнаруживающее контрпозитив₁, ограниченный противоречащим свойством (родовой характеристикой выделяющего свойства) (vyadhikaraṇa-dharmāvacchinna-pratīyogitā-nirūpakābhāva).

Пример: «Отсутствие горшка, ограниченное тканевостью» (paṭatvāvacchinna-ghaṭābhāva). Здесь «тканевость» противоречит контрпозитиву, т. е. горшку (или, выражаясь языком няи, «встречается в ином месте»).

(2) Отсутствие, обнаруживающее контрпозитив, ограниченный отношением противоречия (vyadhikaraṇa-sambandhāvacchinna-pratīyogitā-nirūpakābhāva). Пример: «Отсутствие качества, ограниченное контактом» (saṃyoga-sambandhāvacchinna-guṇābhāva). Качество может быть только присущим; оно никогда не бывает в отношении контакта. Таким образом, контакт противоречит («встречается в ином месте») контрпозитиву, т. е. качеству. Еще один пример: «Отсутствие души, ограниченное [косвенным] отношением времени». Душа, будучи вечной, не может вступать в косвенное отношение времени ¹⁸⁵.

По имеющимся сведениям, логик по имени Сондада считал отрицание самопротиворечивости допустимым ¹⁸⁶. Недопустимость первого вида этого отрицания была впервые доказана Гангешей ¹⁸⁷. Навья-наяйки старались избегать и второго его вида, по крайней мере в той форме, в какой оно выводится в указанных примерах. Однако допускалось разделение самопротиворечивого понятия второго вида на два самостоятельных понятия с последующим отрицанием противоречивого сложного понятия ¹⁸⁸.

Пример разрешения самопротиворечия приводится у Матхуры (V.P.R., 47.1—2). Вместо выражения «отсутствие души, ограниченное временным отношением» употребляет выражение: «Отсутствие специфицируемого₁, в истинном знании которого одушевленность есть главный спецификатор, причем контрпозитив₁ к этому отсутствию ограничен отношением времени» (kālika-sambandhāvacchinna-pratīyogitākātmatva-prakāra-gramā-

viśeṣyatvābhāva). Объяснение: в истинном знании «это — душа» душа является специфицируемым, а ее спецификатор — одушевленность — служит главным спецификатором знания. Можно сказать, что специфицируемое₁, находящееся в душе, и спецификатор «одушевленность» составляют каждое со своей стороны части этого истинного знания. В таком случае, согласно Матхуре, частями составного отсутствия будут:

(1) Отсутствие специфицируемого₁, причем контрпозитив, к этому отсутствию ограничен отношением времени. Можно подыскать примеры как для этого отсутствия, так и для его отрицания.

(2) Истинное знание, главным спецификатором которого является одушевленность. Приводятся примеры такого знания.

Сочетание этих двух частей образует сложное отсутствие, которое также поясняется примерами. Для контрпозитива к этому сложному отсутствию примеры, разумеется, отсутствуют, но это вполне резонно не рассматривается как ошибка¹⁸⁹.

Более сложные примеры разделения самопротиворечащего понятия приводятся Матхурой в его 11-м «Замечании» и во втором варианте интерпретации первого определения Гангешы. Соответствующие разъяснения содержатся в разделе IV.

В V.P.R. Матхура не дает ясных указаний по поводу каких-либо ограничений метода разделения самопротиворечащих понятий. По-видимому, он приводит их в другом месте, ибо в противном случае можно получить весьма странные результаты. Например, второй вариант интерпретации (V.P.R., 83) позволяет применять первое определение Гангешы к проникновениям с универсально-позитивными 'садхьями', хотя сам Гангеша не предусматривал такой возможности и вряд ли согласился бы с подобной интерпретацией.

58. Суффиксы -ка и -īva

Часто нет особой необходимости подчеркивать, что *a* обнаруживает *v*. Вместо того, чтобы говорить *ghaṭatvāvacchinna-pratīyogitā-nirūpākābhāvaḥ* — «отсутствие, обнаруживающее контрпозитив, ограниченный горшковостью», можно сказать: *ghaṭatvāvacchinna-pratīyogitākābhāvaḥ* — «отсутствие, в котором контрпозитив, ограничен горшковостью». Суффикс -ка просто позволяет заменить имя, к которому он прибавляется, другим именем. Этот суффикс может выполнять функцию *nirūpāka*, как, скажем, в приведенном примере, но он может служить также индикатором менее специализированного отношения. Вот несколько примеров.

1. *ātmatva-prakāśaka-pramā* (V.P.R., 47.2) — «истинное знание, с 'одушевленностью' в роли главного спецификатора».

2. avyārya-vṛtti-sādhyaka-sad-dhetau (V.P.R., 59.1—3) — «...где правильному 'хету' сопутствует 'садхья' неполного сопутствования».

3. В V.P.R. (42.6—7) контрпозитив, к — — s характеризуется как svānirūpaka-sādhyaka-bhinna — «отличный от такого, который не обнаруживается 'садхьей'».

Суффикс -iya также применяется для сокращения длинных выражений. В помещаемых ниже текстах он, как правило, бывает эквивалентен nirūpita. Примеры:

1. sādhyiṅya-pratīyogitāvaccchedaka (V.P.R. 47.5) — «ограничитель контрпозитива, к 'садхье'».

(=sādhyā-nirūpita-pratīyogitāvaccchedaka).

2. sādhyā - sāmāṅīya - pratīyogitāvaccchedaka - sambandhena (V.P.R., 41.6) — «в отношении, которое ограничивает контрпозитив, ко *всей* 'садхье'»¹⁹⁰.

3. tādīya-pratīyogitā (V.P.R.) — «контрпозитив, к этому»,

4. abhāṅīya-pratīyogitā — см. § 27.

Там, где на санскрите nirūpita заменяется суффиксом -iṅya, я обычно стараюсь вместо выражения «обнаруживаемый чем-либо» употреблять «для чего-либо».

59. Символы

(1) Символы навья-ньяи

Термины

s 'садхья' (§ 9)

h 'хету' (§ 9)

p 'пакша' (§ 28)

c «контрпозитив» (§ 28)

l «место» (§ 18), например,

ls : место 'садхьи';

l—s : место отсутствия 'садхьи'.

Отношения

C — «контакт» (§ 48) или «в контакте».

H — «неотъемлемая присущность» (§ 49) или «присуще чему-либо».

P — «частная спецификация присутствия или отсутствия» («отрицания») (§ 50), или «отношение частной спецификации к чему-либо».

P — «частная спецификация отсутствия» (§ 29), или «отношение частной спецификации отсутствия для чего-либо».

T — «опосредствованное отношение времени, в котором третьим членом служит отрезок времени» (§ 53) или «что-либо».

связанное опосредствованным отношением времени с чем-либо».

≡ «существенно тождественно чему-либо» (§ 39, 40, 41, 42).

Отсутствия

'—' «постоянное отсутствие (чего-либо)» (§ 27).

'-.' «взаимное отсутствие (чего-либо)» (§ 27).

Символы $-s$ и $-h$ составляют исключение.

Так, $-s$ может относиться либо к константе, либо к взаимному отсутствию 'садхья' (см. прим. к V.P.R., 29.1—4), « $-h$ » может относиться либо к константе, либо к взаимному отсутствию 'хету' (см. прим. к V.P.R., 96.3—5).

Абстракции

Абстракции обозначаются нижними индексами (§ 20), например:

c_1 — «контрпозитивность» (§ 28).

o_1 — «сопутствование» («встречаемость») (§ 20).

l_1 — «место-ность-ность»

Ограничители и обнаружители (§ 34, 20, 22)

'огонь₁ с¹ s₁ — «'садхья-ность', ограниченная огненностью и контактом».

o_1 |гора₁ — «сопутствование (встречаемость), обнаруживаемое „горой“».

gh_1 — «ограничитель (-ли) 'хетовости'» (§ 25, 28).

gs_1 — «ограничитель (-ли) 'садхья-ности'» (§ 25, 28).

Rh_1 — «ограничивающее отношение для 'хетовости'» (§ 23).

Rs_1 — «ограничивающее отношение для 'садхья-ности'» (§ 23).

() — скобки служат для отличия «знаний» от высказываний, как это объяснено в § 7.

(2) Символы математической логики

Эти символы используются лишь в нескольких примерах раздела II. Для объяснения примеров достаточно будет привести нижеследующий список символов с соответствующим каждому значением. Точные определения указанных символов даны у Куайна (Quine).

$\sim x$ следует понимать как «не- x » (§ 27).

$\sim (x \text{ любит } y)$ «неверно, что x любит y »

$x \cdot y$ x и y (§ 35).

$x \vee y$	x или y .
$\Phi \equiv \Psi$	Φ эквивалентно Ψ или «если, и только если Φ , то Ψ » (§ 35, 39).
$\Phi \supset \Psi$	«если Φ , то Ψ ».
\in	«есть член чего-либо» (§ 50).
$a \cup b$	«логическая сумма a и b » (§ 38).
$a \cap b$	«логическое произведение a и b » (§ 38).
(x)	«для всех x ».
$(\exists x)$	«для некоторых x » или «имеется x , такое, что...».

Скобки и точки, за исключением единичной точки, обозначающей «и», указывают, какие части формул соотносятся друг с другом. Например, выражения $\Phi \supset (\Psi \vee x)$ либо $\Phi \supset \cdot \Psi \vee x$ читается так: «если Φ , то Ψ или x ».

«ВЬЯПТИ-ПАНЧАКА» ГАНГЕШИ

Текст 1.7: Nanv anumiti-hetu-vyapti-jñāne kā vyaptiḥ? Na tavad avyabharitatvaṃ, tad-dhi na sādhyābhāvavad-avṛttitvaṃ (1), sādhyavad-bhinna-sādhyābhāvavad-avṛttitvaṃ (2), sādhyavat-pratīyogikānyonyābhāvasāmānādhikarāṇyaṃ (3), sakala-sādhyābhāvavan-niṣṭhābhāva-pratīyogitvaṃ (4), sādhyavad-anyāvṛttitvaṃ (5) vā, kevalānvayīny abhāvād iti.

Перевод: Итак, в знании проникновения, являющегося основанием вывода, что же такое это «проникновение»?

Это не просто неотклонение [*h* от *s*], поскольку его [нельзя определить] ни как (1) «невстречаемость [*h*] в месте отсутствия *s*», ни как (2) «невстречаемость [*h*] в месте такого отсутствия *s*, [которое встречается] в чем-то, отличном от места *s*», ни как (3) «отличие места [*h*] от места взаимного отсутствия, контрпозитив к которому есть место *s*», ни как (4) «признание [*h*] контрпозитивом отсутствия, который располагается во всех местах отсутствия *s*», ни как (5) «невстречаемость [*h*] в том, что отлично от места *s*», так как во всех перечисленных случаях отсутствует общеутвердительность *s*.

Примечание: По вопросу общей формы аргументации у Гангешы см. II, § 38. Относительно выражения «невстречающаяся, в чем-либо...» («не сопутствующее, чему-либо...») см. II, сноски 74 и 96.

При переводе определения 2 использована интерпретация, которая является общепринятой в навья-ньяе (см. ниже, Матхура, 88.1—3). Определение 4 также переведено в соответствии с интерпретацией Матхуры (95.3 и далее).

**«ВЬЯПТИ-ПАНЧАКА-РАХАСЬЯ» МАТХУРАНАТХИ,
СЛУЖАЩАЯ КОММЕНТАРИЕМ
К «ВЬЯПТИ-ПАНЧАКА» ГАНГЕШИ**

Введение

Текст 1.1—4.1 (B.I., 27.1—4)*: Anumāna-prāmāṇyam nirū-
pya vyāpti-svarūpa-nirūpaṇam ārabhate nany ity-ādina. Anumiti-
hetv-ity asyānumāna-niṣṭha-prāmāṇyānumiti-hetv ity arthaḥ.
Vyāpti-jñāna ity atra ca viśayatvaṃ saptamy-arthaḥ, tathā
cānumāna-niṣṭha—¹⁾ prāmāṇyānumiti¹⁾ — hetu-vyāpti-jñāna viśa-
yibhūtā vyāptiḥ kety arthaḥ.

Вариант: (1) B.I.

Перевод: Осветив вопрос об истинности средств (логиче-
ского) вывода, [Гангеша] начинает разъяснять природу про-
никновения со слова «Итак...» и далее. Под «основанием вы-
вода» он понимает основание вывода в отношении истинности
средств вывода. «Знание проникновения» стоит в местном па-
деже, поскольку [проникновение] составляет содержание зна-
ния.

Стало быть, смысл сказанного сводится к следующему:
«Что же такое то проникновение, которое является содержа-
нием того знания проникновения, что служит основанием вы-
вода в отношении истинности средств вывода?».

Замечание: В предыдущем разделе «Таттва-чинтамани»
Гангеша опроверг точку зрения, согласно которой средства
вывода не являются инструментами истинного знания. Таким
образом, он раскрыл (nirūpya) и изложил свое мнение относи-
тельно истинности средств вывода, однако, как указывает
Гададхара, он не дал полного анализа обсуждаемого пред-
мета (parīkṣā). Полный анализ должен включать не только
опровержение взглядов противника, но и формулировку своей
собственной концепции.

Если кто-либо берется доказать универсальную истинность
средств логического вывода, он должен это сделать путем

* Цифрами указаны страница и строка в изданиях Kāśi и B. I.

логического вывода. Доказательство истинности средств логического вывода приводится у Шив. Мишры (3.20) в следующей форме: «*anumānaṃ pramāṇaṃ pramiti-kāraṇatāvaccchedaka-rūpavattvāt*» — «средство выведения есть истинное средство познания, поскольку оно обладает природой ограничителя причины, для истинного знания», т. е. истинное знание не может возникнуть без средств его выведения (см. II, § 22 (4)). Для осуществления указанного вывода необходимо обладать знанием определенного проникновения. Согласно Матхуре, именно об этом проникновении и говорит Гангеша во вступительной фразе «*ity atra sa viśayatvaṃ saptāmy-arthaḥ...*». В тексте Гангеша значит «*vyūpti-jñāne*», т. е. знание стоит в местном падеже, поскольку его надлежит согласовать с номинативом «*vyūptiḥ*» с помощью отношения «содержащего». Таким образом, объект, выраженный «*vyūptiḥ*», образует содержание знания, о котором говорится как о «*vyūpty-jñāna*» (см. II, § 55).

Текст 4.1—4 (B.I., 27.5—7): *Anumāna-niṣṭha-prāmāṇyānumiti-hetv ity anena vyūpter anumāna-prāmāṇyopapādatkva kathanād anumāna-prāmāṇya-nirūpaṇānantaram vyūpti-nirūpaṇa upodghāta eva¹) saṅgatiḥ sūcitā¹). Urapādatkvaṃ cātra jñāpakatvam.*

Вариант: (1) B.I., *saṅgatir iti sūcitam.*

Перевод: Словами «основание вывода в отношении истинности средств выведения» мы указываем на то, что проникновение обеспечивает истинность средств вывода. Следовательно, связь между настоящим обнаружением проникновения и предыдущим обнаружением истинности средств выведения оказывается отношением причинной связи типа «*upodghāta*». «Обеспечивает» здесь означает «обуславливает появление знания чего-либо».

Замечание: Между любыми двумя высказываниями или частями умозаключения должна существовать какая-то связь и обеспечиваться их совместимость. Это носит название «*saṅgati*». Умозаключение с несовместимыми членами является бессмыслицей. *Saṅgati* подразделяется на шесть типов, которые перечислены в следующем двустишии (см. N.K., слово *saṅgatiḥ*):

*Sa ca prasaṅgopodghāto hetutāvasaras tathā
Nirvāhakaikyā-kāryaikye ṣoḍhā saṅgatir īsyate.*

О втором типе *upodghāta* сказано, что он является *urapādatkva-rūpa*, или *jñāpakatva-rūpa*, т. е. принимает форму обстоятельств, при которых А обеспечивает возникновение знания В.

Jñāpakatva более точно определяется как svaviṣayaka-jñāna-jānaka-jñāna-viṣayatvam, т. е. А является объектом знания, которое в свою очередь обуславливает возникновение знания В. Так, например, дым есть jñāpaka огня. В данном же случае проникновение есть jñāpaka вывода в отношении истинности средств выведения, поскольку знание первого обуславливает знание второго (см. II, § 3, последний абзац). Следовательно, этот раздел оказывается вполне уместным.

Текст 6.1—3 (B.I., 27.8—11): Keci tu anumiti-padam anumiti-n-ṣṭhetara-bhedānumiti-param, tathā cānumiti-niṣṭhetara-bhedānumitau yo hetuḥ prāg-ukta-vyāpti-prakāra-pakṣa-dharmata-jñāna—1)janya-jñānatva¹⁾-rupas tad-ghaṭakam yad vyāpti-jñānam tad-amṣe viśeṣanibhūta vyāptiḥ kety arthaḥ.

Вариант: (1) B.I., -janyatva.

Перевод: Однако некоторые утверждают, что слово «вывод» означает выведение результата, по которому в выводе имеется некоторое отличие от всего прочего, [не являющегося выводом]. В этом выводе, а именно в утверждении, что «вывод отличен от всего прочего», *h* представлено в форме [определения вывода], предварительно предложенной [Гангешей, Т.С., II, 2], а именно как «знание, порождаемое прежним знанием природы пакши, в котором проникновение является главным спецификатором». Иными словами, «проникновение» является спецификатором в элементе понятия «знание проникновения», и этот самый элемент приводит к образованию (т. е. является необходимой предшествующей стадией) упомянутого *h*. Гангеша, по-видимому, хочет спросить: «Что же такое данное проникновение?»

Замечание: Одна из целей всякого определения состоит в том, чтобы отличить определяемую вещь от всего прочего. Таким образом, для истинных определений должен быть справедливым вывод:

«lakṣya-itara-bhedavan tādrśa-lakṣaṇāt» — «определяемое отлично от всего прочего, поскольку оно соответствует данному определению». Если принять «вывод» в качестве 'пакши', можно сформулировать следующее утверждение:

«anumitir anumititara-bhedavaty anumiti-lakṣaṇāt» — «вывод отличен от того, что не является выводом, поскольку он соответствует определению вывода». Здесь *h* служит определением вывода, которое было предложено Гангешей (см. II, § 6, собственная формулировка Гангешы при этом несколько отличается от того, что приведено у Матхуры, который на нее ссылается). Здесь *h* (определение вывода) предполагает наличие предшествующих стадий операции выведения и некоторую инструментальную причину. Знание проникновения

как раз будет этой самой инструментальной причиной, и именно о таком проникновении, согласно мнению ряда интерпретаторов, говорит Гангеша во вступительной фразе приведенного выше отрывка.

Текст 6.3—5 (B.I., 27.11—12): *Ghaṭakatvārthaka-saptamī tatpuruṣa-samāsāt tathā ca prāg-uktānumiti-lakṣaṇopodghāta eva saṅgatir anena sucitety ahuḥ.*

Перевод: Утверждают далее, что употребленное сложное слово (anumiti-hetu-vyāpti-jñāna) — «знание проникновения в *h* (т. е. проникновения, создающего *h*) для вывода (т. е. *s*)» относится к типу «tatpuruṣa» (сложное словообразование с внутренним отношением управления), в котором anumiti-hetu следует понимать как форму местного падежа, поскольку в нем заключено нечто; так что в полном соответствии с этим на уместность данного определения указывает термин «upodghāta»; в самом деле, проникновение приводит к образованию, т. е. служит upodghāta для упомянутого определения вывода.

Текст 7.1—2 (B.I., 28.1—2): *Na tāvat iti. Tāvat vākyaśāṅkāre. Avyabharitatvam avyabharitātva-śabda-pratipādyam.*

Перевод: «*Na tāvat*»: *tāvat* вставлено для улучшения стиля. «*Avyabharitatvam*»: смысл его непосредственно передается словом *avyabharitātva*.

Замечание. Относительно *avyabharitātva* (неотклонение) см. II, § 33. В системе грамматики Панини употребление окончания номинатива поясняется не путем указания на соответствующую зависимость (на отношении именительного падежа, которое обнаруживается глагольной флексией), а просто через *prātipadikāraṭha*, т. е. по смыслу, либо непосредственно передаваемому словом, либо указанием на род, степень или число (см. Панини, 2, 3.46. «Сиддханта-каууди», 532).

Текст 7.2—6 (B.I., 28.2—7): *Tatra hetum āha taddhity-ādī. Hi yasmāt, tad avyabharitātva-śabda-pratipādyam, neti sarvasminn eva lakṣaṇe sambadhyate, tathā ca vyāptir yataḥ sādhyābhāvavad-avṛttitvādi-rūpavyabharitātva-śabda-pratipādyasvarūpa na, ato 'vyabharitātva-śabda-pratipādyasvarūpa nety arthaḥ parayavasitaḥ. Viśeṣābhāva-kūṭasya sāmānyābhāva-hetutā¹⁾ prasiddhai veti na²⁾ nañ-dvayopādānaṃ²⁾ nirārthakam.*

Варианты: (1) В B.I. вставлено «*ca*»; (2) B.I.— «*ataḥ etan nañ-dvayopādānaṃ na*».

Перевод: Гангеша приводит обоснование: «*tad-dhi*» и т. д. «*hi*» означает «поскольку». «*Tat*» обозначает смысл, непосредственно передаваемый словом *avyabharitatva*. Отрицание должно присутствовать во всяком определении. Таким образом, в развернутом виде сказанное будет означать следующее: поскольку проникновение — это не то же самое понятие, смысл которого непосредственно передается словом «неотклонение», когда оно определяется в виде не встречающегося, [для *h*] в месте отсутствия *s* и т. д., то проникновение — это не то понятие, смысл которого передается словом «неотклонение» (в любой форме). Использование двух отрицаний практикуется с определенной целью, так как хорошо известно, что логическое произведение видовых отсутствий дает родовое отсутствие.

Замечание: О логическом произведении см. II, § 38.

Первое определение «*sādhyābhāvad-avṛttitvam*»

Текст 14.1—5 (B.I., 28.7—12): *Sādhyābhāvad-avṛttitvam* iti. *Vṛttam* vṛttir, bhāve niṣṭhā-pratyayāt. *Vṛttasyābhāvo 'vṛttam* vṛtty-abhāva iti yāvat, *sādhyābhāvato 'vṛttam sādhyābhāvad-avṛttam* *sādhyābhāvad-vṛtty-abhāva* iti yāvat, *tad yatrāsti* 1) *sa* 1) *sādhyābhāvad avṛtti matv-arthiyen-pratyayāt, tasya bhāvaḥ sādhyābhāvad avṛttitvam, tathā ca sādhyābhāvad-vṛtty-abhāvavattvam* iti phalitam iti prāñcaḥ.

Вариант: (1) В B.I. отсутствует «*sa*»

Перевод: В «старой» школе сложное слово *sādhyābhāvad-avṛttitva* анализировалось следующим образом: *vṛtta* означает *vṛtti* (встречаемость): пассивное причастие прошедшего времени употребляется в роли существительного, обозначающего действие (Pāṇ., 3.4.70). *Avṛtta* = отсутствие *vṛtta*, т. е. отсутствие *vṛtti* (невстречаемость *vṛtti*). *Sādhyābhāvad-avṛtta* = *avṛtta* (отсутствие встречаемости) в том, чему присуще отсутствие *s*. *Sādhyābhāvad-avṛttin* = «обладающее» (т. е. служащее местом) *sādhyābhāvad-avṛtta*; здесь суффикс — *-in* обозначает обладание. *Sādhyābhāvad-avṛttitva* означает «бывание этим» (т. е. абстракцию *sādhyābhāvad-avṛttin*). Таким образом, полный смысл утверждения сводится к тому, что *h* является «объектом, который обладает свойством отсутствия встречаемости в том, чему присуще отсутствие *s*».

Замечание: Под «старой» школой Матхура, по-видимому, подразумевает нью до Рагхунатхи.

Текст 14.5—8 (B.I., 28.12—29.2): *Tad asat, na karmadhārayān matv-arthīyo bahuvrīhīś cet ¹)tad-artha-pratipatti¹)-kara ity anuśāsana-virodhāt. Tatra-karmadhāraya-padasya bahuvrīhitara-samāsa²)paratvāt²). Tac cāguṇavattvam iti sādharma-vyākhyānāvasare Guṇa-prakāśa-rahasye³)tad³)-Didhiti-rahasye ca sphuṭam.*

Варианты: (1) К., *tadapatti*; B.I., *artha-pratipatti*; (2) К., *parārthaprativāt*; (3) К., отсутствует *tad*.

Перевод: Однако это неверный анализ, поскольку он противоречит правилу: «Не следует прибавлять притяжательный суффикс к сложному слову типа «*karmadhāraya*», если то же значение можно передать по типу «*bahuvrīhi* (сложное слово с притяжательным значением, но без соответствующего суффикса)»; согласно этому правилу, слово «*karmadhāraya*» может быть использовано вместо любого другого сложного слова, кроме «*bahuvrīhi*». Это ясно из [моего комментария] «Рахасья» к «Гуна-пракаша» Вардхаманы, а именно из параграфа, начинающегося со слова *aguṇavattvam* и посвященного разъяснению общих качеств, а также из [моего субкомментария] «Рахасья» к «Дидхити» Рагхунатхи, являющейся комментарием к тому же произведению (т. е. к «Гуна-пракаша»).

Замечание: Это правило не встречается ни у Панини, ни в «Вартикe». Шри Калипада Таркачарья сообщил мне, что, по всей видимости, оно отсутствует также и в «Махабхашье». Шив. Мишра показал, что этому правилу желательно следовать для простоты выражения. Сложное слово по типу «*bahuvrīhi*» — *pīṭāmbaga* — «обладающий желтым одеянием» можно однозначно интерпретировать в виде выражения «тот, у кого желтое одеяние», в то время как слово *pīṭāmbagavān*, обозначающее тот же самый объект, интерпретируется в два этапа, а именно: 1) *pīṭāmbagam* — «[то, что] желто и [есть] одеяние»; 2) *pīṭāmbagavān* — «тот, чье это» (т. е. «то, что желто и есть одеяние»).

О комментариях, на которые ссылается Матхура, см. раздел 1.

Текст 17.1—3 (B.I., 29.2—4): *Avyayībhāva-samāsottara-pādārthena samaṃ tat-samāsanīviṣṭa-padārthāntarānvayaysyāvuyut-pannatvāt, ¹)yathā¹)bhūtalopakumbham, bhūtalāghaṭam ity-ādau bhūtala-vṛtti-ghaṭa-samīpa-tad-atyantābhāvayor apratiteḥ.*

Вариант: (1) B.I. — *ca*.

Перевод: [Прежняя интерпретация неверна] еще и потому, что невозможно согласовать со вторым членом сложного слова типа «*avyayībhāva*» (несклоняемое) еще один элемент, кото-

рый не включался бы в это сложное слово. Так, bhūtalopakumbha не может означать «около горшка на земле», а bhūtalāghaṭam не может означать «постоянное отсутствие горшка на земле».

Замечание: Поскольку Матхура говорит вслед за этим, что сложное слово типа «avyayībhāva» невозможно принудить к дальнейшему словосложению, то его замечание следует признать явной гиперкритикой. Это замечание основывается на принципе, что во всяком сложном слове имеется главный, или основной, член (pradhāna-padārtha), который управляет остальной частью соответствующего высказывания. Как замечает Шив. Мишра, ṛddhasya-gāja-mātaṅgaḥ не может означать «слоны богатого раджи». В этом примере второй член сложного слова представляет собой pradhānya; в приводившихся выше Матхурой примерах, как и во всех нормальных случаях «avyayībhāvas», в роли «pradhānya» выступают первые члены.

Текст 17.3—6 (B.I., 29.5—8): Etena vṛtter abhāvo, 'vṛttity avyayībhāvānantaraṃ sādhyābhāvavato 'vṛttir yatreti bahuvrīhir ity api pratyuktaṃ, vṛttau sādhyābhāvavato 'navyayāpatteḥ. Avyayībhāva-samāsasyāvvyayatayā tena samaṃ samāsāntarāsambhavāc ca. Nañ-upādhy-adi-rūpāvyaya-viśeṣāṇām eva samasyamānatvena parigaṇitavāt.

Перевод: Стало быть, нельзя признать допустимым следующий анализ: 1) avṛtti — сложное слово типа «avyayībhāva», обозначающее отсутствие встречаемости (vṛtti); 2) после чего можно образовать сложное слово по типу «bahuvrīhi», которое будет означать: «обладающее свойством отсутствия встречаемости в том, чему присуще отсутствие». Последнее исключено, потому что в такого рода конструкции vṛtti требовало бы после себя sādhyābhāvavat, что невозможно, а также потому, что сложное слово типа «avyayībhāva», будучи несклоняемым, не способно участвовать в дальнейшем словосложении, ибо существует правило, согласно которому лишь отдельные несклоняемые слова, такие, как a, ura, adhi и т. п., могут входить в состав сложных конструкций.

Замечание. Уяснению изложенной выше грамматической аргументации против прежних интерпретаций sādhyābhāvavad-avṛttitvam поможет анализ по следующей схеме:

I. Sādhyābhāvavad-avṛtta + притяжательный суффикс -in.

(а) часть сложного слова, подчеркнутая одной линией, понимается как «tatpuruṣa».

(б) часть, подчеркнутая двумя линиями, понимается как «avyayībhāva».

- (а) неверно, поскольку нельзя прибавлять к *tatpuruṣa* суффикс *-in*, если тот же смысл можно передать с помощью *bahuvrīhi*;
- (б) неверно, поскольку нельзя требовать, чтобы второй элемент сложного слова *avyayībhāva*, являющийся подчиненным членом, управлял понятием, не входящим в состав сложного слова.

II. sādhyābhāvavad-avṛtti

(а) часть слова, подчеркнутая одной линией, понимается как «*bahuvrīhi*»;

(б) часть слова, подчеркнутая двумя линиями, понимается как «*avyayībhāva*».

(б) неверно,

(1) поскольку нельзя требовать, чтобы *vṛtti* управлялось *sādhyābhāvavat* и

(2) поскольку нельзя составлять сложное слово типа «*avyayībhāva*» в произвольном порядке.

Далее Матхура предлагает более позднюю и, по его мнению, более точную интерпретацию.

Текст 20.1—4 (B.I., 29.9—30): *Vastutas tu sādhyābhāvavato na vṛttir yatreti tri-pada-vyadhikaraṇa-bahuvrīhy-uttaraṃ tva-pratyayaḥ. Sādhyābhāvavata ity atra nirūpitatvam ṣaṣṭhy-arthah. Anvayaś cāsyā vṛttau. Tathā ca sādhyābhāvādhikaraṇa-nirūpita-vṛtṭy-abhāvavattvam avyabhicaritativam iti phalitam.*

Перевод: Но в действительности [сложное слово *sādhyābhāvavad-avṛttitvam*] есть *vyadhikaraṇa-bahuvrīhi* (т. е. сложное понятие, члены которого характеризуются независимым согласованием, например *a* согласуется с *v*, *v* — с *c*), состоящее из трех слов и означающее [выражение] «для чего невозможна встречаемость в месте отсутствия *s*», с прибавлением [к нему] абстрактного суффикса *-tva*. «Место отсутствия *s* имеет смысл родительного падежа, поскольку у встречаемости есть свойство обнаруживаться этим местом, и поэтому последнее должно согласовываться с встречаемостью. Таким образом, полный смысл этого утверждения будет следующим: «Неотклонение [*h*] есть [его] свойство обладания отсутствием встречаемости, обнаруживаемое местом отсутствия *s*».

Замечание: Относительно «обнаружения» см. раздел II, § 20. Обращает на себя внимание своеобразный способ выражения, когда наяйки говорят *nirūpitatvam* вместо ожидаемого *nirūpakatvam* (ср. с *viśayatvam* у Матхуры, I.1.—4.2 и с замечаниями к разделу II, § 55).

Вместо выражения «свойство обладания отсутствием встречаемости, обнаруживаемое $l-s$ », можно подставить «отсутствие встречаемости, обнаруживаемое $l-s$ » (sādhyā-abhāvādhikaraṇa-nirūpita-vṛttivābhāva, Шив. Мишра, 22. 13—14). Ср. раздел II, § 20, абзац 6. Тогда интерпретацию Матхуры удобно символически представить как $-o_1 \text{ } l-s_1 \bar{P}h$.

Текст 20.4—6 (B.I., 30.1—4): Na ca vyadhikaraṇa-bahuvrīhiḥ sarvatra na sādhuḥ iti vācyam. Ayaṁ hetuḥ, sādhyābhāvavad-avṛttiḥ ity-ātau vyadhikaraṇa-bahuvrīhiṃ vinā gaty-antarābhāvenātrāpi vyadhikaraṇa-bahuvrīheḥ sādhutvāt.

Перевод: Никто не станет возражать, что интерпретация по типу vyadhikaraṇa-bahuvrīhi всегда будет правильной. По этой самой причине в таких случаях, как sādhyābhāvavad-avṛtti и т. п., [когда возможна интерпретация сложного понятия] только в виде vyadhikaraṇa-bahuvrīhi, правильно рассматривать это слово как bahuvrīhi.

Дополнения к первому определению

Текст 24.1—3 (B.I., 30.4—7): Sādhyābhāvādhikaraṇa¹)vṛtṭi¹)-abhāvaś ca tādrśa²)vṛtṭitva²)-sāmānyābhāvo bodhyaḥ, tena dhūmavān vahner ity-ātau dhūmābhāvavaj-jalahradādi³)vṛtṭi³)-abhāvasya dhūmābhāvavad-vṛtṭitva-jalatvobhayatvādy⁴)-avacchinābhāvasya ca vahnau sattve 'pi⁵) na kṣatih⁵).

Варианты: (1) B.I.,— vṛtṭitva—; (2) B.I.,— vṛtṭi; (3) B.I.,— vṛtṭitva; (4) в издании К. отсутствует ady; (5) B.I. nātivyāptiḥ.

Перевод: Отсутствие встречаемости в месте отсутствия следует понимать как родовое отсутствие соответствующего встречающегося₁. Таким образом, даже в случае ложного вывода (например: «Здесь дым [ввиду] огня») определение оказывается правильным (а именно: оно лишено недостатка [сверхпроникновения], хотя бы имелось отсутствие встречаемости [h] огня в [видовом] месте отсутствия s, например, в озере, а в огне находилось такого рода отсутствие, которое конъюнкцией «водность-встречающееся₁» ограничено местом отсутствия дыма.

Замечание: Матхура предлагает ряд дополнений (niveśana), или уточнений к определению, чтобы тем самым отвести возможные возражения.

Возражение 1: Если придерживаться данного определения, а именно:

$$-o_1 \text{ } l-s_1 \bar{P}h,$$

то ложный вывод окажется истинным.

Пример: «На горе дым [ввиду] огня».

s : дым	— s : дым	h : огонь
ls : гора	$l-s$: озеро	lh : гора

h не встречается в $l-s$, следовательно, вывод должен быть истинным.

Вторая часть возражения преподносится более тонко. Ее объяснение приведено в разделе II, § 36.

Даже если мы примем в качестве $l-s$ раскаленное ядро, в котором огонь действительно пребывает, все равно для огня по-прежнему остается верным.

— $(o_1, l-s, \text{вода}_1)$.

Дополнение 1 устраняет указанное возражение благодаря выдвигаемому требованию, чтобы отсутствие o_1 было родовым отсутствием. Видовое отсутствие o_1 , т. е. отсутствие того или иного встречающегося₁, о котором шла речь в возражении 1, не имеет значения: h не должно встречаться ни в одном $l-s$. См. раздел II, § 32, пример (4) и сл.

Текст 27.1—3 (B.I., 30.7—9): ¹)Vṛttis¹) ca hetutāvaccchedaka-sambandhena vivakṣaṇiyā, tena vahny-abhāvavati dhūmāvayate jalahradau²) ca²) samavāyena kālika-³)viśeṣaṇatādina³) ca dhūmasya vṛttāv api na kṣatiḥ.

Варианты: (1) B.I., sādhyābhavavad-avṛttis;

(2) B.I. —'ca'— отсутствует; (3) B.I., viśeṣaṇatayā.

Перевод: Под «встречаемостью» следует понимать встречаемость в таком отношении, которое является ограничивающим отношением для h_1 . Таким образом (в случае истинного вывода, например: «Здесь огонь [ввиду] дыма»), это определение можно принять без всякого ущерба (речь идет о возможности «непроникновения определения»), даже если действительно имеется встречаемость [h] дыма через отношение присущности частицам дыма, которые суть места отсутствия [s] огня, и если даже действительно имеется встречаемость дыма через посредство косвенного временного отношения и т. п., в озере и т. п., т. е. в месте отсутствия огня.

Замечание: Возражение 2. Однако истинный вывод может оказаться ложным.

Пример: «На горе огонь [ввиду] дыма».

s : огонь	— s : огонь	h : дым
ls : гора	$l-s$: частица дыма	
	: озеро	

hN — частица дыма, поскольку субстанции пребывают в своих частях. hT — озеро (см. II, § 53).

Если не ограничить отношение, в котором встречается h , то оно сможет встретиться и в $l-s$.

Дополнение 2. Sambandhena vṛtti (встречаемость в этом отношении) есть сокращенное выражение для sambandhāvaccinna-vṛttitva (встречающееся₁, ограниченное этим отношением). Данное o_1 должно быть ограничено Rh_1 . Следовательно, в определении 1 o_1 , обнаруживаемое — o_1 , должно быть ограничено Rh_1 (см. II, § 28, пример (3) и сл.). Отношением, которое ограничивает h_1 дымом, когда огонь является s , будет контакт (см. раздел II, § 23, пример (4) и сл.). Посредством контакта дым не встречается ни в частицах дыма, ни в озере.

Таким образом, вывод не оказывается ложным.

Текст 29.1—4 (B.I., 30.10—14): Sādhyābhāvaś ca sādhyatāvachedaka¹) sambandhāvaccinna¹-sādhyatāvachedakāvaccinna-pratīyogitako bodhyaḥ. Tena vahnimān dhūmād ity-ādau samavāyādi-sambandhena vahni-sāmānyābhāvavati samyoga-sambandhena²)tat-tad-vahnitva-vahni-jalobhayatvādy-avaccinn²)abhāvavati ca parvatādau samyogena dhūmasya vṛttāv api na kṣatiḥ.

Варианты: (1) B.I., sambandhena; (2) K., tat-tad-vahnitva-jalobhayatvāvaccinna.

Перевод: Отсутствие s необходимо должно означать отсутствие, контрпозитив₁, к которому ограничен ограничивающим отношением s_1 , а также ограничителем (-лями) s_1 , не являющимся (-мися) отношением (-ниями). Так что [в случае истинного вывода], например: «Здесь огонь, [ввиду] дыма», не будет никакого ущерба для определения, даже если действительно наблюдается появление дыма вследствие контакта на горе и в тому подобных местах, которые суть места родового отсутствия огня через отношение присущности и т. п. и которые суть места видовых отсутствий, ограничиваемых той или иной огненностью либо конъюнкцией «огонь·вода».

Замечание: Возражение 3. Но тем не менее истинный вывод может оказаться ложным.

Пример (вывод для такого же случая, что и в предыдущем примере):

s : огонь	$-s$: — огонь	h : дым
ls : частица огня	$l-s$: гора	

Гора является ls посредством s , но не является ls посредством h . Так что гора сумеет оказаться $l-s$, и h будет встречаться на горе. Если не подобрать соответствующее отношение s , то вывод может оказаться ложным.

Возражение 4. (Тот же случай вывода.) Пусть s связано отношением контакта. Вывод при этом тоже окажется лож-

ным, если —s представляет собой видовое отсутствие. Пусть —s обозначает «отсутствие огня в очаге у Гангешы» или пусть —s означает отсутствие конъюнкции «огонь·вода» (см. раздел II, § 36). При этом гора по-прежнему будет $l-s$.

Дополнения 3 и 4. —s должно обнаруживать именно то s_1 , которое ограничено Rs_1 и gs_1 (см. раздел II, § 31). Ограничивающее отношение s_1 в огне для дыма есть C (см. раздел II, § 23, пример (4) и далее). Следовательно, возражение 3 снимается. Ограничивающее свойство s_1 в огне для дыма есть просто огненность, поскольку имеется всеобщее сопутствие между огнем в целом и дымом в целом, а не между частицами того и другого. Огонь в очаге Гангешы ограничен как «огненностью очага Гангешы», так и просто «огненностью» и, стало быть, согласно условию дополнения 4, не может фигурировать в качестве «s» в выражении «—s». Тем самым снимается возражение 4.

В S.M., 68, приводятся, в сущности, те же самые четыре возражения и дополнения, которые упоминаются у Матхуры.

Замечание по поводу «—s». Выражение «отсутствие 'садхьи'» (*sādhyābhāva*) может относиться и к взаимному, и к постоянному отсутствию. Это становится ясным из приводимого ниже текста. Там, где s_1 ограничено существенной тождественностью, отсутствие s будет взаимным отсутствием, там же, где s_1 ограничено любым другим отношением, отсутствие s будет постоянным отсутствием. В следующем далее тексте найдется очень немного примеров s_1 , ограниченного существенной тождественностью. Поэтому мне показалось, что проще пользоваться символом постоянного отсутствия, «—» (хотя это и не совсем точное употребление), нежели изобретать новый символ для выражения «отсутствие 'садхьи'» («—s»).

Текст 39.1—3 (B.I., 30.14—3.3): ¹)Nanu tathāpi¹) guṇatvavān jñānatvāt sattāvān jāter ity-ādau viśayitvavyāpyatvādi-sambandhena tādrśa-sādhyābhāvavati jñānādau jñānatva-jāty-āder ²)varttamānatvād avyāptiḥ²).

Варианты: (1) B.I., tādrśa-sādhyābhāvavattvaṃ sa abhāvīya viśeṣanātā-viśeṣeṇa bodhyaṃ tena; (2) B.I., vṛttāv api navyāptiḥ.

Перевод: [Возражение]. Однако определение все еще будет слишком узким и не захватит некоторых случаев истинного вывода. Например: «Это качество, поскольку это знание», или «Это реально, потому что обладает родовой характеристикой». В первом случае действительно отмечается встречаемость [*h*] познаваемости в знании, а знание есть место именно такого отсутствия s в отношении содержания. Во втором же случае встречаемость родовой характеристики наблюдается в производных субстанциях — в качестве и действии, которые суть

места именно такого отсутствия *s* в отношении непроникающего.

Замечание: Относительно формы этих двух случаев вывода см. раздел II, § 10. *Tādṛśa-sādhyābhāvavati* — «место именно такого отсутствия *s*». Под «именно таким» понимается отсутствие, отвечающее требованиям дополнений 3 и 4. В последних трех случаях слово *-ādi* оставлено без перевода — см. конец замечания.

Возражение 5. До этого места выбор отношения *h* обуславливался дополнением 2, а выбор отношения *s* — дополнением 4, однако ничего не было сказано об отношении между *—s* и *l—s*. Вследствие этого многие истинные выводы производят впечатление ложных. На специальном языке это называется «недостаточностью определения из-за непроникновения» (см. раздел II, § 56).

Пример (а). Вывод: (дословно) «Это обладает качеством, поскольку ему присуще знание₁».

<i>s</i> : качество ₁	<i>—s</i> : — качество ₁	<i>h</i> : знание ₁
<i>ls</i> : все 24 качества (одним из которых является знание) в отношении Н	<i>l—s</i> : субстанции, действия и т. п. в отношении \bar{P} .	<i>lh</i> : знание
	: знание в отношении содержания	

—s \bar{P} субстанции, действия и т. п., но *—s* относится к знанию в отношении содержания (см. раздел II, § 55), поскольку отсутствие качества может составить содержание знания.

Пример (б). Вывод: «Это реально, поскольку ему присуща родовая характеристика».

<i>s</i> : реальность	<i>—s</i> : — реальность	<i>h</i> : родовая характеристика
<i>ls</i> : субстанции, качества и действия (см. раздел II, § 26)	<i>l—s</i> : последние четыре категории в отношении \bar{P}	<i>lh</i> : субстанции, качества и действия [см. раздел II, § 13 (4)].

в отношении Н : субстанция, качества и действия в отношении непроникающего

—s \bar{P} последние четыре категории, но *—s* находится к первым трем категориям в отношении непроникающего (см. раздел II, § 55), поскольку *—s* не проникает первые три категории.

Употреблением слова *ādi* («и т. п.»), которое я счел нужным оставить без перевода, чтобы не создавать путаницы, Матхура хочет показать, что возможны и еще примеры. Если взять другие случаи истинного вывода (*ity-ādau*), там будут иные 'хету' (*jñānatva-jātyāder*), которые могут встречаться в других *l—s* (*jñānādau*), т. е. посредством иных отношений (*viśayitvavyūpyatvādi*).

Текст 40.1—41.3 (B.I., 31.6): 1) Na ca sādhyābhāvādhikaraṇatvam abhāvīya-viśeṣaṇatā-viśeṣa-sambandhena vivakṣitam iti vācyam. Tathā sati 1)ghaṭatvatyantābhāvavān ghaṭānyonyābhāvavān vā paṭatvād ity-ādau sādhyābhāvasya ghaṭatvāder 2)viśeṣaṇatā-viśeṣa-sambandhenā 'dhikaraṇasyāprasiddhy-3)avyāptir iti cen na³⁾, 4) atyantābhāvānyonyābhāvayor atyantābhāvasya sap-tama-padārtha-svarūpatvāt⁴⁾.

Варианты: (1) B.I., jāty-atyantābhāva-tadvad-anyonyābhāvayor atyantābhāvo na pratiyogi-pratiyogitāvaccchedaka-svarūpaḥ kintv atiriktaḥ. Тена; (2) В B.I. это выражение стоит между ādaу и sādhyā; (3) B.I., nātyvāptiḥ; (4) ВВ. I. отсутствует.

Перевод: [Возражение продолжается]. Но ведь нельзя сказать, будто здесь имеется в виду, что место отсутствия *s* должно входить в состав отношения частной спецификации отсутствия, поскольку в таком случае определение окажется слишком узким и не захватит некоторых случаев истинного вывода. Например: «Этому присуще постоянное отсутствие горшковости, потому что это — ткань» или «Это обладает взаимным отсутствием по отношению к горшку, потому что это — ткань». Здесь не может быть отношения частной спецификации отсутствия для —*s*, горшковости и т. п., [поскольку горшковость не есть отрицание].

[Ответ]. Возражение неверное, потому что постоянное отсутствие постоянного или взаимного отсутствия [не имеет той же природы, что и присутствие, но] обладает природой седьмой категории.

Замечание: Дополнение 5. Отношение между —*s* и *l*—*s* должно быть \bar{P} . Это устраняет трудности, создаваемые возражением 5. (Данное дополнение было лишь предположено. Позднее автор от него отказывается в пользу дополнения 6.)

Возражение 6. Когда *s* отрицательно, то —*s* будет положительно и, следовательно, не может вступать в отрицательное отношение, как это требуется по дополнению 5.

Пример. Вывод: «Это обладает постоянным отсутствием горшковости, потому что это — ткань».

Здесь: «—*s* \doteq постоянное отсутствие постоянного отсутствия горшковости \doteq горшковость» (согласно утверждению возражающего).

Опровержение. — — горшковость не будет существенно тождественной горшковости (см. раздел II, § 40).

Логика, придерживающиеся консервативных взглядов, выражали свое несогласие с точкой зрения, представленной в этом опровержении. Потому и Матхура отказывается от дополнения 5 в пользу другого дополнения, которое содержит определение, приемлемое для большинства.

Текст 41.4—7 (В.І., 31.7—32.1): *Atyantābhāv-¹) anyonyābhāvayor¹) atyantābhāvasya pratlyogy-ādi-svarūpatva-naye tu sādhyatāvacchedaka-sambandha-avacchinna²)-pratyogitāka-sādhyābhāva-vṛtti-sādhyā-sāmānyīya-pratyogitāvacchedaka-sambandhena sādhyābhāvādhikaraṇatvaṃ vaktavyam. Vṛtṭy-antam pratyogitāviśeṣaṇam.*

Варианты: (1) В.І.-āder; (2) В К. здесь вставлено -sādhyatāvacchedakāvacchinna, однако это не является обязательным: см. конец примечания к К., 46.2, где эта фраза опущена.

Перевод: Если придерживаться мнения, что постоянное отсутствие постоянного или взаимного отсутствия существенно идентично с контрпозитивом и т. п. [первого отсутствия], тогда о месте, для отсутствия *s* можно сказать, что оно ограничено тем отношением, которое ограничивает контрпозитив₁, обнаруживаемый всем *s* и пребывающий в —*s*. —*s* должно обнаруживать контрпозитив₁, ограниченный ограничивающим отношением *s*₁. [В образующемся длинном сложном слове] часть его, оканчивающаяся на *vṛtti*, служит определением к *pratyogitā*.

Замечание: Дополнение 6. Ошибки, на которые указывает возражение 5, возникают в результате того, что отношение между —*s* и *l*—*s* не регулируется должным образом. Дополнение 6 определяет выбор этого отношения таким образом, что оно может быть либо положительным, либо отрицательным, в зависимости от природы *s*. При внесении данного дополнения возможны три ситуации.

(1) Самый легкий способ объяснения первой ситуации состоит в использовании слова «несовместимый», хотя само это слово нигде фактически не встречается. —*s* должно находиться к *l*—*s* лишь в таком отношении, в котором оно выступает в качестве несовместимого с *s*. В возражении 5, пример (а), «(неотъемлемое качество)₁» нельзя считать несовместимым с «—(неотъемлемое качество)₁», выступающим «в отношении содержания», поскольку несовместимость устраняется прибавлением слов «в отношении содержания».

Итак, вместо того чтобы говорить, что —*s* должно быть несовместимо с *s*, Матхура утверждает: в —*s* должен находиться контрпозитив₁, обнаруживаемый [— —*s*, и, следовательно, поскольку мы теперь придерживаемся мнения, что — —*s* ≐ *s*] также и *s*. Если воспользоваться примером (а) из возражения 5, то контрпозитив₁ к «— — (неотъемлемое качество)₁», а следовательно, и к «(неотъемлемое качество)₁», может иметь в роли ограничивающего отношения только *Ṛ*. Иначе — —*s* не было бы существенно тождественно *s*. Как замечает Шив. Мишра (41.19), «лишь для — огня, ограничен-

ного Р, отсутствие его существенно тождественно огню (vahny-abhāvasya svarūpena yo 'bhāvas tasyaiva vahni-svarūpātīvāt)». (Позднее мы увидим (42.1—5), что —s может также иметь Т в качестве ограничителя, если допустить частичную несовместимость). Матхура приходит к выводу, что ограничивающее отношение контрпозитива₁ в —s всегда будет Р (или Т, если допустить частичную несовместимость), тогда s положительно. Если же s отрицательно, то это отношение будет таким же, что и отношение, ограничивающее контрпозитив₁ данным отрицанием. Дополнение 6 требует, чтобы место₁ для —s ограничивалось этим переменным отношением. Поскольку место₁ ограничено ограничивающим отношением его соответствующего адъюнкта₁ (см. раздел II, § 23, в конце), то последнее означает, что —s должно встречаться в l—s через посредство данного отношения.

(2) Контрпозитив₁, пребывающий в —s, должен обнаруживаться всем s в целом. Это подразумевает необходимость доказательства истинности —s, а не утверждение частичной несовместимости его с s. Матхура более подробно рассматривает это обстоятельство несколько ниже (42.1—5).

(3) До этого места в разбираемом замечании мы имели в виду контрпозитив₁, пребывающий в —s и обнаруживаемый — —s (\doteq s). Возможен также контрпозитив₁, пребывающий в s и обнаруживаемый —s. Этот контрпозитив₁ ограничивается в точности так же, как это требовалось в дополнении 3, т. е. он должен быть ограничен Rs₁. Условие, налагаемое дополнением 4, а именно: что этот контрпозитив₁ должен быть ограничен gs₁, содержится в тексте К., но фактически этот текст не является необходимым, поскольку такое же требование учитывается в дополнении 6, пункт 2.

Текст 41.7—9 (B.I., 32.1—3): Tadrśa-sambandhaś ca vahni-mān dhūmad ity-ādi-bhāva-sādhyaka-sthale viśeṣaṇatā-viśeṣa eva, ghatatv¹-ātyant¹-abhāvavān paṭatvād ity-ādi-abhāva-sādhyaka-sthale tu samavāyādir eva.

Вариант: (1) В B.I. отсутствует.

Перевод: Такого рода отношение может быть только отношением частной спецификации отсутствия при положительном s, например: «Этому присущ огонь [ввиду] дыма». С другой стороны, оно может быть положительным отношением, типа присущности и т. п., при отрицательном s, например: «Этому присуще постоянное отсутствие горшковости, потому что это — ткань».

Текст 42.1—5 (B.I., 32.3—8): Samavāya-viṣayitvādi-sambandhena prameyādi-sādhyake jñānatvādi-hetau sādhyatāvaccchedaka-

samavāyādi-sambandhāvacchinna-prameyādi-abhāvasya kalikādi-sambandhena yo 'bhāvaḥ so 'pi prameyatayā sādhyāntargatas tādīya-pratīyogitāvacchedaka-kalikādi-sambandhena sādhyābhāvādīkaraṇe¹⁾ jñāne¹⁾ jñānatvāder vṛtter avyūpti-vāraṇāya sāmānyapadopādānam.

Вариант: (1) В В.І. отсутствует.

Перевод: [Представим себе вывод], в котором «объект вывода» и т. п. есть *s* через присущность, отношение содержания и т. п., а познаваемость и т. п. есть *h*. Предположим также отсутствие [—*s*] через отношение времени и т. п. объекта знания и т. п. [*s*], каковое отсутствие [служит обнаружителем контрпозитива], ограниченного присущностью, выступающей в качестве ограничивающего отношения «сadhya-востности». Следующее по порядку отсутствие (т. е. — —*s*) окажется включенным в *s*, поскольку оно [— —*s*] также есть объект знания. Однако в отношении времени, которое является ограничивающим отношением для видового контрпозитива, [*s*₁ пребывающего в —*s*], знание есть место отсутствия *s*, а знание₁ и т. п. встречается в знании. Чтобы определение оказалось применимым и в подобных случаях, его следует дополнить словами «вообще» или «в целом».

Замечание. Выше было дано объяснение, почему —*s* оказывается несовместимым с *s*, но последнего недостаточно. Оно должно противоречить всякому *s*. Возражение 7 как раз и показывает, что получится, если допустить частичную совместимость, т. е. если не учесть дополнения 6, пункт 2.

Возражение 7. Истинный вывод превращается в ложный.

Пример. Вывод: «В этом имеется объект знания и т. п., присущий ему или образующий его содержание, потому что это — знание».

Объяснение. Объектом знания, присущим знанию, является родовая характеристика «знание₁». Объектами знания, находящимися к нему в отношении содержания, выступают все познаваемые вещи.

s : объект знания (через Н или отношение содержания) —*s* : — объект знания *h* : знание,
lh : знание

ls : знание

Если —*s* обусловлено Т, то знание есть место —*s*, поскольку как знание, так и его отсутствие могут существовать в один и тот же момент времени. Вопрос лишь в том, может ли —*s* быть обусловлено Т? С временем связаны только не вечные объекты (см. раздел II, § 53, абзац 3). Если —*s* обусловлено Т, то оно должно содержать в себе лишь не вечные

объекты. В таком случае последующее отрицание этого —*s*, поскольку оно включает все то, что исключается —*s*, будет содержать только вечные объекты. Но вечные объекты суть объекты знания. Следовательно, — —*s* распространяется на некоторые из объектов, относящихся к *s*. Стало быть, — —*s* включается в *s*, а возможное при этом «отсутствие *s* из-за *T*» есть частичная несовместимость. Если запрет такой несовместимости специально не оговорен, то она считается допустимой, поскольку в дополнении 6, пункт 1 просто требуется, чтобы контрпозитив₁ в —*s* обнаруживался *s*, но не указывается, в какой степени это необходимо.

У Шив. Мишры и в «Типпани», 1 к В.І., 32 выдвигается предположение, будто эту трудность можно преодолеть для тех случаев, когда *s*₁ ограничено *H*₁, если потребовать, чтобы *s*₁ в —*s* обнаруживалось чем-либо встречающимся в действительности. Вечные объекты, которые единственно включаются в наше — —*s*, не могут встречаться в отношении *H* (см. раздел II, § 49). Однако данная мера оказывается недостаточной, когда *s*₁ ограничено отношением содержания, поскольку вечные объекты могут образовывать содержание знания.

Возникшая трудность целиком устраняется благодаря требованию, изложенному в дополнении 6, пункт 2, а именно: *S*₁ в —*s* должно обнаруживаться *s* в целом. Это равносильно утверждению, что —*s* должно содержать *s* в полном объеме либо что —*s* должно быть целиком, а не частично несовместимо с *s*. При таком требовании, если *s* положительно, то —*s* может быть обусловлено только \bar{P} .

Текст 42.6—7 (В.І., 32.8—9): *Sādhya-sāmanīyatvaṃ ca yāvat-sādhya-nirūpitatvaṃ svānirūpaka-sādhyaka-bhinnatvaṃ iti yāvat.*

Перевод: Обнаруживаться всем *s* — значит обнаруживаться во всем объеме его распространения, Это подразумевает отличие его от контрпозитива₁ к 'садхье', которая не обнаруживает его (т. е. контрпозитив₁).

Замечание: Смысл первого очевиден. Вторую фразу Матхура вынужден был прибавить дополнительно, поскольку он понимал, что когда *s* является единичным (индивидуальным) объектом, то оно не может обладать свойством всеобщности, или дословно «классовой характеристикой» (см. II, § 16). Например, «*Etad-rūpavān etad-rasāt*» — «У этого такой цвет, потому что у него такой вкус» (т. е. «Это выглядит так потому, что у него такой вкус»). Если учесть второе замечание, то определение останется правильным, поскольку *s*, «этот цвет», не содержит ничего, что не обнаруживало бы контрпозитив₁, пребывающий в «отсутствии этого цвета».

Текст 42.7—10 (B.I., 32.9—33.3): *Asyaikokti¹)-mātra-paratayā¹) gauravasyādoṣatvāt, ²)anumiti²)-kāraṇatāvacchedake ca bhāva-sādhyaka-sthale abhāvīya-viśeṣaṇatā-viśeṣena sādhyābhāvādhikaraṇatvam, abhāva-sādhyaka-sthale ca yathā-yathaṃ samavāyādi-sambandhena sādhyābhāvādhikaraṇatvam upādeyaṃ sādhyā³)-bhedena kārya-kāraṇa-bhāva-bhedāt.*

Варианты: (1) B.I., *mātratayā*; (2) В B.I. отсутствует; (3) В К. вставлено *sādhana* (в скобках).

Перевод: Поскольку оно (т. е. переменное отношение, ограничивающее место₁ для $-s$.) обозначается только одним словом, то обвинение в «избыточности» отпадает. В соответствии с этим при положительном s , в проникновении считается допустимым, чтобы место₁ для $-s$ было ограничено отношением частной спецификации отсутствия, в то время как при отрицательном s правильным будет отыскать такое место₁ для $-s$, которое ограничивалось бы любым положительным отношением, присущностью и т. п., поскольку направление хода причинно-следственного процесса меняется в зависимости от перемены s .

Замечание: По поводу обвинения в «избыточности», см. раздел II, § 21. Дополнение 6 допускает различные отношения для $l-s$ между тем как дополнение 5 — только одно. Следовательно, дополнение 6 отличалось бы избыточностью по сравнению с дополнением 5, если бы переменное отношение в нем не было выражено одним словом. «В проникновении считается допустимым...» — букв. «в ограничителе причины, для вывода считается допустимым...»: Всякий вывод обусловлен проникновением (см. раздел II, § 4), значит, проникновение можно назвать ограничителем причины, для вывода (см. раздел II, § 22, примеры 4 и 8).

Текст 43.1—44.1 (B.I., 33.3—6): *Na ca tathāpi ghaṭānyonyābhāvavān paṭatvād ity atrānyonyābhāva-sādhyaka-sthale ghaṭatvādi¹)-rūpa¹)-sādhyābhāve na sādhyā-pratīyogitvam na vā samavāyādi-sambandhas tad-avacchedakas tādātmyasyaiva tad-avacchedakatvād ity avyāptis tad-avastheti vācyam.*

Вариант: (1) B.I., — *rūpe*.

Перевод: Нельзя признать справедливым следующее выражение: Определение по-прежнему остается слишком узким, так как не относится [к некоторым случаям истинного вывода, например:] «Этому» свойственно взаимное отсутствие с горшком, потому что это — ткань, поскольку там, где s представляет взаимное отсутствие, $-s$, будучи существенно тождественным с горшковостью и т. п., не может иметь в

качестве ограничивающего отношения присущность и т. п., ибо только существенная тождественность способна быть для него ограничивающим отношением.

Замечание: Возражение 8. Согласно той теории, в которой признается: «— $\dot{\div}$ горшок $\dot{=}$ горшковость» (см. раздел II, § 42, пример 1), дополнение 6 заставляет нас отбрасывать истинный вывод.

Пример. Вывод: «этому свойственно взаимное отсутствие с горшком, потому что это — ткань».

$s : \dot{\div}$ горшок	$-s : - \dot{\div}$ горшок	$h : \text{тканевость}$
$!s : \text{ткань}$	$(\dot{=} \text{горшок})$	$!h : \text{ткань}$

«с» для $\dot{\div}$ горшка будет горшок, а не горшковость. Соответственно в $-s$ (горшковость) для s вовсе не окажется c_1 , а будет только c_1 для $- -s$ ($- - \dot{\div}$ горшок). Отсюда вытекает, что если c_1 является взаимным отсутствием, то обнаруживаемый им c_1 должен быть ограничен только лишь отношением существенной тождественности (см. раздел II, § 27; и § 39, в конце). Даже если $- \dot{\div}$ горшок был бы $s \dot{\div}$ горшка, он не мог быть обусловлен присущностью, как то требуется по интерпретации Матхуры (41.7—9), в дополнении 6.

В этом дополнении термин «контрпозитив₁, встречающийся в $-s$ », применен в отношении всего s .

Позднее Матхура показывает (47.1—6), что уточняющую характеристику «встречающийся в $-s$ » нельзя опускать. Следовательно, для каждого случая вывода мы должны суметь найти контрпозитив₁, встречающийся в $-s$ для всего s , иначе наше определение в том виде, как оно интерпретируется в дополнении 6, окажется недостаточным, в связи с недемонстрируемостью одного из терминов (см. раздел II, § 56). В самом деле, теория, согласно которой «— $\dot{\div}$ горшок $\dot{=}$ горшковость», порождает два типа ситуаций, обнаруживающих такой недостаток: во-первых, тот тип, где $-s$ имеет вид $- \dot{\div} x$; во-вторых, тот тип, где $-s$ имеет вид $\dot{\div} x$. Возражение 8 относится к первому типу.

Несколько слов относительно метода Матхуры, которым он пользуется, преодолевая затруднение, возникающее в ситуации первого типа, помогут читателю понять связанную с этим методом аргументацию. Матхура не отрицает того, что «— $\dot{\div}$ горшок» существенно тождествен «горшковости». Однако он не говорит при этом, в каком виде ему представляется данное тождество. Впрочем, он делает это ниже, когда рассматривает затруднение по второму типу. Здесь же он просто показывает, что независимо от того, какую форму принимает «— $\dot{\div} x$ », оно должно быть «с» для « $\dot{\div} x$ ». Этого достаточно, чтобы отвести от его определения упрек в наличии «ошибки недемонстрируемого термина».

Текст 44.1—3 (B.I., 33.7—10): Atyantābhāvābhāvasya pratyogirūpatveṇa ghaṭa-bhedasya ghaṭa-bhedātyantābhāvatvāvachchinna¹)-pratyogitāk¹)-abhāva-rūpatayā ghaṭa-bhedātyantābhāva-rūpasya ghaṭa-bheda-pratyogitāvachchedakībhūta-ghaṭatvasyāpi samavāya-sambandhena ghaṭa-bheda-pratyogitvāt.

Вариант: (1) В B.I. отсутствует.

Перевод: [Сделанное возражение нельзя принять] по следующей причине. Отсутствие постоянного отсутствия существенно тождественно контрпозитиву [постоянного отсутствия]. Следовательно, отличие от горшка будет существенно тождественно отсутствию, контрпозитив, к которому ограничен [постоянным отсутствием,] отличия от горшка. Стало быть, даже «горшковость» хотя и является ограничителем контрпозитива, для отличия от горшка, будучи существенно идентичной с постоянным отсутствием отличия от горшка, сама служит контрпозитивом отличия от горшка и обусловлена присущностью.

Замечание. Опровержение (см. раздел II, § 42, абзац 3). Мы согласились отказаться от дополнения 5 и принять допущение, что $x \doteq - -x$.

Отсюда: $\div x \doteq - - \div x$.

Далее, $- \div x$, очевидно, будет «с» к $\div x$.

Следовательно, $- \div x$ есть «с» к $\div x$. Из этого вытекает, что отношение, в котором состоит « $- \div x$ », должно быть тем же отношением, в котором состоит « x » (см. «Trans.», 41.7—9). В 44.1—3 слово «присущность» понимается в том смысле, что оно представляет любое позитивное отношение.

Приведенная аргументация доказывает, что даже в том случае, когда s обозначает взаимное отсутствие, всегда найдется «с₁» к s , пребывающий в « $-s$ », и этот «с₁» может быть выражен иными отношениями, кроме существенного тождества, как это требуется по дополнению 6.

Текст 44.4—6 (B.I., 33.10—13): Na cānyatrātyantābhāvābhāvasya pratyogitve 'pi ghaṭādi¹)-bhedātyant²)ābhāvatvāvachchinābhāvo²). na ghaṭādi-bheda-svarūpaḥ kintu tat-pratyogitāvachchedakībhūta-ghaṭatvātyantābhāv-asvarūpa eveti śiddhānta iti vācyam.

Варианты: (1) В K. отсутствует -ādi; (2) B.I. ābhāvābhāvo.

Перевод: Нельзя признать состоятельной следующего рода теорию. Хотя в иных случаях отсутствие постоянного отсутствия существенно тождественно контрпозитиву [к постоянному отсутствию], однако отсутствие, ограниченное

постоянным отсутствием₁ отличия от горшка и т. п., не будет существенно тождественным отличием от горшка и т. п., но только существенно идентичным постоянному отсутствию горшковости, как ограничителя его контрпозитива₁.

Замечание: Возражение 9. В большинстве случаев — — $\dot{\equiv}$ горшок $\dot{\equiv}$ горшок. Мы можем только сказать, что — — $\dot{\equiv}$ горшок $\dot{\equiv}$ — горшковость. Пояснение к выражению «ограниченное постоянным отсутствием₁ чего-либо (atyantābhāvatva)» как отсутствие горшка ограничено ограничителями его c_1 , т. е. горшковостью и т. п. (см. II, § 30, 31), точно так же отсутствие постоянного отсутствия горшка ограничено ограничителями его c_1 . Но ведь его «с» есть постоянное отсутствие горшка, а c_1 , пребывающее в нем, имеет два ряда ограничителей (см. II, § 30), один из которых включает постоянное отсутствие₁ (atyantābhāvatva).

Текст 44.6—10 (B.I., 33.13—17): Yathā hi ghaṭatvāvaccchinna-ghaṭavattā-grahe ghaṭātyantābhāvasyāgrahād ghaṭātyantābhāvābhāva-vyavahārāc ca ghaṭātyantābhāvābhāvo ghaṭa-svarūpas, tathā ghaṭabhedavattā-grahe ghaṭa-bhedātyantābhāvāgrahād ghaṭa-bhedātyantābhāvābhāva-vyavahārāc ca ghaṭa-bheda eva tad-atyantābhāvavāvacchina-pratīyogitābhāva iti tat-siddhānto na yukti-sahaḥ¹⁾.

Вариант: (1) В К. прибавлено iti.

Перевод: Подобную теорию невозможно отстаивать; ибо всякий раз, когда видят горшок, при этом не видят постоянного отсутствия горшка. Соответственно отсутствие постоянного отсутствия горшка существенно идентично с горшком. Точно так же, когда замечают отличное от горшка, не видят при этом постоянного отсутствия отличия от горшка, а поэтому можно сказать, что имеется постоянное отсутствие отличия от горшка. Точно так же отсутствие, контрпозитив₁, к которому ограничен постоянным отсутствием₁ отличия от горшка, есть попросту отличие от горшка.

Замечание: Опровержение. Единственным основанием для утверждения: «— — горшок $\dot{\equiv}$ горшок» может служить то, что всюду с появлением первого появляется и второе, и наоборот (см. раздел II, § 40). Но это также справедливо и по отношению к паре «— — $\dot{\equiv}$ горшок» и « $\dot{\equiv}$ горшок».

Пояснение к выражению: «Всякий раз, когда виден горшок». Буквально это означает: «Там, где наблюдается свойство „обладающее₁“ (т. е. место₁) для горшка“, это „обладающее₁“ бывает ограничено горшковостью»: такого рода «обладающее₁» пребывает во всех объектах, с которыми встречается горшок.

Текст 44.11—12 (B.I., 33.17—19): Vinigamakābhāve¹) 'pi¹) ghaṭatvatvāvacchinna-pratīyogitāk²)-abhāvavad ghaṭa-bhedasyāpi ghaṭa-bhedātyantābhāvābhāvātva-siddher apratyūhatvāc ca.

Варианты: (1) B.I., -nāpi; (3) B.I.: вставлено atyanta.

Перевод: Против нашей теории невозможно выдвинуть ни одного возражения, поскольку при отсутствии критерия для выбора одного из вариантов мы можем доказать, что отсутствие постоянного отсутствия отличия от горшка есть отличие от горшка, точно так же как и отличие, контрпозитив, к которому ограничен горшковость-остью.

Замечание: Можно показать, что

$$- - \dot{x} \doteq \dot{x} \text{ и } - - \dot{x} \doteq -x_1.$$

Текст 44.12—45.4 (B.I., 33.19—34.4): Ata eva tādr̥ṣa-siddhānto nopādhyāya-sammataḥ. Ata eva ca abhāva-virahātmatvaṃ vastunaḥ pratīyogitā ity acāryaḥ. Anyathā ghaṭa-bhedātyantābhāva-pratīyoginī ghaṭa-bhede tal-¹)lakṣaṇavyāpteh¹), anyonyābhāva-pratīyogitāvachedaka-ghaṭatvātyantābhāve tal-lakṣaṇasyātivarty-āpatteś ca.

Вариант: (1) B.I., lakṣaṇavyāpty-āpatteḥ.

Перевод: Вот почему теория наших оппонентов расходится с мнением Наставника. Удайна определил *контрпозитив [отсутствия вещи]* как *отсутствие отсутствия этой вещи*. В противном случае (т. е. если настаивать на теории, по которой $- - \dot{x} \doteq -x_1$, и только) мы поневоле приходим к такому определению его (т. е. контрпозитива₁), которое не в состоянии удовлетворить истинному утверждению: «Контрпозитивом постоянного отсутствия отличия от горшка является отличие от горшка» и которое соответствует ложному утверждению: «[Контрпозитив постоянного отличия от горшка] есть постоянное отсутствие горшковости; являющееся ограничителем контрпозитива₁ для взаимного отсутствия».

Замечание. В ссылке на Удайну имеется в виду «Кусуманджали», III, 2 (это отмечено у Сена). В Навья-ньяе Удайна обычно упоминается под титулом «наставник» (acāryaḥ).

Если настаивать на том, что $- - \dot{x} \doteq -x_1$, и только, тогда

$$\begin{array}{l} \text{с для } - \dot{x} \text{ будет } -x_1 \\ \text{с для } - \dot{x} \text{ не может быть } \dot{x}. \end{array}$$

Текст 45.4—8 (B.I., 34.4—9): Na caivaṃ ghaṭatvatvāvacchinna-pratīyogitāka-ghaṭatvātyantābhāvasyāpi ghaṭa-bheda-svarūpatvāpattir iti vācyam. Tad-atyantābhāvātvaḥchinna-pratīyogitā-

kābhāvasyaiva tat-svarūpatvābhyupagamāt tadvattā-grahe tāḍṣā-tad-atyantābhāvābhāvasyaiva vyavahārāt, upādhyāyair ghaṭatvat-vāvacchinna-pratīyogitāka-ghaṭatvātyantābhāvasyāpi ghaṭa-bheda-svarūpatvābhyupagamāc ca.

Перевод: [Возражение]. Тогда следует признать, что «отсутствие горшковости, контрпозитив₁ к которому ограничен горшковость-ством», также существенно тождественно «отличию от горшка».

[Ответ]. Такого рода возражение не может быть призвано справедливым, поскольку принятое нами допущение состояло лишь в том, что «отсутствие (а именно — — \dot{x}), контрпозитив₁ к которому ограничен постоянным отсутствием₁ его (т. е. \dot{x})», тождественно ему же (\dot{x}), и мы сделали такое допущение на том основании, что когда видим вещь, то можем при этом утверждать об отсутствии постоянного отсутствия этой вещи. Кроме того, [ничего особенного не произойдет, даже если принять точку зрения оппонента, поскольку] Наставник допускает, что «отсутствие горшковости, контрпозитив₁ к которому ограничен горшковость-ством», также тождественно «отличию от горшка».

Замечание. «Также» (api): т. е. «а также — — \dot{x} горшок».

Возражение 10. Если допустить, что

$$— — \dot{x} \doteq \dot{x} \text{ и } — — \dot{x} \doteq \dot{x}_1.$$

то следует признать и что

$$\dot{x} \doteq -x_1.$$

Однако c_1 к $-x_1$ ограничен x_2 (в то время как защитники новой теории сами признают, что c_1 к \dot{x} ограничен x_1).

Ответ. Но мы и не утверждали, будто $\dot{x} \doteq -x_1$. Было сказано только, что единственной вещью, тождественной с \dot{x} , является — — \dot{x} .

[Здесь проводится различие между \dot{x} и — — \dot{x} . \dot{x} есть отсутствие, c_1 к которому ограничен x_2 , в то время как — — \dot{x} есть отсутствие, c_1 к которому хотя и ограничен x_2 (поскольку — — $\dot{x} \doteq x_2$), но также ограничен и постоянным отсутствием₁).

Однако можно спокойно допустить, что $\dot{x} \doteq -x_1$, так как это разрешается традицией.

Текст 46.1—47. 1 (B.I., 34.9—12): Na caivaṃ sādhyā-sāmāni-yapratīyogitāvachedaka-sambandhenaiva sādhyābhāvādhikaraṇatvaṃ vivakṣyatām, kiṃ sādhyatāvachedaka-sambandhāvachchinna-¹)pratīyogitāka¹-sādhyābhāva-vṛttitvasya pratīyogitā-viśeṣaṇatveti vasyam.

Вариант: (1) В B.I. отсутствует.

Перевод: [Возражение]. Пусть смысл определения просто сводится к тому, что место отсутствия s обусловлено отношением, которое ограничивает тот контрпозитив₁, который обнаруживается всем s . В чем же польза спецификации этого контрпозитива₁ как «пребывающего в отсутствии s , отсутствие к каковому контрпозитиву₁ ограничено ограничивающим отношением s_1 »?

Замечание: Возражение II. В чем смысл того, что в дополнении б. повторяется дополнение 3? Почему не сказать просто, что $l-s$ должно быть обусловлено Rc_1 [всё s_1 ?

Текст 47.1—6 (B.I., 34.12—35.5): Kālika-sambandhāvaccchinna-¹)pratiyogitāk¹)ātmatva-prakāra - pramā - viśeṣyatvābhāvasya viśeṣanā-tā-viśeṣeṇa sādhyatva ātmatvādi-hetāv avyāpty-āpatteḥ, kālika-sambandhāvaccchinna-sādhyābhāvasya viśeṣanā-tā-viśeṣanā²)yo 'bhāvas tasyāpi sādhyā-rūpatayā kālika-sambandhavad viśeṣantā-viśeṣo 'pi sādhyiya-pratiyogitāvaccchedaka-sambandhas tena sambandhenātmatva-prakāra - pramā - viśeṣyatva-rūpa-sādhyābhāvavaty ātmani hetor ātmatvasya vṛtteḥ.

Варианты: (1) В B.I. отсутствует; (2) В B.I. добавлено sambandhena.

Перевод: [Ответ]. Подобное упрощение недопустимо, поскольку в результате определение уже не будет удовлетворять [истинному выводу], в котором s есть «отсутствие специфицируемого₁ в истинном знании, для коего главным спецификатором будет одушевленность, причем контрпозитив₁ к этому отсутствию окажется ограниченным косвенным отношением времени, а само отсутствие обусловлено отношением частной спецификации; при этом в роли h будет выступать одушевленность» и т. п. Недостаточность такого варианта определения проявляется следующим образом. При отсутствии s , [контрпозитив₁ к которому может быть] ограничен временным отношением, тогда как само отсутствие обусловлено отношением частной спецификации, последующее отсутствие должно принять форму s . Значит, [в $-s$ будет пребывать контрпозитив₁ не только к $-s$, но также и к s , и] отношение, ограничивающее контрпозитив₁ для s , может быть как отношением частной спецификации, так и временным. Например, через посредство этого отношения (т. е. отношение частной спецификации) душа оказывается местом $-s$, поскольку $-s$ принимает форму «специфицируемого₁ в истинном знании которого главным спецификатором будет одушевленность», и в итоге у души появляется h , т. е. одушевленность.

Замечание. Ответ. Подобное упрощение оставляет отношение между s и ls неуточненным в процессе определения отношения $l-s$. А это приводит к ошибке, потому что истинный вывод оказывается ложным.

Пример. Вывод: «Это (т. е. душа) обладает отсутствием специфицируемого₁ в истинном знании, в котором одушевленность есть главный спецификатор, причем контрпозитив₁ к данному отсутствию ограничен T , а само отсутствие обусловлено P , поскольку это обладает одушевленностью (т. е., потому что это — душа)».

Нахождение s здесь усложняется необходимостью рассчитать самопротиворечивый термин «душа ограничена косвенным временным отношением»:

Разъяснения приводятся в разделе II, § 57.

В этом примере вывода:

s = отсутствие специфицируемого₁ и т. д., и т. п.,

$Rs_1 = P$ (следует обратить внимание на двусмысленность этого термина; о значении \bar{P} см. II, § 29),

c к s = специфицируемое₁ в истинном знании, в котором главным спецификатором является одушевленность,

$Rc_1 \quad |s_1 = T$,

h = одушевленность,

lh = душа.

Если мы учтем все отношения, содержащиеся в данных нашего примера, то ошибка не возникнет.

c	k	s	s	$-s$
T		\bar{P}		T

$-s$ должно обуславливаться T , чтобы оно было идентично c для s . Но специфицируемое₁ данного вида не может быть связано с lh (т. е. с душой) отношением T .

Однако если мы упростим дополнение 6, опустив выражение « $[c_1]$, пребывающее в $-s$ », причем последнее ($-s$) должно быть отсутствием, c_1 к которому ограничен Rs_1 , то нам не придется принимать во внимание отношение, ограничивающее s_1 , а потому отпадает необходимость учитывать часть данных в нашем примере. Мы можем предложить для s любое отношение по выбору.

Допустим, что мы предложили для s отношение T , и еще допустим, что мы построили $-s$ таким образом, что в $-s$ может находиться $c_1 \quad | -s_1$ (а следовательно, и $c_1 \quad |s_1$). Поскольку $-s$ должно быть действительно несовместимо с s (см. последний абзац примечания к 42.1-5), то отношение, которым теперь обуславливается $-s$, должно быть P . Вновь следует отметить двусмысленность « P ». Оно может обозначать либо P , либо \bar{P} .

Если мы упростим дополнение 6, как предполагалось, то получим в результате следующий ряд отношений:

$$\begin{array}{ccc} s & -s & - -s \\ T & P & T \end{array}$$

Итак, через Р (положительная частная спецификация) —s (специфицируемое₁, в истинном знании которого главным спецификатором будет одушевленность) пребывает в душе. Так что —s появляется в lh или, другими словами, h появляется в l—s, и истинный вывод оказывается ложным.

Очевидно, что эта ошибка не возникла бы, если бы мы сохранили полную форму дополнения 6, поскольку в этом случае мы вынуждены были бы принять во внимание Rs₁, задаваемое как Р, а —s тогда должно было связываться отношением Rc₁ s₁, которое есть Т.

Текст 50.1—51.1 (B.I., 35.5—36.1): Pratiyogitāvaccchedakat pratyogy apy anyonyābhāvābhāvaḥ tena¹) tādātmyena¹) sādhyatāyām ²)sādhyābhāva-vṛtti-sādhyā - sāmāniya - pratiyogitvasya nāprasiddhiḥ.

Варианты: (1) B.I., tādātma-sambandhena; (2) В B.I. вставлено sādhyatāvaccchedaka-sambandhāvacchinna.

Перевод: Отсутствие взаимного отсутствия само является контрпозитивом [взаимного отсутствия], а также ограничителем контрпозитива, к этому взаимному отсутствию. Так, когда s₁ ограничено существенной тождественностью, то в отсутствии s действительно пребывает контрпозитив₁, обнаруживаемый всеми s.

Замечание. Определение:

$$- \dot{x} \doteq x, \text{ так же как и } - \dot{x} \doteq x.$$

В разделе II, § 42, отмечалось, что это следует интерпретировать так: иногда $- \dot{x} \doteq x_1$, а иногда $- \dot{x} \doteq x$. Трудность первого типа (т. е. случаи, в которых —s принимает вид $- \dot{x}$; см. примечание к 43.1—44.1) преодолевается путем доказательства, что $- \dot{x}$ должно быть с к \dot{x} , независимо от вида —s. Трудность второго типа (т. е. случаи, в которых отсутствие s принимает вид \dot{x}) преодолеть значительно труднее.

Пример. Вывод: «[Это] существенно тождественно горшку, поскольку [ему присуща] горшковость».

$$\begin{array}{lll} s : \text{горшок} & -s : \dot{\text{горшок}} & h : \text{горшок}_1 \\ ls : \text{горшок} & & lh : \text{горшок} \end{array}$$

Rs₁ = существенная тождественность.

Следовательно, отсутствие s должно быть взаимным отсутствием.

Отсутствие s есть c к — отсутствию s ($— \dot{-}$ горшок). Если $— \dot{-}$ горшок принимает форму только «горшковости», но не «горшка», то в этом случае в отсутствии s для s (горшок) нет никакого c_1 , и определение становится недостаточным из-за недемонстрируемого термина.

Матхура устраняет эту недостаточность, выдвигая допущение, что $— \dot{-}x$ существенно тождественно x , а также x_1 . Стало быть, в приведенном примере в отсутствии s ($\dot{-}$ горшок) имеется c_1 для горшка (s). Как уже указывалось в разделе II, § 42, подобное решение нельзя признать самым удачным, и многие наяйки возражали против него.

Текст 51.2—4 (B.I., 36.1—5): Itthaṃ cāyantābhāvatvā-nirūpitatvenāpi sādhyā-sāmānīya-pratīyogitā viśeṣaṇīyā, anyathā ghaṭānyonyābhāvavān ghaṭatvatvād ity-ādāv¹) avyāpṭeḥ¹), tādātmya-sambandhasyāpi sādhyābhāva-vṛtti-sādhyīya-pratīyogitāvacchedakatvāt.

Вариант: (1) B.I. avyāpṭy-āpateḥ.

Перевод: Более того, «контрпозитив₁ для всякого s » необходимо специфицировать как «контрпозитив₁, обнаруживаемый постоянным отсутствием₁». Иначе определение не будет распространяться на некоторые случаи [истинного вывода], например: «Это отлично от горшка, потому что это горшковая», поскольку отношение существенного тождества может с равным успехом выступать как отношение, ограничивающее контрпозитив₁, пребывающий в $—s$ и обнаруживаемый s .

Замечание: «Отлично от горшка» — букв. «обладающее взаимным отсутствием с горшком» (ср. II, § 27). О значении «контрпозитива₁, обнаруживаемого постоянной отсутствием₁», см. раздел II, § 28.

Дополнение 7. Если в дополнении 6 говорится о c_1 , пребывающем в $—s$ и обнаруживаемом всем s , то дальше следует потребовать, чтобы это c_1 обнаруживалось не взаимным, а постоянным отсутствием. Иначе истинный вывод окажется ложным.

Пример. Вывод: (букв.) «Этому присуще взаимное отсутствие с горшком, потому что оно обладает горшковым».

c'_1		c''_1				
↓		↓				
горшок	$s : \dot{-}$ горшок	$—s : — \dot{-}$ горшок	$—s :$ гор-	$h :$ горшок ₂		
	$ls :$ все вещи, кроме горшков	($\dot{-}$ горшок, также горшок ₁)	шок	$lh :$ горшок ₁		

Здесь можно обнаружить две контрпозитивности: c'_1 , пребывающую в c к « $\dot{-}$ горшок» (s), и c''_1 , пребывающую в c к « $- - \dot{-}$ горшок» ($- - s$).

Поскольку c'_1 ограничено существенной тождественностью, то можно принять, что c''_1 также ограничено существенной тождественностью. Тогда, поскольку $-s$ есть горшковость, а также горшок, то место $-s$ будет горшковостью. Таким образом, h встречается в $l-s$.

Но если потребовать, чтобы c''_1 обнаруживалось постоянным отсутствием, то c''_1 уже не сможет ограничиваться существенной тождественностью (иначе отсутствие, которым оно обнаруживается, окажется взаимным), но будет ограничено присущностью и т. п. Горшковость связана с горшком отношением присущности. Таким образом, h не встретится в $l-s$.

Текст 51.5—53.3 (B.I., 36.5—10): *Yad vā sādhyatāvaccheda-ka - sambandhāvacchinna-sādhyābhāva-vṛtti-sādhyā-sāmānyā¹⁾ni-rukta¹⁾-pratiyogitva - tad-avacchedakatvānyonyatarāvacchedaka-sambandhenaiva sādhyābhāvādhikarāṇatvam vivakṣāṇīyam. Vṛtṭy-an-tam anyatara-viśeṣaṇam. Evaṃ ca ghaṭānyonyābhāvavān paṭatvād ity-ādau sādhyābhāvasya ghaṭatvādeḥ ²⁾sādhyīya²⁾-pratiyogitva-virahe 'pi na kṣatīḥ, tādṛṣānyatarasya ³⁾sādhyīya³⁾-pratiyogitāvacchedakatvasyaiva tatra sattvāt.*

Варианты: (1) В B.I. опущено; (2) B. I., *sādhyā*; (3) В B.I. опущено.

Перевод: Основная идея [определения Гангеши], можно сказать, состоит в том, что место₁ для отсутствия s ограничено ограничивающим отношением: либо (1) вышеупомянутого контрпозитива₁, обнаруживаемого всяким s , либо (2) ограничителя₁ для (1). Независимо от того, какое свойство избирают в качестве пребывающего в $-s$, $-s$ будет отсутствием, [контрпозитив₁ к которому] ограничен ограничивающим отношением s_1 . В длинном сложном слове та часть его, которая оканчивается на *vṛtti*, служит определением к *anyatara*. Если интерпретировать определение именно таким образом, то мы не придем к ошибке в таких случаях [истинного вывода], как: «Этому присуще взаимное отсутствие с горшком, потому что это ткань», даже если и не окажется контрпозитива₁ к s , пребывающего в отсутствии s , горшковости и т. п., поскольку в $-s$ есть ограничитель₁ к контрпозитиву₁ для s в одном из двух возможных вариантов.

Замечание: Пояснение выражения «ограничитель₁ к контрпозитиву₁»: « $c -$ горшка есть горшок». c_1 (т. е. обнаруживаемое чем-либо) горшка есть свойство, присущее $-$ горшку че-

рез Р. Ограничителем c_1 в горшке будет горшковость. Ограничителем для c_1 к «—горшок» будет свойство, пребывающее в горшке.

Дополнение 8. (Для простоты я заменяю «всякое s » на « s »). — s обусловлено либо ограничивающим отношением

$$c_1 \mid s_1 \quad P - s,$$

либо ограничивающим отношением

$$\text{ограничитель}_1 \mid c_1 \mid s_1 \quad P - s_1.$$

Это дополнение служит альтернативой к дополнению 6 при установлении отношения $l-s$. По сравнению с дополнением 6 оно страдает «избыточностью», однако, как показывает Матхура, приняв это дополнение, мы устраняем возражение 8 (см. примечания к 43.1—44.1).

Пример: Вывод: «Это обладает свойством взаимного отсутствия с горшком, потому что это — ткань».

c_1		ограничитель ₁		
↓		↓		
горшок	$s : \div$ горшок	— $s : - \div$ горшок		$h : \text{ткань}_1$
		(\div горшок ₁)		
		$l-s : \text{горшок}$		$lh : \text{ткань}$

Здесь, даже если в — s нет никакого $c_1 \mid s_1$, тем не менее в — s пребывает ограничитель₁ для $c_1 \mid s_1$, поскольку ограничителем $c_1 \mid s_1$ является горшковость, а в любом ограничителе находится ограничитель₁ для [обнаруживаемого тем объектом], который ограничивается. Этот ограничитель₁ будет в свою очередь ограничен отношением, в котором состоит его «место» (здесь: ограничитель «горшковость»); см. раздел II, § 24. Горшковость, как ограничитель горшка, обусловлена присущностью. Объекты $l-s$ через присущность суть горшки. Стало быть, h (тканевость) не появляется в $l-s$ (горшках).

Текст 59.1—3 (В.І., 36.10—13): Na ca tathāpi kapi-samyogy etad-vrkṣatvād iti-ādy-avyāpya-vṛtti-sādhyaka-sad-dhetāv avyāptir iti vācyam, nirukta-sādhyā-bhāvatva-viśiṣṭa-nirūpitā yā nirukta¹)-samsargaka-niravacchinnādhikaraṇatā tad-āśrayā-vṛttitvasya vivaḥṣitatvāt.

Вариант: (1) В В.І. вставлено -sambandha-.

Перевод: Никто не сможет возразить против того, что даже в таком виде определение не распространяется на те случаи истинного вывода, в которых s характеризуется неполным сопутствованием (встречаемостью), например: «Этому присущ контакт с обезьяной, потому что это дерево», поскольку в определении имеется в виду «отсутствии встречаю-

щегося, [в *h*] для субстрата такого неограниченного места₁, [ограничивающим] отношением к которому служит вышеупомянутое отношение и которое обнаруживается [объектом], специфицируемым отсутственностью *s*, причем отсутствие *s* носит упоминавшийся выше характер».

Замечание. Пояснение приводится в тексте следующего отрывка.

Текст 59.3—61. 2 (B.I., 36.13—16): *Guṇa-karmāṇyatva-viśiṣṭa-sattābhāvavān guṇatvād ity-ādau sattātmaka-sādhyābhāvādhi-karaṇatvasya guṇādi-vṛttitve 'pi sādhyābhāvātva-viśiṣṭa-nirūpitī) ādhikaraṇatvasya guṇady)ḥ-avṛttitvān nāvuyāptiḥ.*

Вариант: (1) K., -ādhikaraṇādy-.

Перевод: Определение, [понятое подобным образом], будет распространяться и на такие истинные выводы, как: «Это обладает отсутствием реальности, специфицированным тем свойством, которое характерно для всего того, что отлично от качества или действия, поскольку это качество и т. п.», даже если место₁, обнаруживаемое —*s*, при том, что —*s* является реальностью, встречается у качества и т. п., так как место₁, обнаруживаемое объектом, специфицированным отсутственностью *s*, не может встретиться у качества и т. п.

Замечание: Матхура предлагает дополнение к определению, устранившее два возможных возражения.

Возражение 12. Если *s* характеризуется неполным сопутствованием (встречаемостью), то истинный вывод окажется ложным. (О проблеме неполного сопутствования см. раздел II, § 45 и 46.)

Пример. Вывод: «[Этому] присущ контакт с обезьяной, потому что это данное дерево».

s : контакт с обезьяной —*s* : контакт с обезья- *h* : (это-дерев-

 ной ность)₁

l'—*s* : это дерево

l''—*s* : качество и т. п.

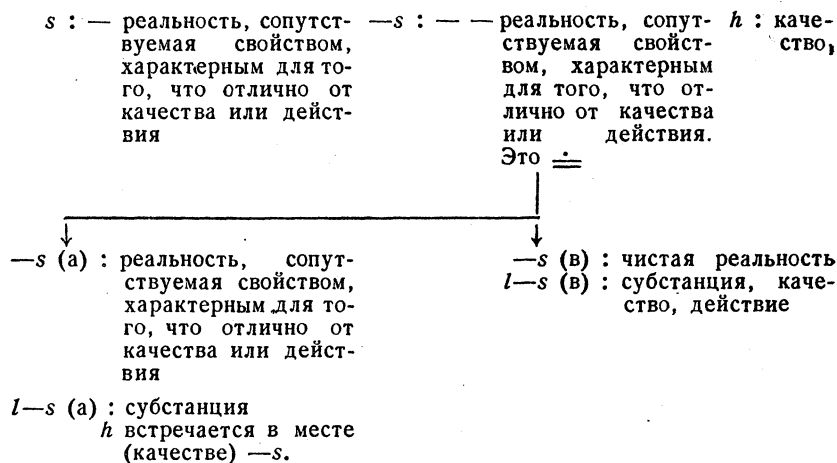
Здесь мы имеем два типа *l*—*s*: место для ограниченного встречающегося₁ в —*s* и место для неограниченного встречающегося₁ в —*s*. «Это дерево» (*l*') есть место для ограниченного встречающегося₁, поскольку оно есть также место *s*. Кроме того, если мы используем *l*', наше определение будет обладать недостатком непроницаемости, поскольку *h* появится в *l*—*s*.

Контакт является одним из 24 видов качества. Поскольку качества присущи лишь субстанциям, место контакта через присущность (т. е. *ls*) может быть только субстанцией. Качество, а также любая другая категория, кроме субстанции, есть место — контакта (*l*—*s*) через присущность. Но это бу-

дет местом для неограниченного встречающегося₁, поскольку оно не является в то же время местом *s*. Если мы вынуждены будем пользоваться именно таким местом, то ошибка в определении не возникнет.

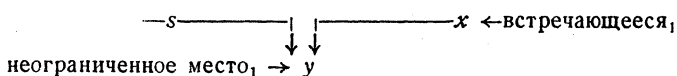
Возражение 13. Когда *s* есть отсутствие специфицированного объекта, истинный вывод оказывается ложным (по поводу проблемы специфицированных объектов см. раздел II, § 41).

Пример: Вывод: «Это обладает отсутствием реальности, специфицированной (т. е. сопутствующей) свойством, характерным для того, что отлично от качества или действия, поскольку это качество».

Дополнение 9. Там, где в первом определении Гангешы говорится о «—встречающемся₁, пребывающем в *h* и обнаруживаемом *l*—*s*» (т. е. что *h* не должно встречаться в *l*—*s*), фактически речь идет о «—встречающемся₁, обнаруживаемом субстратом (*l*—*s*) неограниченного места₁, которое обнаруживается объектом, специфицированным отсутствием —*s*».

Дополнение 9 содержит два новых ограничения. Для первого будут достаточны следующие термины:

—*s* полностью проявляется в *y*, т. е. нет такой части *y*, в которой не встречалось бы —*s*; следовательно, абстрактное свойство «неограниченное место₁, обнаруживаемое —*s*» (см. II, § 46), встречается и в *y*. *y* служит субстратом (иными словами, местом) для этого неограниченного места₁. Если *x* также встречается в *y*, то абстрактное свойство встречающееся₁, обнаруживаемое *y*, будет находиться и в *x*.

Дополнение 9 накладывает запрет на пребывание такого встречающегося₁ в *h*.

Возражение 12 теперь снимается, поскольку в предлагавшемся примере неограниченное место₁, обнаруживаемое —*s*, находится только в *l'* (качество и т. п.), а *h* не может встречаться в *l''*.

Прежде чем ввести новое ограничение, отметим, что сюда включаются и два старых. Во-первых, —*s* такое, «как упоминалось выше» (см. перевод), т. е. соблюдено ограничение, накладываемое дополнением 6. Во-вторых, неограниченное место₁ должно быть ограничено «вышеупомянутым» отношением, т. е. отношением, определенным в дополнениях 6 или 8. Тот факт, что «неограниченное» место₁ по-прежнему может быть «ограничено» отношением, связывающим «помещаемое» («—*s*», см. схему) и «место» (*y*), в котором пребывает это место₁, объясняется возможностью использования термина «ограниченное» в различных смыслах, как указано в II, § 46.

По второму новому ограничению в дополнении 9 происходит подстановка: на схеме вместо «—*s*» появляется «объект, специфицируемый отсутственностью *s*». Тем самым устраняется возражение 13.

В возражении 13 —*s* принималось существенно тождественным двум объектам, *a* и *v*, но последние могут иметь различную форму словесного выражения. Хотя оба они ограничены реальностью₁ (*sattātva*), *a* в то же время ограничено некоторым сложным свойством, а именно «отсутственностью отсутствия реальности, сопутствующей свойством, характерным для того, что отлично от качества или действия» (*guṇakarmānyatva-viśiṣṭa-sattābhāvābhāvatva*), что можно более коротко выразить в виде «отсутственности *s*» (*sādhyābhāvatva*); *v* же не специфицируется этим «усложненным» свойством. Несмотря на то что —*s* в форме «а» существенно тождественно —*s* в форме «в», «место-ности», обнаруживаемые *a* и *v*, не будут существенно идентичными. Дополнение 9 требует, чтобы мы осуществили выбор такого субстрата места₁ для —*s*, который обнаруживался бы специфицированным —*s*. В примере, приводившемся в возражении 13, таким субстратом может быть только субстанция, и *h* (качественность) в ней не может встречаться.

Текст 61.2—4 (B.I., 36.16—37.3): Na caivaṃ kapi-samyogābhāvavān sattvād ity ādau niravacchinna-sādhyābhāv-¹⁾ādhikaraṇatv¹⁾-āprasiddhyāvyāptir iti vācyam, kevalānvayiny abhāvād ity anena grantha-kṛtaivāsya doṣasya vakṣyamāṇatvāt.

Вариант: (1) K., -ādhikaraṇ-; однако см. параллельный отрывок 97.3—6 и Śiv. Miśra, 60.19.

Перевод: [Возражение]. Но в таком случае, определение не будет распространяться не некоторые случаи истинного вывода, например: «Это обладает отсутствием контакта с обезьяной, потому что это реально», поскольку невозможно отыскать неограниченное место, для —s.

[Ответ]. Подобного возражения делать не следовало, так как сам автор признает недостаток своего определения, когда говорит: «...поскольку ни в одном из этих случаев s не является универсально-присутствующим» (раздел III, конец текста).

Замечание: Возражение 14. Для некоторых случаев вывода невозможно отыскать неограниченное место, пребывающее в $l-s$, как это требуется по дополнению 9.

Пример: Вывод: «Это обладает отсутствием контакта с обезьяной, поскольку [это обладает] реальностью».

s : контакт с обезьяной — s : — — контакт с обезьяной (≡ контакт с обезьяной) h : реальность

Всякое место —s есть также место s.

Ответ: Гангеша отказывается от данного определения проникновения, поскольку оно не распространяется на случаи, когда s является повсеместно-присутствующим (случаи kevalānvaṃyī). Приведенный пример и представляет собой подобного рода случай, поскольку s встречается и там, где оно бывает, и там, где его нет. Возражение оппонента указывает на недостаток определения, а не позиции автора.

Заметим, что возражение 14 фактически устраняется вторым вариантом интерпретации данного определения (см. ниже, 83.1—5). Оно устраняется благодаря разделению недемонстрируемого термина. Однако Матхура воздерживается от использования этого приема в данном случае, поскольку s общеутвердительно, а Гангеша не настаивает на том, что его определение применимо для случаев повсеместно-присутствующего s.

В «Сиддханта-лакшана» (Т.С., II, 100—123) Гангеша предлагает новое определение проникновения, которое распространяется и на случаи «kevalānvaṃyī». «Siddhānta-lakṣaṇa», или окончательное определение, в простейшем виде приводится в Bh.P., 69: «hetuman-niṣṭha-virahāpratīyoginā sādhyena hetor aikādhikarāṇaṃ vyūptir ucyate» — «проникновение — это наличие у h общего места с s, причем s не является контрпозитивом отсутствия, находящимся в месте h». Окончательное определение также требует множества дополнений, чтобы оно могло распространяться на все случаи без исключения. Оно устанавливает правило встречаемости s в зависимости от h, в то время как первое и последующие четыре определения из «Вьяпти-панчака» устанавливают правила встречаемости h в зависимости от s.

Текст 61.5—10 (B.I., 37.3—9): Na ca tathāpi ¹⁾kapi¹⁾-saṃyogi-bhinnaṃ guṇatvād ity-ādaу niravacchinna-sādhyābhāvādhikaraṇatvāprasiddhyāvyāptir, anyonyābhāvasya vyāpya-vṛttitva-niyama-vādi-naye tasya kevalānvayū-anantargatatvād iti vācyam, anyonyābhāvasya vyāpya-vṛttitā-niyama-vādi-naye 'nyonyābhāvāntarātyantābhāvasya pratiyogitāvachedaka-svarūpatve 'pi avyāpya-vṛttimadanyonyābhāvābhāvasya vyāpya-vṛtti-svarūpasyātiritasyābhyupagamāt. Тас сāgre sphuṭi-bhaviṣyati.

Вариант: (1) В B.I. отсутствует.

Перевод: [Возражение]. Но и в таком виде определение по-прежнему не распространяется на некоторые случаи [истинного вывода], как, например: «Это отлично от места контакта с обезьяной, потому что это — качество». В самом деле, неограниченное место, для —s невозможно отыскать и, кроме того, выводы подобного рода нельзя отнести к случаям «kevalānvayū» — согласно мнению тех, кто полагает, что взаимному отсутствию должно быть свойственно полное соупствование (встречаемость).

[Ответ]. Высказанное возражение не может быть принято, ибо мнение тех, кто утверждает, что взаимному отсутствию должна быть свойственна полная встречаемость, по сути означает, что хотя постоянное отсутствие любого другого взаимного отсутствия принимает форму ограничителя контрпозитива, [для этого взаимного отсутствия], когда имеет место постоянное отсутствие взаимного отсутствия того, что служит местом объекта неполной встречаемости, однако природа этого постоянного отсутствия характеризуется полным его проявлением и вне сферы ограничителя контрпозитива, (т. е. оно характеризуется большим распространением, чем ограничитель контрпозитива, для взаимного отсутствия). Сказанное станет более ясным в ходе дальнейшего изложения.

Замечание: Возражение 15. Известны случаи даже с не повсеместно-присутствующим s, в которых нельзя найти неограниченного места, для s.

Пример. Вывод: «[Это] отлично от места контакта с обезьяной, потому что это качество».

s : — место контакта с обезьяной (kapi-saṃyogyānyonyābhāva)	—s : — место контакта с обезьяной (kapi-samyogyānyonyābhāvābhāva)	h : качество
---	---	--------------

Поскольку $— \dot{x} \doteq x_1$, то $— \dot{x}$ место контакта с обезьяной \doteq свойству, характерному для места контакта с обезьяной (kapi-samyogitva). Последнее, согласно правилу: «место свойства, характеризующего x, есть x» (см. II, § 11 в конце), существенно тождественно «контакту с обезьяной» (kapi-

samyoga). — *s* (контакт с обезьяной) обладает неполной встречаемостью. Неограниченное место, для него не может быть найдено.

Оппонент принимает оговорку Матхуры и согласен не рассматривать пока случаи с повсеместно-присутствующим *s*, однако приводит пример, где *s* по крайней мере отдельными логиками рассматривается не как «повсеместно-присутствующее». Это замечание относится к тем авторам, которые принимают « $\dot{-}$ место контакта с обезьяной» в качестве объекта полной встречаемости. Так ли это или нет — вопрос явно спорный. Те, кто настаивает на подобной интерпретации, утверждают относительно дерева с сидящей на нем обезьяной: «Это дерево есть место контакта с обезьяной и в то же время отсутствия контакта с обезьяной, однако оно не отлично от места контакта с обезьяной. Вещи, отличные от места контакта с обезьяной, суть качество и т. п.». Если « $\dot{-}$ место контакта с обезьяной» характеризуется полной встречаемостью, как это утверждают сторонники подобного взгляда, то оно все же не есть повсеместно-присутствующее: можно отыскать случаи его отсутствия (например, на *этом* дереве).

Ответ. Те, кто утверждает, что взаимное отсутствие требует полной встречаемости (и, следовательно, не будет повсеместно-присутствующим), хотя и признают, что в большинстве случаев — $\dot{-}x \doteq x_1$, однако продолжают при этом настаивать, что если *x* есть место объекта неполной встречаемости (например, контакта с обезьяной), то дело будет обстоять иначе, поскольку в подобных случаях — $\dot{-}x$ есть нечто совершенно отличное от x_1 и характеризуется полной встречаемостью. Выражаясь точнее, они утверждают, что «— $\dot{-}$ место контакта с обезьяной» включает все дерево в целом, а не просто ветвь, с которой находится в контакте обезьяна.

Пояснение выражения: «Сказанное станет более ясным в ходе дальнейшего изложения». Указанная проблема возникает вновь в связи с определением 4 проникновения (см. ниже, 97.11—16) и полностью анализируется в «Viśeṣa-vyāpti» (Т.С., 130—164).

Текст 63.1—5 (B.I., 37.10—15): Nanu tathāpi samavāyādīnā gaganādi-hetuke idaṃ vahnimād gaganād ity ādav ativyāptir, vahny-abhāvavati hetutāvaccchedaka-samavāya¹⁾-sambandhena gaganāder avṛtteḥ. Na ca tal lakṣyam eva, hetutāvaccchedaka-sambandhena pakṣa-dharmatvābhāvāc cāsad-dhetutva-vyavahāra iti vācyam, tatrāpi vyāpti-bhramenaivānumiter anubhava-siddhātvaṭ, anyathā dhūmavān vahnēr ity-āder api lakṣyatvasya suvacatvāt.

Вариант: (1) В B.I. вставлено -ādī.

Перевод. [Возражение]. Однако теперь определение оказывается столь широким, что охватывает даже случай ложного вывода, например: «Здесь есть огонь, поскольку [здесь есть] 'эфир', [который присущ огню неотъемлемо]» и т. п., где h будет «эфир» и т. п. через присущность и т. п., поскольку 'эфир' и т. п. не встречается в месте отсутствия огня [s] через посредство отношения (присущности), которое ограничивает h_1 . И если кто-либо утверждает, что подобные случаи надлежит включить в определение, но при этом считает, что это будут случаи ложного вывода, поскольку h не может специфицировать p отношением, которое ограничивает h_1 , то следует напомнить, что даже в подобных случаях единственной причиной получения нами вывода, по-видимому, является ложное проникновение. Если же этого не признать, то можно с равным успехом утверждать, что такие случаи ложного вывода, как: «Здесь дым [ввиду] огня», вполне подходят под данное определение.

Замечание: Возражение 16. Если h не встречается нигде, то оно не встретится и в $l-s$. Следовательно, ложный вывод при таком h окажется истинным.

Пример. Вывод: «Здесь есть огонь, потому что здесь есть присущий ему 'эфир' (примечание: *gagana* = 'эфир' или 'небо', эти два смысла специально не различаются).

h — это пребывающий здесь через присущность 'эфир'. Считается, что 'эфир' не разлагается на атомы, поскольку он занимает предельно допустимое пространство (*Bh.P.*, 26). В связи с этим он предполагается вечным, а коль скоро это так, он не может быть «присущим» чему-либо (*II*, § 49).

Поскольку h нигде не встречается, оно не появится и в $l-s$. Стало быть, приведенный пример удовлетворяет определению истинного проникновения. Сам же вывод, однако, будет ложным. Он оказывается ложным не только если мы примем в качестве «здесь» озеро, но даже и в том случае, когда мы принимаем в качестве «здесь» гору, ибо это вывод, в котором h не может встречаться в P (*avṛtti-hetukānumiti*, *Śiv. Mīśra*, 63.8). Это так называемый ложный вывод типа *svatūpāsiddhi* (см. *S.M.*, 72). Выводы *svatūpāsiddha* не могут быть признаны истинными, поскольку они содержат недемонстрируемый (*asiddha*) термин, а потому не способны представлять истинное знание (см. раздел *II*, § 33, абзац 2 и § 56 в конце).

Можно было бы предположить, что с проникновением здесь все в порядке и что источником ошибки оказывается неправильно осуществленная операция выведения, поскольку последняя определяется как знание того, что проникаемое h встречается в P , а в настоящем примере h не встречается в P . Однако причиной вывода служит проникновение. Когда осуществляется операция выведения, вывод бывает эквива-

лентен по значению истинности проникновения. Если вывод неверен, то и проникновение должно быть неверным.

Прежде чем усилить определение новым дополнением, Матхура приводит еще два возражения.

Возражение 16 оставляется без ответа до текста 79.1—2.

Текст 63.6—8 (B.I., 37—15—18): *Evam dravyam guṇa-karmānyatva-viśiṣṭa-sattvād ity-ādav avyāptir, viśiṣṭa-sattvasya kevala-sattvānātrekitayā dravyatvābhāvavaty api guṇādau tasya vṛtter guṇe guṇa-karmānyatva-viśiṣṭa-satteti pratiteḥ sarva-¹⁾jana¹⁾-siddhatvāt.*

Вариант: (1) В B.I. опущено.

Перевод: [Продолжение возражения]. Определение в предложном виде не распространяется на некоторые случаи истинного вывода, например: «[Это] субстанция, ибо она [обладает] реальностью, специфицируемой свойством, которое характерно для всего, что отлично от качества или действия». Поскольку специфицированная реальность существенно тождественна чистой реальности, она будет появляться также в местах отсутствия субстанционности [s], т. е. в таких объектах, как качество, поскольку каждому понятно, что реальность, специфицированная свойством, характерным для того, что отлично от качества или действия, проявляется в качестве.

Замечание: Возражение 17. Если *h* является специфицируемым элементом, то истинный вывод оказывается ложным.

Пример оппонента уже разъясняется в разделе II, § 41. Здесь мы имеем дело с таким же недостатком, на который указывается в возражении 13 (Текст 59.3—62.1), за тем лишь исключением, что в данном случае специфицируемым элементом будет *h*, а не *s*. Именно в отношении *h* определение следует сделать более точным.

«Каждому понятно и т. д.»: хотя это и является общепризнанным, однако не допускается, что место, в качестве обнаруживается этой самой специфицированной реальностью; оно обнаруживается только чистой реальностью.

Текст 63.8—10 (B.I., 37.18—19): ¹⁾*Evam¹⁾ sattavān dravyatvād ity-ādav avyāptiś ca, sattābhāvavati sāmānādaу hetutāvachhedaka-samavāya-sambandhena vṛtter aprasiddher iti cen na.*

Вариант: (1) В B.I. отсутствует.

Перевод: [Продолжение возражения]. Но определение по-прежнему не будет распространяться [на некоторые случаи истинного вывода], например: «[Это] реально, потому что это субстанция», поскольку отсутствует встречаемость

[чего-либо] в $l-s$ (родовая характеристика и т. п.) через посредство отношения (присущности), которое было бы ограничивающим отношением h_1 .

[Ответ]. Ни одно из этих возражений нельзя принять.

Замечание: Возражение 18. Следующий истинный вывод окажется ложным, потому что один из терминов определения останется недемонстрируемым.

Пример. Формулировка вывода приведена в переводе.

s : реальность	$-s$: — реальность	h : субстанция, (ограничивающее отношение: Н)
$l s$: субстанция качество действие	$l-s$: родовая харак- теристика элементарное различие присущность отсутствие	

Реальность присуща первым трем категориям (см. раздел II, § 26).

$-s$ пребывает в последних четырех категориях. Только первые три категории могут быть присущи чему-либо (см. II, § 49). Таким образом, ничто не может встречаться в $l-s$ через посредство ограничивающего отношения h_1 . ${}^1R h_1$ встречающееся $_1$ $l-s$ остается недемонстрируемым.

Текст 64.1—4 (B.I., 37.19—38.1): Hetutāvaccchedekāvaccchinna-hetv-adhikaranatā¹⁾nirūpita¹⁾-hetutāvaccchedaka-sambandhāvacchinnādheyatā²⁾pratīyogika²⁾-viśeṣanātā-viśeṣa-sambandhena nirukta-sādhyābhāvatva-viśiṣṭa-nirūpita - nirukta³⁾ - saṃsargaka - nira vacchinnādhikaranātāśraya-vṛttitva-sāmānyābhāvasya ⁴⁾vivakṣitvat⁴⁾.

Варианты: (1) B.I.: -pratīyogika; (2) B.I.: -nirūpita; (3) B B.I. вставлено sambandha; (4) K.: vivakṣitvat.

Перевод: [Ответ. Указанные выше возражения не могут быть приняты], потому что имеется в виду родовое отсутствие встречающегося $_1$ для субстрата (т. е. $l-s$) того неограниченного места $_1$, [ограничивающим] отношением для которого будет вышеуказанное и которое обнаруживается [объектом], специфицируемым отсутствием-ностью s , причем отсутствие s носит указанный выше характер, [а контрпозитив $_1$ к этому отсутствию встречающегося $_1$] ограничен отношением частной спецификации, в котором адъюнктом служит «помещаемое $_1$ », ограниченное ограничивающим отношением h_1 и обнаруживаемое местом $_1$ для h , каковое место $_1$ ограничено ограничивающими свойствами h_1 .

Замечание: Отметим сперва, что «viśeṣaṇatā-viśeṣa-sambandhena» (частная спецификация или специальное отношение) фактически ограничивает c_1 отсутствием встречающегося₁; отсутствие же она ограничивает лишь косвенно. «Извлечением» из этого текста (раздел II, § 31) будет следующее высказывание: «viśeṣaṇatā-viśeṣa-sambandhāvachchinnā-pratīyogitāka-vṛttitvābhāva» (отсутствие встречающегося₁, контрпозитив₁ к которому ограничен Р).

[Шив. Мишра поясняет, что инструментальный суффикс (-ena в sambandhena) здесь обозначает «...контрпозитив₁ к которому ограничен чем-либо» (tṛtīyārtho 'vacchinnā-pratīyogitvam). Справедливость его объяснения доказывается следующим текстом (64.5—65.2)].

Дополнение 10. Часть текста, составляющая вторую половину дополнения (от слова nirukta и далее), а в переводе занимающая первую половину всего отрывка (до слов «а контрпозитив₁ и т. п.»), является повторением дополнения 9 и уже пояснялась в замечании, следующем за текстом 59.3—61.2. Прочее является очередным дополнением, которое выступает в усложненной форме, поскольку выполняет две функции: во-первых, разделения термина, который в возражении 18 оказался недемонстрируемым, во-вторых, устранения возражения 17.

Общие замечания о разделении самопротиворечащего термина содержатся в II, § 57. Термином, послужившим причиной затруднения в возражении 18, был следующий: «—¹Rh₁¹o₁l—s₁». Этот термин становится бессмысленным всякий раз, когда для s и h выбираются такие значения (например, реальность, субстанционность), которые делают невозможным появление чего-либо в $l—s$ через Rh_1 . В сущности, проделанное здесь Матхурой преобразование состоит в замене лишнего смысла требования другим, а именно требованием того, чтобы отсутствие o_1 $l—s_1$ пребывало через Р в объекте, в котором ¹Rh₁¹ o_1 lh_1 пребывает через Р. Приблизительной аналогией указанного преобразования будет замена выражения: «Нет круглых треугольников» выражением: «Треугольность не свойственна объекту, свойством которого является круглость».

Термины, входящие в выражение закона Матхуры, можно изобразить такой схемой:

Помещаемое ₁	Р	o ₁
h		h
Rh_1		R
lh		$l—s$

Теперь уже требуется наличие отсутствия o_1 , обнаруживающего c_1 , ограниченный Р (а не Rh , как раньше), чтобы в этом отношении (Р) адьюнкт являлся помещаемым₁, ограниченным Rh_1 и т. д. Иначе, вместо того чтобы накладывать запрет

на отношение $hR l-s$, как это делалось раньше, налагается запрет на отношение o_1Ph , расположенное на схеме выше первого. Теперь между самопротиворечащими частями прежней формулировки закона, « $!Rh_1!$ » и « $o_1 l-s_1$ », вставляется отношение P .

Данная формулировка служит наглядным примером того, каким образом в навья-ньяе одним словом могут быть выражены такие факты, которые в западной логике выражаются только с помощью сложного высказывания.

Способность языка здесь преобразована в метод «извлечения» абстрактных свойств. Таким образом, если x встречается в y через c , для наяйика это означает нечто большее, нежели утверждение единственности отношения c . Образуется целая цепочка последовательных отношений, включающая отношение между абстрактным o_1 и x , между o_1 и y и так далее.

Применяемый при этом метод можно пояснить путем следующего сопоставления.

Помещаемое, o_1	в западной логике:	(xRy) имплицитует $\sim(xRz)$
P	в навья-ньяе:	родовое отсутствие $o_1 l z_1$,
x	x	которое обнаруживает c_1 , ограниченный P ,
R	R	причем в этом отношении (P) адъюнктом
y	z	служит $!x_1, R!$ помещаемое, $l y_1$.

Применим дополнение 10 к примеру из возражения 18.

s : реальность	$-s$: $\bar{\quad}$ реальность	h : субстанция ₁
$!s$: субстанция и т. п.	$l-s$: родовая характеристика и т. п.	(ограничивающее отношение: H)

Здесь можно обнаружить следующие свойства:

(1) встречающееся₁ для $l-s$, которое обусловлено P . Это встречающееся₁ пребывает в именуемом₁, в нереальности и во всех объектах, которые встречаются в $l-s$;

(2) помещаемое₁, ограниченное Rh_1 . Это помещаемое₁ находится в субстанциональности, поскольку субстанциональность есть помещаемое для субстанции через присущность;

(3) отсутствие (1), когда адъюнктом отношения частной спецификации, которое оно содержит, является (2). Отсутствием в данном примере, как позднее указывает сам Матхура, оказывается всеобщее. Встречающееся₁ для места — реальности не может находиться в тех объектах, в которых находится помещаемое₁, ограниченное присущностью. В своей всеобщности наше отсутствие при этом подобно «отсутствию качества, ограниченному контактом», однако наше отсутствие отличается от последнего тем, что не будет лишенным смысла.

Теперь рассмотрим часть дополнения 10, которая устраняет возражение 17. Она содержит следующие термины:

$$\begin{array}{c}
 x \leftarrow \Gamma Rh_1 \text{ помещаемое}_1 \\
 \downarrow \\
 \{gh_1\} \text{ место}_1 \text{ для } h \rightarrow lh
 \end{array}$$

Объект x , если он находится в таком положении, должен, разумеется, быть h . Когда x встречается в месте h , то помещаемое₁ будет находиться в x , а место₁ для h будет находиться в lh . Матхура определяет эти термины, если можно так выразиться, по кругу. Помещаемое₁ ограничивается Rh_1 (т. е. отношением между x и lh ; см. II, § 20). Место₁ ограничивается gh_1 , т. е. ограничителем обнаружения (см. раздел II, § 22, два последних абзаца). Есть смысл пользоваться именно таким, круговым способом определения, а не последовательным. В возражении 17 h (x на приведенной выше схеме) было специфицированной реальностью. Эта специфицированная реальность существенно тождественна чистой реальности. Для отыскания различия Матхура переходит к местам этих реальностей. Место₁, обнаруживаемое (или ограниченное) ограничивающими свойствами специфицированной реальности, не будет существенно тождественным месту₁, обнаруживаемому (или ограниченному) ограничивающими свойствами чистой реальности (раздел II, § 41). Циклическое определение здесь применяется с целью точного указания на то, каким образом ограничено место₁ для h .

Применим дополнение 10 к примеру из возражения 17 (см. схему, раздел II, § 41):

Только для специфицированной реальности помещаемое₁ ограничивается присущностью и обнаруживается местом₁, ограниченным gh_1 (реальность и отличность от качества или действия). В чистой реальности место₁, устанавливаемое соответствующим требованием, ограничено не gh_1 , а только реальностью₁. Соответственно не имеет никакого значения, пребывает ли в чистой реальности встречающееся₁ для $l-s$. Вывод все равно будет истинным.

Ниже (67.1—4) Матхура предлагает другой метод устранения возражения 17, делающий ненужным циклическое определение помещаемого₁. Единственным ограничением в отношении помещаемого₁ является то, что оно должно быть обязательно ограничено Rh_1 . Иными словами, можно без ущерба вычеркнуть часть текста дополнения 10 до первого *niḡṛīta* включительно.

Текст 64.5—65.2 (B.I., 38.1—8). *Vṛttitvam ca na hetutāvachchedaka-sambandhena vivakṣaṇīyam. Asti ca sattāvān dravyatvād ity-ādau sattābhāvādhikaraṇatāśraya-vṛttitvasya hetutāvachcheda-*

ka-samavāya-sambandhāvachchinnādheyatā - ¹⁾pratiyogika¹⁾ - viśeṣaṇatā-viśeṣa-sambandhena sāmānyābhāvo dravyatvādaу, samavāya-sambandhāvachchinnādheyatā - ¹⁾pratiyogika¹⁾ - viśeṣaṇatā - viśeṣa-sambandhāvachchinnā - pratiyogitāka - sattābhāvādhikaraṇatāśraya-vṛttitvābhāvasya vyadhikaraṇa-sambandhāvachchinnā-²⁾pratiyogitākābhavataya²⁾ samyoga-sambandhāvachchinnā-guṇābhāvāder iva kevalānayitvāt.

Варианты: (1) B.I., -nirūpita; (2) B.I., -ābhavataya.

Перевод: Под этим вовсе не подразумевается, что встречающееся, должно быть ограничено ограничивающим отношением h_1 . И [притом определение не содержит более недемонстрируемого термина, поскольку] в таких истинных выводах, как: «Это реально, поскольку субстанционально» и т. п., действительно имеется пребывающее в субстанциональности и т. п. родовое отсутствие встречающегося₁ к субстрату места₁ для —реальности, причем [контрпозитив₁ к этому родовому отсутствию] ограничен отношением частной спецификации, адъюнктом которого служит помещаемое₁, ограниченное через Rh_1 присущностью. [Наличие такого отсутствия вполне достоверно], поскольку отсутствием встречающегося₁ к субстрату места₁ для —реальности, контрпозитив₁ к каковому [отсутствию встречающегося₁] ограничен отношением частной спецификации, адъюнктом в котором служит помещаемое₁, ограниченное отношением присущности, является отсутствие, контрпозитив₁ к которому ограничен противоречащим отношением. Следовательно, это отсутствие будет всеобщим, наподобие «отсутствия качества, ограниченное отношением контакта».

Текст 65.2—4 (B.I., 38.8—10): Dravyaṃ sattvād ity-ādaу sa dravyatvābhāvādhikaraṇa-guṇādi-vṛttitvasyaiva samavāya-sambandhāvachchinnādheyatā - ¹⁾pratiyogika¹⁾ - viśeṣaṇatā-²⁾ viśeṣa²⁾-sambandhena sattāyāṃ sattvān nātivyāptiḥ.

Варианты: (1) B.I., -nirūpita; (2) B.I. отсутствует.

Перевод: И определение это не настолько широко, чтобы распространяться [на случаи ложного вывода], например: «[Это] субстанция, поскольку [обладает] реальностью», ибо в реальности действительно пребывает встречающееся₁ для таких мест — субстанциональности, как качество и т. п., причем это встречающееся₁ оказывается ограниченным отношением частной спецификации, адъюнктом которого служит помещаемое₁, ограниченное отношением присущности.

Замечание: Полной формой вывода будет: «[Это] обладает субстанциональностью, потому что [обладает] реальностью». См. раздел II, § 11.

Текст 65.5—6 (B.I., 38.10—11): *Dravyaṃ viśiṣṭa-sattvād ity-ādāv avyāpti-vāraṇāya ¹nirūpitāntam¹ ādheyatā-viśeṣaṇam.*

Вариант: (1) B.I., *pratīyogikāntam.*

Перевод: [Та часть дополнения], которая определяет «помещаемое₁», до слова *nirūpita* включительно, предназначается для устранения ошибки непроникновения в таких случаях [истинного вывода], как: «[Это] субстанция, потому что [обладает] специфицированной реальностью».

Текст 67.1—4 (B.I., 38.11—14): *Vastutas tu etal-lakṣaṇa-kartṛ-¹mate¹ viśiṣṭa-sattvaṃ viśiṣṭa-nirūpitādharatā-sambāndhenaiva dravyatva-vyāpyaṃ na tu samavāya-sambandhena, tathā ca² nirūpitāntam² ādheyatā-viśeṣaṇam anupādeyam eva. Tad-upādane ca hetutāvacchedaka-bhedena kārya-kāraṇa-bhāva-bhedapatteḥ.*

Вариант: (1) B.I., *-naye;* (2) K., *-pratīyogika-nirūpitāntam;* B.I., *pratīyogikāntam.*

Перевод: Но фактически, по мнению автора данного определения, специфицированная реальность не проникается субстанциональностью в отношении присущности, но только лишь в отношении, где место₁ обнаруживается специфицированным объектом. В соответствии с этим необходимо отказаться от [той части дополнения], где дается определение *ādheyatā*, до слова *nirūpita* включительно. Другим основанием [для отказа от этой части дополнения] является то, что в случае ее сохранения возникло бы изменение причинно-следственной связи в [встречающемся₁], при изменении ограничивающих свойств.

Замечание. Нет необходимости для опровержения возражения 17 вводить в определение выражение для места *h*. Стало быть, можно опустить часть дополнения 10. Относительно нового метода, которым решается задача, поставленная в возражении 17, см. II, § 54.

Опуская часть дополнения 10, мы выигрываем в простоте, поскольку дополнение в полном виде требует наличия переменного, а именно *gh₁*, без которого можно обойтись в сокращенном варианте. Беспольные переменные только усугубляют «избыточность» конструкции (раздел II, § 21) и должны быть устранены согласно принципу, напоминающему «бритью Оккама».

Текст 79.1—2 (B.I., 38.14—16): *Hetutāvacchedaka-sambandhena sambandhitve satīty anenāpi viśeṣaṇād vahnimān gaganād ity ādau nātīvyāptiḥ.*

Перевод: Благодаря вставке «поскольку имеется отношение через посредство ограничивающего отношения h_1 » устраняется недостаток сверхпроникновения в таких случаях [ложного вывода], как: «[Это] обладает огнем, потому что [обладает] 'эфиром', [который ему присущ]».

Замечание: Дополнение 11. Необходимо, чтобы h входило в отношении Rh_1 . Этим обеспечивается ответ на возражение 16, поскольку в примере, который приводится в этом возражении, h , т. е. 'эфир', не может быть присущим. При помощи дополнения 11 можно показать ложность как проникновения, так и вывода. Кроме того, если в этом примере заменить Rh_1 каким-нибудь другим отношением, в котором 'эфир' может фигурировать, например отношением контакта, то вывод по-прежнему останется ложным, как это нетрудно показать, поскольку h будет встречаться в $l-s$: например, 'эфир' способен быть в контакте с озером.

Дополнение 11 приведено в абсолютной форме местного падежа и должно предшествовать дополнению 10. В результате мы получим формулировку двойного требования, а именно: проникновение имеется там, где устанавливается отношение, требуемое дополнением 11, а также там, где есть — встречающееся, как вытекает из требования, сформулированного в дополнении 10».

Текст 79.2—80.2 (B.I., 38.16—39.1): Nanu tathāpi ubhayatvam ubhayatraiva paryāptam na tv ekatreṭi sidhāntādare¹⁾ ghaṭatvavān ghaṭa-ṣaṭobhayatvād ity¹⁾ ādau paryāpti-sambandhena²⁾ hetutāyām²⁾ ativyāptiḥ, ghaṭatvābhāvavati hetutāvacchedakaparyāpty-ākhyā-sambandhena hetor avṛtteḥ, ghaṭo na ghaṭa-ṣaṭobhayam itivād ghaṭatvābhāvavān na ghaṭa-ṣaṭobhayam iti pratīter³⁾ iti cen na.

Варианты: (1) В основном здесь приводится текст К., за одним исключением: в К. содержится опечатка «ubhayatvādad»; текст В.И. заметно отличается от К.: «ghaṭatvavān ghaṭatvatad-abhāvavad-ubhayatvād»; см. примечание ниже; (2) В.И.—, hetutve; (3) текст В.И. заметно отличается: «ghaṭo ghaṭa-ṣaṭobhayatvam itivād ghaṭo ghaṭatva-tad-abhāvavad-ubhayatvam ity apratīter»; см. примечание ниже.

Перевод: [Возражение]. И все-таки, если согласиться с теорией, согласно которой двоичность связана отношением «парьяпти» с двойкой, а не с каждым из ее членов, определение окажется слишком широким и распространится на случаи ложного вывода, где h появляется через отношение «парьяпти», например: «Это горшок, потому что *это* горшок

и ткань». Здесь *h*, «горшок-и-тканевость», не встречается в месте — горшковости через «парьяпти», которая служит ограничивающим отношением для *h*₁, так как здравый смысл подсказывает нам, что как «горшок» (т. е. место горшковости) не является парой «горшок и ткань», так и «место — горшковости» не равнозначно паре «горшок и ткань».

[Ответ]. Этого возражения делать не следовало.

Замечание: Возражение 19. Если мы примем теорию, по которой двоичность связывается отношением «парьяпти» с двумя, а не с каждым из членов пары в отдельности (см. II, § 51), то всякий ложный вывод, в котором *h* обуславливается «парьяпти», окажется истинным.

Пример. Вывод (букв.): «[Это] обладает горшковостью, потому что это [обладает] горшок-и-тканевостью». Здесь

p : горшок;

s : горшковость;

h : горшок-и-тканевость; это *h* подобно двоичности, оно обнаруживается только в тех случаях, когда бывают вместе горшок-и-ткань;

lh : горшок и ткань вместе;

l—s : место — горшковости (например, ткань)

h не встречается в *l—s* или, как выражается Матхура, *l—s* это не *lh*.

Вариант из В.1. (от слова «например» до конца возражения): «[Это] горшок, потому что это заодно и горшок и не-горшок». Здесь *h*, «горшок-и-не-горшок-ость», не встречается в месте — горшковости, поскольку утверждения «горшок есть горшок с тканью совместно» и «горшок — это горшок и не-горшок одновременно» оба противоречат здравому смыслу.

Пример, приведенный в варианте В.1., довольно забавен, однако предлагаемое в конце основание [а именно: для того, что имеет место «точно так же...»] сюда не подходит; оно может служить обоснованием ложности вывода, но не причиной непоявления *h* в *l—s*.

Текст 81.1—4 (В.1., 39.2—4): *Tadṛṣa-siddhāntādare hetutāvachchedaka-sambandhena sādhyā-sāmānādhikaraṇatve satity anenāpi viśeṣaṇiyatvāt¹). Ata eva niviśatām vā vṛttimattvaṃ sādhyā-sāmān²) ādhikaraṇyaṃ²) veti, Kevalānvayi-granthe Didhiti-kṛtaḥ³). Tad-viśeṣaṇād vahnimān gaganād ity-ādau nātivyāptiḥ³).*

Варианты: (1) В В.1. прибавлено *iti*; (2) В.1., *adhikaraṇatvaṃ*; (3) В В.1. опущено.

Перевод: [Ответ. Этого возражения не следовало делать], ибо, если принять подобную теорию, останется только вставить: «...причем имеется общее место у *h* с *s*, [в котором

пребывает место *h*] через посредство того отношения, которое служит ограничивающим отношением для *h*,». Вот почему автор «Дидхити» в разделе, посвященном *kevalānvayi*, говорит: «Нужно вставить замечание, что [*h*] должно встречаться [где-либо], либо что должно быть общее место [у *h* и *s*]. Если сделать такую вставку, определение уже не будет относиться к таким случаям ложного вывода, как: «[Это] обладает огнем, потому что [обладает] 'эфиром', [присущим ему]».

Примечание. Дополнение 12. Если принять теорию «парьяпти», необходимо предпослать дополнению 10 выражение: «Проникновение бывает там, где у *h* с *s* имеется общее место, причем *h* находится в этом месте через *Rh*₁, а...». Очевидно, в примере из возражения 19 подобного общего места не окажется; следовательно, этим доказывается, что пример представляет собой случай ложного вывода. Но в примере из возражения 16 ведь также нет общего места для *h* и *s*. Этот пример, как будет показано ниже, представляет собой случай ложного вывода. Таким образом, дополнение 12 делает дополнение 11 ненужным.

Приведенная выдержка взята из «Дидхити» Рагхунатхи (R. Jāg., II, стр. 823, строка 3). У него оба варианта фактически переставлены местами: «*nivīśatām vā tena sādhyā-sāmānādhikaraṇyaṃ vṛttimattvam vā*». Рагхунатха рассматривает возможные способы преодоления того казуса, что появляется у Матхуры в возражении 16. Любой вариант устраняет это возражение. Однако условие, которое просто требует, чтобы *h* встречалось где-либо, не может преодолеть возражения 19.

Текст 82.1—6 (B.I., 39.5—10): *Kecit tu nirukta-sādhyabhavata-viśiṣṭa-nirūpitā yā viśeṣaṇatā-sambandhena yathokta-sambandhena vā niravacchinnādhikaraṇatā tad-āśraya-vyakty-avartamānam hetutāvachchedaka-sambandhāvacchinna-yaddharmāvacchinnādhikaraṇatva-sāmānyam tad-dharmavattvam vivakṣitam. Dhūmavān vahnēr ity-ādau parvatādī¹⁾-niṣṭha-vahny-adhikaraṇatā-vyakter dhūmābhāvādhikaraṇāvṛttitve 'pi ayogolaka-niṣṭha-vahny-adhikaraṇatā-vyakter atathātvān nativyāptir ity ahuḥ.*

Вариант: (1) В К. отсутствует *-ādī*.

Перевод: Однако некоторые считают, что определение должно иметь следующий смысл: «[Проникновение] — это наличие у *h* таких свойств, которые совместно с ограничивающим отношением *h*, ограничивают родовое место₁, так что не остается ни единого проявления в субстрате этого неограниченного места₁, [ограничивающее] отношение которого являлось бы либо отношением частной спецификации [отсутствия] (см. дополнение 5), либо вышеупомянутым отношением

(см. дополнение 6), и которое обнаруживается [объектом], специфицированным отсутственностью *s*, причем отсутствие *s* такое же, как разъяснялось выше. Но тогда определение не будет применимо для случаев ложного вывода, вроде «[Это] обладает дымом, потому что [обладает] огнем», так как проявление места₁ для огня, что находится на горе и т. п., не встречается в месте — дыма, зато проявление места₁ для огня, что встречается в раскаленном железе, все же происходит таким именно образом.

Замечание. Дополнение 10 с присовокуплением к нему либо дополнения 11, либо дополнения 12, в зависимости от принимаемой концепции «парьяпти», представляет собой окончательно точку зрения Матхуры по определению 1 Гангешы. Но он прибавляет сюда еще два варианта интерпретации этого определения. Об авторах этих вариантов он высказывается весьма туманно, употребляя выражения вроде «некоторые», «кое-кто» и «другие» и не давая комментария ни к одному из них.

Вариант интерпретации № 1. Место₁ для огня, что находится на горе, есть одно из проявлений (*vyakti*) места₁ для огня; другие проявления находятся в очаге, в лесу и т. п.; абстракцией всех этих проявлений будет родовое место₁ (*adhikaraṇatva-sāmānya*) для огня (см. раздел II, § 22, последний абзац).

Вариант интерпретации № 1 содержит требование, согласно которому *h* должно обладать пребывающими в нем свойствами *x* такого рода, что ни одно из проявлений ' x_1, Rh_1 ' родового места₁ не может находиться в месте — *s*. В ложном выводе: «[Это] обладает дымом, поскольку [оно обладает] огнем», проявления ' gh_1, Rh_1 ' места₁ находятся на горе, в раскаленном железе и т. п. Гора не является местом — *s*, но горячее железо является.

Вместо *l—s* интерпретатор подставляет более длинное и более точное выражение: «субстрат неограниченного места₁ и т. п.», т. е. в точности то же, что дается дополнениями 9 и 10.

Существенное отличие варианта интерпретации № 1 от дополнений Матхуры состоит в следующем. Дополнения Матхуры запрещают появление *h* в *l—s*, в то время как в данной интерпретации запрещается наличие в *l—s* любого *lh*.

Текст 83.1—5 (B.I., 39.11—16); *Anye tu hetutāvachhedaka-sambandhavācchinna - hetutāvachhedakāvachchinna - svādhikaraṇatāśraya-vṛtti-yan-niravachinnādhikaraṇatvaṃ tad-avṛtti-niruktasādhyābhāvatva - viśiṣṭa-nirūpita - yathokta - sambandhāvachinnādhikaraṇatātvakatvam iti viśeṣaṇa-viśeṣya-bhāva-vyatyāse tātparyam. Sva-padaṃ hetu-param. Itthaṃ ca kapi-samyogābhāvavan*

sattvāt kapi-samyogi-bhinnaṃ guṇatvād ity-ādāv api nāvyaṅgīṭiḥ
ity āhur iti saṃkṣepaḥ.

Перевод: Другие передают смысл [определения 1] путем следующего обращения специфицируемого и спецификатора. [Проникновение достигается, когда h] бывает таким, что место₂, ограниченное вышеупомянутым отношением и обнаруживаемое [объектом], специфицированным отсутственностью s (при отсутствии s в уже упоминавшемся роде), не встречается ни в каком неограниченном месте₁, которое встречалось бы в субстрате места₁ для него самого [имеется в виду h], причем это последнее место₁ должно быть ограничено ограничивающим отношением и свойствами h_1 . Слова «для него самого» (sva) относятся к h . Определение в этом его виде будет охватывать даже такие случаи истинного знания, как «[Это] обладает отсутствием контакта с обезьяной, потому что [обладает] реальностью», или: «[Это] отлично от места контакта с обезьяной, потому что это качество».

Вот вкратце все о первом варианте.

Замечание. Вариант интерпретации № 2. Во втором случае вводится новое понятие: «место₂ для $-s$ ». Это — классовая характеристика, свойственная всем видам мест₁ для $-s$. Это же и ограничитель родового места₁ для $-s$ ($sādhyābhāvanirūpitādhikaraṇatva-sāmānya$).

В выводе: «[Это] обладает контактом с обезьяной, потому что это дерево», мы имеем следующие термины и свойства:

s : контакт с обезьяной $-s$: — контакт с обезьяной h : это дерево₁

$l-s$: это дерево	← огран. l_1	←	} l_2 для $-s$	} l_1 $h \rightarrow lh$: это дерево
$l-s$: качество	← неогр. l_1	←		
$l-s$: действие	← неогр. l_1	←		

Место₂ для $-s$ находится в ограниченном месте₁, которое находится в субстрате (а именно: на этом дереве) места₁ для h , но

неограниченные местонахождения, в которых находится место₂ для $-s$, находятся в качестве, действии и т. п., и они не являются субстратами места₁ для h .

Приведенный пример соответствует принятой интерпретации определения 1 проникновения. Тем самым доказывается истинность вывода.

Матхура указывает на различие между этой интерпретацией и предыдущей: специфицируемое и спецификатор здесь переставлены. В варианте интерпретации № 1, в сущности, говорится о том, что ни одно lh не может быть неограниченным $l-s$. В настоящем же дополнении, в сущности, говорится о том, что ни одно $l-s$ не может быть одновременно неограниченным и быть lh .

Однако главное отличие настоящей интерпретации не в том, что здесь произведено обращение специфицируемого и спецификатора, а в том, что расчлняется термин «неограниченное место₁ для —s», который оказался недемонстрируемым, как было отмечено в возражениях 14 и 15. В настоящей интерпретации ничего не говорится о неограниченном месте₁ для —s. Обнаружитель «для —s» здесь относится к «месту₂». В преимуществе такой подстановки нетрудно убедиться, применив вариант интерпретации № 2 к примеру вывода из возражения 14.

s : — контакт с обезьяной —s : контакт с обезьяной h : реальность

$$\begin{array}{l} l-s : \text{это дерево} \leftarrow \text{огран. } l_1 \leftarrow \\ l-s : \text{эта крыша} \leftarrow \text{огран. } l_1 \leftarrow \\ l-s : \text{этот сад} \leftarrow \text{огран. } l_1 \leftarrow \end{array} \left| \begin{array}{l} \\ \\ \end{array} \right. l_2 \text{ для } -s$$

$$l_1 \text{ для } h \left\{ \begin{array}{l} \rightarrow lh : \text{это дерево} \\ \rightarrow lh : \text{эта крыша} \\ \rightarrow lh : \text{этот сад} \end{array} \right.$$

Место₂ для —s пребывает в ограниченной место-ности, которая находится в субстратах (например, *это* дерево, *эта* крыша, *этот* сад) места₁ для h, но

место₂ для —s не находится в неограниченном месте₁, которое пребывает в субстрате места₁ для h.

Здесь не оказывается недемонстрируемых терминов, поскольку примеры могут быть найдены:

- (1) место₂ для —s. Оно обнаруживается в различных ограниченных место-ностях.
- (2) неограниченное место₁, появляющееся в субстрате места₁ для h.

Такое неограниченное место₁ может быть обнаружено на *этом* дереве и т. п. Оно способно быть «неограниченным местом₁ для реальности» или «неограниченным местом₁ для 'это-деревности'». Тот факт, что «неограниченное место₁ для контакта с обезьяной» не может быть обнаружено, не играет роли, поскольку настоящая интерпретация не уточняет вид обнаружителя этого неограниченного места₁.

(3) — встречающееся₁ (1) в (2). Это отсутствие является всеобщим и осмысленным.

При помощи данной интерпретации можно также показать, что пример из возражения 15: «[Это] отлично от места контакта с обезьяной, потому что это качество» является истинным выводом, причем нет необходимости прибегать к усложненной теории, согласно которой — ÷ x не равно x₁ в тех случаях, когда x является местом объекта неполной встречаемости (см. замечание к тексту 61.5—10). Мы можем допустить, что —s в этом примере означает «контакт с обезьяной»,

и затем показать, что данный пример является истинным выводом, как это уже было показано для возражения 14.

Вариант интерпретации № 2 в некоторых отношениях является самым интересным дополнением в V.P.R. Он позволяет применить первое определение Гангешы к тем случаям «kevalāpvaui», в которых *s* характеризуется неполной встречаемостью. Очень жаль, что Матхура не прокомментировал этот вариант. Трудно даже сказать, согласен ли он с ним или нет. Если верить тексту К (101.10—18, см. ниже), то он принимает данную интерпретацию, если же поверить тексту В.І., то нет. Одно лишь достоверно: сам Гангеша либо не подумал о такой возможности, либо отверг ее — иначе он смягчил бы свое категорическое утверждение, согласно которому пять определений оказываются недостаточными в тех случаях, когда *s* бывает повсеместно-присутствующим.

Текст 83.6: ¹Iti Śri-Mathurānātha-Tarkavāgiśa-viracite Vyāpti-rajāsaka-rahasye prathama-lakṣaṇam¹).

Вариант: (1) В В.І. отсутствует.

Перевод: Вот что сказано об определении 1 в «Vyāpti-rajāsaka-rahasya» Шри Матхуранатхи Таркавагиши.

Второе определение «sādhyavad-bhinna-sādhyābhāvavad-avṛttitvam»

Текст 85.1—4 (В.І., 39.17—21): Lakṣaṇāntaram āha sādhyavad-bhinneti. Sādhyavad-bhinno yaḥ sādhyābhāvavān tad-avṛttitvam¹) ity¹) arthaḥ. Kapi-samyogy etad-vṛkṣatvād ity-ādy-avyāpya-vṛtti-sādhyakāvyāpti-vāraṇāya sādhyavad-bhinneti sādhyābhāvavato viśeṣaṇam iti prāñcaḥ. Tad asat, sādhyābhāvavad ity asya vyarthatāpatteḥ, sādhyavad-²)bhinnāvṛttitvam ity asyaiva samyaktvāt²).

Варианты: (1) В К. отсутствует; (2) В.І. bhinnāvṛttitvasyaiva samyaktvāt; в В.І. приведен еще один вариант: «bhinnāvṛttitvam ity asyaiva vyāptitvāt».

Перевод: [Автор] предлагает определение 2, начинающееся со слов «sādhyavad-bhinna» и т. д. В Старой школе это понималось в следующем смысле: «— встречающееся₁ [находящееся в *h*], для такого места —*s*, которое отлично от места *s*», причем место —*s* специфицировано подобным образом с целью избежать непроникновения в таких случаях [истинного вывода], как: «[Это] обладает контактом с обезья-

ной, потому что это дерево» и т. п., где *s* характеризуется неполной встречаемостью, однако данная интерпретация неверна, поскольку в ней не используется термин «место —*s*». В самом деле, смысл определения можно соответственно передать просто при помощи выражения: «— встречающееся, [находящееся в *h*], для того, что отлично от места *s*».

Замечание: Вывод с обезьяной и деревом (возражение 12) содержит следующие термины:

s : контакт с обезьяной —*s* : — контакт с обезьяной *h* : «(это дерево)»,

l'—*s* : это дерево.

l"—*s* : качество.

Чтобы его можно было отнести к истинным выводам, в определение 1 проникновения вставляли выражение «субстрат неограниченного места, для —*s*» (дополнение 9). Это приводило к трудностям в тех случаях, когда не удавалось отыскать неограниченного места, для —*s*.

Старая школа (под которой Матхура понимает, по всей видимости, ньяю до Рагхунатхи) интерпретировала определение 2 следующим образом: *h* не должно встречаться в том *l*—*s*, которое отлично от *ls*. В приведенном выше примере вывода «...то *l*—*s*, которое отлично от *ls*», представляет собой «качество». «Это дерево» есть «*l*—*s*», которое тождественно с «*ls*». Основное затруднение при такой интерпретации состоит в том, что определение 2 возможно сформулировать и без всякого упоминания «*l*—*s*». Если это действительно так, то не видно никакой разницы между определениями 2 и 5, разве лишь в том, что определение 2 содержит бесполезный термин.

Текст 88.1—3 (B.I., 40.1—3): Navyās tu sādhyavad-bhinne sādhyābhāvaḥ sādhyavad-bhinna-sādhyābhāvas tadvad avṛttitvam iti saptamī-tatpuruṣottaram matup-pratyayah, tathā sādhyavad-bhinna-vṛttir yaḥ sādhyābhāvas tadvad-avṛttitvam¹⁾ ity¹⁾ arthaḥ.

Вариант: (1) В К. отсутствует.

Перевод: Но в Новой школе «sādhyavad-bhinna-sādhyābhāva» понимают как сложное слово типа «tatpuruṣa», состоящее из двух частей: «sādhyavad-bhinna» + «sādhyābhāva», причем первая часть находится в отношении местного падежа, а в конце сложного слова стоит притяжательный суффикс -vant, относящийся ко всему комплексу в целом. В таком случае определение приобретает следующий смысл: «— встречающееся, [находящееся в *h*], для места такого —*s*, которое встречается в том, что отлично от места *s*».

Текст 89.1—4 (B.I., 40.3—7): *Evam ca sādhyavad-bhinna-
vṛttity anuktau saṃyogī dravyatvād ity-ādāv avyāptiḥ, saṃyoga-
bhāvavati dravye dravyatvasya vṛtteḥ, tad-upādāne ca saṃyoga-
vad-bhinna-vṛttiḥ saṃyogābhāvo guṇādi-vṛttiḥ saṃyogābhāva
evādhikaraṇa-bhedenābhāva-bhedāt tadvad-avṛttitvān nāvyāptiḥ.*

Перевод. Итак, если опустить «...которое встречается в том, что отлично от места», то определение [станет тождественным определению₁], а значит, не будет годиться для таких случаев [истинного вывода], как: «[Это] обладает контактом, потому что это субстанция», ибо [*h*], субстанционность, встречается в субстанции, которая есть место — контакта. Но если не выпустить это место, то — контакт, встречающийся в том, что отлично от *ls*, есть такой — контакт, который встречается в качестве и т. п., поскольку отсутствия различаются в зависимости от их мест. Соответственно встречаемость [*h*] в месте такого отсутствия невозможна, а поэтому данный случай подходит под определение.

Замечание: Приводимый при этом пример вывода совершенно аналогичен выводу с обезьяной и деревом.

<i>s</i> : контакт	— <i>s</i> : — контакт	<i>h</i> : субстанция,
	<i>l</i> '— <i>s</i> : субстанция	
	<i>l</i> "— <i>s</i> : качество	

«Новая интерпретация» определения 2 основывается на теории, согласно которой отсутствия различаются, если различаются их места. Обратившись к приведенному выше примеру, мы можем представить себе одно отсутствие контакта, которое пребывает в качестве. Определение 2 при такой интерпретации указывает на то, что *h* не должно встречаться в месте («качество») того отсутствия («второе отсутствие»), которое находится в том, что отлично от *ls* («субстанция»).

Фактически определение 2 в «новой интерпретации» оказывается совершенно бесполезным, ибо, насколько мне известно, ни один авторитетный наыйик со времен Рагхунатхи не допускал возможности различения отсутствий при разнице мест отсутствия. Матхура замечает впоследствии, что не все отсутствия различаются подобным образом, однако Рагхунатха (Ragh., 4—6) и Джагадиша (I, 78, строка 20—22) отрицают это даже для такого специального типа отсутствия, за которым Матхура сохраняет это свойство. Сам Матхура, резюмируя свои выводы (см. 101.18—20, ниже), признает, что нет никаких свидетельств в пользу подобного различения отсутствий, однако это все же не мешает ему временно применить данную теорию в разбираемом нами месте. Подобная позиция позволяет ему, как это сейчас будет показано, осуществить

весьма тонкий, хотя, в общем, и бесполезный анализ определения 2.

Матхура уже показал, что «sādhyavad-bhinna» не может быть опущено в данном определении. Теперь же он переходит к доказательству того, что при «новой интерпретации» каждое слово в определении оказывается необходимым.

Текст 90.1—3 (B.I., 40.7—9): Na ca tathāpi sādhyavad-bhinnāvṛttitvam ity evāstu kiṃ sādhyābhāvavad ity aneneti vācyam. Yathokta-lakṣaṇe tasyāpraveśena vaiyarthyaābhāvāt, tasyāpi lakṣaṇāntaratvāt.

Перевод: [Возражение]. Пусть [в определении] просто стоит «— появляющееся, для того, что отлично от *Is*». Что же за польза [от вставки] «в таком *l—s*»?

[Ответ]. Возражение несправедливо, поскольку при новой интерпретации определения мы не исключаем его бесполезности, опуская эту [часть]. Кроме того, подобный вариант (т. е. с предлагаемым сокращением) будет уже другим определением (эквивалентным определению 5 Гангеши).

Примечание: «Sādhyābhāvavat» не может быть опущено. Шив. Мишра (90.7—12) и «Типпани» к B.I., 40, объясняют, почему «sādhyābhāvavat» теперь не определяется сложным прилагательным «sādhyavad-bhinna». Вместо этого «sādhyavad-bhinna» оказывается сложным существительным, состоящим в падежном отношении к элементу (а именно: к «sādhyābhāva») сложного слова «sādhyābhāvavat». Если к тому же выпустить «sādhyābhāvavat», то вся конструкция (anvaya) разрушится. Не будет элемента, отвечающего по смыслу местному падежу «sādhyavad-bhinna». Таким образом, согласно новой интерпретации «sādhyavad-bhinna-sādhyābhāvavad-avṛttitvam» не будет уже сложным словом, содержащим бесполезный спецификатор (tasya vyarthā-viśeṣaṇa-ghaṭitvatvam nāsti).

Текст 90.3—5 (B.I., 40.9—11): Na ca tathāpi sādhyavad-bhinna-vṛttir yas tadvad avṛttitvam¹⁾ ity¹⁾ evāstu kiṃ sādhyābhāva-padeneti vācyam. Tādṛśadravyatvādīmad-vṛttitvād asam-bhavāpatteḥ.

Вариант: (1) В B.I. отсутствует.

Перевод: [Возражение]. Пусть оно (т. е. определение) просто устанавливает факт: «— встречающееся, для места того, что встречается в том, что отлично от *Is*». Что за польза от слова «—s»?

[Ответ]. Возражение несправедливо. Предлагаемое определение будет невозможно, потому что [любое *h*] будет

встречаться в месте субстанциональности и т. п., если оно будет таковым.

Замечание: «*Sādhyābhāva*» не может быть опущено. Если вместо «*sādhyābhāva*», образующего часть «*sādhyābhāvavat*», подставить относительное местоимение, то это не помешает получить определение, соответствующее новой интерпретации. Однако полученное определение уже не сможет охватить все случаи истинного вывода. Это окажется невозможным (*asambhāva*). Например, в истинном выводе: «[Это] обладает огнем, потому что [обладает] дымом», *h* [дым] встречается в месте («субстанция») субстанциональности. Субстанциональность встречается в том, что отлично («озеро») от того («гора»), что является местом *s* («огонь»).

Текст 90.5—6 (B.I., 40.11—13): *Sādhyābhāvetṛy atra sādhyāpadam apy ata eva, dravyatvāder api dravyatvābhāvābhāvātṛy, bhāva-rūpābhāvasya cādhikarāṇa-bhedena bhedābhavāt.*

Перевод: В сложном слове «-*s*» слово «*s*» включается в его состав по той же причине (т. е. чтобы избежать невозможности), поскольку субстанциональность и т. п. [есть отсутствие, так как она] существенно тождественна — субстанциональности, а то отсутствие, что фигурирует в форме присутствия, не может различаться в зависимости от различия его мест.

Замечание: 'Садхья' не может быть опущена. Нельзя, чтобы в определении просто требовалось наличие такого *h*, которое «не встречается в месте того отсутствия, которое встречается в том, что отлично от *ls*». «Субстанциональность» можно подставить вместо «того отсутствия», поскольку субстанциональность существенно тождественна — субстанциональности. Заметим, что от этого предположения придется отказаться, если основывать вывод определения 2 на теории, по которой двойное отсутствие не будет существенно тождественно присутствию (см. раздел II, § 40).

Подобное предположение составляет один из двух допустимых вариантов интерпретации (92.6—8, см. ниже). Если выбрать этот вариант, то необходимо представить иное обоснование включения «*s*» в соответствующую часть определения, т. е. в «*l-s*». Матхура и предлагает иное обоснование в отрывке 92.9—17 (см. ниже).

Поскольку нами принято допущение, что отсутствия различаются в зависимости от их мест, то можно предположить, что — субстанциональность, находящаяся в субстанциях, в которых пребывает *h*, отлична от — субстанциональности, что находится в озере, и т. п.

Но Матхура утверждает, что если мы и допускаем, будто некоторые отсутствия различаются в зависимости от различия

их мест, мы не можем допустить этого для отсутствий, которые существенно тождественны присутствиям. Ибо если мы это допустили бы, то субстанциональность, реальность и т. п. были бы уже не родовыми характеристиками (*jāti*), а выделяющими свойствами (*upadhi*).

После того как доказано, что каждое слово в определении является необходимым, обычная процедура комментирования состоит в отыскании всевозможных возражений против определения и внесении поправок в виде дополнений. Однако все необходимые дополнения к определению 2 легко могут быть получены из определения 1. Матхура бегло упоминает о них и переходит к одному серьезному возражению, которое характерно именно для данного определения.

Текст 91.1—92.6 (B.I., 40.14—41.1): *Nanu tathāpi¹) ghaṭatva-ghaṭākāśa-samyogā¹)nyatarābhāvavān gaganatvād ity²)-ādau²) ghaṭānadhikaraṇa-deśāvacchedena ghaṭākāśasamyogābhāvasya gagane sattvāt sad-dhetutayāvyāptiḥ, sādhyavad-bhinne ghaṭe-varrttamānasya sādhyābhāvasya ghaṭākāśa-samyoga-rūpasya gagane 'pi sattvāt tatra ca hetor vṛtteḥ. Na ca sādhyavad-bhinnavṛttitva-viśiṣṭa-sādhyābhāvavattvaṃ vivakṣitam iti vācyam, sādhyābhāva-pada-vaiyarthyaṣatteḥ, sādhyavad-bhinnavṛttitva-viśiṣṭavad-avṛttitvasyaiva samyaktvād.*

Вариант: (1) B.I., *ghaṭākāśa-samyoga-ghaṭatvā*; (2) B.I., *atra*.

Перевод: [Возражение]. Но теперь определение не будет годиться для некоторых случаев [истинного вывода], например: «[Это] обладает отсутствием дизъюнкции «горшковость ∨ контакт горшка и 'эфира'», потому что это 'эфир'». Здесь *h* найдено правильно [и вывод является истинным], потому что в 'эфире' имеется отсутствие контакта горшка и 'эфира', ограниченное той областью ['эфира'], которая не есть место горшка. Однако определение будет ошибочным, поскольку тот [вид] —*s*, который встречается в том, что отлично от горшка, выступает в форме «контакта горшка и 'эфира'», и встречается в 'эфире'; *h* («эфирность») также встречается в 'эфире'. И нельзя сказать, будто здесь имеется в виду, [что *h* не должно встречаться] в месте того —*s*, которое специфицируется встречающимся₁ для того (т. е. встречающимся₁, обнаруживаемым тем), что отлично от места *s*, так как в этом случае слово «—*s*» оказывается бесполезным, поскольку тот же смысл можно верно передать одним лишь «—встречающимся₁» [пребывающим в *h*] для места того, что специфицируется встречающимся₁ для того, что отлично от места *s*.

Замечание. Возражение: При таком определении истинный вывод оказывается ложным.

Пример. Вывод (букв.): «[Это] обладает отсутствием дизъюнкции» горшковость \vee контакт горшка и 'эфира' потому, что [это обладает] эфирностью».

Пусть a = горшковость.

δ = контакт горшка и 'эфира',

тогда $s = \neg (a \vee \delta)$.

Об отсутствии дизъюнкции см. II, § 36. Отсутствие дизъюнкции может встретиться только там, где не встречается ни один из ее членов. Так что все случаи s будут представлены в форме « $\neg a \cdot \neg \delta$ ».

$\neg a$ никогда не встречается в горшках и всегда встречается в 'эфире'. Следовательно, горшок никогда не бывает местом s . 'Эфир' бывает местом s , коль скоро он является местом $\neg \delta$.

δ , будучи случаем контакта, характеризуется неполным сопутствованием (II, § 45), его отсутствие встречается повсюду там же, где встречается его присутствие, однако при различных ограничителях. $\neg \delta$ появляется в той области 'эфира', которая не находится в контакте с горшками. Так что s ($\neg a \cdot \neg \delta$) встречается в 'эфире', как ограниченное этой областью.

$\neg s = a \vee \delta$. Дизъюнкция находится повсюду, где находится один из ее членов либо же оба. Так, некоторые случаи $\neg s$ выступают в форме a , а некоторые случаи $\neg s$ выступают в форме δ . Все горшки суть места $\neg s$ в форме a . Та часть 'эфира', что находится в контакте с горшками, есть место $\neg s$ в форме δ , а те горшки, что находятся в контакте с 'эфиром', суть места $\neg s$ в форме δ .

Получаем следующие термины:

s : $\neg (a$ или $\delta)$ все его случаи бы- вают в форме $\neg a$ и $\neg \delta$	$\neg s$: a или δ Некоторые его случаи бывают в форме a , а некоторые в форме δ .	h : 'эфир' ;
ls : та область 'эфира', что не находится в контакте с горшками	la : горшки $l'\delta$: та область 'эфира', которая находится в контакте с горшками.	
	$l''\delta$: горшки, которые на- ходятся в контакте с 'эфиром'	h : 'эфир'.

h встречается в месте ($l'\delta$) того $\neg s$ ($\neg s$ в форме δ), которое встречается в том, что отлично ($l''\delta$) от ls .

Таким образом, истинный вывод оказывается ложным.

Существенная разница между этим примером и примером с обезьяной и деревом состоит в том, что там для $\neg s$, находящегося в форме отсутствия, можно предположить, согласно теории, которой мы теперь следуем, различные реализации в зависимости от изменения его мест. Здесь же δ , являющееся формой $\neg s$, есть присутствующий объект. для

которого нельзя предположить подобную изменчивость. Отметим кстати, что оппонент мог бы построить и более простую конструкцию для $-s$, задав s как «отсутствие контакта», но в этом случае вывод стал бы «kevalāpvaṃyī», т. е. приобрел бы вид, для которого данное определение не предназначалось.

Матхура рассматривает любое возможное решение с единственной целью опровержения его. Допуская, что v в качестве присутствующего объекта не может быть расчленено, как мы дифференцировали по видам «—контакт с обезьяной», можно все же указать на различие между двумя местами v . Почему не прибегнуть к методу, использованному в дополнении 9 и определении 1 (см. также раздел II, § 41), и не сказать, что место, для $-s$ может быть обнаружено объектом, специфицированным встречающимся, для того, что отлично от ls ? Только горшки суть места, обнаруживаемые a или v , специфицированными встречающимся, для того, что отлично от 'эфира', а h не встречается в горшках. Это предположение отбрасывается, потому что оно делает бесполезным выражение « $l-s$ » в определении 2.

Текст 92.6—8 (B.I., 41.1—4): iti cen na, abhāvabhāvasyātikṛtatā-matenaital-lakṣaṇa-karaṇāt, tathā cādḥikaraṇa-bhedena-bhāva-bhedāt sādhyavad-bhinne ghaṭe varttamānasya sādhyābhāvasya pratiyogi-vyadhikaraṇasya pratiyogimati gagane 'sattvād avyūpter abhāvāt.

Перевод: [Ответ]. Этого возражения делать не следовало, поскольку данное определение было получено на основании теории, согласно которой двойные отсутствия отличаются [от своих позитивных коррелятов], а поэтому [могут] различаться при различии их мест. Так, например, $-s$, которое встречается в горшке, поскольку горшок отличен от ls , является отсутствием, место которого отличается от места его контрпозитива, а поэтому не есть (то же самое), что и отсутствие, которое встречается в 'эфире', поскольку 'эфир' как раз и есть место контрпозитива. Следовательно, определение вполне учитывает этот пример.

Замечание. Единственным способом устранения возражения в том случае, когда v не может быть расчленено по видам без того, чтобы часть определения не оказалась бесполезной, служит отказ от допущения, что $-s$ в данном примере выступает в форме присутствующего объекта, подобного v . Коль скоро $-s$ остается только отсутствием, то согласно теории, которой мы теперь следуем, оно может быть дифференцировано соответственно своему месту. Это, разумеется, лишает силы приведенное выше обоснование (90.5—6) для включения « s » в часть определения, являющуюся « $l-s$ ».

Здесь нельзя заменить «субстанцииальность» на «такое отсутствие», поскольку теперь мы не можем считать «субстанцииальность» существенно тождественной «— — субстанцииальности». Матхура же предлагает именно такое допущение и поэтому приводит иное обоснование для включения «s» в формулировку определения.

Текст 92.9—14 (B.I., 41.4—10): Na caivam sādhyābhāvēty atra sādhyā-pada-vaiyarthyaṃ abhāvābhāvasyātiriktatvena dravyātvāder abhāvātvābhāvāt sādhyavad-bhinna-vṛtti-ghaṭābhāvādes tu hetumaty asattvād adhikaraṇa-bhedenābhāva-bhedād iti vācyam. Yatra-pratīyogī-sāmānādhikaraṇatva-pratīyogī-vyādhikaraṇatvalakṣaṇa-viruddha-dharmādhyāśas tatraivādhikaraṇa-bhedenābhāva-bhedābhyupagamo na tu sarvatra, tathā ca sādhyavad-bhinna-vṛtti-ghaṭābhāvāder hetumaty api sattvād asambhava-vāraṇāya sādhyā-padopādānāt.

Перевод: [Возражение]. В таком случае, в части «—s» [определения] слово «s» оказывается бесполезным, ибо субстанцииальность не может быть [существенно тождественной] отсутствию, поскольку двойное отсутствие отличается [от присутствующего объекта]. С другой стороны, то отсутствие горшка, которое встречается в чем-то, отличном (например, «озеро») от места (например, «гора») s («огонь»), не встретится в месте (например, на горе) h («дым»), так как отсутствия различаются по их местам.

[Ответ]. Этого возражения не следовало делать, поскольку мы здесь не принимаем допущения, будто отсутствия различаются в зависимости от их мест во всех случаях, но лишь в тех, где мы вынуждены приписать им противоречивые свойства [одновременной] встречаемости в одних и тех же местах с их контрпозитивами и встречаемости в иных местах, нежели их контрпозитивы.

Таким образом, то отсутствие горшка, которое встречается в чем-либо отличном («озеро») от места s («огонь»), встретится также и в месте («гора») h («дым»). Чтобы исключить такую невозможную ситуацию, не следует опускать слово «s».

Замечание: Попробуем опустить «s» и пусть в определении стоит просто: «h не должно встречаться в месте отсутствия, которое встречается в чем-либо, отличном от ls».

Применим сокращенный вариант определения к истинному выводу: «[Это] обладает огнем, потому что [оно обладает] дымом». Мы не можем подставить «— — субстанцииальность» вместо «такого отсутствия». Предположим, что мы вместо этого подставим «— горшок».

s : огонь	— :— горшок	h : дым
ls : гора	l' — : гора	lh : гора
	l'' — : озеро	

l' есть также место *s*; *l''* отлично от места *s*. Оппонент утверждает, что —горшок, находящийся в *l'*, отличен от —горшка, который находится в *l''*, и что поэтому сокращенное определение приемлемо.

Матхура отвечает, что горшок в *l'* это то же самое, что и —горшок в *l''*. Не все отсутствия, говорит он, различаются по местам их, но лишь такое отсутствие, которое одновременно является и *pratiyogi-samānādhikaraṇābhāva* («отсутствие, встречающееся в том же месте, что и его контрпозитив»; см. II, § 45), и *pratiyogi-vyadhikaraṇābhāva* («отсутствие, встречающееся в иных местах, нежели его контрпозитив»). Отсутствие дизъюнкции «горшковость √ контакт горшка с 'эфиром'» есть как раз такого рода отсутствие, в отличие от отсутствия горшка. Таким образом, сокращенное выражение не подходит, и слово «*s*» является необходимым.

Как Джагадиша (I, 78, строка 20), так и Гададхара (стр. 147, строки 26 и сл.) неодобрительно отзываются о теории, по которой отсутствие можно дифференцировать, когда оно обладает упомянутыми противоречивыми свойствами.

Текст 93.1—4 (B.I., 41.11—15): *Yad vā ghaṭākāśa-samyoga-ghaṭatvānyatarābhāvābhāvo 'tirikta* ¹⁾*eva*¹⁾, *ghaṭākāśa-samyogādīnām ananugatatayā tathātvasya vaktum aśakyatvāt. Ghaṭatva-dravyatvādy-abhāvābhāvas tu nātiriktaḥ ghaṭatva-dravyatvādīnām*²⁾ *anugatavāt. Tathā ca dravyatvādikam ādayāsambhava-vāraṇāy-aiva sādhya-padam iti prāhur ity āstām vistaraḥ.*

Варианты: (1) В B.I. отсутствует, (2) В B.I. вставлено ару.

Перевод: Или, как говорят некоторые, только такое отсутствие, как — — дизъюнкция «горшковость √ контакт горшка с 'эфиром'», отлично [от контрпозитива первого отсутствия], поскольку оно не может быть ему тождественным, ибо контакт горшка и 'эфира' и т. п. не обеспечивает ему всеобщего сопутствования. С другой стороны, — — горшковость, — — субстанционность и т. п. не отличаются [от горшковости, субстанционности и т. п. соответственно], поскольку горшковость, субстанционность и т. п. обеспечивают им всеобщее сопутствование.

Итак, возникает невозможная ситуация, если взять субстанционность [в ее форме — — субстанционности «для такого отсутствия» в сокращенном варианте определения]. Во избежание подобной ситуации используется слово «*s*».

На этом мы прекратим обсуждение.

Замечание: Здесь Матхура предлагает способ сохранения его оригинального обоснования включения «s» в часть «l—s» определения и отказывается признать, что —s из примера оппонента в 91.1—92.6 является формой *v*. Вместо того чтобы отрицать существенное тождество с *x* для всех отсутствий отсутствий *x*, он отрицает его только для тех отсутствий, которые в противном случае обнаруживали бы двойственность.

Третье определение «sādhyavat-pratīyogikānyonyābhāvāsamānādhikaraṇam»

Текст 93.5—8 (B.I., 42.1—4): Sādhyavat-pratīyogikānyonyābhāveti: hetau sādhyavat-pratīyogikānyonyābhāvādhikaraṇa-¹⁾nirūpita¹⁾-vṛttivābhāva ity arthaḥ. Anyonyābhāvaś ca pratīyogya-vṛttitvena viśeṣaṇīyaḥ, tena sādhyavato vyāsaḥya-vṛtti-dharmāvacchinna-pratīyogitākānyonyābhāvavati hetor vṛttāv api nāsambhavaḥ.

Вариант: (1) в B.I. опущено.

Перевод: «Взаимное отсутствие, контрпозитив к которому есть место *s*». Смысл этого выражения таков: «[Когда имеется] отсутствие встречающегося₁, [пребывающего] в *h* и обнаруживаемого местом взаимного отсутствия, контрпозитив к которому есть место *s*». Взаимное отсутствие должно характеризоваться тем, что оно не встречается в своем контрпозитиве так что невозможная ситуация не возникает даже в том случае, если *h* встретится в месте взаимного отсутствия места *s*, контрпозитивность к каковому отсутствию ограничена свойством «vyāsaḥya — vṛtti».

Замечание: Применение определения 3 к истинному выводу:

<i>s</i> : огонь	— <i>ls</i> : — гора	<i>h</i> : дым
<i>ls</i> : гора	<i>l—ls</i> : озеро	

h не встречается в озере. Определение соблюдено.

Однако в следующем истинном выводе, если мы специально не оговорим, что взаимное отсутствие не встречается в своем контрпозитиве, определение не подойдет.

<i>s</i> : цвет этого манго		<i>h</i> : вкус этого манго
<i>ls</i> : это манго	— <i>ls</i> : — это и то манго	
	<i>l—ls</i> : это манго	

h встречается в этом манго и вывод оказывается ложным. То —*ls*, которое мы выбрали, ограничено свойством *vyāsaḥya-vṛtti*, обоюдностью и, следовательно, встречается в своем контрпозитиве (см. раздел II, § 52).

Текст 94.1—5 (B.I., 42.4—9): Nanv evam api nānādhikaraṇa-sādhyake vahnimān dhūmād ity-ātau sādhyādhikaraṇibhūta-tat-tad-vyaktivāvacchinna-¹⁾pratiyogitākānyonyi¹⁾ābhāvavati hetor vṛtter avyāptir durvārā, pratiyogy-avṛttitvam apahāya sādhyavattvāvacchinna-pratiyogitākānyonyābhāva-vivakṣaṇe tu pañcāmena saha paunaruktyam iti cen na, vakṣyamāṇa-kevalānvayavyāptivad asyāpy atra doṣatvāt.

Вариант: (1) В К. опущено -ānyony-; B.I., -pratiyogikānyony-

Перевод: [Возражение]. Но в этом случае, когда *s* имеет много мест, как в выводе: «[Это] обладает огнем, потому что [оно обладает] дымом», ошибка непроникновения в определении будет неустранимой, поскольку *h* будет встречаться в местах взаимного отсутствия, контрпозитивности которых ограничены тем или иным проявлением, для *ls* (т. е. контрпозитивности которых *суть* то или иное проявление *ls*). С другой стороны, если отказаться от [уточнения характера взаимного отсутствия, а именно] не характеризовать его как «не встречающееся в своем контрпозитиве», и попытаться исправить ошибку, придав определению смысл взаимного отсутствия, контрпозитив, к которому ограничен местом, для *s*, то это определение кажется эквивалентным определению 5.

[Ответ]. Такого возражения [против позиции автора] не следовало делать, поскольку [он сам признает], что здесь имеется ошибка, а также готов признать, что ошибка непроникновения имеет место и тогда, когда определение применяют к выводам «kevalānvayāi».

Примечание: Определение не подойдет к истинному выводу

<i>s</i> : огонь	<i>-ls</i> : — гора	<i>h</i> : дым
<i>ls</i> : гора	<i>l-ls</i> : очаг	

h встречается в очаге. Определение не подходит. Эта ошибка дала Рагхунатхе повод отбросить данное определение (Ragh., 6—7).

Далее, если *c*₁ для взаимного отсутствия будет ограничено местом, для *s*, то отсутствие не будет —горой, поскольку оно должно отрицать все места *s*. Оно будет таким взаимным отсутствием, которое может находиться в том, что никогда не бывает местом огня, например в озере. Однако Матхура здесь заявляет, что такая поправка не будет принята, поскольку она делает определение 3 тождественным определению 5, ибо в определении 5 утверждается, что *h* не должно встречаться в том, что отлично от *ls*, а поэтому необходимо ограничить *c*₁ для *ls* местом, для *s*. Несколько ниже Матхура пытается отыскать какой-нибудь фактор, по

которому даже и при такой поправке определение 3 все же отличалось бы от определения 5.

Матхура справедливо замечает, что неисправимую ошибку следует отнести за счет природы определения, а не за счет его автора, ибо Гангеша говорит, что все пять определений не годятся для вывода «kevalānvayī», его утверждение следует понимать как upalakṣaṇa, т. е. как указание и на другие ошибки (см. 101.18—102.7, ниже).

Текст 94.5—9 (B.I., 42.9—43.5): Na ca tathāpi sādhyavat-pratīyogikānyonyābhāva-mātrasyaiva etal-lakṣaṇa-ghaṭakatve vakṣyamāṇa-kevalānvayū-avyāptir atrāsaṅgatā, kevalānvayi-sādhyake 'pi sādhyādhikaraṇībhūta-tat-tad-vyaktitvāvacchinna-¹⁾pratīyogitāk¹⁾-ānyonyābhāvasya prasiddhatvād iti vācyam. ²⁾Tathāpi²⁾ tād-ṛṣānyonyābhāvasya prasiddhatve 'pi tadvati hetor vṛtter evāvy-apter durvāratvāt.

Варианты: (1) В B.I. опущено; (2) B.I., atrāpi.

Перевод: [Возражение]. В таком случае, если определение должно содержать взаимное отсутствие, о котором просто сказано, что его контрпозитивом является *ls*, то со стороны автора будет непоследовательным говорить позднее об ошибке непроникновения в случаях выводов «kevalānvayī», [поскольку данное определение не приводит к подобной ошибке]. Даже если *s* будет повсеместно-присутствующим, все равно можно отыскать такие взаимные отсутствия, что их контрпозитивности окажутся ограниченными тем или этим проявлением, *ls*.

[**Ответ**]. Это возражение не следовало приводить, ибо хотя такие взаимные отсутствия и могут быть найдены, однако *h* будут встречаться в местах их, [в результате чего все подобные выводы окажутся ложными]. Поэтому ошибка непроникновения остается неустранимой.

Замечание: До сих пор трудность применения любого определения V.P.R. к выводам «kevalānvayī» состояла в недемонстрируемости —*s*. Однако в определении 3, если *ls* не ограничено местом, для *s*, пример взаимного отсутствия может быть найден

s : именуемость
(abhidheyatva)

h : познаваемость
(prameyatva)

ls : горшок

—*ls* : — горшок
l—*ls* : ткань

Здесь взаимное отсутствие действительно демонстрируемо, поскольку его места могут быть найдены. *h* встречается во всех таких местах, поэтому вывод по-прежнему оказывается ложным и определение содержит ошибку непроникновения.

Текст 94.10—95.2 (B.I., 43.6—11): *Yad vā sādhyavat-pratiyogikānyonyābhāvapadena sādhyavattvāvacchinna-pratiyogitākānyonyābhāva eva vivakṣitaḥ. Na caivam pañcamābhedaḥ, tatra sādhyavattvāvacchinna-¹⁾pratiyogitāk¹⁾-ānyonyābhāvattvena praveśaḥ, atra tu tādrśānyonyābhāvādhikaraṇatvenety adhikaraṇatva-praveśāpraveśābhyām eva bhedaḥ. Akhaṇḍābhāva-ghaṭakatayā ca nādhikaraṇatvāmśasya vaiyarthyaṃ iti na ko 'pi doṣa iti dik.*

Вариант: (1) B.I., -pratiyogik-.

Перевод: Либо же могут сказать, что в определении нет ошибки, поскольку под выражением «взаимное отсутствие, контрпозитив которого есть *ls*», автор *фактически* понимает взаимное отсутствие, контрпозитив, к которому ограничен местом, для *s*. А это уже не неотлично от определения 5, поскольку объект этот там вводится как «*обладающее* взаимным отсутствием, контрпозитив, к которому ограничен местом, для *s*», в то время как здесь он вводится как «то, *что является местом* такого взаимного отсутствия», а поэтому разница действительно имеется, и зависит она от того, вводится или нет объект в качестве места. Часть определения «...который является местом» нельзя считать бесполезной, потому что ею обеспечивается создание неустраняемого отсутствия.

Сказанного в общих чертах достаточно.

Замечание. Это — явный софизм. До сих пор не проводилось никакого различия между «...—vat» («обладающее...») и «...-adhikaraṇa» («место...»). «Обладающее *x*» и «место *x*» эквивалентны. Являются ли они существенно тождественными — совершенно неважно, ибо коль скоро они эквивалентны, это одно разбивает утверждение комментатора, будто каждое последовательное определение связано с преодолением все новых и новых трудностей.

Четвертое определение

«*sakala-sādhyābhāvavan-niṣṭhābhāva-pratiyogitvam*»

Текст 95.3—8 (B.I., 43.12—17): *Sakaleti: sākalyam sādhyābhāvavato viśeṣaṇam, tathā ca yāvanti sādhyābhāvādhikaraṇāni tan-niṣṭhābhāva-pratiyogitvam ¹⁾hetōr ¹⁾vyāptir ity arthaḥ. Dhūmady²⁾-abhāvavad-jalahradādi-niṣṭhābhāva-pratiyogitvād vahnyādāv ativyāptir iti yāvad iti sādhyābhāvavato viśeṣaṇam. Sādhyābhāva-viśeṣaṇatve tat-tad-³⁾hradāvṛttitvādi³⁾-rūpena yo vahnyady-abhāvas ⁴⁾tasyāpi⁴⁾ ⁵⁾sakala-sādhyābhāvavattvena⁵⁾ praveśāt tāvad-adhikaraṇāprasiddhyāsambhavāpatteḥ.*

Варианты: (1) B.I., hetau; в К. опущено ādy; (3) К., hra-dāvṛttitvena; (4) К., tasyapi; (5) B.I., sakala-madhye.

Перевод: «Все»: всеобщность специфицирует $l-s$. Смысл этого таков: проникновение бывает там, где h является контр-позитивом отсутствия, пребывающего во всех возможных местах $-s$.

Выражение «во всех возможных местах» специфицирует $l-s$, так как в противном случае определение было бы настолько широким, что охватывало бы и ложные выводы, поскольку огонь и т. п. служит контрпозитивом отсутствия, находящегося в озере и т. п., которое есть место — дыма и т. п. Следовательно, если бы им специфицировали $-s$, определение не получилось бы, поскольку [в истинном выводе: «Это обладает огнем, потому что оно обладает дымом»], если взять [видовые] отсутствия огня в форме — встречающегося, в этом озере, — встречающегося, в другом озере и т. п. так, что эти отсутствия будут включаться во «все отсутствия s », то место [их произведения] отыскать не удастся.

Замечание: Когда мы говорим «все $l-s$ », то об $l-s$ можно сказать, что они специфицируются всеобщностью или выражением «все» (см. раздел II, § 17).

Место произведения видовых отсутствий не может быть указано (см. раздел II, § 38).

Джагадиша (I, 79, строка 14) говорит, что если «все» употребить вместе с « $-s$ », то недостатком определения будет непроникновение, а не невозможность. Обоснование этого приводится в «Tirraṇi», B.I., стр. 43—44.

Имеется всего один вид истинного вывода, для которого подойдет это определение. Если посчитать s отсутствием, для которого s_1 ограничен отношением времени, то ограничивающее отношение место, для $-s$ будет временным, и посредством этого отношения все видовые отсутствия s смогут соединиться с одним местом.

Текст 96.1—3 (B.I., 43.17—44.3): Na ca dravyaṃ sattvād ity-ādaу dravyatvābhāvavati guṇādaу sattvāder viśiṣṭābhāvādi-sattvād ativyāptir iti vācyam, tādrśābhāva-pratīyogitāvachchedaka-hetutāvachchedakavattvasyeha vivakṣitatvāt.

Перевод: [Возражение]. Определение будет слишком широким и распространится на такие случаи [ложного вывода], как, например: «[Это] субстанция, потому что [это обладает] реальностью», поскольку специфицированные отсутствия реальности и т. п. имеются в качестве и т. п., а качество есть место — субстанциональности.

[Ответ]. Этого возражения делать не следовало, поскольку определение нужно понимать в следующем смысле: «обладающее gh_1 ограничивает s_1 указанным отсутствием».

Замечание: Пример сверхпроникновения определения. Ложный вывод:

s_1 : субстанция, —s : — субстанция, h : реальность
все $l-s$: качество
действие и т. п.

Как отмечалось в разделе II, § 41, реальность и специфицированная реальность существенно тождественны. Таким образом, вместо h мы можем подставить «реальность, специфицированную отличностью от качества или действия» ($guṇa-karmānyatva-viśiṣṭa-sattā$). Эта реальность не встретится в качестве. Соответственно h образует контрпозитив отсутствия, пребывающий в качестве и т. п., и вывод оказывается истинным.

Мы уже сталкивались с указанным выводом (65.2—4), но там не было подходящих условий для того, чтобы он не оказался истинным (см. раздел II, § 41, прим. 138). Мы также упоминали в своем месте о том, что можно легко спутать чистый термин и специфицированный термин (59.3—61.2; 67.1—4). До сих пор мы осуществляли подстановку чистого термина вместо специфицированного термина, и в связи с этим были предложены два довольно сложных метода, предотвращающие путаницу в этом вопросе (см. 59.1—3 и 67.1—4). Здесь же подстановка осуществляется в обратном направлении, а именно: специфицированный термин подставляется вместо чистого термина, и задача оказывается более простой. Нам необходимо только потребовать, чтобы отсутствие h , пребывающее во всех $l-s$, было отсутствием, которое отрицает, когда h утверждает что-либо. Более специальным языком это правило сформулировано в следующем дополнении.

Дополнение 1: В определении 4 под «контрпозитивом отсутствия» понимается «контрпозитив отсутствия, для которого s_1 ограничен gh_1 ».

Это дополнение соответствует дополнению 1 к определению 1 (24.1—3).

Текст 96.3—5 (B.I., 44.3—5): Pratiyogitā ca hetutāvacchedaka-sambandhāvacchinā grahyā. Tena dravyatvābhāvavati guṇādaū sattādeḥ samyoga-¹⁾sambandhāvacchinābhāva-sattve 'pi nātivyāptiḥ.

Вариант: (1) В B.I. вставлено adi.

Перевод: И контрпозитив, должен быть ограничен Rh_1 . Тогда определение не будет слишком широким и не будет

относиться к случаям ложного вывода, как, например: «Это субстанция, потому что это обладает реальностью», даже если в качестве и т. п. местах — субстанциональности наблюдается отсутствие реальности, [контрпозитив, к которому] ограничен отношением контакта.

Замечание: См. пример в Замечании к 96.1—3. «Реальность через контакт» встречается в качестве, поскольку качество, являясь родовой характеристикой, может быть только присущим. Следовательно, имеем

Дополнение 2. $c_1 \perp h_1$ также должно быть ограничено Rh_1 . Это соответствует дополнению 2 к определению 1 (27.1—3).

Заметим, что символ « $-h$ » может относиться как к постоянному, так и к взаимному отсутствию, будучи в этом отношении подобным символу « $-s$ » (см. 29.1—4). Когда h_1 ограничено существенным тождеством, « $-h$ » будет относиться к взаимному отсутствию. В прочих случаях оно будет относиться к постоянному отсутствию.

Текст 96.5—9 (B.I., 44.5—9): *Sādhyābhāvaś ca¹⁾ sādhyatāvachedaka-sambandhāvacchinna¹⁾ -²⁾sādhyatāvachedakāvacchinna²⁾-pratiyogitako³⁾ grāhyaḥ³⁾, anyathā parvatādāv api vahny-āder viśiṣṭābhāvādi-sattvena samavāyādi-sambandhāvacchinna-vahny-⁴⁾abhāvādi⁴⁾-sattvena ca yāvad-antargatatayā tan-niṣṭhābhāva-pratiyogitvābhāvād dhūmasyāsambhāvaḥ syāt.*

Варианты: (1), (2) В B.I. расположены в обратном порядке; (3) B.I. *bodhyaḥ*; (4) B.I., *-ādi-sāmānyābhāva-*.

Перевод: [В этом определении] $-s$ следует понимать как отсутствие, c_1 к которому ограничен Rs_1 и gs_1 . В противном случае возникает недопустимая ситуация, поскольку [при истинном выводе: «Это обладает огнем, потому что оно обладает дымом»], даже на горе и т. п. имеются видовые отсутствия огня и [родовые] отсутствия огня, а гора (как место этих отсутствий) включается в [уточнение] «...во всех возможных местах». Однако дым [h] не является контрпозитивом отсутствия, пребывающего на горе.

Замечание: Дополнения 3 и 4. $c_1 \perp s_1$ должно быть ограничено gs_1 и Rs_1 .

Таковы же дополнения 3 и 4 к определению 1 (29.1—4).

Текст 96.10—97.3 (B.I., 44.9—45.3): *Na ca kapi-samyogy etad-vṛkṣatvād ity ādau etad-vṛkṣasyāpi tādrśa-sādhyābhāvavattvena yāvad-antargatatayā tan-niṣṭhābhāva-pratiyogitvābhāvād etad-vṛkṣatvasyāvyāptir iti vācyam, kiñcid-anavacchinnāyāḥ sādhyābhāvādhikaraṇatāyā iha vivakṣitatvāt. Itthaṃ ca kiñcid-anavac-*

chinnāyāḥ kapi-samyogābhāvādhikaraṇatāyā guṇādāv eva sattvāt tatra ca hetor apy abhāva-sattvān nāvyāptiḥ.

Перевод: [Возражение]. Определение слишком узко и не подходит для [таких случаев истинного вывода], как: «[Это] обладает контактом с обезьяной, потому что оно — *это* дерево». Здесь «*это* дерево» есть также место — *s* и, как таковое, должно быть включено в термин «во всех возможных местах», однако «это-деревность» не является контрпозитивом отсутствия, пребывающего в «этом дереве».

[Ответ]. Такое возражение делать не следовало, потому что мы должны понимать определение как требование неограниченного места₁ для — *s*. При такой интерпретации определение не будет слишком узким, поскольку только в качестве и т. п. может быть место₁, ничем не ограниченное в отношении отсутствия контакта с обезьяной, а в качестве и т. п. отсутствует *h*.

Замечание. Дополнение 5. В *l*—*s* должно находиться неограниченное место₁ для — *s*. Это в точности соответствует возражению 12 и дополнению 9 к определению 1 (см. замечания к 59.3—2).

Текст 97.3—6 (B.I., 45.3—6): Na ca kapi-samyogābhāvāvan sattvād ity-ādaу sādhyābhāvasyā kapi-samyogāder nirvacchinnādhikaraṇatvāprasiddhyavyāptir iti vācyam, kevalānvayīny abhāvād ity anena grantha-kṛtaivāsyā¹⁾ doṣasya vakṣyamānatvāt.

Вариант: (1) В B.I. опущено *asya*.

Перевод: [Возражение]. В таком случае определение не будет подходить для [некоторых случаев истинного вывода], как, например: «[Это] обладает отсутствием контакта с обезьяной, потому что это реально» и т. п., ибо невозможно найти для — *s* неограниченного места₁, поскольку — *s* есть контакт с обезьяной и т. п.

[Ответ]. Это возражение делать не следовало, поскольку автор сам признает ошибку в определении, когда говорит «...потому что это не входит ни в один из случаев, когда *s* присутствует повсеместно».

Замечание. Это будет повторением возражения 14 и ответа на него для определения 1 (61.2—4).

Текст 97.6—11 (B.I., 45.6—11): Na ca pṛthivī kapi-samyogād ity-ādaу pṛthivītvābhāvavati jalādaу yāvaṭy eva kapi-samyogābhāva-sattvād ativyāptir iti vācyam, tan-niṣṭha-padena, tatra nirvacchinna-vṛttimattvasya vivakṣitatvāt. Itthaṃ ca pṛthivītvābhāvādhikaraṇe jalādaу yāvad-antargate nirvacchinna-vṛttimān

abhāvo na kapi-samyogābhāvaḥ kintu ghaṭatvādy-abhāva eva, tat-pratilyogitvasya hetāv asattvān nātivyāptiḥ.

Перевод: [Возражение]. Определение будет слишком широким и может быть отнесено к [случаям ложного вывода], например: «[Это] земля, потому что [это обладает] контактом с обезьяной», поскольку вода есть место — земляности, и, как [таковая], она [включается] в уточнение «...во всех возможных местах», а следовательно, в воде *имеется* отсутствие контакта с обезьяной.

[Ответ]. Это возражение не следовало выдвигать, ибо, [когда в определении говорится, что *h* должно быть контр-позитивом отсутствия, пребывающего в *l-s*], под словом «пребывающее» подразумевается «обладающее [свойством] неограниченной встречаемости в чем-либо». Стало быть, в воде, которая есть место — земляности, и, [как таковая], включается «...во все возможные места», отсутствие контакта с обезьяной не является отсутствием с неограниченной встречаемостью; такого рода отсутствие может быть только чем-то вроде отсутствия горшковости, а поскольку *h* не *есть* контр-позитив этого отсутствия, то определение не будет слишком широким.

Замечание: Пример сверхпроникновения определения.
Ложный вывод:

s : земля₁ — *s* : — земля₁ — *h* : — контакт с *h* : контакт с обезьяной
обезьяной

все *l-s* : вода (а) — контакт с обезьяной } отсутствия, пребывающие
и т. д. и т. п. (в) — горшок₁ и т. п. } в *l-s*

И контакт с обезьяной, и его отсутствие могут встречаться в воде. *h* есть *c* отсутствия *a*, следовательно, вывод оказывается истинным. Ошибка исправляется.

Дополнение 6. В определении под «отсутствием, находящимся в чем-либо», понимается «отсутствие неограниченной встречаемости, находящееся в чем-либо» (см. раздел II, § 45).

Это дополнение исключает возможность отсутствия *a* в вышеприведенном примере и вынуждает нас принять отсутствие в виде *b*.

Заметим, что подобного рода дополнение для определения 1 оказывается ненужным.

Определение 1 не допускает встречаемости *h* в *l-s*. В приведенном выводе эта встречаемость имеет место, поэтому вывод оказался ложным. Но определение 4 *требует* встречаемости —*h* в *l-s*. Отсюда и необходимость в дополнении.

Текст 97.11—16 (B.I., 45.11—17): Na caivam anyonyābhāvasya vyāpva-vṛttitā-niyama-naye dravyatvābhāvavān samyoga-

vad-bhinnatvād ity-āder api sad-dhetutayā tatrāvyāptiḥ samyoga-
vad-bhinnatvābhāvasya samyoga-rūpasya niravacchinna-vṛtter
aprasiddher iti vācyam, anyonyābhāvasya vyāpya-vṛttitā-niyama-
naye¹⁾ 'vyāpya-vṛttimad¹⁾/anyonyābhāvasyābhavo na pratiyogi-
tāvaccchedaka-svarūpaḥ kintv atirikto vyāpya-vṛttir, anyathā mū-
lāvaccchedena kapi-samyogi-bhedābhāva-bhānānupapatter iti sa-
myogavad-bhinnatvābhāvasya²⁾ niravacchinna-vṛttimattvāt.

Вариант: (1) Вставлено из 61.5—10, поскольку это необхо-
димо, чтобы избежать противоречия; эта вставка отсутствует
как в К., так и в В.І.; (2) в В.І. вставлено api.

Перевод. [Возражение]. Определение по-прежнему будет
слишком узким, поскольку такие выводы, как: «[Это] обла-
дает отсутствием субстанциональности, потому что оно отли-
чается от места контакта», являются истинными по мнению
тех, кто утверждает, что взаимное отсутствие характери-
зуется полной встречаемостью. Однако данное определение
сюда не применимо, так как — ÷ места контакта существен-
но тождественно контакту, а неограниченная встречаемость
этого недемонстрируема.

Ответ. Указанного возражения делать не следовало, по-
скольку мнение тех, кто утверждает, что взаимное отсутствие
характеризуется полной встречаемостью, состоит в том, что
отсутствие взаимного отсутствия того, что является местом
объекта неполной встречаемости, не будет существенно тож-
дственным ограничителю контрпозитива, [для взаимного от-
сутствия], но, напротив, выпадает из его сферы и характе-
ризуется полной встречаемостью, так как, в противном случае,
мы не имели бы знания — ÷ места контакта с обезьяной по
отношению к корням дерева. Стало быть, следуя этому мнени-
ю, — ÷ места контакта *действительно* характеризуется
неограниченной встречаемостью.

Замечание: Аргументация здесь та же самая, что и в
61.5—10, однако проблема возникает в отношении —h, а не
—s. «— ÷ места контакта»: bhinnatvābhāva = bhedābhāva = any-
onyābhāvābhāva (см. II, § 27).

«Мы не имели бы знания...»: (bhānānupapattir): ср. N.K.,
слово bhānam, глосса bhāna к viṣayatāvāt, стр. 20, прим. 2,
содержит следующие слова в качестве синонимов: bhāna,
bhāsana, viṣayi-karaṇa.

Текст 97.17—22 (В.І., 45.17—22): Vastuṭas tu sakala-padam
atrāśeṣa-param na tv aneka-param, etad-ghaṭatvābhāvavān paṭa-
tvād ity¹⁾-ādy¹⁾-eka-vyakti-vipakṣe sādhyābhāvādhikaraṇasya
yavattvāprasiddhyavyāpty-āpatteḥ. Tathā ca kiñcid-anavacchin-

nāyā nirukta-sādhyābhāvādhikaraṇatāya vyāpakibhūto yo 'bhāvaḥ
hetutāvacchedaka-sambandhāvacchinna-tat-pratīyogitāvacchedaka-
hetutāvacchedakavattvaṃ lakṣaṇārthaḥ.

Вариант: (1) В К. отсутствует.

Перевод. Но фактически слово «все» означает скорее «все без остатка», нежели «множество». В противном случае определение было бы слишком узким и не подходило бы для случаев, в которых приходится иметь дело с одним-единственным элементом в понятии «все», что, например, относится к 'анти-пакше' [в выводе]: «[Это] обладает — это-горшководство, потому что это ткань» и т. п., поскольку здесь нельзя отыскать никакой всеобщности [«всех-возможных-местовостей»] для $l-s$. Таким образом, значение определения должно быть следующим: «Проникновение — это тот случай, когда некоторый объект, [а именно h] обладает gh_1 и Rh_1 , ограничивающими контрпозитив, к тому отсутствию, которое будет проникающим в неограниченном месте, для указанного $-s$ ».

Замечание. Конструкция последнего предложения довольно сложна. В его состав входят два коррелятива: 1) $yo 'bhāvaḥ$, 2) $tat-pratīyogitā$, т. е. буквально: «имеющее gh_1 в качестве ограничителя c_1 (c_1 [также] ограничено Rh_1) для того отсутствия, которое является проникающим и т. д.».

От этого места и до конца своего комментария в определении 4 Матхура занимается рассмотрением того, что он называет *реальным* смыслом ($paramārtha$) определения. Под «реальным смыслом» он, по-видимому, понимает указание на то, что эта интерпретация соответствует реальным фактам во всех выводах, не относящихся к типу « $kevalānvayī$ », и не содержит неисправимых ошибок, характерных для определения 4, если его воспринимать буквально. О характере этих самых ошибок яснее, чем у Махтуры, говорится у других комментаторов.

Основное различие между определением 4 и всеми другими определениями V.P.R., как уже отмечалось, состоит в том, что оно *требует* встречаемости объекта (т. е. $-h$), в то время как все прочие *запрещают* встречаемость объекта (а именно h). Это обстоятельство, в сочетании с известной теорией ньяи о двойном отсутствии, обуславливает возможность появления в определении 4 одной любопытной ошибки.

Теория двойного отсутствия, занимающая теперь наше внимание, состоит в том, что — — родового огня может принять форму видового огня. Это нетрудно показать на следующем примере.

Предположим, что x — это класс, состоящий из a и b .

a	в	не - x
---	---	--------

В таком случае, элемент не- не-х будет элементом а или элементом в.

В навья-ньяе это выражается таким способом:

«[иногда] — — $x \doteq a$, и [иногда] — $x \doteq в$ » (см. раздел II, § 42).

Помня о последнем утверждении, проверим определение 4, в его буквальной интерпретации, на следующем истинном выводе: «[Это] обладает отсутствием дыма, потому что [это обладает] отсутствием огня» (dhūmābhāvavān vahny-abhāvāt).

s : — дым	—s : дым в очаге	h : огонь на горе	h : —огонь
	: дым на горе	: огонь в очаге	
	и т. п.	и т. п.	

все l—s : очаг,
гора
и т. п.

Ни одна форма —h не встречается ни в одном из мест —s, так что вывод оказывается ложным.

Один из способов устранения этой ошибки состоит в том, что определению придается такой смысл: h служит с отсутствия, которое обладает свойством, никогда не ограничивающим c_1 для постоянного отсутствия, встречающегося в месте —s. (Заметим, что тем самым уже больше не выдвигается прямое *требование* встречаемости —h). В приведенном выше примере вывода гора обладает свойствами горности и огненности, а огненность никогда не ограничивает c_1 для отсутствия, встречающегося в месте дыма, так что никогда нельзя сказать, что в месте дыма нет огня.

Теперь эта фраза: «обладание свойством, которое никогда не ограничивает c_1 для постоянного отсутствия, встречается в месте x» («tad-adhikaraṇa-niṣṭhātyantābhāva-pratīyogitānavacchedaka-dharmavattva») — сама становится определением «проникающего» (vyāpaka; ср. Śiv. Miśra, 98.2—3; N.K., слово vyāpakatvam).

В этом определении x (tad) обозначает «проникаемое». Таким образом, Матхура говорит, что в определении 4 —h должно быть проникающим места, для —s. [Местá места, для —s суть местá —s].

Эта фраза: «—h должно быть „проникающим“ места, для —s» обладает еще одним достоинством. С ее помощью мы избавляемся от двусмысленного слова «все». Гададхара замечает (стр. 154), что возможны две формы всеобщности, а именно: «множественная безостаточность» (anekāśeṣatva) и просто «безостаточность» (aśeṣatva-mātra). В истинных выво-

Дах, где $l-s$ является единичным и единственным предметом, взявши всеобщность $l-s$ в первой форме, мы получим в результате недемонстрируемый термин. В соответствии с этим Матхура говорит, что в определении 4 всеобщность следует выражать во второй форме. Но даже и эту форму выражения он находит малопригодной.

В § 22 и 32 раздела II уже говорилось о том, что наяйки редко квантифицируют свои «знания» или высказывания; они предпочитают комбинировать два отрицания. Единственным основанием для использования квантора «все» в определении 4 является стремление к простоте, поскольку то, встречаемость чего мы требуем во всех $l-s$, уже является отрицательным. Для получения обобщения с помощью двух отрицаний потребовалось бы, чтобы определение 4 содержало в конечном итоге четыре отрицания: например, $-h$ не должно не встречаться в $l-s$. И вот, несмотря на весь соблазн упрощения, Матхура, объясняя реальный смысл определения 4, проделывает сложное рассуждение.

Если $-h$ является «проникающим» места₁ для $-s$, то, согласно данному выше определению «проникающего», «отсутствие h обладает свойством, не ограничивающим s_1 для отсутствия, пребывающего в месте места₁ для отсутствия s ».

Формулировка «реального смысла» обходит трудности, возникающие в связи со специфической концепцией двойного отсутствия и свободна также от «неудобоваримого» слова «все», но даже в результате дальнейшего уточнения (98.4—6, см. ниже) она не становится пригодной для прямой интерпретации определения 4. Причина в том, что при такой процедуре приходится иметь дело с *petitio principii*. В определении проникновения используется слово «проникающее». Определение «проникающего», приводившееся выше, есть, в сущности, реконструкция части *siddhānta-lakṣaṇa*, или окончательного определения *vyāpti* (см. замечания к 61.2—4).

Вот почему Рагхунатха отказывается от определения 4, даже не пытаясь обойти две указанные трудности, и в этом также, очевидно, заключается причина того, что Матхура относится к данной интерпретации как к чему-то, соответствующему скорее фактам, но не букве определения.

Текст 97.22—23 (B.I., 45.22—46.2): *Na ca sattādi-sāmānyābhāvasyāpi prameyatvādīnā nirukta-sādhyābhāv-¹⁾adhikaraṇatāyā vyāpakatvād¹⁾ dravyaṃ sattvād ity-ādāv ativyāptiḥ.*

Вариант: (1) B.I. 'adhikaraṇatā-vyāpakatvād.

Перевод. [Возражение. Если сказать «отсутствие, которое является проникающим и т. п.», то полученное определение

будет слишком широким и распространится на [случаи ложного вывода], как, например: «[Это] субстанция, потому что [это обладает] реальностью», так как родовое отсутствие реальности, благодаря тому (что оно обладает) свойством, общим для всех объектов знания, проникает место₁ для —s.

Замечание. Пример сверхпроникновения реального смысла определения 4. Ложный вывод:

s : субстанция₁ —s : —субстанция₁ —h : —реальность] h : реальность

$$\begin{array}{l}
 l_1 \text{ для } -s \\
 \downarrow \\
 \text{все } l-s : \text{ качество} \leftarrow \text{— субстанция}_1 \left. \vphantom{\begin{array}{l} l_1 \text{ для } -s \\ \downarrow \end{array}} \right\} \begin{array}{l} \text{отсутствия} \\ \text{пребывающие} \\ \text{в } l-s, \end{array} \\
 \text{и т. п.} \leftarrow \text{и т. п.}
 \end{array}$$

т. е. реальность, качество, действие и т. п. — все суть объекты знания; они все обладают свойством «быть-объектом-знания». Нельзя сказать, что — объект знания всегда находится в месте —s. Соответственно —h обладает свойством, которое никогда не ограничивает с₁ для отсутствия, пребывающего в месте места₁ для —s. Иными словами, —h проникает место₁ для —s, так что ложный вывод оказывается истинным.

Текст 97.23—98.4 (B.I., 46.2—6): *Tadvan-niṣṭhānyonyābhāva-pratīyogitānavacchedakatvaṃ vyāpakatvaṃ ity uktau tu nirdhīmatvavān nirvaṇitvād ity-ādāv avyūptiḥ nirvaṇitvābhāvānāṃ vahni-vyaktīnāṃ sarvāsām eva¹⁾ cālāniya¹⁾-nyūyena nirdhīmatvābhāvādhikaraṇatāvan - niṣṭhānyonyābhāva-pratīyogitāvaccchedakatvād iti vācyaṃ.*

Вариант: (1) B.I., cālānī.

Перевод. [Возражение продолжается]. Далее, если [изменить определение проникающего, чтобы избежать этого недостатка, и] сказать, что один объект проникает другой, когда он не является ограничителем контрпозитива₁ для взаимного отсутствия, пребывающего в месте того другого, то в этом случае определение получится слишком узким и не будет удовлетворять [некоторым случаям истинного вывода], как, например: «[Это] обладает — дымом, потому что [это обладает] — огнем», ибо отсутствия — огня, поскольку они выступают [в форме] всех отдельных проявлений огня, оказываются в результате «просеивания» ограничителями контрпозитивностей к взаимным отсутствиям, пребывающим в месте места₁ для — — дыма.

Замечание. Опонент пускает в ход «отвлекающее средство» в виде второго определения «проникающего», которое призвано исправить ошибку, о чем уже шла речь в 97.22—23.

Затем он показывает, что новое определение приводит к новой ошибке.

Второе определение: «Проникающее x не является ограничителем c_1 для взаимного отсутствия, пребывающего в месте x » (tadvan-niṣṭhānyonyābhāva-pratīyogitānavacchedakatvaṃ yuāṛakatvaṃ). Так, огонь служит проникающим для дыма:

огонь дым
 ÷ место рыб и водорослей → место дыма.

Нельзя сказать: «Место дыма отлично от места огня»; можно лишь сказать: «Место дыма (поскольку им может быть гора, очаг и т. п.) отлично от места рыб и водорослей (поскольку им может быть река, озеро и т. п.)». Теперь огонь ограничивает c_1 , находящееся в месте огня и обнаруживаемое ÷ места огня (см. II, § 28). Он также ограничивает c_1 , находящийся в месте дыма, поскольку всякое место дыма есть место огня. Но огонь не ограничивает c_1 , находящийся в месте рыб и водорослей.

Если воспользоваться этим определением проникающего, то вывод, приведенный в замечании к 97.22—23, оказывается ложным, поскольку

—реальность место, для —s
 ÷ место —реальности → место —s

Место —s отлично от места —реальности, так как первое может быть качеством или действием, а между тем второе не может быть этим, но должно относиться к последним четырём категориям. Соответственно — h (—реальность) ограничивает c_1 взаимным отсутствием, пребывающим в месте места, для—s. Иными словами, — h не проникает место, для —s.

До сих пор все шло хорошо. Однако второе определение проникающего создает новую трудность.

В выводе: «[Это] обладает отсутствием дыма, потому что [оно обладает] отсутствием огня» [отметив, что nīrdhūmatva = dhūmābhāva], имеем:

s : —дым —s : — — дым ↓ l_1 для — s ↓ $l-s$: l дыма на горе ← ÷ l (огня в очаге) l дыма в очаге ← ÷ l (огня на горе)	÷ вид дыма ÷ (a) дым на горе ÷ (b) дым в очаге и т. п.	— h : — — огонь — — вид огня — (a) огонь в очаге (b) огонь на горе и т. п.	h : — огонь
--	---	--	---------------

} взаимные отсутствия,
 } пребывающие в $l-s$

— h в форме α является ограничителем c_1 для ÷ места огня в очаге, и это отсутствие пребывает в месте (α именно в месте дыма на горе) места, для —s; — h в форме β являет-

ся ограничителем s_1 для \div места огня на горе, и это отсутствие пребывает в месте (а именно в месте дыма в очаге) места, для $-s$, и истинный вывод оказывается ложным.

Текст 98.4—6 (B.I., 46.6—8): tadṛśādhikaraṇatā¹)ya¹) vyāpakatāvacchedakaṃ hetutāvacchedaka-sambandhāvacchinnyad-dharmāvacchinābhāvatvaṃ tad-dharmavattvasya yivakṣitatvāt.

Вариант: (1) В B.I. опущено.

Перевод. [Ответ]. Возражение не следовало выдвигать, поскольку здесь имеется в виду, что [проникновение происходит], когда некоторый объект [а именно h] обладает таким свойством, что ограниченная им и Rh_1 отсутствие-ность' [в $-h$] служит ограничителем проникающего, для указанного места₁.

Замечание. Это необходимо подставить в последнее предложение из 97.17—22 вместо tathā ca... hetutāvacchedakavattvaṃ.

Матхура бегло рассматривает второе определение проникающего и возвращается к первому. Анализ вывода, для которого данное определение оказалось неподходящим (97.22—23), позволяет вполне точно установить причину этого: —реальность проникала место₁—субстанциональности не по своей собственной [—реальности] природе бывания —реальностью, а по ее природе бывания объектом знания. Настоящее уточнение определения ограничивает эту самую природу — h , поскольку природа (т. е. свойство), в силу обладания которой x проникает y , представляется ограничителем «проникающейности» в x для y (vyāpakatāvacchedaka).

Это можно пояснить следующим образом.

По первому определению проникающего, x является проникающим y , когда x выступает обладателем особого свойства (а именно того свойства, которое никогда не ограничивает s_1 до постоянного отсутствия, пребывающего в месте y). В таком случае спецификатор всех обладателей данного свойства есть равным образом «обладательность» указанного свойства (tad-dharmavattva) или же самое это свойство (tad-dharma, см. II, § 28). Далее, абстракции отношений типа s_1 , «проникающего» и т. п. ограничены спецификаторами 'сидхий', «проникающих» и т. п., в которых они пребывают (раздел II, § 22). Соответственно ограничитель «проникающейности» для y , пребывающий в x , будет особым свойством (а именно свойством, которое никогда не ограничивает s_1 и т. п.), пребывающим в x .

Это особое свойство как раз и есть то, о чем мы гово-

рили в предыдущем абзаце как о природе проникающего, в силу обладания которым оно и проникает.

Настоящее уточнение указывает, что ограничитель проникающего, для места₁ для $-s$ должен являться отсутствием₁, ограниченным Rh_1 и свойством x , которым надлежит обладать h . Возвращаемся к выводу, в котором мы отметили появление соответствующей трудности:

s : субстанция₁ $-s$: —субстанция₁ $-h$: —реальность h : реальность
 l_1 для $-s$ ↓
 |
 → $l-s$:

 : качество ← | ← — субстанция₁ } отсутствия,
 действие ← | ← — качество₁ } пребывающие в
 и т. п. ← | — — реальность } $l-s$
 (= реальность)

$-h$ здесь обладает по крайней мере двумя свойствами: a : «объект-знания-ностью» и b : «отсутствием₁, ограниченным реальностью и Rh_1 ». Для того чтобы вывод оказался истинным, требуется, чтобы $-h$ не просто было проникающим места₁ для $-s$, но также и проникающим в силу обладания (буквально обладания собственным проникающим₁ ограниченным) отсутствием₁, ограниченным Rh_1 и свойством, имеющимся у h . Мы видим, что a не является отсутствием₁, ограниченным Rh_1 и свойством, имеющимся у h . b хотя и является им, однако не ограничивает проникающее₁ для места₁ для $-s$, поскольку ограничивается c_1 отсутствием (а именно — —реальностью), находящимся в местах места₁ для $-s$. Вследствие этого вывод и оказывается ложным.

Заметим, что отношение между h и ограничителем особого свойства остается свободным, что выражается фразой: « h обладает свойством». Однако если мы подберем свойство z , которое более или менее относится к h , то z не будет ограничивать отсутствие₁ в отсутствии h , поскольку ограничители отсутствия являются ограничителями его c_1 (см. раздел II, § 30).

Текст 98.6--12 (B.I., 46.8—14): Vyāpakatāvacchedakatvaṃ tu tadvan-niṣṭhātyantābhāva-pratīyogitānavacchedakatvaṃ na tu tadvan-niṣṭha-pratīyogi-vyadhikaraṇābhāva-pratīyogitānavacchedakatvaṃ tadvañ niravacchinna-vṛttimān yo 'bhāvas tat-pratīyogitānavacchedakatvaṃ vā, prakṛte vyāpakatāyām pratīyogi-vaiyadhikaraṇasya ¹⁾niravacchinna-vṛttitvasya¹⁾ vā praveṣe prayojana-virahāt. Tena pṛthivī kapi-samyogād ity-ādau nātivyāptiḥ, kapi-samyogābhāvatvasya nirukta-vyāpakatāvacchedakatva-virahād ity eva paramārthaḥ.

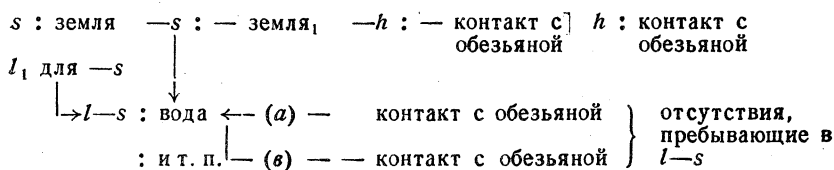
Вариант: (1) niravacchinnatvasya.

Перевод. Ограничитель проникающего₁ (т. е. свойство, в силу обладания которым x проникает y) есть «свойство, которое не ограничивает контрпозитив₁ постоянным отсутствием, пребывающим в месте y », а не «свойство, которое не ограничивает контрпозитив₁ отсутствием, которое характеризуется отличными от его (т. е. отсутствия) контрпозитива местами и которое пребывает в месте y », или же «свойство, которое не ограничивает контрпозитив₁ отсутствием неограниченного свойства в месте y », ибо когда проникающее₁ является предметом обсуждения, представляется бесполезным вводить понятия «отличия места от его контрпозитива» или «неограниченного отсутствия». Таким образом, определение не будет слишком широким и не распространится на [некоторые случаи ложного вывода], как, например: «[Это] земля, потому что [это обладает] контактом с обезьяной», поскольку отсутствие контакта с обезьяной не является свойством, ограничивающим указанное проникающее₁.

Изложенное и составляет «реальный смысл» определения.

Замечание. Когда Матхура приводил определение 4 в буквальном смысле, дополнение 6 было необходимым (97.6—1). Оно требовало, чтобы $-h$ являлось отсутствием неограниченной встречаемости. Теперь же, когда он раскрывает его реальный смысл, используя при этом понятие проникающего, потребность в подобном дополнении отпала.

В выводе «[Это] обладает земляностью, потому что [это обладает] контактом с обезьяной»,

Ограничитель (а именно контактность с обезьяной) проникающего₁ в $-h$ ограничивает s_1 для отсутствия (в), какое отсутствие пребывает в месте места₁ для $-s$. Соответственно $-h$ не проникает места₁ для $-s$, и вывод оказывается ложным.

Реальная причина того, почему сейчас можно опустить дополнение 6, состоит в следующем. Дополнение 6 было необходимо только потому, что мы требуем, чтобы данный объект ($-h$) находился во всех проявлениях иного ($I-s$). Но теперь мы произвели обобщение при помощи двух отрицаний. Мы накладываем запрет на ограничение этого объекта [$-h$] тем свойством, которое ограничивает все то, что не пребывает в $-s$.

Пятое определение
«sādhyavad-anyāvṛttitvam»

Текст 100.1—7 (B.I., 46.15—21): *Sādhyavad-anyeti: atrāpi prathama-lakṣaṇoktaritṛyā hetau sādhyavad-anya-vṛttitvābhāva ity arthaḥ. Tādṛśa-vṛttitvābhāvaś ca tādṛśa-vṛttitva-sāmānyābhāvobodhyaḥ. Tena dhūmavān vahnēr ity-ādau dhūmavad-anya-jalahradādi-vṛttitvābhāvasya dhūmavad-anya-vṛttitva-jalatvobhāyābhāvasya ca hetau sattve 'pi nātivyāptih. Sādhyavad-anyatvaṃ cānyonyābhāvatva-nirūpita-sādhyavattvāvacchinna - pratiyogitāk¹⁾ abhāvavattvaṃ¹⁾, tena vahnimān dhūmād ity-ādau tat-tad-vahnimad-anyasmin dhūmāder vṛttāv api nāvvyāptih.*

Вариант: (1) -ābhāvatvaṃ.

Перевод: «Отличное от места *s*». Можно проанализировать структуру этого сложного слова, как это мы делали в определении 1: «—встречающееся₁ [находящееся] в *h* для того (т. е. обнаруживаемое тем), что отлично от места *s*». И это —встречающееся₁ следует брать как родовое —встречающееся₁. В таком случае определение не будет слишком широким и не охватит [случаев ложного вывода], как, например: «[Это] обладает дымом, потому что [оно обладает] огнем», даже если в *h* будет —встречающееся₁ для озера и т. п., которое отлично от [видового] места дыма, и если даже в *h* будет отсутствие конъюнкции «водность·встречающееся₁» для того, что отлично от места дыма. «То, что отлично от места *s*» означает объект, обладающий отсутствием, контрпозитив₁ к которому ограничен местом₁ для *s* и обнаруживается взаимным отсутствием₁.

Таким образом, определение не будет слишком узким и распространится на [такие случаи истинного вывода], как, например: «[Это] обладает огнем, потому что [оно обладает] дымом», даже если дым встречается в том, что отлично от того или иного места огня.

Замечание: «Отличное от места *s*» — букв.: «отлично от обладателя *s*», поэтому всюду в своих комментариях Матхура пользуется словом «обладатель» (-vat), а не «место» (adhikarāṇa). На эту особенность следовало указать лишь потому, что сам Матхура обращает не нее внимание (94.10—25.2, см. выше). Оба выражения эквивалентны. «Как это делалось в определении 1»: сложное слово *sādhyavad-anyāvṛttitvam* интерпретируется как *vyadhikarāṇa-bahuvrīhi* с абстрактным суффиксом -tva; точно так же оно понималось и в определении 1 (20.1—4). «И это —встречающееся₁ следует брать как родовое —встречающееся₁»: соответствует дополнению 1 к определению 1 (24.1—3).

Выражение «контрпозитив₁ к которому ограничен местом, для s» означает: ограничитель контрпозитива, для отличного от x всегда есть x₁. Иначе можно было бы сказать, что голубой горшок тоже есть «отличное от горшка», поскольку голубой горшок это не красный горшок. На это указывает Рагхунатха. Такое уточнение, хотя и соответствует дополнению 4 к определению 1, не является, однако, настоящим дополнением, поскольку оно подразумевается самими словами разбираемого определения.

«И обнаруживается взаимным отсутствием₁». Смысл таков: и обнаруживается только взаимным отсутствием, но никогда — постоянным отсутствием. Цель этого уточнения становится ясна из следующего:

Текст 101.1—5 (B.I., 46.21—47.4): na vā vahnimattvāvacchinna-pratīyogitākātyantābhāvasya svāvacchinna-bhinna-bhedārūpasyādhikarāṇe parvatādau dhūmasya vṛttāv apy avyāptiḥ tasya sādhyavattvāvacchinna-pratīyogitāyā atyant¹ābhāva¹-nirūpītatvenānyonyābhāvatva-nirūpītatva-virahāt. Anyonyābhāvatva-nirūpītatvam ca tādātmya-sambandhāvacchinnatvam eva.

Вариант: (1) B.I. -ābhāvatva-

Перевод: Это определение не будет также и слишком узким [при тех же самых выводах], даже если гора является местом постоянного отсутствия, контрпозитив₁ которого ограничен местом, для огня, и это постоянное отсутствие существенно тождественно отличию от отличия от себя, а дым появляется на горе. Оно не слишком узко, поскольку контрпозитив₁, ограниченный местом, для s, не будет в этом случае обнаруживаться взаимным отсутствием₁, когда он ограничен только отношением существенного тождества.

Замечание: Рассматриваемое здесь возражение предполагает принятие теоремы:

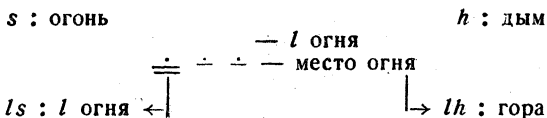
$$\langle \dot{\div} \dot{\div} x \dot{\equiv} x \rangle$$

Рагхунатха согласен с этой теоремой (P.T.N., стр. 55—56; сам текст испорчен, но на то, что он принимает теорему, указывается вполне ясно), однако другие авторы, и среди них Рамабхадра (P.T. №., Tikā, «The Pandit», July—September, 1912, стр. 109), отвергают ее*.

* Причина их отказа состоит в том, что в выражении $\langle \dot{\div} \dot{\div} x \dot{\equiv} x \rangle$ взаимное отсутствие наделяется присутствием₁ (bhāvatva), между тем как в $\langle \dot{\div} \dot{\div} x \dot{\equiv} x \rangle$ взаимное отсутствие надделено относительным отсутствием₁ (saṃsargābhāva). Сказать, что «взаимное отсутствие $\dot{\equiv}$ тому, что обладает присутствием₁, и в то же время «взаимное отсутствие $\dot{\equiv}$ тому, что обладает отсутствием₁», значит неверно использовать термин $\langle \dot{\div} \dot{\div} \rangle$ (см. раздел II, § 42, абзац, следующий за примером 3):

Рагхунатха принимает эту теорему потому, что в противном случае получается бесконечный ряд: каждое взаимное отсутствие ($\dot{\div} \dot{\div} \dot{\div} x$, $\dot{\div} \dot{\div} \dot{\div} \dot{\div} x$ и т. д.) будет новым объектом.

Если $\dot{\div} \dot{\div} x \doteq x$, то $\dot{\div} \dot{\div} - x \doteq x$, а это создает следующую трудность:

— место огня находится в месте огня (например, гора), поскольку ничто не пребывает в себе самом, кроме как через отношение существенного тождества, а отрицание существенного тождества есть « $\dot{\div}$ », а не « $-$ ». Однако если взять «—место огня» в его форме « $\dot{\div} \dot{\div} -$ место огня», то *взаимное* отсутствие, ограниченное местом, для огня, пребывает в горе. Соответственно h находится в том, что отлично от места s , и вывод оказывается ложным.

Трудность разрешается благодаря детерминации «и обнаруживается взаимным отсутствием». s к « $\dot{\div} \dot{\div} -$ место огня» будет «место огня», а также « $\dot{\div} \dot{\div} -$ место огня» и «место огня» обнаруживается не взаимным отсутствием, а постоянным отсутствием (именно — места огня).

Таким образом, оно будет нематериально, если h появляется в месте $\dot{\div} \dot{\div} -$ места огня.

Текст 101.5—9 (B.I., 47.4—8): Sādhyavattvaṃ ca sādhyatāvachedakasambandhena bodhyaṃ, tena vahnimān dhūmād ityādau vahnimattvāvacchinna-pratīyogitākasya samavāyena vahnimato 'nyonyābhāvasyādhikaraṇe parvatādau dhūmāder vṛttāv apī nāvyaṛptiḥ. Sarvam anyat prathama-lakṣaṇokta-dīśāvaseyam. Yathā cāsyā na tṛtīya-lakṣaṇābhedas tathoktam tattraiveti samāsaḥ.

Перевод: И место, для s следует понимать как ограниченное Rs_1 . Таким образом, определение не будет слишком узким, когда [приходится иметь дело с истинным выводом], как, например: «[Это] обладает огнем, потому что [оно обладает] дымом», даже если дым и т. п. встречается на горе и т. п., которая есть место $\dot{\div}$ места огня через присущность, т. е. взаимное отсутствие, контрпозитив, к которому ограничен местом, для огня. Все прочее разворачивается так, как это описано в анализе определения 1.

Рассматривая определение 3, мы отмечали, чем оно отличается от только что разобранного.

Вот вкратце и все.

Замечание: Это дополнение соответствует дополнению 3 к определению 1 (29.1—4).

Подведение итогов

Текст 101.10—18 (B.I., 47.8—48.7): Sarvaṇy eva lakṣaṇāni kevalānvayū avyāptyā dūṣayati kevalānvayiny abhāvād iti. Pañcānām eva lakṣaṇānām idaṃ vācyaṃ jñeyatvād ity-ādi-vyāpya-vṛtti-kevalānvayi-sādhyake, ¹dvitīyādi-lakṣaṇa-catuṣṭasya, tu ¹kapi-samyogābhāvavān sattvād ity-ādy-avyāpya-vṛtti-sādhyake 'pi cābhāvād ity arthaḥ, sādhyatāvacchedaka-sambandāvacchinna-sādhyatāvacchedakāvacchinna-pratīyogitāka-sādhyābhāvasya, sādhyatāvacchedaka-sambandhena sādhyavattvāvacchinna-pratīyogitākānyonyābhāvasya cāprasiddhatvāt, kapi-samyogābhāvavān sattvād ity-ādaū niravacchinna-sādhyābhāvādhikaraṇatvasya-prasiddhatvāc ceti bhāvaḥ. Tṛtīya-lakṣaṇasya kevalānvayi-sādhyakāsattvaṃ ca tad-vyākhyānāvasara eva prapañcitam.

Вариант: (1) В B.I. опущено.

Перевод: Поскольку все определения слишком узки в случаях повсеместно-присутствующего s , наш автор подвергает их критике в следующем высказывании: «Ибо ни в одном из них мы не получаем [проникновения], когда s повсеместно присутствует». Под этим он подразумевает следующее: (а) что ни одно из этих пяти определений не есть определение проникновения, когда s характеризуется полной встречаемостью и является повсеместно-присутствующим, как, например, в таких случаях истинного вывода: «[Это] именуемо, потому что оно познаваемо»; и (б) что ни одно из последних четырех определений не есть определение проникновения, когда s характеризуется неполной встречаемостью и является повсеместно-присутствующим, как, например, в таких случаях истинного вывода: «[Это] обладает отсутствием контакта с обезьяной, потому что [это обладает] реальностью». (а) вытекает из того факта, что [в подобных случаях] невозможно найти пример $-s$, для которого контрпозитив₁ был бы ограничен Rs_1 и gs_1 (как это требуется определениями 1, 2 и 4), а также невозможно найти пример взаимного отсутствия, для которого контрпозитив₁ был бы ограничен местом₁ для s , причем это место₁ было бы ограничено Rs_1 (как это требуется определением 5), а (б) связано с тем фактом, что для таких выводов, как: «[Это] обладает отсутствием контакта с обезьяной, потому что [это обладает] реальностью», невозможно отыскать пример неограниченного места₁ для s . И нами было в своем месте показано, каким образом определение 3 оказывается не подходящим для случаев с повсеместно-присутствующим s .

Замечание: Согласно тексту B.I. (см. варианты), все пять определений оказываются непригодными в тех случаях, когда

s характеризуется неполной встречаемостью и является повсеместно-присутствующим, а также когда s характеризуется полной встречаемостью и является повсеместно-присутствующим. В пользу подобной интерпретации говорит тот факт, что Матхура, по-видимому, повсюду придерживается того же мнения (61.2—4). Однако в целом вариант К. представляется более привлекательным, поскольку не было бы никакого смысла в попытке Матхуры проводить здесь различие между 'садхьями' с полной и неполной встречаемостью, если бы он не ставил своей целью провести различие между определениями, непригодными для первого случая, и определениями, непригодными для второго. Если мы примем версию К., то тем самым должны будем предположить, что Матхура придерживается второго варианта интерпретации определения 1 (83.1—5).

Уточняющее замечание о том, что —s должно обнаруживаться s_1 , ограниченным gs_1 и Rs_1 , содержащееся в дополнениях 3 и 4 к определению 1 (29.1—4), фактически не приводится, однако должно предполагаться в отношении к определению 2 и содержится в тексте 96.5—9 к определению 4.

Уточняющее замечание о —s месте s приводится в тексте 100.1—7 к определению 5.

Текст 101.18—20 (B.I., 48.7—10): Etac copalākṣaṇam. Dvitiye kapi-samyogy etad-vṛkṣatvād ity-ādāv apy avyāptir-adhikarāṇa-bheda-nābhāva-bhede mānābhāvena kapi-samyogavād-bhinnavṛtti-kapi-¹⁾samyogābhāvavati vṛkṣa etad-vṛkṣatvasya vṛttitvāt¹⁾.

Вариант: (1) B.I.: -samyogābhavo 'pi dravyavṛttiḥ kapi-samyogābhāva eva tadvad-vṛttitvād etad-vṛkṣatvasya.

Перевод: Критика Гангешы подразумевает нечто большее. Второе определение также оказывается неподходящим [для некоторых случаев истинного вывода], как, например: «[Это] обладает контактом с обезьяной, потому что это дерево», поскольку нет никаких оснований для предположения, будто отсутствия различаются при различии их мест. Соответственно дерево есть место [того же самого отсутствия], а именно —контакта с обезьяной, [что и отсутствие], появляющееся в чем-либо отличном от места контакта с обезьяной: ведь и «это-дерев-ность» появляется в этом дереве.

Замечание: Приходится допустить, что определение 2 выведено на основании теории различия отсутствий в зависимости от различия их мест, в противном случае термин «—s» в этом определении оказывается бесполезным. Однако это ложная теория (см. замечание к 89.1—4).

Текст 101.20—102.4 (B.I., 48.10—14): Na ca sādhyavad-bhinna-¹⁾vṛttitva¹⁾-viśiṣṭa-sādhyābhāvaavad-avṛttitvaṃ vaktavyam evaṃ ca vṛkṣasya viśiṣṭādhikaraṇatvābhāvan nāvyāptir iti vācyam, sādhyābhāva-pada-vaiyarthyaṣatteḥ, sādhyavad-bhinna-vṛttitva-viśiṣṭavad-avṛttitvasyaiva samyaktvāt, sad-dhetau hetv-adhikaraṇe viśiṣṭādhikaraṇatvābhāva evāsambhāvābhāvāt.

Вариант: (1) K., -vṛttitvā-

Перевод: [Возражение]. Определение следует интерпретировать [в таком смысле]: —встречающееся₁, обнаруживаемое местом того —s, которое специфицируется встречающимся₁ для чего-либо, отличного от места s. Теперь определение не будет слишком узким, поскольку отсутствует место₁ именно для [такого] специфицированного объекта, пребывающего в дереве.

[Ответ]. Неверно, поскольку в этом случае слово «—s» оказывается бесполезным, между тем как смысл определения можно выразить надлежащим образом в виде утверждения: «—встречающееся₁, обнаруживаемое местом того, что специфицируется встречающимся₁ для чего-либо отличного от места s».

Подобное определение не будет невозможным, поскольку благодаря ему истинный вывод проявляет себя как истинный просто ввиду того факта, что в месте h отсутствует место₁ для такого специфицированного объекта!

Замечание: Указанное предположение и обоснование его опровержения представляют собой повторение текста 91.1—92.6. Новым является только последнее предложение, которое прибавлено по следующей причине:

В определении 2, понимаемом в смысле «новой интерпретации» (88.1—3), слово «—s» оказалось необходимым сохранить во избежание ситуации невозможности определения (см. 90.3—5).

Однако оппонент мог бы возразить, что соответствующий смысл *нельзя* правильно передать при помощи выражения «sādhyavad-bhinna-vṛttitva-viśiṣṭavad-avṛttitva», поскольку при этом опускается «—s» и определение в результате оказывается невозможным.

Ответ гласит, что оно не будет невозможным, поскольку мы не просто опустили «—s», но заменили его на «viśiṣṭa». Приведем пример, которым доказывается необходимость «—s»:

s : огонь	субстанция,	h : дым
Is : гора	l субстанции;	озеро
		гора

Дым встречается на горе, которая есть место субстанциональности, встречающейся в чем-либо отличном («озеро»)

от места *s* («гора»), но гора не есть место субстанциональности, специфицированной встречающимся₁ для чего-либо, отличным от *Is*. Только озеро и т. п. есть место этой специфицированной субстанциональности, а дым не встречается в озере. Как указывает здесь сам текст, место₁ для специфицированного объекта не находится в месте *h* («гора» и т. п.).

Текст 102.4—6 (B.I., 48.14—17): *Tṛtiye sādhyavat-pratīyogitākānyonyābhāva-mātrasya ghaṭakatve* ¹⁾*cālanīya*¹⁾-*nyāyenānyonyābhavam ādāya* ²⁾*nānādhikaraṇa*²⁾-*sādhyake vahnimān dhūmād ityādāv avyāptīś cety api bodhyam.*

Вариант: (1) B.I., *cālanī*⁻²⁾; (2) B.I., *nānādhikaraṇaka*-.

Перевод: Понятно также, что если бы определение 3 состояло просто из выражения: «[*h* не обладает общим местом *s*] взаимным отсутствием, контрпозитив которого есть место *s*», то определение оказалось бы слишком узким для любого случая наличия у *s* более чем одного места, как, например, в случае: «[Это] обладает огнем, потому что [оно обладает] дымом», поскольку возможно подбирать взаимные отсутствия методом просеивания.

Замечание: См. 94.1—5.

Текст 102.7 (B.I., 48.18—19): *Iti Śrī-Mathurānātha-Tarkavāgīśa*⁻¹⁾*kṛtaṃ*¹⁾ *Vyāpti-pañcaka-rahasyam.*

Вариант: (1) B.I., *-viracite Tattva-cintāmaṇi-rahasye Anumāna-khaṇḍe Vyāpti-vāda-rahasye.*

Перевод: На этом кончается «Вьяпти-панчака-рахасья» Шри Матхуранатхи Таркавагиши.

ОТРЫВОК ИЗ «ДИДХИТИ» РАГХУНАТХИ,
ЯВЛЯЮЩЕЙСЯ КОММЕНТАРИЕМ
К «ВЬЯПТИ-ПАНЧАКА» ГАНГЕШИ

Текст 1—2*: *Samārabdhānumāna-prāmāṇya-¹⁾parīkṣaṇa¹⁾-ka-
raṇibhūta-vyāpti-grahopāya-pratipādana-nidānaṃ vyāpti-svarūpa-
nirūpaṇam ārabhate nanv ity ādinā.*

Вариант: (1) R. Gāḍā., -parīkṣā-.

Перевод: Со слова «Но... и т. д.» наш автор начинает разъяснение природы проникновения. Это разъяснение необходимо, и оно немедленно понадобится [при изложении] способов определения проникновения, что в свою очередь необходимо для предпринятого [автором] всестороннего и глубокого анализа истинности средств вывода.

Замечание: Этим подчеркивается, что по назначению (*sañgati*) Вяпти-панчака относится к типу «*upodghāta*» (ср. V.P.R., 4.1—4 и замечания).

Текст 3—4: *Sādhyābhāvaavad-avṛttitvasyavyāpya-vṛtti-sādhyā-
ka-sad-dhetāv avyāptim āśaṅkyāha sādhyavad-bhinneti.*

Варианты: В R. Gāḍā. этот отрывок отсутствует, очевидно, по недосмотру, так как Гададхара упоминает о нем.

Перевод: Опасаясь, что [определение 1]: «Невстречающееся₁ [*h*] для места отсутствия *s*» будет слишком узким при правильном *h* и неполной встречаемости *s*, он дает другое определение, а именно: «Невстречающееся₁ *h* для места отсутствия *s*, которое встречается в чем-либо, отличном от места *s*».

Замечание: Ср. V.P.R., 59.1—3 и замечания к 59.3—61.2. Ни Джагадиша, ни Гададхара не объясняют, почему Рагхунатха не исправляет эту ошибку, потребовав неограниченного места₁ для —*s*.

* Строки текста нумерованы согласно R. Jāg, начиная со стр. 77 и кончая стр. 82.

Текст 4—6: ¹⁾Sādhyavad-bhinne yaḥ sādhyābhāvas tadvad-avṛttitvam arthaḥ¹⁾. Karmādaḥ saṃyogādy-abhāvasya bhinnatve mānābhāvād āha sādhyavad iti.

Вариант: (1) В R. Gādā. отсутствует, очевидно, по недосмотру.

Перевод: Это означает: «Встречающееся, [находящееся в *h*] для места такого отсутствия *s*, которое встречается в чем-либо, отличном от места *s*». Поскольку нет свидетельств в пользу того, что «—контакт», встречающийся в действий и т. п., отличен [от «—контакта», встречающегося в этом дереве и т. п.], то он дает другое определение, а именно: «*h* обладает местом, отличным от места взаимного отсутствия, контрпозитив к которому [есть] место *s*».

Замечание: Ср. Замечания к V.P.R., 89.1—4 и 101.18—20.

Текст 6—7: Hetoḥ sādhyavat-pakṣa-bhinna-dṛṣṭānta-vṛttitve nāvyūpter āha sakaleti.

Перевод: Это определение будет слишком узким, потому что *h* может появиться и в других местах *s*, которые отличны от 'пакши'. Соответственно, он дает [еще одно определение, а именно: «*h* является контрпозитивом отсутствия, которое пребывает] во всех [местах —*s*]».

Замечание: Ср. V.P.R., 94.1—5, 102.4—6.

Текст 7—10: Sākalyaṃ sādhyābhāvāvati sādhye ca bodhyaṃ sādhyābhāvo vā sādhyatāvachedakāvacchīna-pratīyogitako grāhyaḥ. Tena vipakṣaika-deśa-niṣṭhābhāva-pratīyoginī vyabhicāriṇī nātīvyūptiḥ, na vā nānā-vyakti-sādhyaka-sad-dhetāv avyūptiḥ.

Перевод: (а) Всеобщность следует понимать как свойство *I—s* и (b) [всеобщность] следует также [понимать] как свойство *s* или —*s*, которое должно обладать контрпозитивом₁, ограниченным *gs*₁. При (а) определение не будет слишком широким и не распространяется на те случаи, в которых ложное *h* является контрпозитивом отсутствия, пребывающего в некоторых местах —*s*, а при (b) определение не будет слишком узким и не упустит некоторых случаев, когда *h* истинно, а *s* состоит из некоторых единичных объектов.

Замечание: Случаи сверхпроникновения исправляются при помощи (а). Рассмотрим ложный вывод: «[Это] обладает дымом, потому что [оно обладает] огнем».

s : дым — *s* : — дым — *h* : — огонь *h* : огонь
l' — *s* : раскаленное железо
l'' — *s* : озеро

h является контрпозитивом отсутствия ($-h$), которое находится в некоторых местах $-s$ (например, в озере). Если мы не уточним: «все $l-s$ », вывод окажется истинным. «Все $l-s$ » включает и раскаленное железо, где не встречается $-h$, и тем самым вывод оказывается ложным.

Пример непроникновения, исправляемого при помощи (b). Истинный вывод: «[Это] обладает огнем, потому что [оно обладает] дымом».

s : огонь на горе	$-s$: —огонь на горе
: огонь в очаге	: —огонь в очаге
: и т. п.	: и т. п.

Такого объекта, как «все $l-s$ », нет, поскольку $-s$ состоит из видовых отсутствий, а их места несовместимы (ср. II, § 38 и V.P.R., 95.3—8).

Если уточнить виды «всех s », тогда $-s$ будет родовым отсутствием; и, следовательно, появится объект «все $l-s$ ». Ограничивая контрпозитив₁ для $-s$ посредством gs_1 , мы добиваемся того же эффекта: $-s$ получает смысл родового отсутствия.

Текст 10—12: *Avyārya-vṛtti-sādhyaka-vyārya-vṛtti-sad-dhetāv avyāpter vyabhicāriṇi sāvyārya-vṛttāv avyāpter vāraṇāyābhāvadvaye pratiyogi-vyadhikaraṇatvam bodhyam.*

Перевод: Места каждого отсутствия [$-s$ и $-h$], очевидно, должны отличаться от мест контрпозитивов каждого отсутствия. Так что определение не будет слишком узким, когда h истинно и характеризуется полной встречаемостью, в то время как s характеризуется неполной встречаемостью. И это же определение не будет слишком широким, когда h ложно и характеризуется неполной встречаемостью.

Замечание: Последнее предполагает два дополнения к определению 4, одно из которых уточняет места $-s$, а второе уточняет места $-h$.

1) Мы должны ограничить «все $l-s$ » «всеми местами $-s$, отличными от мест s ».

Пример (R. Jāg., 80.21; Gāḍā. 151.12). Непроникновение устраняется благодаря указанному уточнению.

Истинный вывод: «[Это] обладает контактом с обезьяной, потому что оно это дерево».

s : контакт с обезьяной	$-s$: — контакт с обезьяной	$-h$: —(это—дерево) ₁	h : (это—дерево) ₁
---------------------------	------------------------------	-----------------------------------	---------------------------------

Is : это дерево	$I'-s$: это дерево
	$I''-s$: качество

$-h$ не встречается во всех $l-s$, потому что оно не встречается в этом дереве. Без уточнения вывод оказывается лож-

ным. Однако — *h* встречается во всех местах —*s*, отличных от мест *s*. С этим ограничением вывод оказывается истинным.

2) Мы должны ограничить места —*h* местами —*h*, отличными от мест *h*.

Пример (Gāḍa., 151.13; R. Jāg., 81.3 дает то же самое): сверхпроникновение устраняется благодаря указанному уточнению. Ложный вывод: «[Это] земля, потому что [это обладает] контактом с обезьяной».

<i>s</i> : земля ₁	— <i>s</i> : — земля ₁	— <i>h</i> : —контакт с обезьяной	<i>h</i> : контакт с обезьяной
<i>l</i> <i>s</i> : земля	<i>l</i> — <i>s</i> : вода : качество : и т. п.	<i>l</i> '— <i>h</i> : вода <i>l</i> "— <i>h</i> : качество	<i>l</i> <i>h</i> : вода : земля : и т. п.

Здесь *h* является контрпозитивом отсутствия (—контакт с обезьяной), которое будет всеобщим. Соответственно без уточнения все *l*—*s* будут местами —*h*, и вывод окажется истинным. Однако не все места —*s* суть места —*h*, отличные от мест *h*, или, иначе выражаясь, —*h* находится только в некоторых *l*—*s* (например, исключая воду и т. п.) в качестве *pratiyogi-vyadhikaraṇābhāva* (отсутствие, место которого отлично от места его контрпозитива). Следовательно, при таком ограничении вывод оказывается ложным.

Текст 12—16: Hetv-abhāvo 'pi pratiyogitāvachedakāvacchinna-pratiyogi-vyadhikaraṇaḥ. Tat-pratiyogitvaṃ ca hetutāvachedaka-rūpeṇa bodhyaṃ. Tena dravyatvādau sādhye viśiṣṭa-sattādau nāvyaṅtiḥ, na vā viśiṣṭa-sattātvādinā tādrśābhāva-pratiyogini sattādāv atiprasaṅgaḥ.

Перевод: Места —*h*, а также [—*s*] должны отличаться от мест лишь того контрпозитива, который ограничен ограничителями его контрпозитива₁. А контрпозитив₁ [для —*h*] понимается как ограниченный ограничителями *h*₁. Таким образом, когда *s* является субстанциональностью и т. п., то определение не окажется слишком узким, если [*h* будет] специфицированной реальностью, и не окажется слишком широким, если реальность [будет *h*], даже при условии, что реальность, заданная в форме специфицированной реальности, является контрпозитивом определенного вида отсутствия.

Замечание: Это место было бы трудно понять без комментариев, однако комментаторы (R. Jāg., 81.11—82.12; Gāḍa., 152.13—153.21) уделяют ему внимания более чем достаточно. Оставим на время в стороне часть дополнения «...а также [—*s*]» и рассмотрим остальную его часть. Она в свою очередь состоит из двух элементов: первый устраняет из определения ошибку непроникновения при одном типе вывода, а второй — ошибку сверхпроникновения при другом типе.

Часть I. «Места́ —*h* должны отличаться от мест лишь такого контрпозитива, который ограничен ограничителями своего *c*₁». Отметим сперва, что «ограничен» здесь употребляется в смысле «специфицирован» (ср. II, § 15, прим. 43). Без этого дополнения возможна ошибка в применении второго дополнения, которое в Ragh., 10—12 сформулировано следующим образом.

Истинный вывод: «Это субстанция, потому что [это обладает] реальностью, специфицированной свойством, характерным для того, что отлично от качества или действия» (ср. V.P.R., 63.6—8 и II, § 41).

<i>s</i> : субстан- ция ₁	— <i>s</i> : субстан- ция ₁	— <i>h</i> : —специфици- рованная реальность	<i>h</i> : специфици- рованная реальность
---	---	--	---

все *l*—*s* : качество
: действие
: родовая характеристика
и т. п.

Специфицированная реальность \doteq чистая реальность (ср. II, § 41). Из этого вытекает два следующих факта:

(а) контрпозитив —специфицированной реальности будет равным образом или специфицированной реальностью или реальностью.

(б) специфицированная реальность есть *s* равным образом и для —специфицированной реальности и / или для —реальности. Наше определение требует, чтобы *h* было *s* какого угодно отсутствия встречающегося во всех *l*—*s*. Раз это так, несущественно, если —реальность не встречается во всех *l*—*s*, поскольку —специфицированная реальность там встречается.

Однако второе дополнение, приведенное в Ragh., 10—12, требует, чтобы места́ — *h* были отличны от мест его контрпозитива. Контрпозитив —*h* («—специфицированная реальность») есть также чистая реальность, а чистая реальность присуща качеству. Значит, —*h* («—специфицированная реальность»), пребывающая в качестве, оказывается *pratiyogi-samānādhikaraṇābhāva* (отсутствие, имеющее то же место, что и его контрпозитив). Но ведь только отсутствие *h* в родовой характеристике и т. п. оказывается *pratiyogi-vyadhikaraṇābhāva* (см. выше). Соответственно наше —*h* встречается в качестве *pratiyogi-vyadhikaraṇābhāva* лишь в некоторых *l*—*s*, но не во всех, и вывод оказывается ложным.

Первая часть настоящего дополнения исправляет эту ошибку, ибо хотя отсутствие специфицированной реальности в качестве и не является *pratiyogi-vyadhikaraṇābhāva*, однако оно является *pratiyogitāvacchedakāvacchinna-pratiyogi-vyadhi-*

kaṅarābhāva (отсутствие, чье место отлично от места его с, который ограничен, т. е. специфицирован, ограничителями его c_1). Ограничители c_1 для «отсутствия реальности, специфицированной свойством, характерным для того, что отлично от качества или действия», суть: «реальность-ство» и «свойство, характерное для того, что отлично от качества или действия». Качество не является местом подобным образом ограниченного объекта, но есть место отсутствия подобным образом ограниченного объекта. О сказанном необходимо заметить, что, хотя и нет существенной разницы между реальностью и специфицированной реальностью, имеется различие между местами и различие между их спецификаторами.

Часть 2. « c_1 для — h следует понимать как ограниченное ограничителями h_1 ». Это соответствует первому дополнению Матхуры к определению 4 (96.1—3) и исправляет ошибку сверхпроникновения, которое не исключается первой частью.

Ложный вывод: «[Это] субстанция, потому что [это обладает] реальностью» (ср. V.P.R., 96.1—3).

s : субстанция₁ — s : — субстанция₁ — h : —реальность h : реальность
: —специфицированная реальность

все $l-s$: качество
 действие
 родовая характеристика и т. п.

Если бы вывод был истинным, реальность должна была служить контрпозитивом отсутствия, находящегося во всех $l-s$. Реальность есть c —реальности, которая не встречается во всех $l-s$. До сих пор все шло хорошо. Но реальность есть также c специфицированной реальности, а она не пребывает во всех $l-s$. Кроме того, —специфицированная реальность находится во всех $l-s$ в качестве *pratyogitāvaccchedakāvaccinna-pratyogi-vyadhikaraṅbhāva* (см. выше), а поэтому не имеет исключений, и вывод оказывается истинным.

Часть 2 исправляет эту ошибку благодаря требованию, чтобы c_1 было ¹ gh_1 c_1 . Контрпозитив — специфицированной реальности, т. е. специфицированная реальность, ограничен (специфицирован) ограничителями («реальность-ство» и «свойство, характерное для того, что отлично от качества или действия») ее (т. е. —специфицированной реальности) контрпозитива₁, но эти ограничители не суть ограничители h_1 . Только ограничители c_1 для —чистой реальности являются ограничителями h_1 , а качество и действие не являются местами —чистой реальности. Таким образом, — h не встречается во всех $l-s$, и вывод оказывается ложным.

«...а также [— s]. Джагадиша (81.11) и Гададхара (152.13) утверждают, что посредством «а также (apī)» Рагхунатха

включает —s. Оба комментатора приводят следующий пример сверхпроникновения, устраняемого благодаря этому.

Ложный вывод: «[Это] обладает реальностью, специфицированной свойством, характерным для того, что отлично от качества или действия, потому что [оно обладает] родовой характеристикой» (т. е. «Это субстанция, потому что у нее есть родовая характеристика»)

s : специфици-	—s : — специфици-	—h : —родовая ха-	h : родовая
рованная	рованная	рактери-	характе-
реальность	реальность	стика	ристика
Is : субстанция	: — реальность		

Если качество включается в места —s, вывод оказывается ложным, поскольку h не является с отсутствия, пребывающего в качестве.

Хотя качество и не является местом —s в форме —реальности, оно есть место —s в форме —специфицированной реальности, а поэтому включается во «все l—s», и всё было бы в порядке, если бы не первое дополнение из Ragh., 10—12. Дело в том, что —специфицированная реальность пребывает в качестве не в роли prāṭiyogi-vyadhikaraṇābhāva. Ошибка исправляется, как поясняют комментаторы, настоящим дополнением, поскольку эта —специфицированная реальность пребывает в качестве в роли prāṭiyogitāvaccchedakāvaccinna-prāṭiyogi-vyadhikaraṇābhāva (см. выше).

Я не решаюсь спорить с такими авторитетами, как Джагадиша и Гададхара, по поводу того, действительно ли Рагхунатха имел в виду указать на —s словом «ari», но все-таки их интерпретация мне не очень нравится. Она вынуждает поставить точку перед «tat-prāṭiyogitvam», что неестественно. Гораздо проще объяснить «ari» как союз, связывающий это дополнение с дополнениями, формулируемыми в строках 10—12.

Текст 16—19: Yatraika-vyaktikaṃ sādhyam vipakṣo vā tatra nirdhūmatvādīvyāpe tattvena sādhye nirvahnitvādaу cāvyāptis tatra hetv-abhāvasya vahny-ādeḥ pratyekaṃ yāvad-vipakṣāvṛttitvād ata āha ¹⁾sādhyavad¹⁾ iti.

Вариант: (1) R. Gādā., sādhyavad-anya.

Перевод: Однако определение все еще будет слишком узким и негодным, если s является единственным объектом или когда l—s есть единственный объект, но [если мы захотим избежать этих недостатков и попытаемся по-иному интерпретировать слово «все»], то определение по-прежнему останется неудовлетворительным, когда s будет просто «тем, что проникается —дымом и т. д.», а h будет «—огонь и т. п.», поскольку ни одна форма —h, т. е. вида огня, не может

встречаться в *l—s*. Поэтому автор и предлагает [иное определение, а именно: «невстречающееся, *h* для того, что отлично] от места *s*».

Замечание: «...Когда *s* является единственным объектом». Эта возможность не приходила в голову Матхуре, потому что он не связывает «все» с *s*. Пример Гададхары (153, последняя строка): «[Это обладает] таким цветом, потому что [оно обладает] таким вкусом» (*etaḍ-rūpavān etaḍ-rasāt*).

Пример Джагадиши (82.12): «[Это] субстанция, потому что земля» (*dravyaṃ pṛthivītvāt*, *s* = субстанциональность) «...Когда *l—s* является единственным объектом...» (ср. V.P.R., 97.17—22). Пример у Гададхары (154.5) тот же, что и у Матхуры. Пример у Джагадиши (82.16): «[Это] свойство, которое не встречается в 'эфире', потому что это отлично от 'эфира' (*gaganāvṛtti-dharmavān gaganānyatvāt*).

Согласно Рагхунатхе, определение 4 требует: (а) чтобы с *l—s* употреблялось слово «все» и (б) чтобы «все» употреблялось с *s* либо же, чтобы *s*₁ для *—s* было ограничено *gs*₁. Первый недостаток, на который указывалось в предыдущем параграфе, возникает из первой альтернативы (б). Второй недостаток связан с (а). Первый недостаток можно устранить, приняв вторую альтернативу (б). Второй недостаток устраняется, если определить «все» как «все без исключения» (*aśeṣa*), а не как «все, сколько есть» (*yāvāt*) (ср. V.P.R., 97.17—22). Соответственно Рагхунатха обращает внимание на третий недостаток, который появляется, даже если исправить первые два, как предложено: «Когда *s* есть „то, что проникается —дымом“ и т. п., как таковое» и т. п.

Матхура (V.P.R., 97.23—98.4) предлагает более простой пример вывода, чем тот, что приводился здесь, но в основном аналогичный ему. Вот пример Матхуры: «[Это] обладает —дымом, потому что [это обладает] —огнем» (*nīrdhūmatvavān nīrvahnītvāt*; отметим, что *nīrdhūmatva* = *dhūmābhāva*). Этот более простой пример вывода явно обнаруживает недостаток определения 4 (см. примечания к V.P.R., 97.23—98.4), однако он не подходит для цели, преследуемой здесь Рагхунатхой. Ведь *s* более простого вывода есть единственный объект (поскольку все отсутствия единственны), а Рагхунатха показал, что это определение не годится в том случае, когда *s* является единственным объектом.

Чтобы приспособить для своих целей более простой вывод, Рагхунатха преобразовал его, сделав *s* множественным.

Вывод Рагхунатхи можно выразить в следующей форме: «[Это] обладает „тем, что проникается —дымом“, как таковое, потому что [это обладает] —огнем». *s* теперь уже не будет отсутствием. Многие вещи проникаются —дымом, например, водность (*jalatva*), смачивание (*sneha*: последняя считается качеством, характерным для воды) и т. п.

«Как таковое» (tattvena) означает «ограниченное таковой» (tattvāvacchinna). Причину прибавления «как таковое» нетрудно понять, если рассмотреть недостаток, связанный с его отсутствием. Поскольку водность (jalatva) есть объект, проникаемый —дымом, то можно сделать вывод: «Это обладает водностью, потому что [оно обладает] —огнем» (например, это вода, потому что она не бывает в контакте с огнем). Очевидно, вывод будет ложным, поскольку огонь отсутствует и в других вещах кроме воды. Прибавив «как таковое», мы можем получить только следующий вывод: «[Это] обладает тем, что ограничено (или специфицировано) проникнутостью —дымом, потому что [оно обладает] —огнем» (dhūmābhāvavyūpyatvāvacchinna-dharmavān nirvahnitvāt).

Другими словами, мы можем ограничиться лишь тем выводом, что «это место *некоторого* объекта, проникнутого—дымом», но мы не можем подставить объект определенного вида, проникнутый подобным образом, вместо «*некоторого* объекта».

Текст 19—20: Atrānyonyābhāvasya sādhyavattvāvacchinna-pratīyogitākatvaṃ vyutpatti-bala-labhyaṃ, na hi bhavati nīlo ghaṭo ¹ghaṭānya¹) iti.

Вариант: (1) R. Gādā., ghatād anya.

Перевод: В данном определении контрпозитив, к взаимному отсутствию ограничен местом, для s; это подразумевается самим значением [слова «отличный»], потому что голубой горшок не может быть «отличным от горшка».

Замечание: Ср. абзац 4 из замечания к V.P.R., 100.1—7.

ПРИЛОЖЕНИЕ

От издательства. Вниманию читателей предлагается перевод второй главы книги голландского исследователя К. Гоекоопа «Логика неизменного сопутствования в „Таттва-чинтамани“»¹. Этот материал был выбран потому, что в нем оказались удачно совмещенными сжатый, но наглядный очерк теории логического следования («проникновения») Гангеша, критическая оценка работы Д. Инголса и обзор основных результатов интерпретации логики навья-ньяи, полученных с момента выхода книги Инголса до настоящего времени. Перевод печатается с сокращениями.

Глава II

ТЕОРИЯ ПРОНИКНОВЕНИЯ ГАНГЕШИ

1. «*Anumiti-nirūpaṇa*» и «*Vyūpti-vāda*» — разделы книги по теории логической дедукции

«*Anumiti-nirūpaṇa*» и «*Vyūpti-vāda*» — два раздела второй книги «Таттва-чинтамани» Гангеша, в которых содержится анализ логического вывода и проникновения. «Таттва-чинтамани» (букв. «Жемчужина истинной мысли») состоит из четырех книг, трактующих разные источники знания. Гангеша признает четыре источника истинного знания (*grahāṇa*): восприятие (*gratyakṣa*), логическое выведение (*anumāna*), уподобление (*upamāna*) и словесное свидетельство (*śabda*). Восприятие включает как чувственную перцепцию, так и особый род интеллектуальной интуиции, охватывающей общие характеристики и принципы. Логическое выведение представляет собой дедукцию в силлогистической и других формах следования. Уподобление есть отождествление неизвестного благодаря его сходству с чем-то известным. Словесное свидетельство дает знание, основывающееся на доверии к авторитету этого свидетельства.

Итак, вторая книга «Таттва-чинтамани» посвящена теории логической дедукции (*anumāna-khaṇḍa*). Ее первый раздел, *anumiti-nirūpaṇa*², содержит общие положения относительно вывода и его истинности и начинается с определения вывода. В этом определении встречается термин «проникновение». Поэтому для понимания того, что такое вывод, нужно сперва выяснить, что значит «проникновение». Следующий раздел книги Гангеша посвящает теории проникновения (*vyūpti-vāda*) и дает исчерпывающий анализ всех его определений.

2. Теория проникновения

Цель *vyūpti-vāda* — получить правильное определение проникновения. В соответствии с принятой в навья-ньяе процедурой рассмотрения этой темы Гангеша сначала дает обзор определений проникновения, имевших хождение в его время, отвергает их все по разным основаниям, а затем переходит к выработке определения, которое, по его мнению, является правильным. Критика прежних определений занимает три раздела, из них лишь последний имеет специальное наименование «*Piṅva-ṛakṣa*» (т. е. «опровержения возражений»³), поскольку за ним следует заключение (*siddhānta*). Однако это наименование вполне относится и к двум предшествующим разделам, раз все определения, разбираемые в них, опровергаются. Причина несоответствия, по-видимому, кроется в том, что между первыми двумя разделами и третьим вставлен параграф, где разбираются не определения проникновения, а эпистемологические проблемы, возникшие при анализе определений в первых двух разделах. Раздел I содержит пять дефиниций «неотклонения», по которому может быть отождествлено проникновение, раздел II — два авторитетных определения — «тигровое» и «львиное», — имевших ту же логическую форму, что и первые пять. Эти семь определений Гангеша отвергает на том основании, что они не годятся для случая вывода с повсеместным присутствием⁴. Во всех них содержится ошибка недемонстрируемости термина, поскольку нельзя найти место отсутствия подлежащего доказательству, если последнее обладает свойством повсеместного присутствия. Отсутствие без места — это несуществующее отсутствие, и определение, относящееся к такому отсутствию, бесполезно. Тем не менее находились охотники утверждать доступность восприятию в некотором месте отсутствия подлежащего доказательству даже в случае его повсеместного присутствия. Опровержению их аргументации посвящен раздел III. В разделе IV Гангеша переходит к другим определениям проникновения. Первое из них — определение (8)⁵ — представляет собой уточнение определения (6). Определения (9) и (10) дают новые формулировки по типу «неотклонения». Определение (11) представляет собой более сложную разновидность той же формы. Затем следует пара определений, в которых дается формулировка проникновения через отрицание общего определения акциденции (у Инголса — «обнаружение»). В последнюю группу входят определения с позитивной формулировкой проникновения как связи между субъектом и предикатом доказательства; эта связь характеризуется разными способами. Исключение составляет определение (19), которое можно интерпретировать как вариант определения (1). Последнее определение (21) представляет собой комбинацию определений (20) и (5). Помимо частных соображений, специфичных для каждой дефиниции и главным образом связанных с двусмысленностью некоторых формулировок, Гангеша подвергает общей критике весь ряд в целом на том основании, что все определения в этом ряду в явном или скрытом виде содержат термины *grōbans* (*sādhya*) и *grōbandum* (*ṛakṣa*); использование же этих терминов, говорит он, приводит к кругу в доказательстве, ибо

ни тот, ни другой нельзя понять, не введя предварительно понятия проникновения.

Подчеркнув необходимость определения проникновения, он предлагает в разделе V свое собственное определение, которое называет окончательным (*siddhānta-lakṣaṇa*). Формально напоминающее определение (9), оно отличается от предыдущих двумя признаками: (а) термины «*grobāṇ*» и «*grobāṇiṣ*» в нем заменены относительными и указательными местоимениями, явно используемыми в качестве переменных; (б) введен термин «ограничитель», который указывает на то, что его референт обозначает не отдельный объект в единичном случае, а класс объектов с таким наименованием. Но поскольку при этом использование «ограничителя» в отношении контрпозитива отсутствия предполагает допущение универсального отсутствия⁶, Гангеша переходит в разделе VI к разъяснению смысла универсального отсутствия. В разделе VII он доказывает, что допущение такого отсутствия не может служить предварительным условием при определении проникновения и дает первые три правильные определения проникновения, в которых термины интерпретируются как множества элементов. Эти определения относятся к тому же логическому типу, что и «окончательное» определение. Затем Гангеша разбирает некоторые проблемы, имеющие отношение ко всем или некоторым из его определений, и между прочим затрагивает вопрос о том, как следует специфицировать постоянное отсутствие, чтобы оно оказалось противоречивым и почему взаимное отсутствие не требует такой спецификации. После этого он предлагает три дефиниции, напоминающие (12) и (13), в которых проникновение определяется как отношение без акциденции. Наконец, он переходит к определениям того типа, где проникновение описывается как позитивная связь между атрибутами. Особенность этой связи — в ее ограниченности классовой характеристикой ее субъекта. Остальную часть этого раздела занимают три короллария⁷ о природе акцидента, выводимые из утверждения, что связь, субъект которой имеет акцидент, ограничена этим акцидентом.

3. Типы определений проникновения

Проникновение есть общность места (*sāmānādhikarāṇya*). Эта общность, даже если она явно не упоминается в определении проникновения, подразумевается тем фактом, что термины проникновения суть термины вывода. Ибо вывод невозможен без некоего общего места, соединяющего его термины. Поэтому необходимо ответить на вопрос, какой именно род общности места представляет собой проникновение. Или как определяется общность места, которую мы назовем проникновением. Ясно, что общность места может быть либо проникновением, либо отклонением. Отсюда следует, что проникновение определится либо как форма общности места, либо как неотклонение. Поскольку отклонение взаимно связано с акциденцией, то неотклонение можно отождествить с общностью места без акциденции. Итак, намечаются три способа определения проникновения: (I) как неотклонения (II) как отрицания акциденции и (III) как особой формы общности места.

(I) Неотклонение есть отсутствие отклонения. Отклонение А от В характеризует тот факт, что некоторые места А являются местами В, а некоторые не являются. Следовательно, отклонение А от В отмечает наличие некоторого места А, не являющегося местом В, т. е. что (1) существует нечто, являющееся местом А, но не В. Тот же смысл можно передать выражением: (2) существует нечто, не являющееся местом В, но являющееся местом А.

(1) можно выразить как (а) «А (=prohans) встречается в месте [постоянного] отсутствия В (=probandum)» либо (прибегнув к понятию взаимного отсутствия) как (б) «А встречается в месте, отличном от места В», либо же как (в) «место А есть не-место В». Отрицание (а) будет определением (1) проникновения, отрицание (б) — определением (5), а отрицание (в) встречается в определениях (6) и (7). Определение (2) является уточнением определения (1), определение (3) — фразеологический вариант определения (5), а определение (4) — логический вариант определения (1). Определение (8) служит уточнением определения (6), а определение (19) представляет собой логический вариант определения (1).

(2) можно выразить как (а) «В отсутствует в месте А», т. е. «В есть контрпозитив постоянного отсутствия, имеющего общее место с А», либо (прибегнув к понятию взаимного отсутствия) как (б) «место В есть контрпозитив взаимного отсутствия, имеющего общее место с А (пребывающего в месте А)». Отрицание (а) дает определение (9), а в уточненном варианте — определение (23). Отрицание (в) дает определения (10), (24) к (25). «Окончательное» определение, т. е. определение (22), представляет собой вариант определения (23). Во всех этих определениях содержатся явные указания на общность мест А и В — очевидно, потому, что в противном случае нельзя было бы утверждать, что А является субъектом проникновения, а В либо место В — субъектом отрицания отклонения⁸.

(II). Отрицание акциденции есть отрицание определения акциденции. Известно несколько определений акциденции; здесь во всех случаях используется общее определение, в котором дается неполная характеристика акциденции как атрибута, проникающего probandum, но не проникающего prohans. Если атрибут, проникающий probandum В, не проникает соответствующее ему prohans А, тогда и само В не проникает А, т. е. А отклоняется от В. Но если А отклоняется от В, мы можем вообразить атрибут коэкстенсивный по месту с В, от которого отклоняется А, т. е. который не проникает А, хотя проникает В. В этом случае отклонение эквивалентно определению акциденции, и проникновение есть отрицание этого определения. Такое отрицание можно сформулировать двумя способами: (а) ни один атрибут, проникающий (являющийся проникателем) В, не проникает (не является проникателем) А, т. е. всякий атрибут, проникающий В, проникает А; (б) ни один атрибут, не проникающий (не являющийся проникателем) А, не проникает В, т. е. всякий атрибут, не проникающий А, не проникает В. Обе формулировки, (а) и (б), встречаются в определении (12) проникновения. Формулировка (а) принимается в определениях (13) и (28), а формули-

ровка (6) в определениях (26) и (27). Поскольку в этих формулировках употребляются термины «проникатель» и «проникание», то возникает законный вопрос, не являются ли соответствующие определения определениями «проникательности» [например, определение (12)] и не дают ли они простую замену терминов «проникание» и «непроникание» синонимическими выражениями [определения (13) (26), (27), (28)].

(III). Особой формой общности места является отношение, областью распространения которого будет класс субъектов (=grobans). Эта характеристика отношения проникновения правильно учитывается определениями (14) и (29). Подобным же образом можно интерпретировать определение (18). Определения (15) и (16) содержат ложную спецификацию связи, состоящей в общности места, а в определении (20) спецификация вообще отсутствует.

Остаются определения (11), (17) и (21). Определение (21) представляет собой комбинацию определений (20) и (5). Определение (17) относится к общности места, косвенно объединяющей grobandum со всеми grobans через соединение его со всеми атрибутами, имеющими общее место с grobans. Параллельным ему оказывается определение (11) по типу «неотклонения». Итак, всего разобрано двадцать девять определений проникновения.

4. Формальный характер определений проникновения Гангеши

Наиболее интересной особенностью теории проникновения Гангеши является его несогласие признать законность терминов grobans и grobandum в качестве элементов определения проникновения. Он опускает эти термины либо заменяет их относительными и указательными местоимениями. Это позволяет ему формализовать логический язык, используемый в определении проникновения. Местоимения, обозначающие переменные, встречаются уже в определении «проникательности» (vyākaraṅkatva), которое служит частью определения (12) проникновения. Однако их использование приобретает систематический характер лишь в собственном, «окончательном» определении Гангеши (22). Это и следующие за ним определения проникновения носят вполне формальный характер, поскольку в них содержатся константы и переменные. В частности, определения (22—25), дающие сжатую и недвусмысленную формулировку проникновения (чего нельзя сказать о прочих определениях), могут служить примерами логических структур, в которых вполне корректно выдержано соотношение констант и переменных. Для простоты мы ограничимся демонстрацией определений (23), (24) и (25).

В (23) vyāpti определяется как pratīyogī-vyādhikaraṇa-sva-samānādhikaraṇātyantābhāva-pratīyoginā sāmānādhikaraṇam⁹. Константами можно считать следующие элементы определения:

adhikaraṇa — «место». «Быть местом» означает отношение. Это отношение триадно, поскольку связывает три элемента (переменных): так, мы имеем (1) вещь, являющуюся местом (2) другой вещи (помещаемого) через посредство (3) отношения (контакта, присущности и т. п.);

samāna в связи с adhikaraṇa-samānādhikaraṇa — «общность места» представляет собой конъюнкцию в форме «имеется место этой вещи и другой вещи, так что обе соотносятся с ним через посредство связывающего их отношения (или отношений);

vyadhikaraṇa — «отличающееся местом». Это отрицание samānādhikaraṇa;

atyantābhāva — «постоянное отсутствие». Это отрицание возможности пребывания вещи в известном отношении (контакта, присутствия и т. п.).

pratiyogin в сочетании с atyantābhāva, специфицированным pratiyogiv-yadhikaraṇa. Pratiyogin — это вещь (переменная), которая, вступая в отношение (переменное: контакта, присутствия и т. п.), относится как контрпозитив к постоянному отсутствию. Это означает, что никакое место, с которым связано это постоянное отсутствие (а именно: связано отношением частной спецификации), не может быть местом вещи, находящейся в таком отношении.

a-, как префикс к pratiyogin. Atyantābhāvāpratiyogin — это вещь (переменная), входящая в отношение (переменное: контакта, присутствия и т. п.), которая при этом не входит в отношение контрпозитива к постоянному отсутствию.

В (24) vyāpti определяется как yat-samānādhikaraṇa-anyonyābhāvapratyogī yadvan na bhavati tena samaṃ tasya sāmānādhikaraṇam¹⁰. Он содержит следующие константы: samānādhikaraṇa (см. выше), anyonyābhāva (взаимное отсутствие, диверсивность), pratiyogin (контрпозитив), -vat в смысле adhikaraṇa (см. выше) и na (не). Переменные, между которыми выдерживается отношение проникновения, здесь явно обозначены указательными и относительными местоимениями. В определении (23) их нужно подставлять мысленно; впрочем, к одному из переменных относится возвратное местоимение *sva*.

Определение (25) состоит из одного слова: *sva-samānādhikaraṇānyonyābhāvāpratiyogī-yadvatkatvam*¹¹. Это абстракция от *bahuvrīhi*¹², с суффиксом -ka в качестве *samāsānta*¹³, и означает она в точности то же, что и определение (24). Здесь мы видим прекрасный пример способности санскрита выражать очень сложную мысль с предельной точностью в весьма сжатой форме.

5. Об использовании символов при интерпретации логики Гангешы

Логика проникновения Гангешы является вполне формальной логикой. Ее язык можно назвать специальным, или техническим санскритом, однако это не искусственный язык (с примерами которого мы встречаемся в грамматике Панини), поскольку в нем явно отражены чисто санскритские идиомы. Зададимся целью отыскать им идиоматические эквиваленты в нашем языке и интерпретировать их логическое содержание средствами западной формальной логики. В согласии с ее традицией мы будем дополнять словесную интерпретацию символическими изображениями, прибегая к символам математической логики, адекватным для этой цели. Но прежде чем вводить собственный символизм,

рассмотрим вкратце предпринимаемые до сих пор попытки символизации и формализации логики навья-ньяя средствами современной западной логики. При этом мы ограничимся рассмотрением проблем логического вывода и проникновения.

Сайлесвар Сен в «Исследовании „Таттва-чинтамани-рахасья“ Матхуранатхи» использует буквы А и В для обозначения атрибутов, выступающих в качестве probans и probandum соответственно, и буквы x и y для обозначения «вместилищ» (мест). Отсутствие (= постоянное отсутствие) А обозначено \bar{A} , а взаимное отсутствие А — $\bar{A}B$. Сен отличает встречаемость, которую он передает {выражением « x содержит А» или символически « $x: A$ », от специальных отношений, таких, как контакт, присущность и т. п., символом которых служит выражение « $r(x: A)$ ». Отношение между отсутствием А и его местом x представлено как « $r(x:\bar{A})$ »; встречаемость отсутствия — как « $x:pA$ ». Случай, когда В проникает А, изображается формулой $(x:A)/(x:B)$, т. е. если x содержит А, то x содержит В. Негативные формулировки того же: $y:nB/y:nA$ или $y:nB/n(y:A)$, т. е. если y содержит отсутствие В, y не содержит А. Квантор общности не используется, но легко может быть подставлен мысленно¹⁴.

Инголлс, вслед за Сенем, избрал объектом символизации комментарий Матхуранатхи к «Вьяпти-панчака» Гангешы. Он использует начальные буквы соответствующих слов для обозначения следующих терминов: s — sādhyā (probandum), h — hetu (основание), p — pakṣa (субъект), c — counterpositiv (контрпозитив), l — locus (место). Отношения обозначаются заглавными буквами: например, С (контакт), Н (присущность); но (существенное) тождество обозначено символом $\underline{=}$. Постоянное отсутствие и взаимное отсутствие обозначены соответственно — и $\bar{\cdot}$. \bar{P} обозначает частную спецификацию отсутствия, т. е. отношение частной спецификации между отсутствием и его местом. Абстракции обозначаются добавлением подписных цифр (это Инголлс также позаимствовал у Сена), например, c_1 (контрпозитивность), o_1 (встречаемость), l_2 (местовость-ство). Тогда определение I проникновения получает такой вид:

$$-o_{1l} l \bar{\cdot} s, \bar{P} h^{15},$$

т. е. через отношение частной спецификации отсутствия в hetu (основании) отсутствия встречаемости в месте отсутствия sādhyā (probandum). В разделе II своей книги Инголлс прибегает к символам математической логики (заимствованным у Куайна) для передачи иллюстрации того же типа отношения: «Ни одно дымящееся тело не наблюдается в любом месте, где не имеется ни одного горящего тела». Этот пример символически изображается следующим образом:

$$(x) (x \text{ класс горящих тел} \supset (y) (\sim(x \text{ встречается в } y) \supset (z) (z \text{ класс дымящихся тел} \supset \sim(z \text{ встречается в } y))))^{16}.$$

Такая символизация некорректна. Верной будет следующая формулировка:

$$(y) \{ (x) [(x \text{ класс горящих тел}) \supset \sim(x \text{ встречается в } y)] \supset (x) [(x \text{ класс дымящихся тел}) \supset \sim(x \text{ встречается в } y)] \}.$$

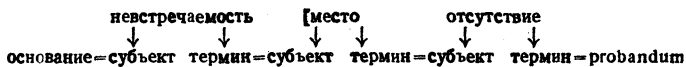
Это высказывание эквивалентно истинному высказыванию: «Любое место, в котором встречается дымящееся тело, есть место, в котором встречается горящее тело» (т. е. все дымящиеся тела встречаются в месте огня), между тем как утверждение Инголлса эквивалентно следующему ложному высказыванию: «Любое место, в котором встречается дымящееся тело, есть место, в котором встречаются все горящие тела».

Бохеньский, включивший раздел об индийской логике в свою «Формальную логику», использует символы математической логики для интерпретации первых пяти определений проникновения у Гангешы в терминах логики отношений¹⁷. Он выделяет шесть бинарных отношений: встречаемости, отсутствия, отличия, присутствия, контрпозитива и места, которые обозначает буквами V, A, D, I, G, O соответственно¹⁸. Отношение проникновения обозначается gCs , [где g соответствует основанию (Grund), а s — probandum (sādhya)], или же просто C . Определение I проникновения формулируется следующим образом:

$$\text{I } gCs \equiv g (-V/O/A) s.$$

Это означает: основание связано с probandum отношением проникновения, если, и только если основание не встречается в месте отсутствия probandum. Точный смысл должен быть таким: основание связано с probandum отношением проникновения, если, и только если основание является субъектом отношения *невстречаемости*, термин которого есть субъект отношения *места*, термин [которого в свою очередь является субъектом отношения *отсутствия*, термин которого является probandum. Это иллюстрируется следующей схемой:

Отношения:

• Определение 2 проникновения является уточнением определения 1. Мы его опускаем, поскольку Бохеньский, следуя переводу Инголлса, дает неверную интерпретацию.

Определение 3 проникновения представлено следующей формулой:

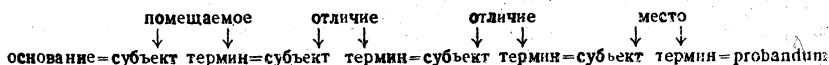
$$gCs \equiv g (\check{O}/D/G/O) s.$$

Здесь G следует заменить на D , поскольку «обладать местом, отличным от места взаимного отсутствия, контрпозитив которого есть место s » (таков перевод Инголлса), фактически означает «быть помещаемым на то, что отлично от того, что есть место s » или же «быть местом взаимного отсутствия, контрпозитив к которому есть место s », а это равносильно выражению «быть отличным от места s ». Поэтому определение 3 пишется так:

$$gCs \equiv g (\check{O}/D/D/O) s.$$

(Здесь \check{O} обозначает конверсию O). Это иллюстрируется такой схемой:

Отношения:

Определение 4 проникновения, о котором Бюхенский говорит, что у него нет уверенности в правильном его понимании, формулируется следующим образом:

$$gCs \equiv g (G/A/I/O/A) s.$$

Но здесь первое А должно быть опущено. Ибо А в отношении с I означает «отсутствие чего-либо, пребывающее где-либо», между тем подлинный смысл должен быть «отсутствие, которое пребывает где-либо». Кроме того, нет необходимости называть отсутствие после контрпозитива, поскольку термином отношения контрпозитива может быть только отсутствие. G должно обозначать «контрпозитив отсутствия», причем здесь имеется в виду постоянное отсутствие. Можно записать вместо G конверсию А, т. е. \bar{A} , поскольку если X есть отсутствие Y, то Y есть контрпозитив отсутствия X и наоборот. Вместо буквы I, обозначающей «пребывание где-либо», можно записать \bar{O} (конверсию O), которая обозначает «помещаемое». Ибо то, что пребывает в вещи, есть помещаемое в эту вещь. Определение 4 примет вид:

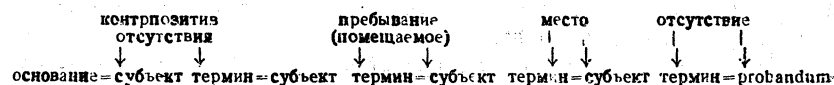
$$(a) gCs \equiv g (G/I/O/A) s,$$

или

$$(б) gCs \equiv g (\bar{A}/\bar{O}/O/A) s,$$

т. е. основание находится с *probandum* в отношении проникновения, если, и только если контрпозитив отсутствия основания пребывает в месте (т. е. является помещаемым) отсутствия *probandum*. Это иллюстрируется следующей схемой:

Отношения:

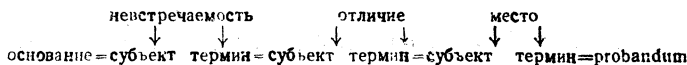
Формулировка остается недостаточной, поскольку сказанное в определении, а именно: что основание является контрпозитивом отсутствия, пребывающим во *всех* местах отсутствия *probandum*, не может быть здесь выражено при помощи квантора общности.

Последнее из пяти определений представлено формулой:

$$gCs \equiv g (\div V/D/O) s,$$

т. е. основание находится с *probandum* в отношении проникновения, если, и только если основание не встречается ни в чем отличном от места *probandum*. Это иллюстрируется такой схемой:

Отношения:

Переписав те же формулы без букв g и s как тождества абстракций, Бхеньский приступает к упрощению символизма. Например, упрощенная формула определения I выглядит так:

$$gCs \equiv (x) \sim (gx \sim sx).$$

Это исчисление доказывает эквивалентность $(x) \sim (gx \sim sx)$ импликация $(x) (gx \supset sx)$ ¹⁹. Данная импликация выражает включение в класс, т. е. класс g включается в класс s . Однако эти классы не могут репрезентировать чистые основание и probandum, но лишь основание и probandum, входящие в конкретное отношение. Смысл проникновения не в том, что основание включается в probandum, а в том, что класс мест, к которым относится основание, включается в класс мест, к которым относится probandum.

Дж. Стааль в работах «О соответствиях между языком и логикой в индийской мысли» и «Формальные структуры в индийской логике» предлагает анализ первого и пятого определений проникновения. Стааль использует символизм исчисления предикатов, включая равенство (тождество), и оперирует ограниченными переменными: например, « $F(x)$ » означает « x таково, что $F(x)$ ». Вводятся два специальных отношения: $A(x, y)$, означающее « x встречается в y », « x присутствует в y », и $B(x, y)$, означающее « x есть место y » или « x обладает y ». В таком случае определение I проникновения получает формулировку:

$$V(h, s) = a \sim A\{h, ayB[y, ax(x \neq s)]\}.$$

Здесь V — отношение проникновения (vyāpti), а h и s — переменные, обозначающие основание (hetu) и probandum соответственно²⁰. Смысл этого определения состоит в следующем: основание образует с probandum отношение проникновения, если, и только если основание не входит в отношение встречаемости с чем-либо входящим в отношение места с чем-либо отличным от probandum, т. е. если, и только если основание не встречается в месте чего-либо отличного от probandum. Отношение постоянного отсутствия здесь обозначено символом неравенства \neq ; в следующем определении этот символ более корректно используется для обозначения отличия (взаимного отсутствия). Формулировка определения 5:

$$V(h, s) = a \sim A\{h, ay[y \neq axB(x, s)]\},$$

т. е. основание находится к probandum в отношении проникновения, если, и только если основание не встречается в чем-либо отличном от места probandum.

Формулы остальных трех определений из пяти приводятся Стаалем в приложении к статье «О соответствиях между языком и логикой в индийской мысли». Стааль сравнивает свою формализацию пяти определений с формализацией Бхеньского, описанной выше. Определяемое в дефиниции 2 проникновения представлено формулой:

$$\sim A[h, ayB(u, azA\{z, ay[y \neq oxB(x, s)]\})],$$

т. е. основание не встречается в месте того, что встречается в чем-то отличном от места *probandum*. Однако эта формула не передает истинный смысл определения 2, которое утверждает то же, что и определение 1, с той лишь разницей, что в нем специфицируется место отсутствия *probandum* как место, отличное от места *probandum*.

Формула определяемого в дефиниции 3:

$$axB(x, h) \neq ay [y \neq axB(x, s)],$$

т. е. место основания отлично от того, что отлично от места *probandum*. «Место основания» здесь следует понимать в смысле «всякое место основания». Стааль принимает перевод Инголлса *asāmānādhikarāṇya* как «имеющий отличное место», между тем как здесь подошел бы более буквальный перевод «не имеющий общего места».

Наконец, формула определяемого в дефиниции 4:

$$(ayB) (\sim A \{h, ayB [y, ax (x \neq s)]\}).$$

Если (ayB) есть функция квантора общности, то смысл определения будет следующий: во всяком месте, отличном от *probandum*, основание не встречается (отсутствует). Это соответствует такому переводу: «основание является контрпозитивом отсутствия, пребывающим во всех местах отсутствия *probandum*».

В статье «Контрапозиция в индийской логике» Стааль переходит к формулировкам в терминах исчисления предикатов без ограниченных переменных. Рассматривая формализм выведения в навья-ньяе, он уточняет встречаемости в выводе по формуле, которая может служить определением проникновения. Формула вводится в таком виде: «Отношение встречаемости $A(x, y)$ всегда является встречаемостью через отношение (*sambandhena vṛttitva*), требующее спецификации для устранения двусмысленности. Разные виды отношений, такие, как *saṃyoga*, контакт(с), *saṃavāya*, присущность (i) и т. п., обозначаются подписными буквами к A : A_c , A_i и т. п. Например, имеем A_c (дым, гора), но, с другой стороны, A_i (дым, частицы дыма). В общем случае встречаемость в выводе может быть специфицирована, например, следующим образом:

$$(x) (A_p(x, h) \rightarrow A_p(s, x))^{21}$$

Кроме константы A , обозначающей встречаемость, формула содержит три вида переменных: (1) x обозначает места, в которых встречаются атрибуты; (2) h, s обозначают атрибуты, служащие основанием и *probandum* соответственно; (3) подписные буквы p, q обозначают отношения между этими атрибутами и их местами. h, s можно заменять константами, такими, как дым, огонь и т. п., p, q — такими константами, как контакт, присущность и т. п. Подставляя вместо переменных константы, мы получаем ложные или истинные высказывания. Например, истинное высказывание: «Где дым (посредством контакта), там и огонь (посредством контакта)»²² и два ложных высказывания: «Где огонь (посредством контакта), там и дым», «Где дым (через присущность), там и

огонь (через присущность)». Поскольку отношение встречаемости устанавливается между тремя переменными, его можно назвать тернарным. То же относится и к отношению места, обычно используемому Гангешей в определениях проникновения (о чем шла речь выше). Предположив, что отношения встречаемости и «помещаемого» совпадают, можно сказать, что отношение встречаемости обратное отношению места.

Мы воспользуемся без всяких изменений исчислением предикатов первого порядка и будем следовать обозначениям Гильберта-Аккермана и Стаала²³. Использование такого исчисления дает два преимущества. (1) Оно позволяет демонстрировать логическую эквивалентность либо неэквивалентность определений проникновения. (2) Можно легко выделять среди определений проникновения логические варианты и отличать их от фразеологических. Это даст возможность лучше почувствовать связь между логическими структурами и выражениями на санскрите.

В качестве отправного пункта возьмем схему вывода:

Каждое место А есть место В

Р есть место А

Р есть место В.

Истинность этой схемы устанавливается следующей теоремой исчисления предикатов:

$$(1) \quad \vdash (z) \{[(x) (Fx \rightarrow Gx) \wedge Fz] \rightarrow Gz\}.$$

«Место А» и «место В» суть значения переменных F и G соответственно, а Р есть значение переменной z. Обозначим «место А» через La, «место В» через Lb и Р через p. Подставив эти обозначения вместо переменных F, G и z соответственно, получим формулу:

$$(2) \quad \vdash [(x) (Lax \rightarrow Lbx) \wedge La p] \rightarrow Lb p.$$

Добавим $(Ex)La x$ к первому члену антецедента, имеем:

$$(3) \quad \vdash \{[(x) (Lax \rightarrow Lbx) \wedge (Ex) La x] \wedge La p\} \rightarrow Lb p.$$

Это означает, что, если (а) каждое место А есть место В и Р есть место А, (б) Р есть место В. Применив modus ponens, выведем из антецедента (а) консеквент (б).

Большая посылка здесь имеет вид:

$$(4) \quad (x) (Lax \rightarrow Lbx) \wedge (Ex) La x.$$

Это является выражением того, что В проникает А: каждое место А есть место В. Заменим А дымом, а В огнем. Получим истинное высказывание: «Всякое место дыма есть место [огня]». В каком смысле это высказывание истинно? Разумеется, не в том, что всякое место дыма есть место огня при любом отношении дыма и любом отношении огня. Очевидно, здесь имеется в виду, что всякое место, с которым дым

связан отношением контакта, есть место, с которым огонь связан отношением контакта. Иначе высказывание будет ложным. Например, дым связан с частицами дыма отношением присущности, т. е. частицы дыма суть места дыма через присущность, но они не могут быть местами огня ни через контакт, ни через присущность. Так что в высказывании: «Всякое место дыма есть место огня» в обоих случаях подразумевается «место через контакт», что ясно из контекста высказывания, например, в выводе, субъектом которого (prakṣa) в данном случае является гора. Следовательно, «место А» фактически означает «место А через R», где R — переменная отношения контакта, присущности и т. п. Константа «место» таким образом оказывается тернарной, ибо она относится к трем переменным: индивидуальному (месту) x , предикату (классу) А и предикату (отношению) R. Эту связь можно обозначить $Lo(x, A, R)$, где Lo означает «быть местом в каком-либо отношении». То, что раньше представлялось как $La x$, теперь представлено как $Lo(x, A, R)$. Но поскольку мы придерживаемся исчисления предикатов первого порядка, можно заменить $Lo(x, A, R)$ на $(\exists y)(Ay \sim Ryx)$, которое мы считаем эквивалентным ему.

Иными словами, $Lo(x, A, R)$, т. е. « x есть место А через R», понимается в том же смысле, что и $\exists y(Ay \sim Ryx)$, т. е. «некоторое А через R относится к x ». Отсюда следует, что в (4) мы можем заменить $La x$ на $(\exists y)(Ay \sim Ryx)$, а $Lb x$ на $(\exists y)(By \sim Sux)$. Получим формулу проникновения:

$$(5) \quad (x) [\exists y (Ay \sim Ryx) \rightarrow (\exists y)(By \sim Sux)] \sim (Ex) (\exists y) (Ay \sim Ryx).$$

Это выражение означает, что всякое место А через R есть место В через S. Как правило, $R=S$, но возможны и исключения²⁴. Если подставим константу «дым» вместо переменной А, константу «огонь» вместо переменной В и константу «контакт» вместо переменных R и S, то получим истинное высказывание, выражающее проникновение дыма огнем. Оно означает: «Все находящееся в контакте с дымящимся телом находится в контакте с горящим телом». Тот же смысл передается следующим выражением: «Всюду, где дым, там и огонь», т. е. каждое место дыма есть место огня.

Проникновение приобретает смысл существования, если в (5) оно выражается как $(Ex) (\exists y) (Ay \sim Ryx)$, чем утверждается существование места А. При таком допущении формулировка проникновения упрощается:

$$(6) \quad (x) [(\exists y) (Ay \sim Ryx) \rightarrow (\exists y) (By \sim Sux)].$$

Проникновение можно рассматривать как отношение между парой классов в том смысле, что один класс проникает другой, аналогично тому, как включение рассматривается в качестве отношения между парой классов, если один класс включает другой. Например, выражение «огонь проникает дым» можно интерпретировать в том смысле, что класс огня проникает класс дыма. Введя символические обозначения

для абстракций, можно дать определение отношения проникновения в терминах исчисления предикатов второго порядка:

$$(7) \quad \text{Per} = \hat{A}\hat{B} (ER) (ES) (x) [E y (A y \sim R y x) \rightarrow (E y) (B y \sim S y x)],$$

где $\text{Per}(\text{vasion})$ обозначает проникновение.

Ниже следуют символические выражения для пяти определений проникновения *vuärpti-raifaka*, попытки формализации которых Бохеньским и Стаалем разбирались выше.

Определения 1, 2, 3 и 5 представляют собой утверждения в негативной форме: 1, 2 и 5 суть отрицания встречаемости и т. п., а 3 есть отрицание общности места и т. п. Встречаемость и общность места имеют одинаковое символическое выражение, например встречаемость А в месте В и общность места А и В:

$$(8) \quad (Ex) [(Ey) (Ay \sim R y x) \wedge (Ey) (By \sim S y x)].$$

Встречаемость А в месте отсутствия В:

$$(9) \quad (Ex) [(Ey) (Ay \sim R y x) \wedge (y) (By \rightarrow \sim S y x)].$$

Ее отрицание, являющееся логическим содержанием определений 1 и 2:

$$(10) \quad \sim (Ex) [(Ey) (Ay \sim R y x) \wedge (y) (By \rightarrow \sim S y x)]$$

или

$$(11) \quad (y) \{Ay \rightarrow \sim (Ex) [(z) (Bz \rightarrow \sim Szx) \wedge R y x]\}.$$

Встречаемость А в месте, отличном от места В, и общность места А с взаимным отсутствием, контрпозитив к которому есть место В:

$$(12) \quad (Ex) \{(Ey) (Ay \sim R y x) \wedge (w) [(Ey) (By \sim S y w) \rightarrow (x \neq w)]\}.$$

Его отрицание, являющееся логическим содержанием определений 3 и 5:

$$(13) \quad \sim (Ex) \{(Ey) (Ay \sim R y x) \wedge (w) [(Ey) (By \sim S y w) \rightarrow (x \neq w)]\}$$

или

$$(14) \quad (y) \{Ay \rightarrow \sim (Ex) [(w) ((Ez) (Bz \sim Sz w) \rightarrow (x \neq w)) \wedge R y x]\}.$$

Определение 4 не является утверждением отсутствия: оно утверждает, что основание отсутствует во всех местах отсутствия *probandum*. Это выражается следующим образом:

$$(15) \quad (y) \{Ay \rightarrow (x) [(z) (Bz \rightarrow \sim Szx) \rightarrow \sim R y x]\}.$$

Если сравнить наши символические выражения с выражениями Стаала, нетрудно убедиться, что наши формулировки определений 1, 2 и 5 [формулы (10) и (13)] соответствуют его формулировкам определений 1 и 5, которые Стааль также представляет в негативной форме, а именно

$$\sim A \{h, ayB [y, ax (x \neq s)]\},$$

$$\sim A \{h, ay [y \neq axB (x, s)]\}.$$

Формулировка Стаалем определения 4

$$(\alpha yB) (\sim A \{h, \alpha yB [y, \alpha x (x \neq s)]\})$$

соответствует

$$(16) \quad (x) \sim [E y (A y \sim R y x) \sim (y) (B y \rightarrow \sim S y x)],$$

что является вариантом нашей формулировки 4 [формула (15)]. Формулировка Стаалем определения 3 не соответствует нашей, потому что базируется на ином переводе.

То, что эти пять определений логически эквивалентны друг другу и формуле (6) проникновения, легко доказывается в исчислении, использованном нами для их формулировки.

Список символов

- $\sim p$ «не p »
- $p \vee q$ « p или q »
- $p \wedge q$ « p и q »
- $p \rightarrow q$ « p имплицитно q » («если p , то q »)
- $p \leftrightarrow q$ « p эквивалентно q » (« p , если, и только если q »)
- $x = w$ « x тождественно w »
- $x \neq w$ « x не тождественно w »
- (x) «для всех x »
- (Ex) «существует x , такое, что»
- \hat{x} «класс всех x , таких, что»
- $\vdash x$ « x логически истинное» (« x является теоремой»)

Переменные

$p, q \dots$ высказывания

$Ay, Bz \dots$ атомарные высказывания, предикаты которых (классы A, B, \dots)
одноместны (y, z, \dots)

$Ryx, Szw \dots$ атомарные высказывания, предикаты которых (отношения
 R, S, \dots) двуместны ($y, x; z, w, \dots$).

Логика классов

\bar{A}	«дополнение A »	Def.: $\hat{x} \sim Ax$
$A \cup B$	«сумма A и B »	Def.: $\hat{x} (Ax \vee Bx)$
$A \wedge B$	«произведение A и B »	Def.: $\hat{x} (Ax \wedge Bx)$
$A \subseteq B$	« A включается в B »	Def.: $(x) (Ax \rightarrow Bx)$
$A = B$	« A тождественно B »	Def.: $(x) (Ax \leftrightarrow Bx)$

ПРИМЕЧАНИЯ

От редактора

¹ И. Н. Бродский, Отрицательные высказывания, Л., 1973.

² Д. Гильберт и В. Аккерман, Основы теоретической логики, М., 1947.

³ С. К. Клини, Математическая логика, М., 1973.

⁴ См.: В. А. Смирнов, Погружение силлогистики в исчисление предикатов,— «Логическая семантика и модальная логика», М., 1967.

⁵ Л. Керролл, История с узелками, М., 1973.

⁶ A. Church, The History of the Question of Existential Import Categorical Proposition,— «Logic, Methodology and Philosophy of Science», II, Amsterdam, 1965.

Раздел I

¹ «Таттва-чинтамани», II, 233, отмечено у Чакраварти, стр. 265.

² Chakravartī, стр. 264.

³ Cat. Durb. Lib., стр. 35.

⁴ Ссылка на эту рукопись имеется у Сингха (Singh, стр. 179—180). Он упоминает ее под инвентарным номером 794 коллекции Общества. Я полагаю, что это та же самая рукопись, которая значится у Митры (Mitra, т. II, стр. 176) под № 1206.

⁵ Вардхаману, как отмечено у Чакраварти (Chakravartī, стр. 266) и Сена (Sen, стр. 12), упоминает Мадхавачарья (вторая половина XIV в.), но это тем не менее не позволяет точно фиксировать даты жизни Гангеша, к тому же вполне вероятно, что данная ссылка относится к грамматике Вардхамане, а не к сыну Гангеша (Gopināth, III, 135).

⁶ Chakravartī, стр. 265.

⁷ Satischandra, стр. 405, Dhundirāja Sāstri, Gādā., Bhūmikā, стр. 5.

⁸ О Вардхамане и его работах см. Chakravartī, стр. 267; Satischandra, стр. 454—455; Gopināth, III, стр. 133—135.

⁹ Сведения традиции противоречивы. Например: «Даже в детстве он был весьма начитан и искусен в логике» (Dhundirāja Sāstri, Gādā.); «Говорят, к тому же юности Гангеша был совершенно неграмотным» (Satischandra, стр. 405).

¹⁰ J.A.S.B., Новая серия, XIV, повторно опубликовано в его «History of Indian Logic», стр. 407—453.

¹¹ См., например, Т. С., IV, стр. 699, строка 1.

¹² Так, например, принято в «Nyāya-koṣa».

¹³ Слияние с вайшешикой началось еще с Удаяны. Бхасарваджня свел 16 падартх к трем (см.: Keith, стр. 30—31).

¹⁴ Рукописи их комментариев к книгу I давно стали редкостью и ни в коем случае не являются полными. Комментарий Джагадиши см. у Бхандаркара (Bhandarkar. 1881—1882) № 400; о Гададхаре см. Cat. I. O., 1885, 5991, Cat. Tanjore, № 6126, 6133. Издатель Танджурского каталога

ошибочно полагает, что № 6126 был опубликован в серии Чоукхамба, там напечатан только комментарий Гададхары на книгу I.

¹⁵ Шастри (Śāstri, Вторая серия, III, стр. 170—171) упоминает еще «Лакшана-таттвам» Гангешы, но поскольку он цитирует только посвященный стих, нельзя ничего сказать о характере самого сочинения. Можно предположить, что это просто раздел «Таттва-чинтамани», книга IV, посвященный «Лакшане».

¹⁶ Гхияс-уд-дин Туглак вторгся в Тирхут в 1322 г., и с этого времени Тирхут был вынужден весьма исправно платить дань Дели. Однако провинция осталась под непосредственным управлением индусских раджей династии Камешвара до середины XVI столетия (см. Singh, стр. 85).

¹⁷ Доказательство того, что «Джаядева» и «Пакшадхара» — имена одного и того же лица, приведено в «Tarkikarakṣā», Bhūmikā, стр. 21, прим. I; «Phañibhūṣaṇa», Введение, стр. 15. Его следует отличать от жившего гораздо раньше поэта и логика Джаядевы Пиюшаварши, которому принадлежит «Прасанна-рагхава» и «Чандралока». Это со всей очевидностью доказано Сеном (Sen, стр. 14). Статья в J.B.O.R.S. (XXIV, 166) представляет собой очередную попытку их отождествления, однако там не приводится никакого доказательства, кроме двустишия, содержащего обращение к Пакшадхаре как к Пиюшаварше. А данное двустишие цитируется неверно, во всяком случае если сравнить с I.O.: согласно этому каталогу, в двустишии значится «Варья», «не Пиюшаварша» (Cat. I.O., ч. IV, стр. 632).

¹⁸ Это объясняется тем, что достоверные сведения получены недавно.

¹⁹ В рассматриваемом двустишии действительно сказано: «Sakābdā La Saṃ — 1509» (Sen, стр. 12—14), что дает 2614 г. эры Лакшмана Сена, или же 1588 г. эры Шака. Только предположив ошибку в написании цифр (скажем, 159) или же получив 159 другим путем, можно интерпретировать это число как 1278 г.

²⁰ J.B.O.R.S., XXIV, 164—165.

²¹ Gorīnāth, III, 138. Петерсон (Peterson) в своем «Шестом сообщении на Бомбейском кружке о разыскиваемых санскритских рукописях», стр. 76, упоминает рукопись Ручидатты «Таттва-чинтамани-пракаша-пратьякша-кханда», относимую к 1292 г. эры Шака. Как показали Гопинатх и Сингх, эта датировка ошибочна.

²² Saṃkara-Vācaspatyoh samānu Saṃkara-Vācaspatī bhavataḥ, Pakṣadhara-pratipakṣī lakṣībhūto na ca kvāpi.

Цит. по «Khaṇḍanoddhāra» Bhūmikā, стр. 3. Интерпретацию см.: Gorīnāth, III, 151. «Шанкара» и «Вачаспати» в их втором смысле могут также означать Шиву и Брихаспати.

²³ О Шанкарामшире см.: Gorīnāth, III, стр. 143—153. Рукописи его сочинения датируются 1462—1472 гг. Вачаспатимишра был придворным при Бхайравендре и Рамабхадре (см.: Chakravarti, стр. 270—274; Singh, стр. 110—113; Gorīnāth, III, 152—153).

²⁴ Grierson, Test of a Man, Введение, стр. XII.

²⁵ Phaṇibhūṣaṇa, Введение, стр. 17. То, что Пакшадхара обучался под руководством Хара Мишры, явствует из вступительного стиха к «Алоке» Пакшадхары.

Adhītya Jayadevena Harimīrāt pitṛvyatāḥ

Tattva-cintāmaṇer ittham Aloko 'yam prakāśyate

Цит. по: «Tarkikarakṣā» Bhūmikā, стр. 23.

²⁶ Эта история передана у Сингха (Singh, стр. 184) и у Пхранибушана (Phañibhūṣaṇa, стр. 17). Там специально не оговаривается, что Пакшадхара был ребенком, но в противном случае рассказ лишается всей остроты.

²⁷ По-видимому, этих двух людей соединяет не только традиция. В 24-м рассказе Видьяпати в «Пуруша-парикша» («Испытание человека») волшебник носит имя Пакшадхары, и это, как полагает Грирсон (Griegson, Introduction, стр. XV), может иметь отношение к молодому наядику.

²⁸ Viṃśābde Jayadeva-panḍita-kaves tarkābdi-pāraṃ gataḥ Śrīmān eṣa

Bhāgīrathāḥ..., согласно «Дравья-киранавали-пракаша-тика» (цит. по «Tagkikarakṣā», Введение, стр. 23).

²⁹ В «Tagkikarakṣā» (Введение, стр. 24) приводится текст надписи на колоде, расположенном на расстоянии 15 кос от Джанакapura. Она гласит, что Махеша получил Митхилу «śāke randhraturaṅgama-śruti-mahī 1478 (sic) saṃlakṣite hāyape». Однако словами сказано: «1479» (соответствует 1557 г.), что является более предпочтительным ввиду свидетельства стиха, цитируемого Сингхом (Singh, стр. 213): Nav grah ved vasundharā (т. е. 1479) śak mai Akbar Sāh paṇḍit subudh Maheś ko kinho Mithilā nāh.

³⁰ Singh, стр. 216.

³¹ Он сам называет себя «Рагхунатха» или «Таркика-широмани». Последнее обычно ставится в конце его сочинений. Иногда он фигурирует под именами «Шри Широмани Бхаттачарья» (Cat. Bodl., II, № 1317), «Бхаттачарья Широмани» и «Бхаттачарья-атмаджа» (Chakravarti, стр. 275). «Бхаттачарья» — просто почетный титул. Он был дан Васудевой Сарвабхаумой своему учителю (см. «Chaitanya's Life», стр. 58; «Бхаттачарья сидел, размышляя о том, что...» и т. д.). Тот же титул ученики присвоили Рамакришне (см. Cat. I. O., № 2069, где в ссылке он назван «Рамакришна Бхаттачарья Чакраварти»).

³² Это вытекает из следующего стиха, цитируемого Митрой в его замечаниях по поводу «Адвайта-макаранда-тики» Васудевы (№ 2854):

Srī-Bandhyānvaya-kairavāṃṣṭa-ruco vedānta-vidyāmayād
Bhaṭṭācārya-Viśāradān Naraharer yam pṛāra Bhāgīrathī

Я следую здесь Бхаттачарье, заменившему «уе» на «уам» по сравнению с авторским написанием (см. Bhattacarya, Vās., стр. 59).

³³ Некоторые сведения об этой выдающейся касте см. «The History of Bengal». Курс публикаций университета в Дакке, т. I, стр. 580—582. См. также I.H.Q., VII, стр. 719—720.

³⁴ Phaṇibhūṣaṇa, Введение, стр. 10.

³⁵ Bhattacarya, стр. 58, прим. 3.

³⁶ «Navadvīpa-M.», стр. 41; «Nadiyā-kāhīnī», стр. 112.

³⁷ Phaṇibhūṣaṇa, Введение, стр. 12, цит. по «Madhya-yuger Bāngālā», Kālī Prasanna Banerjee.

³⁸ Поскольку ни истоки этой версии, ни ее надежность до сих пор ни разу не обсуждались в литературе на английском языке, приводимый ниже краткий обзор может оказаться полезным. Здесь представлены некоторые выдержки из «Введения» проф. Пханибушана к «Ньяя-паричая»:

«В 1904 г. бенгальский ученый Аччютачарака Чаудхури опубликовал в „Sāhitya Paṇḍat“ статью, содержащую сообщение о том, что имя некоего Рагхунатхи упоминается в семейных хрониках Силхета („Вайдика-самвадини“). Этот Рагхунатха был младшим сыном Говинды Чакраварти. Старший его сын Рагхупати женился на Ратнавати, хромоногой дочери местного правителя по имени Сувида Нараяна. Из-за этого брака семья Рагхупати была исключена из касты. Жизнь в Силхете сделалась невыносимой, и после смерти Говинды его вдова эмигрировала вместе с младшим сыном Рагхунатхой в Надию».

«Аччютачарана Чаудхури отождествил Рагхунатху из этой истории с Рагхунатхой Широмани».

«В 1913 г. Упендрачандра Датт в своей работе „Пратибха“ показал, что раджа Сувида Нараяна не мог быть современником Рагхунатхи Широмани. К сожалению, «Силхетская версия» вновь повторена в самом последнем и, в общем, прекрасно составленном библиографическом сборнике Гопинатха (V, 131).

³⁹ «Two Treatises on the Hindu Law of Inheritance», Введение, стр. XII.

⁴⁰ «Chaitanya's Life», стр. 64—65.

⁴¹ Phaṇibhūṣaṇa, Введение, стр. 21.

⁴² «Navadvīpa-M.», стр. 41 и далее. Этого взгляда в основном придерживается также Кумуда-натх Маллик (см. его «Nadiyā-kāhīnī», стр. 112 и сл.).

⁴³ Bhattacharya, Vās.

⁴⁴ Васудева Сарвабхаума был жив в 1510 г., ибо именно тогда он принял веру Чайтанья, что хорошо известно. По-видимому, он жил еще и некоторое время спустя, поскольку прославился как автор нескольких вишнуитских гимнов, созданных уже после обращения. С другой стороны, как будет показано ниже, кончину Рагхунатхи следует отнести примерно к 1550 г.

⁴⁵ Это двустишие можно считать еще одним доказательством того, что Рагхунатха был учеником Васудевы. Последний не только разъяснял Чайтанье смысл упанишад, но был также автором «Адвайта-макаранда-тика» (Mitra, № 2854). Насколько мне известно, Васудева и Рагхунатха — единственные наैयाки того периода, которые писали о веданте. К сожалению, ни «Адвайта-макаранда-тика», ни комментарий Рагхунатхи к «Кхандана-кханда-кхадья» до сих пор еще не опубликованы.

⁴⁶ Cat. Berlin, стр. 197 (№ 650).

adhyañana-bhāvanābhuyāṃ sārāṃ nirñīya nikhila-tantrāṇāṃ
Didhitiṃ adhi Cintāmaṇi tanute Tarkika-Sīromaṇiḥ śrīmān
para-juṣṭa-nayān nivartamānā mananāsvādyā rasā viśuddha-bodhaiḥ
Raghunātha-kaver apeta-doṣā kṛtir eṣā viduṣāṃ tanotu modam

⁴⁷ R. Jāg, «Ишваранумана», стр. 28:

viduṣāṃ nivahair ihaikamatyād
yad aduṣṭaṃ niraṭāṅki yac ca duṣṭam,
mayi jalpati kalpanādhināthe
Raghunāthe, manutām tad anyathaiva.

⁴⁸ «Navadvīpa-M.», стр. 35, содержит забавную историю о том, как Васудева основал свою школу. Он обучался в Митхиле, а наैयाки, пытаясь сохранить гегемонию, запрещали копировать и вывозить рукописи ньяи. Однако Васудева выучил наизусть «Таттва-чинтамани» и начал заучивать «Кусуманджали» Удаяны. Но прежде чем он приступил к прозаической части, его план был раскрыт: пришлось срочно свернуть курс обучения и отправляться восвояси. Однако и с тем запасом текстов, которые сохранились у него в памяти, он сумел открыть первую в Бенгале школу ньяи.

Впрочем, такую же историю рассказывают и о Хариджасе Ньяяланкаре (Gopināth, V, 129). Кроме того, Д. С. Бхаттачарья, изучая работы Васудевы, пришел к выводу, что тот не мог быть первым навья-наैयाком в Бенгале (Bhattacharya, Vās., стр. 64)

⁴⁹ «Navadvīpa-M.», стр. 43.

⁵⁰ Об этом свидетельствуют его современники (ср. Satischandra, стр. 464, прим. 2). Кумуданатх Маллик приводит курьезную легенду, объясняющую причину слепоты Рагхунатхи на один глаз. Она может заинтересовать специалистов по изучению фольклора и поверий. Некоторые считают, пишет Маллик, что Рагхунатха не был одноглазым от рождения, но однажды ночью, а именно в седьмую ночь лунного месяца (т. е. в первую ночь дургпуджи), он сидел, размышляя о логике, уставясь невидящим взором в небо, и в это время какое-то насекомое попало ему в глаз, и он потерял зрение. Поэтому наैयाки, помня о том, как бог покарал Рагхунатху, никогда не проводят занятий в седьмой день месяца («Nadīyā-kāhinī», стр. 113).

⁵¹ «Navadvīpa-M.», стр. 46.

⁵² Эта история излагается в «Navadvīpa-M.», стр. 47—50, за исключением места, указанного в примечании ⁵⁴.

⁵³ Akhaṇḍalāḥ sahasrākṣaḥ, virūpākṣas trilocanaḥ,
anye dvilocanaḥ sarve, ko bhavān ekalocanaḥ?

⁵⁴ Yo'ndham karoty akṣimantaṃ, yaś ca bālam prabodhayet,
tam evādhyāpakam manye, tad-anye nāma-dhāriṇaḥ.

Этот ответ приводится Бадринатхом Шастри в издании «Киранавали-пракаша-дидхити» Рагхунатхи («Princess of Wales Saraswati Bhavana Texts», № 38, Введение, стр. 6). В «Navadvīpa-M.» ему приписывается

другой ответ (стр. 47), а этот стих приводится в ходе последующей словесной дуэли.

⁵⁵ «Саманья-лакшана» — глава из II книги «Таттва-чинтамани» Гангешы. «Алока» Пакшадхары служит комментарием ко всей «Таттва-чинтамани». «Саманья лакшана-пратьясатти означает косвенное сопряжение органа чувств с родовыми признаками благодаря прямому контакту этого органа с местом локализации родовых признаков. Только благодаря такому контакту мы можем возвыситься над знанием частностей». Рагхунатха, не отрицая полностью всю теорию, как это делали ведантисты и другие философы, возражает против термина «контакт» (см. N. K. под словом *Sāmānya-lakṣaṇāḥ*).

⁵⁶ Излагая эту часть истории, Сатисчандра (стр. 464, прим. 2) ссылается на «*Moogerjee Magazine*», 1872. Мне не удалось разыскать этот источник. Последующее изложение основывается на «*Navadvīpa-M.*» (стр. 50—52). Вообще говоря, изложение данной истории довольно часто встречается в литературе (см., например, *Satischandra*, стр. 463—464; *Gādā*, *Bhūmikā*, стр. 6).

⁵⁷ В «*Sabda-kalpadruma*» под словом *Nyāya* (стр. 1791) приводится следующая схема преемственности традиции навья-ньяи: Гангеша — сын Вардхамана — ученик Манимишра Яджняпати Упадхьяя — ученик Пакшадхары Мишра (т. е. Джаядева Пакшадхары) — ученик Рагхунатха — ученик Матхуранатха — ученик Бхавананда — ученики Джагадиша и Гададхары. Более половины звеньев в этой цепи, вне всякого сомнения, ложны. Шастри (XI, стр. 12 и «*New Series*», стр. XIII) ссылается на другое свидетельство традиции, повествующей, что Рагхунатха оставил Васудеву и направился в Митхилу, якобы поддавшись уговорам своего соученика Канады, незадолго перед тем вернувшегося оттуда. Но этого не может быть, потому что Канада был учеником Джанакинатха Чудамани (ср. *Phañibhūṣaṇa*, Введение, стр. 29).

⁵⁸ Вступление Пратапарудры на престол относят к 1497 г.; 1510 год является традиционной датой встречи Васудевы с Чайтаньей в Пури. Рассказ об этой встрече приводится в «Чайтанья-чаритамрита» («Жизнь Чайтаньи», гл. 4), составленной в 1615 г. (по другим сведениям — в 1581 г.); ср. I.N.Q., IX, стр. 99. По вишнуитской традиции, отъезд Васудевы из Нади был вызван гонениями Хусайн-шаха (1493—1518) против индусов (ср.: D. C. Sen, *Chaitanya and his Companions*, стр. 81—82). Васудева мог поселиться в Пури незадолго до своей встречи с Чайтаньей, поскольку нет указаний на то, что они виделись в Нади, хотя утверждают, что Васудева был близко знаком с семьей Чайтаньи.

⁵⁹ R. D. V a n n e r j e e, *History of Orissa*, т. I, стр. 323, 334; Ср. также *Ind. Ant.*, 58, стр. 63 и сл.

⁶⁰ Согласно «*Navadvīpa-M.*», Васудева все еще жил в Навадвипе, когда Рагхунатха вернулся из Митхилы.

⁶¹ По-бенгальски «*Harī Ghoṣer goyāl*» — «коровник Хари Гхоша» — непереводимое идиоматическое выражение, не имеющее русского эквивалента. Оно обозначает «место, где собралась толпа, все говорят вслух одновременно и каждый развлекается на свой лад». В «*Nadiyā-kāhīnī*» возникновение идиоматического выражения связывается с тем фактом, что школа Рагхунатхи впервые была организована в одном из коровников Хари Гхоша.

⁶² Hall, *Index*, стр. 67 и стр. 227, см. «Таркика-чудамани».

⁶³ Что это действительно не так, доказывается комментарием Рамабхадры к P.T.N., в котором, рассматривая закон отрицания (стр. 109, «*The Pandit*» за 1912 г.), логик ссылается на авторитет своего отца (*tācacaṇās*) и выражает несогласие с мнением автора комментируемого труда (т. е. Рагхунатхи). Пханибхушана (*Phañibhūṣaṇa*, Введение, стр. 28) цитирует фразу: «*śabda-mañi-dīdhītau tācacaṇāḥ*» из печатного издания комментария Рамабхадры к P.T.N., но при этом продолжает утверждать, что в старых рукописях этого труда, сохранившихся в Навадвипе, соответствующее место читается иначе — «*śabda-mañi-marīcau tācacaṇāḥ*».

Ниже мы будем говорить о Рамабхадре как об учителе отца Матхуранатхи.

⁶⁴ *tasyāśayaṃ guṇa-vivecanam ākālāyā
brūte Siromaṇi-guroḥ iha Rāmakṛṣṇa*
Cat. I. O., № 2068 (цит. по Chakravarti, стр. 277).

⁶⁵ Cat. Tanjore, № 6186, 6187.

⁶⁶ Cat. Tanjore, № 6599.

⁶⁷ Cat. Cat., ч. III. Гопинатх (Gopināth, V, 159) приписывает Рамакришне еще две работы, но, по-моему, без достаточных оснований. «Ньяя-дипика» вряд ли может принадлежать тому же Рамакришне: автор ее утверждает, что его учителем был Сатананда (Śāstri, Вторая серия, II, № 117). Я не сумел отыскать нигде, кроме как у Гопинатха, упоминание о том, что Рамакришна — автор «Таркамриты». Собственные замечания Гопинатха указывают на сомнительность этого. Он говорит о комментарии к «Таркамрите», который составлен правнуком ее автора, Кришнакантой Видьявагхисей. Этот Кришнаканта в 1802 г. сочинил комментарий к «Шабда-шакти-пракаша» (Cat. I. O., № 2034). Поскольку известна рукопись одной из работ Рамакришны, переписанная в 1603 г. (Cat. I. O., № 2069), и поскольку он, как увидим, был знаменит задолго до того, работа, созданная в XIX в., не может принадлежать его правнуку.

⁶⁸ Реальность многих индийских ученых, перечисленных в этом списке, была доказана Д. С. Бхаттачарьей в его статье «Sanskrit scholars of Akbar Time» [I.N.Q., XIII (1937), стр. 31—36].

⁶⁹ Перевод Блохманна, изд. 2, стр. 606 (см. Bhattacharyya).

⁷⁰ У Блохманна он назван «Рам Кишн».

⁷¹ Шастри предположил обратное (J.A.S.B., 1910, стр. 313), но Вишванатха написал свою «Ньяя-сутра-вритти» в 1634 г. (Śāstri, *ibid.*), что опровергает данное предположение.

⁷² Это рукопись «Таттва-чинтамани-дидхити-типани» Бхавананды (ср. I.N.Q., II, 868 и XVII, 243).

⁷³ Первым эту мысль высказал Холл (стр. 31). Европейские ученые обычно придерживаются того же мнения (например, Aufrecht, Cat. Cat., стр. 485, Keith, стр. 35).

⁷⁴ Cat. Leipzig, стр. 293, № 943. Указанное примечание гласит: «svarga-kāmo yajetety-ādāv anvaya-bodhaṃ Śabda-maṇi-dīdhitau vivecayisyā-mah».

⁷⁵ По-видимому, есть еще и другие неопубликованные рукописи Рахунатхи, в частности в Бенаресском собрании и в собрании Азиатского общества Бенгала. Deskriptivный каталог первого собрания отсутствует, а deskriptivный каталог второго, в части, относящейся к ньее, до сих пор не издан или, во всяком случае, еще не попал в Америку.

⁷⁶ Единственное известное мне упоминание об этой работе — у Ауфрехта: Cat. Benares, стр. 160.

⁷⁷ Cat. Berlin, стр. 197, см. выше.

⁷⁸ *Kavitvaṃ kiyad-aunnatyam Cintāmaṇi-maṇiṣaṇḍ,
nirīta-kāla-kūṭasya Harasyevāhi-khelanam*
(«Navadvīpa-M.», стр. 52).

⁷⁹ *Nyūyambudhi-kṛta-setuṃ hetuṃ Śrī Rāmam akhila-sampatteh
tātaṃ tribhuvana-gītam Tarkālaṅkāram ādarān natvā*

Данный стих содержит более глубокий смысл, ведь Рама, также построенный мост через море, является источником всякого успеха и прославлен во всех трех мирах. Другое возможное толкование приводится у Гопинатха (Gopināth, V, стр. 136).

⁸⁰ *Jagad-guroḥ Śrī Rāmasya caraṇau mūrdhni dhārayan
tat-suto Mathurānātho Dīdhitim sphuṭayaty amūm*

Это вступительный стих к «Анумана-дидхити-рахасья». Чаркварти цит. его по Mitra, III, № 1673, где приводится только отрывок стиха. Полностью он дан в Cat. Burnell, стр. 116.

⁸¹ Как утверждает Пханибхушана (Phañibhūṣaṇa, Введение, стр. 25), Матхура в комментарии к «Киранавали» цитирует своего деда: «ity asmat-pitāmaha-caraṇāḥ».

⁸² *Srī-govinda-pada-dvandvam praṇamya paramādarāt, hr̥di kṛtvā ca nikhilam Sārvabhaumasya sad-vacah, Atma-tattva-vivekasya vyākhyām Didhiti-kṛt-kṛtām prākaśyati yatnena Śrī Rāmah sudhiyām mude.*

Этим стихом Рама хочет сказать, что он — подлинный вишнунит, не только по имени. Последнее лишено интереса, поскольку Матхура тоже часто взывает к Кришне.

⁸³ Одного этого указания достаточно, чтобы опровергнуть сообщение традиции, отмеченное у Митры (*Mitra*, I, № 494), Кантичандры Рарихи («*Navadvīpa-M.*», стр. 62) и Ауфрехта, будто Рама был учеником Рагхунатхи.

⁸⁴ Им не мог быть Васудева Сарвабхаума, как предполагают Гопинатх (*Gopināth*, V, 135) и некоторые другие исследователи. Пханибхушана сообщает (*Phañibhūṣaṇa*, Введение, стр. 25), что в комментарии к «Атма-таттва-вивека-дидхити» Рагхунатхи Рама сопоставляет взгляды нескольких ученых, в том числе и своего собственного учителя («*guru saṅgāḥ tu...*», стр. 24, строка 3). Совершенно невероятно, чтобы Васудева Сарвабхаума высказывал свое мнение по поводу произведения Рагхунатхи, который был младше его и, по всей вероятности, приходился ему учеником.

⁸⁵ Комментарий на P.T.N. напечатан в журнале «*The Pandit*»; «Сиддханта-сара» известна только в рукописи (*Cat. Tanjore*, № 6585). Несомненно, обе работы принадлежат Рамабхадре, поскольку его имя стоит в третьей строке каждого из соответствующих посвячительных стихов к обоим комментариям.

⁸⁶ В мнениях о личности Рамабхадры Сарвабхаумы царит невообразимая путаница. Холл (см. выше, стр. 15) считал его сыном Рагхунатхи (очевидно, спутав титул Рагхунатхи — Широмани с титулом Джанакинатхи — Чудамани). Ауфрехт ошибочно принял родителей Шанкара Мишры за его родителей (ввели в заблуждение рукописи, случайно сшитые вместе). Гопинатх (*Gopināth*, V, 140) исправил ошибку Ауфрехта, но вновь вернулся к теории Холла. Наконец, издатель Танджурского каталога пытается представить его внуком Джагадиши, в то время как он явно был его учителем.

⁸⁷ То, что он был учителем Джагадиши, доказано Чакраварти (*Chakravartī*, ср. 282). Джагадиша в своей «Шабда-шакти-пракашика» приводит цитату из «Ньяя-рахасья» Рамабхадры, сопровождая ее следующим примечанием: «Так говорит мой учитель в своей работе „Ньяя-рахасья“».

⁸⁸ «*Srī-Sārvabhaumasya guruḥ...*» (*Chakravartī*, стр. 282).

⁸⁹ *Gopināth*, V, 149.

⁹⁰ *Tātasya tarka-sarasiruha-kānaneṣu*

Cūdāmaṇer dinamaṇeś caṅgaṇau praṇamya

— посвячительный стих к «Падартха-кхандана-типпани» Рамабхадры (*Mitra*, № 1132, 1495). Вместо «Чудамани» в Танджурском каталоге значится «Тарамани» (№ 5980), а в *Cat. Burnell* — «Чарамани» (№ 123а). И то и другое — явная ошибка.

⁹¹ В посвячительных стихах Джанакинатха обычно фигурирует под этим именем: например, «Бхаттачарья-чудамани» (см. замечание Виндиша о № 1961 в *Cat. I.O.*) или «Ньяя-чудамани» (*Chakravartī*, стр. 273). В посвячительном стихе к «Ньяя-сиддханта-манджари» («*The Pandit*», 29) он называет себя «Джанакинатха Шарман».

⁹² Письмо, насколько мне известно, не публиковалось. Шастри отождествил Чудамани с Рагхунатхой Широмани, однако, хотя титулы обоих имеют одинаковое значение («Тот, чей лоб украшен бриллиантом» и «Тот, чья голова украшена бриллиантом»), я не знаю случая, когда бы Рагхунатху называли «Чудамани».

⁹³ Рукопись находится в частном собрании покойного Харапрасада Шастри. О ней пишут Пханибхушана (*Phañibhūṣaṇa*, Введение, стр. 30) и Бхаттачарья (*Bhattacharya*, XVII, стр. 2).

⁹⁴ Этот отрывок более подробно рассматривается в разделе II, 6.

⁹⁵ Cat. Guj., вып. 4, стр. 12. Указана дата 1709 г. (см. прим.). Рукопись называется «Акашакханданам».

⁹⁶ Согласно преданию, широко бытующему среди современных потомков Гададхары, их предок жил с 1599 по 1703 г. Его литературное наследие огромно, так что он вполне мог прожить столь долго. Во всяком случае, в 1661 г. он получил в дар 360 бигхов земли в деревне Малипота. Эти сведения я почерпнул у Пханибхушана (Phañibhūṣaṇa, Введение, стр. 31).

⁹⁷ «Śabda-kalpadruma», стр. 1791.

⁹⁸ Mitra, I, № 494, «Navadvīpa-mahimā», стр. 65—66.

⁹⁹ Anviksaki-panḍita-maṅḍaliṣu
satāṇḍavair adhyāyanam vināpi
mad-uktam etat paricintya dhīrāḥ
niḥśaṅkam adhyāyanam ātanudhvam

Cat. I.O., № 1954, стих 3, в опубликованном печатном издании текста T.C.R., II, стр. 1, стих 2; T.C.R., IV, стр. 1, стих. 2: «sat-tāṇḍavair».

¹⁰⁰ Kuñcitādihara-putēna pūrayan vaṁśīkam pracalad-aṅguli-tatih
mohayan nikhila-vāmalocanāḥ pātu ko 'pi nava-nīrada-ccaviḥ

Mitra, II, № 1013; неверно: vāma-locanām, ср. Mitra, New Series, I, 21.

¹⁰¹ Navīna-nīrada-śyāma-muñju-muñjula-locanam
vallavī-vallabham vande Vṛndāvana-vihāriṇam
Mitra, III, 1053.

¹⁰² Например, Mitra, Новая серия, I, № 21 и 25; Sāstri, Новая серия, № 10, стих—концовка.

¹⁰³ «iti saṅkṣepaḥ», V.P.R., 83, 5;

«ity āstām vistarāḥ», V.P.R., 2, 93, 4.

Раздел II

¹ Ср. Athalye, T. S., стр. 245 и далее.

² Кейт (Keith, стр. 115, пр. 4) интерпретирует этот пример неверно. Число 50 не «проникает» число 100. Объемы чисел 50 и 100 взаимно исключают друг друга (см. ниже, § 51).

³ Рагхунатха дал анализ этих девяти определений. Под такими наименованиями они фигурируют у Джагадиши: 1, 123, 130 и 134.

⁴ R. Jāg., I, 99—170.

⁵ В последующем изложении я всюду использую слово «знание» для обозначения того, что известно, а не для описания акта познания. Аналогично под «выводом» я понимаю то, что выводится, а не процесс вывода.

Суффикс -ti в gramiti, apamiti, upamiti этимологически соответствует латинскому -ti в словах cognitio, inferentia, etc. В более древних формах санскрита и в неспециальном языке этот суффикс обладает той же двусмысленностью, что и латинский, т. е. под ним подразумевается как процесс, так и результат действия. В европейской философии это послужило источником путаницы. Чтобы избежать подобной путаницы, логики навьянныи употребляли суффикс только во втором значении.

⁶ Я заимствовал такой перевод слова upamiti у Фуше, который высказывает убедительные соображения (Foucher, стр. 148 и далее) в пользу именно этого термина, вместо обычного переводом словом «аналогия». Примером *упамити* является знание «это носорог», которое возникает в сознании каждого, кто впервые видит это животное. Upamiti возникает при виде его через воспоминание об утверждении авторитетного лица, что носорог — одноногое животное, размером несколько меньше слона. Данный пример взят из «Падакритья», комментария Чандрасинхи к T.S. Наяйники утверждают, что upamiti — это независимая форма знания, но фактически она наполовину состоит из вербального знания, наполовину — из вывода.

⁷ Bh. P., 15.

⁸ Bh. P. и S.M., 16—18. Существенной причиной горшка являются атомы, из которых он состоит, косвенной причиной — присущее атомам качество сочетания друг с другом. Гончар считается не действующей причиной (kāraṇa), а «деятелем» (kartṛ). Прочие факторы, такие, как отец гончара и т. п., в расчет не принимаются (Bh. P., 19—22).

⁹ Взаимодействие есть род действия (kriyā), поэтому его следует отличать от особого качества (guṇa) — способности к соединению (конъюнкции), которое присуще обоим телам, вступившим во взаимодействие.

¹⁰ Значение скобок в этом и подобном примерах будет объяснено позднее.

¹¹ T.S., II, 2, vyāpti-viśiṣṭa-pakṣa-dharmatā-jñāna. Проще это же сформулировано в Bh.P. (68): «vyāpyasya-pakṣa-vṛttitva-dhīḥ». Некоторые наивики по-иному интерпретируют определение Гангешы, считая, что viśiṣṭa относится к jñāna, а не к pakṣa-dharmatā (например, см. Аннамбхатта, T.S., 35). Субкомментатор Нилакантха приводит следующее обоснование: нормальная интерпретация не подходит для одного случая ложного вывода, так называемого типа vyabhi-cāri-hetu, при котором hetu (средний термин) в действительности не наблюдается в pakṣa. Но если интерпретировать это определение таким образом, что имеется в виду «знание наличия в pakṣa того, знание чего специфицируется благодаря соотносению с vyāpti», то под подобное определение подходят случаи и истинного вывода, и ложного. Заметим, что вторая интерпретация не только подразумевает расчленение сложного слова, но и меняет значение слова viśiṣṭa.

¹² Фактически это правило является пережитком традиции Старой школы, в которой hetu («доказывающее», т. е. средний термин — в данном случае соответствует дыму) считалось инструментальной причиной вывода. Однако в навья-ньяе выражение «на горе огонь [ввиду] дыма» рассматривалось как сокращенная форма выражения «на горе огонь [ввиду] дыма, проникаемого огнем».

¹³ Трудно сказать, была ли эта теория известна до Гангешы.

¹⁴ Athalye, T.S., 187 и далее.

¹⁵ «Пхалайюга-вьяваччиннам каранам» — ср. Athalye, T.S., 187, без указания на источник. В N.K. значится karaṇam, причем даются ссылки на T.S. и S.P., а также на сочинения по грамматике. Рагхунатха (напр., R. Jāg., I, 70, строка 4) говорит о том, что инструментальная причина непосредственно предшествует результату (phalopahīta), а это равносильно тому же утверждению. По-видимому, это определение было известно Шивадитье в той форме, как оно приводится у Атхалье и в N.K., поскольку в S.P. (Calc., 124) он дает определение апштāпа, под которой понимает инструментальную причину вывода (см. 122), как «того, что отличается от всех прочих причин, не связанных непосредственно с истинным знанием вывода» (apumiti-pramāyogya-vyavacchinnaṃ).

¹⁶ Кейт (Keith, стр. 115) утверждает, что Гангеша также придерживается этой теории. Отрывок, на который он при этом ссылается, приводится ниже (§ 8). Однако ошибочность утверждения Кейта доказывается, на мой взгляд, следующими фактами. Гангеша в T.C. (II, стр. 550) пишет (цит. по Сену): «Инструментальная причина есть знание проникновения, а операция — это усмотрение» («vyāpti-jñānaṃ karaṇam, raḡamarśo vyāraḡaḥ»). Известен ряд других мест, где «усмотрение» называется kāraṇa, а не karaṇa. См. ссылку у Сена (Sen, стр. 8) и T.C. (II, стр. 691—692).

В разделе T.C. о grāmānya-vāda (I, стр. 114—129) говорится, что смысл вывода сводится к тому, чтобы «увидеть средний термин» (līṅga-darśana), а это и есть специальная причина доказательства. Однако эта специальная причина (asādhāraṇa-kāraṇa, T.C. I, стр. 307) не является инструментальной причиной («karaṇa»).

¹⁷ Матхура, T.C., II, стр. 19 (цит. по Сену). О Вишванатхе см. конец S.M., 51 и Bh. P., 66. О Бхаскаре — T.K., стр. 10, строки 24—25.

¹⁸ S.P. Calc. 124; R. Jäg., стр. 70; T.S., 34, 39.

¹⁹ Матхура, Кейт и Сен дают другие интерпретации.

²⁰ *vyūpti-viśiṣṭa-pakṣa-dharmatā-jñāna-janyaṃ jñānam anumitiḥ tat-karaṇam anumānaṃ tac ca liṅga-parāmarśo na tu parāmṛsyamānaṃ liṅgam*

T.C., II, стр. 2. Матхура, комментируя это место, говорит, что «усмотрение среднего термина» означает «знание проникновения, потому, что «усмотрение» нельзя признать инструментальной причиной без соответствующей операции. О сходстве этого замечания с отрывком из «Nyaya-s.-m.» (см. раздел I, стр. 22). Очевидно, это замечание здесь неуместно.

²¹ Он добавляет, что важность его заключается в близости к результату.

²² На санскрите: (1) *Parvato vahnimān* (2) *dhūmāt*; (3) *yatra dhūmas tatra vahnir yathā mahānasādu*; (4) *tathā cāyam*; (5) *tasmāt tathā*.

²³ Фаддегон (Faddegon, стр. 297) замечает по поводу классического пятичленного силлогизма, что «он скорее напоминает наш гипотетический, нежели категорический силлогизм». На то же указывает и Радхакришнан (II, стр. 90).

²⁴ Скобки употребляются с единственной целью показать, что данное выражение представляет собой знание. Хотя в выражении знания в навья-ньяе личный глагол обычно отсутствует (например, во всех текстах, которые приводятся ниже), это вовсе не означает, что он должен отсутствовать обязательно.

²⁵ Соображения навья-ньяи по поводу дизъюнкции и ее отрицания очень напоминают операции с ложными высказываниями (см. ниже, § 35, 36). Но даже и здесь явно прослеживается реализм ньии. Высказывание такого рода, как «либо огонь — вода, либо огонь на этой горе», представляется в форме знания, выраженного сочетанием простого и составного элементов: «Огненность [есть] дизъюнкция (вода V на — той — горе — наличность)». Сложное слово «дизъюнкция (вода V на — той — горе — наличность)» рассматривается как единое понятие, выражающее свойство огня.

²⁶ Это определение взято у Гангешы (T.C., II, 431).

²⁷ S.M., 70. Вишванатха анализирует выражение: «~ (siddhi. ~ siṣādhayīṣā)» и показывает, что возможны следующие ограничивающие случаи:

(1) *siddhi · siṣādhayīṣā*

(2) ~ *siddhi · ~ siṣādhayīṣā*

(3) ~ *siddhi · siṣādhayīṣā*

Таким образом, в S.M. приводится таблица истинности для материальной импликации, хотя о самой материальной импликации нет ни слова. Краткое объяснение таблиц истинности приводится ниже (см. § 35).

²⁸ Поскольку между *s* и *h* имеется отношение проникновения, то *h* может быть равно *s* (см. § 2). В подобных случаях теряется буквальный смысл выражений «большой», «меньший» и «средний» (термины). По этой причине я предпочел сохранить санскритские обозначения — *s*, *h*, *p*.

²⁹ «Вайшешика-сутра» I.1.4.

³⁰ *Gorīnāth*, III, стр. 117 и сл.

³¹ P.T.N., стр. 30—32.

³² Там же, стр. 51.

³³ Там же, стр. 76. Подробности см. в § 49 и 50.

³⁴ P.T.N., стр. 49.

³⁵ Там же, стр. 48.

³⁶ Но подвергает пересмотру традиционный список субстанций и традиционное определение действия. По его мнению, пространство, время и бог — это не различные, а одна и та же субстанция (P.T.N., стр. 1—2). Действие может пребывать лишь в части сущности (P.T.N., стр. 37).

³⁷ Фаддегон восторгается категориями вайшешики (Faddegon, стр. 108—111, 141—146), поскольку сам он — сторонник философии логики Зиггарта. Однако понятно, что нельзя указать на формальное различие между классами и первичными качествами. С точки зрения формальной

логики, категории считаются неприемлемыми, если нельзя указать на их формальное различие. Этим я вовсе не хочу сказать, будто данные категории бесполезны в метафизике или психологии.

³⁸ В Р.Т.Н. Рагхунатха предлагает следующие новые категории: число (saṃkhyā), стр. 75; спецификация (vaiśiṣṭya), стр. 76; сила (śakti), стр. 65; элементарный момент (kṣāṇa), стр. 58; причинность (kāraṇatva), стр. 71; действительность (kāryatva), стр. 74; персонафицирующее свойство (svatva), стр. 62. См. также Н.К., раздел padārtha, где названо еще несколько категорий, приписываемых Рагхунатхе.

³⁹ О неопределенном и определенном знании см.: S. C. Chatterjee, Nyāya Theory of Knowledge, стр. 207—227. Там содержатся сведения о всех классических теориях по этому предмету (в том числе и о теории ньяи). Краткие, но полезные сведения по теории ньяи приводит д-р Саткари Мукурджи в Введении к S.M.Ма. (стр. XV—XX). См. также В.Н., стр. 19—20.

⁴⁰ Если бы это знание было определенным, оно предполагало бы в свою очередь другое неопределенное знание, и так до бесконечности.

⁴¹ В.Н., стр. 20, строка 8. Ср. S.M., стр. 58. Это определение восходит к «Nyāya-vārttika-tātparyā-ṭīkā»; см. Chatterjee, стр. 215, прим. 4.

⁴² Тут описан всего лишь простейший случай определенного знания. Большая часть определенных знаний и все представления являются более сложными конструкциями: они суть viśiṣṭa-vaiśiṣṭyāvagāhī-jñānāni, т. е. «знания, проникающие отношения, в которых находится специфицируемый спецификатор». Например: «Я знаю, это горшок». Здесь знание (jñāna) специфицирует личность знающего «Я», но спецификатор, т. е. знание, в свою очередь специфицируется содержанием: «это горшок». То, что специфицированный спецификатор относится к личности знающего, явствует из выражения «я знаю».

⁴³ Я придерживаюсь традиционного перевода словом «квалификатор», хотя буквально санскритский термин можно передать как «индикатор», или «различитель». Иногда в этом же смысле используется термин «ограничитель» — avacchedaka (см. В.Н., 19 и слово avacchinnavam, 4). Однако ввиду того, что слово «ограничитель» имеет много значений (см. § 22 и далее), я счел за лучшее избежать двусмысленности. Прим. переводчика: употребляемый Д. Инголлом термин qualifier («квалификатор») следует признать неточным, так как он содержит ложный намек на вторую категорию ньяи.

⁴⁴ В системе Рагхунатхи различие между «присущностью» и «Р» полностью стирается; отчасти это относится и к различию между родовой характеристикой и выделяющим свойством (см. § 13).

⁴⁵ «Составное выделяющее свойство», по-видимому, первоначально обозначало свойство, относящееся к объектам различных категорий (см. Н.К., слово sakhaṇḍorādhi). В этом значении bhāvatva (принадлежность к первым шести категориям), kāraṇatva (принадлежность ко всем семи) и т. д. считались составными свойствами. Однако это не соответствует обычному смыслу составного выделяющего свойства, как оно понимается в навья-ньяе. Bhāvatva, например, обычно рассматривается как неделимое, а не как составное свойство (см. В.Н., стр. 8, строки 28—29, Р.Т.Н., стр. 49). Трудно сказать, когда это понятие изменило свое первоначальное значение. Толкование Н.К. лишь вносит путаницу: так pratiyogitva считается составным (см. слово akhaṇḍorādhi), но неделимым (см. слово pratiyogitā); abhāvatva — тоже составным (см. слово sakhaṇḍorādhi), но неделимым (см. слово abhāvatvam).

⁴⁶ См. В.Н., стр. 8, строки 20—23.

⁴⁷ Когда родовая характеристика или простое выделяющее свойство выступают в качестве спецификатора, они остаются неспецифицированными, пока не будут выражены соответствующим образом. Так, в знании «это горшок» спецификатор «горшковость» не специфицирован. Но в знании «горшок — субъект горшковости» горшковость специфицируется «горшковостью-своём». Однако составные свойства рассматриваются по-инно-

му. Даже при отсутствии соответствующего выражения они специфицируются своими частями. Например, «смертность» (*maraṇatva* — свойство, общее для всех случаев смерти) определяется как «прекращение дыхания в форме вдохов и выдохов». В знании «он мертв» спецификатор «смерть» специфицируется «смертностью», которая остается не выраженной в явной форме. Несмотря на это, она в свою очередь специфицируется «прекращением дыхания» и «прекращением выдыхания» (B.N., стр. 19, строки 12—17).

⁴⁸ Я формулирую этот принцип несколько отлично от источников ньяя, где говорится просто о непрямом отношении (*paraṅpraṅgāyā*) в таких случаях (ср. *Athalye*, T.S., 92; S.P., изд. Гхате, прим. к разд. 174; S.P. Calc., «*Padārthacandrikā*», 145).

⁴⁹ В «Киранавали» (V.D., стр. 33, строки 7—8) и в S.M. (8) приводится список шести случаев, когда невозможно указать родовую характеристику. Наиболее важные из них — *vyakter abheda*, *anavasthiti*, *asambandha* — охватываются приведенными выше правилами. Остальные ситуации таковы: (1) *saṅkṛga* — перекрестное соединение, когда объект не может обладать характеристиками двух различных родов, ибо один род включает в себя другой; впрочем, в Новой школе это обычно не считается препятствием (см. S.M. «*Dīnakaṛiṅya*», стр. 72, строки 7—8); (2) *gūrahāni* — природное противоречие, пример которого дают *viśeṣāḥ*: поскольку они определяются как элементарные разности, они не могут иметь общих родовых характеристик; (3) *ṭulyatva* — тождественность, например *ghaṭatva* и *kalāśatva* не могут обе быть родовыми характеристиками: и то и другое означает «горшковость».

⁵⁰ Ср. S.P. Calc., где говорится, что *jāti* и *upādhi* являются двумя вариантами *sāmānya* (41). См. также T.K., стр. 20, строка 12. Не исключено, что *sāmānya* может также употребляться в качестве родовой характеристики единичных классов (например, «этот-дом-овость», но Матхура находит такое употребление неестественным — ср. его комментарий V.P.R., 42, 6—7). Часто *sāmānya* переводится выражением «в целом»; так, в V.P.R., 41, 6 — *sādhya-sāmānya* «для садхьи в целом».

⁵¹ *Athalye*, стр. 227, стр. 35, толкует это место ошибочно.

⁵² Причина, по которой в подобных случаях чаще используются выражения «специфицируемое» и «спецификатор», заключается в том, что в эпистемологии ньяя знание такого рода, как «горшок на земле нет», объясняется только природой отсутствия существования спецификатора того (земля), с чем находится в контакте орган чувств (глаз). В такого рода знании, как «горшок на земле», термины «специфицируемое» и «спецификатор» используются скорее в грамматическом, чем в эпистемологическом значении.

⁵³ О более точном различии между двумя значениями *prakāra* см. § 20.

⁵⁴ В одном разделе V.P.R. Матхура проводит различие между *x-vat* и *x-adhikaragaṇa*, но это различие — чисто словесного характера (ср. прим. к V.P.R., 94.10—95.2). Другие притяжательные суффиксы, например *-in*, также могут быть использованы для выражения этого отношения (например, *kari-samyogi*, *dandi*, etc.).

⁵⁵ Позднее (§ 43) будет показано, что ньяя занимается также анализом отношений более чем двух терминов, представляемых в виде ряда отношений, каждое из которых состоит из двух терминов.

⁵⁶ *Pratīyogi* употребляется в ньяе еще и в другом значении, а именно «контрпозитива», который рассматривается в § 28.

⁵⁷ Более точное определение требования сопутствования (встречаемости) дается в § 44.

⁵⁸ B.N., стр. 10, сноска.

⁵⁹ Замечания по поводу терминологии см. в § 55.

⁶⁰ Эти символы были впервые предложены Сенем.

⁶¹ Именно таким способом образовывали термин *ṛttitva* сами наийики. Матхура оспаривает допустимость подобного анализа для тех случаев,

когда *vr̥ttitva* оказывается на конце сложных словосочетаний с отрицательным значением. О его аргументации см. V.P.R., 14.5 и примечания.

⁶² Вопрос о природе этих свойств послужил для навья-найяиков предметом обширной дискуссии. Если судить по N.K., в традиционной теории эти свойства часто путали с выделяющими свойствами (см. § 15): N.K., слово *pratiyogitā*, стр. 535, строка 13 — «*akhaṇḍo dharmā-viśeṣaḥ pratiyogitā iti sampradāyaḥ*», слово *ādhāratā* — *ayaṃ cāhaṇḍopādhiḥ*. С другой стороны, Рагхунатха и его последователи, очевидно, считали, что эти свойства сохраняют природу отношений: N.K., слово *pratiyogitā*, стр. 534, строки 17—18: «*tas ca svarūpa-sambandha-viśeṣaḥ*» (цит. из «Дидхити»). Ср. также слова *adhikaraṇatā*, *nirūpakatā*. Некоторые из этих свойств назывались *viśayatā-viśeṣa* — «типы содержания» (слово *sādhyatā*, слово *viśeṣaṇam*, стр. 787, последняя строка). «Содержание» — это характеристика, придающая объекту свойство образовывать содержание знания. «Содержание» может быть само по себе специфицировано как тип отношения Р (*svarūpa-sambandha-viśeṣa*, слово *viśayaḥ*).

⁶³ *parvata-niṣṭhādhikaraṇatā sā vahni-nirūpitā*.

⁶⁴ Ср. Сен (Sen), стр. 28. Как правило, абстракция используется вместо простой формы выражения в тех случаях, когда требуется обобщить несколько примеров. Так, если гора, очаг и перекресток дорог все оказываются «местами» различных огней, то место₁ для всех трех обнаруживается * не «огнем», а «огненностью».

* Проведенное самим Д. Инголлом различие полностью исключает возможность принятого им перевода термина *nirūpaka* английским словом *descriptor* (прим. перев.).

⁶⁵ По крайней мере это справедливо для описанных выше типов «адъюнкта». Относительно (адъюнкта отсутствия)₁ — см. ниже, § 28.

⁶⁶ *parvata-niṣṭhādhikaraṇatā sā vahni-niṣṭhādhēyatā-nirūpitā*.

⁶⁷ Исключение, как будет показано позже, составляют те случаи, когда второй термин ограничен первым. Например, свойство контрпозитивности, которое есть абстракция отношения между *x* и $\sim x$.

⁶⁸ N.K., слово *viśeṣyaḥ*.

⁶⁹ B. N., стр. 14.

⁷⁰ N.K., слова *viśayi*, *nirūpakatvam*.

⁷¹ Я приношу благодарность за эти сведения Шри Калипада Таркачарье.

⁷² *Vahnimān parvata ity atra parvata-niṣṭha-viśeṣyatā sā vahni-nirūpita-parvatatvāvacchinna-viśeṣyatā, vahni-niṣṭha-prakāratā ca sā parvata-nirūpita-vahnitvāvacchinna-prakāratā*.

⁷³ *vahnitvāvacchinna-sādhyatākānumiti*.

⁷⁴ Здесь и далее всюду, где это не ведет к двусмысленности, я вместо выражения «обнаруживаемое» чем-либо употребляю просто «для чего-либо»... Об использовании аналогичного сокращения в санскрите см. § 58.

⁷⁵ *Daṇḍatvaṃ ghaṭa-nirūpaka-nimitta-karaṇatvāvacchedakatvam* (ср. N.K., слово *avacchedakatvam*, строка: 16).

⁷⁶ N. K., слово *avacchedakatvam*. Ср. также R. Jāg., стр. 260, строка 6, хотя там приводится только частный случай ограничения контрпозитивности.

⁷⁷ См. S.M., Bh.P., 3.

⁷⁸ Из пяти определений «Вьяпти-панчака» только четвертое содержит слово «все» (*sakalā*).

⁷⁹ Аналогичный пример см. в V.P.R., 82.1—6.

⁸⁰ Аналогичный пример см. у Шив. Мишры (Siv. Miśra), 24.11 и далее.

⁸¹ Однако огонь в вышеприведенном примере можно считать ограничителем положения, поскольку огонь специфицирует гору в знании «на горе огонь».

⁸² *Vahnimān dhūmād ity atra dhūma-niṣṭha-hetutāyāḥ saṃyoga-sambandhāvacchinnatvam*.

Это истинное утверждение можно выразить также посредством высказы-

вания. «дым проникается огнем только в отношении контакта» (dhūmaḥ saṃyoga-sambandhenaiva vahni-vyūṛyaḥ).

⁸³ В.Н., стр. 13, строка 8.

⁸⁴ Ср. В.Н., стр. 19, строки 4—7 и Н.К., слово viṣayaḥ. В числе такого рода свойств называют 'пакшу', 'субъюнкты' и иногда «специфицируемое». Примером последнего может служить специфицируемое, присущее человеку в знании «этот человек красив», по той причине, что в данном знании человек выступает в качестве «вместилища» красоты. Можно сказать, что красота встречается в человеке через неотъемлемую присущность, но не наоборот.

⁸⁵ Отношение между горшком и его половинками (karālau) — излюбленный пример вывода в навья-ньяе. Способ изготовления горшков индийскими гончарами отличается тем, что сперва делаются обе половинки, а затем они соединяются (см. у Foucher, стр. 103). На первый взгляд может показаться, что место₁ в половинках горшка в (5) ограничивается отношением «быть присущим неотъемлемо», однако следует заметить, что знание, выраженное в (5), независимо от того, что из него следует, фактически не содержит отношения «быть присущим неотъемлемо».

⁸⁶ Этимологически «sat» означает «то, что существует», или «существующее» (субстантивированное причастие). Sattā — это абстрактное существительное, образованное из первого, и этимологически оно означает «существование», или «бытие».

⁸⁷ Вh.P., 8.

⁸⁸ Этимологически субстантивированное причастие bhāva означает «становящееся», а существительное bhāva (о котором идет речь в тексте) — это образованная из него абстракция, означающая «становление».

⁸⁹ Ср. Quine, стр. 151.

⁹⁰ В своих сочинениях найинки редко дают себе труд провести различие между адъюнктом отсутствия и адъюнктом отношения (saṃsarga-pratīyogī), называя и то и другое просто pratīyogī и предоставляя читателям возможность догадываться из контекста, о чем идет речь.

⁹¹ Когда мы говорим «этот огонь отсутствует в озере», мы тем самым отрицаем его контакт с озером. Ограничивающее отношение контрпозитива₁ должно быть выражено в явном виде во всех логических выкладках, поскольку нет такого отсутствия, контрпозитив к которому можно было бы усматривать во всех отношениях. Всегда найдется некоторое отношение (одновременности, непрямого контакта и т. п.), при котором контрпозитив будет скорее присутствовать, нежели отсутствовать в любом заданном месте (ср. В.Н., стр. 15).

⁹² «Jalahradaḥ saṃyoga-sambandhāvacchinna-vahnitvāvacchinna-pratīyogitā-nirūpaka-vahny-atyantābhāvavān». О применении nirūpaka см. следующий параграф.

⁹³ См. пример из предыдущей сноски.

⁹⁴ Например, в V.P.R., 51.2—4.

⁹⁵ Например, в V.P.R., 100.5.

⁹⁶ «Sādhyābhāvacchavad-avṛttitvaṃ hetor». Это — первое определение из «Vyūrti-ṛaṅśaka». То же можно выразить также следующим образом: «Отсутствие в 'хету' встречающегося, обнаруживаемого местом 'садхья'» — «sādhyābhāvādhikaraṇa-nirūpita-vṛttitvābhāvo hetau» (см. прим. 74).

⁹⁷ «Sādhyābhāvaḥ sādhyatāvacedaka-sambandhāvacchinna-sādhyatāvachedakāvacchinna-pratīyogitāko bodhyaḥ» (V.P.R., 29.1—4).

⁹⁸ Поскольку земля, неотъемлемо присуща земле.

⁹⁹ Ср. В.Н., стр. 18: «Daṇḍī nāsty ity atra daṇḍīni pratīyogini viśeṣaṇa-tayorasthito daṇḍo daṇḍi-gatā-pratīyogitāyā avachedakaḥ». Ср. аналогичный пример в V.P.R., 97.23—98.4 и примечание к нему.

¹⁰⁰ «Sādhyavat-pratīyogikānyonyābhāvacchavad-avṛttitvaṃ hetor». Это — один из вариантов формулировки определения в «Vyūrti-ṛaṅśaka».

¹⁰¹ [Atrānyonyābhāvaḥ] sādhyavatvāvacchinna-pratīyogitā-nirūpakaḥ (V.P.R., 100.1—7).

¹⁰² Отметим, что огонь и свойство «(место огня)₁» могут специфици-

ровать или ограничивать один и тот же объект, однако это совершенно разные вещи. С другой стороны, огонь и место огненности представляют собой одну и ту же вещь (ср. § 11).

¹⁰³ Если это знание принимает форму выражения «отсутствие огня в озере», то озеро понимается как спецификатор отсутствия огня. Таким образом, знание отсутствия есть *viśeṣaṇa-viśeṣya-bhāva*, т. е. может выступать в качестве знания спецификатора либо специфицируемого. Однако здесь существует различие, которое можно провести лишь в самом знании. Какую бы форму ни приняло его выражение, а именно: «Озеро обладает отсутствием огня» или «В озере отсутствует огонь», — отношение, существующее между отсутствием огня и озером в действительности, будет называться *abhāvīya-viśeṣaṇatā-viśeṣa-sambandha*.

¹⁰⁴ Обычно это будет отношение \bar{P} , как показано выше (§ 29). Но иногда может быть временное отношение или отношение содержания (ср. § 53 и 55).

¹⁰⁵ «*Samyoga-sambandhāvacchinna-vahnitvāvacchinñādhikaraṇatā*».

¹⁰⁶ «*Samyoga-sambandhāvacchinna-vahnitvāvacchinñādheyatā - nirūpitādhikaraṇatā*».

¹⁰⁷ «*Sādhyatāvachedaka-sambandhāvacchinñābhāvaḥ*».

¹⁰⁸ «*Sādhyatāvachedaka-sambandhāvacchinna-pratīyogitā - nirūpakabhāvaḥ*».

¹⁰⁹ *Cālani* означает «сито», «*Sabda-kalpadruma*» дает объяснение *cālani-pūya* (стр. 1794) по аналогии с просеиванием зерен риса через сито. Штраус упоминает *cālani-pūya* в его специальном смысле, указанном выше (Strauss, Z.J.J., т. 3, стр. 117).

¹¹⁰ См. Quine, стр. 101—102.

¹¹¹ Именно: «(x) ($x \in$ класс горящих тел \subset (y) (\sim (x встречается в y)) \supset (z) ($z \in$ класс дымящихся тел $\supset \sim$ (z встречается в y)))».

¹¹² «*Dhūme samyoga-sambandhāvacchinna-vahnitvāvacchinna-pratīyogitā-nirūpakābhāvādhikaraṇa-nirūpita-vṛttitva-sāmānyābhāvaḥ*».

¹¹³ «...*vahnī-abhāvādhikaraṇa-nirūpita - samyoga - sambandhāvacchinna-vṛttitvāvacchinna-vṛttitvānavachedakatā dhūmatve*» (см. Siv. Miśra, стр. 67, строка 9) (*vṛttitvāchedaka* напечатано по ошибке, должно быть *vṛttitvānavachedaka*, ср. S.M., 68, последнее предложение). *Vṛttitvāvacchinna-vṛttitva* = (родовое встречающееся)₁.

Нельзя сказать: «Имеется отсутствие встречающегося₁, контрпозитив₁ к которому ограничен встречающимся₂ и дымом₁, который описывается местом отсутствия огня и т. п.», поскольку нет такой вещи, как встречающееся₁, одновременно ограниченное и дымом₁ и местом отсутствия огня. Отрицать такое встречающееся₁ значило бы отрицать нечто, не являющееся объектом, а это недопустимо, как будет пояснено ниже (§ 33). В выражении (5) противоречие ограничители встречающегося₁ разделены, а потому оно является допустимым.

Точно так же те из западных логиков, которые возражают против выражения «для всех x , x не есть квадратный треугольник», считая его лишеным смысла, не станут возражать против выражения «для всех x ; если x квадрат, то x не треугольник».

¹¹⁴ «*ḥīneyatve vācyatvādhikaraṇa-niṣṭhābhāva-nirūpita-pratīyogitā-sāmānyābhāvaḥ*».

¹¹⁵ Для неспециалистов смысл выражения «функция истинности» коротко разъясняется в сноске ¹¹⁷. Аристотелевская традиция, по крайней мере в течение классического периода, не подозревала о возможности этого раздела логики. В то же время стоики, логика которых была пропозициональной, понимали природу функции истинности. Значение их логики было осознано лишь недавно, главным образом благодаря исследованиям Яна Лукасевича. Я признателен проф. У. В. О. Куайну, обратившему мое внимание на статью Лукасевича в «*Erkenntnis*».

¹¹⁶ Это определение взято из «*Vācaspatya*» (см. слово *anyantara*). «*Sabda-kalpadruma*» (т. I, 1821) содержит такое же определение, но без

первого слова, bheda. Вне всякого сомнения, это определение было известно в течение многих столетий.

¹¹⁷ Такие определения легче всего объясняются при помощи таблиц истинности, ср. Quine, гл. I. Ниже приводится краткое изложение указанной главы. Таблицы истинности для «и»:

$\frac{p}{T}$	$\frac{q}{T}$	$\frac{q}{T}$
F	F	T
T	F	F
F	F	F

здесь p обозначает любое высказывание, например: «Джон — высокого роста»; q также — любое высказывание, например: «Мэри — низкого роста». Колонки под p и q представляют различное распределение истинности (Т) и ложности (F) этих высказываний. Колонка под « \wedge » показывает результирующую истинность или ложность сложного высказывания « p и q ». Сложное высказывание оказывается истинным только при единственном распределении значений истинности p и q .

Таблица истинности для подраздательной дизъюнкции (латинское «vel» — «либо одно, либо другое, либо оба»):

$\frac{p}{T}$	$\frac{V}{T}$	$\frac{q}{T}$
F	T	T
T	F	F
F	F	F

Сложное высказывание « p или q » истинно при трех распределениях значений истинности его терминов. Оно ложно лишь в том случае, когда и « p » и « q » ложны. « \equiv » — символ эквивалентности. « \vee » — символ подраздательной дизъюнкции. Отсюда определение: « $p \vee q \equiv \sim(\sim p \cdot \sim q)$ ». Подраздательную дизъюнксию следует отличать от другого способа упорядочения «или» (латинское «aut», при котором оно обозначает: «либо один, либо другой, но не оба», например: «Он в Нью-Йорке или в Бостоне»). «И» и «или», соединяющие два высказывания, называются функциями истинности или, как это принято у некоторых логиков (например, у Уайтхеда и Рассела), пропозициональными функциями, поскольку значение истинности сложного высказывания, части которого ими соединены, определяется исключительно значениями истинности его компонентов. Когда элементы, соединяемые посредством «и», «или» и т. п., не являются высказываниями, эти слова называются просто «связками».

¹¹⁸ В математической логике это называется «альтернативным отрицанием», поскольку « $\sim(p \cdot q)$ » эквивалентно « $\sim p \vee \sim q$ ».

¹¹⁹ Вопреки мнению Сена (Sen, стр. 26) ubhayābhāva может относиться к « $\sim p \cdot \sim q$ », так же как к « $p \cdot \sim q$ » и « $\sim p \cdot q$ ». В противном случае ubhayā («оба») относилось бы к « $\sim p \cdot \sim q$ ». Эмпирическую проверку этого см. в последней вставке к S.M. (69, стр. 313, строка 14), а также в «Rāmagadgīya» (стр. 114, строка 7), где говорится, что подстановка « $\sim(p \cdot q)$ » вместо « $\sim p \cdot \sim q$ » в этом отрывке поможет устранить «авьяпти» (определение проникновения, которое оказывается недостаточным во всех случаях). Там нет речи о том, что эта подстановка ликвидирует «асамбхава» (определение, применимое только в ложных случаях).

¹²⁰ В математической логике это называется совместным отрицанием, поскольку « $\sim(p \vee q)$ » эквивалентно « $\sim p \cdot \sim q$ ».

¹²¹ Ср. Sen, стр. 25—26.

¹²² Sen, стр. 25.

¹²³ Видовое отсутствие означает в сущности отсутствие попарной конъюнкции. Использование термина viśiṣṭa в смысле «сопутствующее чем»

либо» будет рассмотрено ниже (§ 41). «Отсутствие дыма на горе» эквивалентно «отсутствию попарной конъюнкции 'дымности и встречающегося, обнаруживаемого горой'». Следовательно, этот тип отсутствия подразделяется на три меньших типа, в зависимости от того, какое именно отсутствие имеется в виду: первого термина, второго термина или обоих (ср. N.K., слово *viśiṣṭam*).

¹²⁴ Закон этот носит имя английского логика XIX в. Однако он был известен еще Петру Испанскому и другим средневековым логикам (ср.: *Lucasiewicz*, стр. 122).

¹²⁵ Если бы он осознал этот принцип, то, вероятно, должен был в явном виде сформулировать (3).

¹²⁶ Ср. Quine, стр. 181. Если a = класс санскритологов, а b = класс логиков, то сумма a и b , записанная в виде « $a \cup b$ », будет представлять класс, состоящий из всех членов a и всех членов b , т. е. класс, включающий всех санскритологов и всех логиков. Произведение a и b , записанное в виде « $a \cap b$ », представляет собой класс, все члены которого — одновременно члены a и b , т. е. класс, включающий санскритологов, которые являются и логиками.

¹²⁷ «*Viśeṣābhāva-kūṭānaṃ sāmānya-dharmāvacchinna-pratīyogitākātvaṃ svīkrīyate*», N. K., слово *abhāvaḥ* (стр. 66, строки 18—19): цитата из «Дидхити» Рагхунатхи.

¹²⁸ Это предложение носит софистический характер. По признанию самого Матхурь, отсутствия с одинаковыми ограничителями тождественны.

¹²⁹ Термин *abhāva-kūṭa* в данном отрывке Матхурой фактически не применяется, его вводит автор «*Tīpraḍī*» (Т.С., ч. II, стр. 43).

¹³⁰ Определение равенства по Куайну (стр. 136):

$$\Gamma(\zeta = \eta)^1 \text{ для } \Gamma(a)(a \in \zeta \cdot \equiv \cdot a \in \eta)^1.$$

Это означает, что ζ равно η , если все члены ζ являются членами η , и наоборот.

¹³¹ Например, «Джон — отец Уильяма» эквивалентно «Уильям — сын Джона».

¹³² Тождество можно определить следующим образом: « p тождественно q » означает « p есть тот же единичный объект, что и q ». Не все современные логики различают равенство и тождество. В системе Куайна определение равенства (см. сноску 130) применимо как к классам, так и к индивидуальным понятиям.

¹³³ Ср. *Siv. Miśra*, 44.10, 45.2.

¹³⁴ Ср. § 27 и S.M., 12: «*anyonyābhāvatvaṃ tādātmya-sambandhāvacinna-pratīyogitākābhāvatvaṃ*».

¹³⁵ Проф. Куайн обратил мое внимание на то, что интуиционистская логика отрицает эквивалентность $\sim\sim a$ и a . Она признает, что a имплицирует $\sim\sim a$, но не что $\sim\sim a$ имплицирует a . Интересным моментом при сравнении ее с навье-ньяей является то, что интуиционисты избегают бесконечного ряда, точь-в-точь как Рагхунатха: они допускают эквивалентность $\sim a$ и $\sim\sim a$ (см.: *Heyting*, стр. 49, формулы 4.3, 4.31 и 4.32).

¹³⁶ Излюбленный пример в навье-ньяе; он приводится в S.M., 68 (в конце); в V.P.R., 65.5—6 и 67.1—4.

¹³⁷ Термин «специфицируемое» (*viśiṣṭa*) здесь употребляется несколько в ином смысле, чем в § 17. Там его можно было бы определить как «отличающееся чем-либо» (*vyāvartita*), — мы говорили, что голубой горшок специфицируется горшковостью и голубизной. Здесь же он обозначает «сопутствующее чем-либо» («*atra vaiśiṣṭyaṃ ca sāhityaṃ-sāmānādhikarāṇyaṃ vā jñeyaṃ*», N. K., слово *viśiṣṭam*), и мы можем сказать, что голубой горшок есть место горшковости, специфицированное голубизной. В таком случае наша специфицированная реальность есть родовая характеристика, сопутствующая отличностью от качества или действия. Эта «отличность от качества или действия» (*guṇa-karmānyatva*) может быть также интер-

претиривана как «свойство, характерное для того, что отлично от качества или действия».

¹³⁸ Отметим, что «ошибка в сопутствующем», т. е. подстановка специфицированной реальности вместо чистой реальности, согласно определению 1 «Вьяпти-панчака», невозможна. Если мы скажем: «[Это] обладает субстанцией, потому что [оно обладает] реальностью», то ложность данного высказывания может быть доказана, несмотря на тот факт, что специфицируемая реальность не встречается в качестве и в действии. Наше определение требует, чтобы никакое 'хету' не находилось в месте —, а чистая реальность безусловно является 'хету'. Такая ошибка в сопутствующем, однако, встречается, если проникновение определяется по-другому. Например, она появляется в определении 4 «Вьяпти-панчака» (ср. V.P.R., 96.1—3).

¹³⁹ Ср. с § 22, где показано, что кривой прут, как прут, обладает свойством «причина для горшка», но из-за своей искривленности не может служить причиной горшка.

¹⁴⁰ Благодаря применению этого принципа автор S.M. (68, последние два предложения) избегает ошибки. Метод Матхуры (V.P.R., 64.1—4) оказывается несколько сложнее (см. прим. к соответствующему отрывку).

¹⁴¹ V.P.R., 59.3—61.2, 63.6—8, 64.1—4, 91.1—92.6, 95.3—8, 96.1—3, 101.18.—102.7.

¹⁴² О взаимном отсутствии взаимного отсутствия ($\dot{\div} \div x$) см. прим. к V.P.R. (141.1—5).

¹⁴³ Ср. аргументацию, которую предлагает Матхура для обоснования «— $x = x$ » (II, § 40).

¹⁴⁴ Далее следует изложение по V.P.R., 44.1—3.

¹⁴⁵ «Pratīyogitāvacchedakavat pratīyogy aṇu aṇuṇyābhāvābhāvaḥ» (V.P.R., 50.1).

¹⁴⁶ Т. е. «для всех x , — $\dot{\div} x \dot{\div} x$ или $\dot{\div} x \dot{\div} x_1$ ».

¹⁴⁷ P.T.N., Комментарий, стр. 56, строки 9—11. Та же теория, но без имени автора приводится у Матхуры (V.P.R., 93.1—4).

¹⁴⁸ B.N., стр. 10, и S.M., 18.

¹⁴⁹ Цвет является одним из 24 качеств, поэтому он встречается в субстанциях в виде присущности.

¹⁵⁰ Согласно B.N. (стр. 16), piyātaka и avacchedaka фактически синонимы. В большинстве текстов употребление avacchedaka вместо piyātaka объясняется просто терминологической традицией (prayoga).

¹⁵¹ B.N., стр. 11, строка 10.

¹⁵² Рагхунатха полагал, что присущность также может быть отношением неполного сопутствования. Например, считается, что краснота присуща красному горшку, но если мы разобьем горшок, то обнаружим, что только внешняя поверхность черепка красна, а остальная часть черная. Точно так же черная корова может иметь белую морду и т. п. (P.T.N., стр. 32).

¹⁵³ B.N., стр. 17.

¹⁵⁴ Ср. N.K., слово avacchedakatvam (стр. 84, строки 18—22). «Иногда место x может ограничивать то, что находится в x . Поскольку контакт с обезьяной находится на дереве, но не в корнях, а в ветвях и т. п., то корень, который есть место дерева, выступает в роли ограничителя отсутствия контакта с обезьяной, каковое отсутствие пребывает в дереве, а ветвь является частью дерева и служит ограничителем контакта с обезьяной, который находится на дереве».

¹⁵⁵ Śiv. Miśra (60.10—12) отмечает это как явное противоречие и объясняет его как было указано выше, т. е. как случай особого значения слова «ограниченный» в понятии «неограниченное».

¹⁵⁶ B.N., стр. 9; Sen, стр. 19—20. Краткие и малосодержательные заметки по поводу этого и следующих трех типов отношений можно найти в N.K.

¹⁵⁷ Подобная теория выглядит довольно неестественной, и единственным оправданием для нее может служить ее древность. Еще Шанкара-

чарья заметил («Brahma-sūtra-bhāṣya», II, 2.13), что если для связывания контакта с находящимися в контакте объектами необходима присущность, то почему не возникает потребность в еще одном объекте для связывания присущности с контактом?

¹⁵⁸ S.M., II; B.N., стр. 9; Sen, стр. 20; Keith, стр. 196—198.

¹⁵⁹ Рагхунатха это отрицает (см. § 13).

¹⁶⁰ По мнению Рагхунатхи, полное сопутствование здесь не является обязательным (см. прим. к § 45).

¹⁶¹ Bh.P., 24. Здесь, однако, существует исключение. Эти субстанции могут быть присущи mahā-kāla (универсальное время, противопоставляемое мировому времени).

¹⁶² Рагхунатха с этим не согласен; см. § 50, ниже.

¹⁶³ Sen, стр. 20, 21. О критике этой концепции другими школами см. Радхакришнан, II, стр. 54—55.

¹⁶⁴ Ср. N.K., слово *śaṣṭhi*.

¹⁶⁵ Как замечает Рагхунатха в P.T.N. (стр. 76), в таком случае вода имела бы запах. Но запах предполагается специфическим свойством земли (ср. также Kālipada, Sūktidīpikā, стр. 38, последние четыре строки). В своей «Bhāṣya-tātparyāya» (стр. 41) издатель предлагает интерпретацию традиционной теории, позволяющую обойти отмеченное Рагхунатхой противоречие.

¹⁶⁶ B.N., стр. 12; N.K., слово *parūṛti*; стр. 80—81.

¹⁶⁷ «Двоичность, троичность и т. д. относятся через 'парьяпти' только к двум, трем и т. д., но не к каждому из элементов двух или трех. Они связаны друг с другом отношением присущности» (N.K., стр. 490, строки 7—8).

¹⁶⁸ «А эта 'парьяпти' есть разновидность видового отношения, она порождает понятия „это горшок, это два горшка“ и т. д. Троичность и т. д. не встречается в тех же местах, что и двоичность и т. д.» (R. Jāg., I, стр. 262). Сравним с определением числа по Фреге: «Die Anzahl, Welche dem Begriffe F zukommt, ist der Umfang des Begriffes „gleichzahlig dem Begriffe F“» (G. Frege, Die Grundlagen der Arithmetik (Breslau, 1884, стр. 79—80).

¹⁶⁹ См. Quine, стр. 238.

¹⁷⁰ Согласно «Вайшешика-сутре» (I/I/16), качество может только быть присуще субстанциям. Число определяется в смысле «качество». Но как в таком случае объяснить выражение «четыре качества»? Концепция 'парьяпти' предлагает выход из создавшегося затруднения (ср. N.K., слово *parūṛti*, стр. 490, строки 10—12).

¹⁷¹ Гададхара развил теорию 'парьяпти', но совсем в другом направлении. Он использовал отношение 'парьяпти' для определения распространенности ограничителя₁. 'Садхья'₁ может иметь большее или меньшее число ограничителей либо же ее ограничители могут распространяться или не распространяться на всю родовую характеристику в целом. Гададхара и его последователи говорят, что ограничитель₂ (*avacchedakatātvā*) связан с распространенностью ограничителей отношением 'парьяпти'. Благодаря частому употреблению последней в этой функции при формулировке определений «проникновения», была достигнута более высокая точность определения. Истоки этого метода можно найти у Рагхунатхи (например, R. Jāg., I, 128, строка 4), но его полной разработкой мы обязаны Гададхаре.

¹⁷² B.N., стр. 11. Объяснение Сена (стр. 21) несколько отличается от моего.

¹⁷³ Отметим, что это значение «выделяющего свойства» несколько отличается от его значения в § 15. Здесь оно употребляется в смысле, более характерном для веданты.

¹⁷⁴ См. S. M., 46.

¹⁷⁵ Фактически это отношение представляется еще более сложным, поскольку месяц образуется путем последовательного сложения огромного числа множеств из четырех элементарных моментов (*kṣāṇa*). Эти моменты

являются наименьшими возможными выделяющими свойствами времени — как бы атомарными свойствами.

¹⁷⁶ В В.Н. (стр. 11, прим. 2) специально сказано, что это отношение, хотя и косвенное, есть отношение, требующее обязательного сопутствования. Общепринятая практика обычно соответствует подобному утверждению. Например: «Огонь встречается в озере через отношение времени». Все другие не прямые отношения, кроме этого (по крайней мере теоретически), считаются отношениями, не требующими обязательного сопутствования (В.Н., стр. 11, строка 10).

¹⁷⁷ Я заимствовал разъяснение этого аргумента у Сена (Sen, стр. 21).

¹⁷⁹ Этот прием может быть использован и для случая именованного отношения с требованием обязательного сопутствования, о которых шла речь выше. Так, отношение горшка к земле может быть определено не как *saṃyoga* — «контакт», а как *sva-saṃyuktatva-sambandha*, букв. «отношение контактируемости, т. е. «свойства земли контактировать с горшком». В подобных выражениях *sva* (-ся) всегда относится к первому члену отношения.

¹⁷⁹ *Siv. Mīśra* (стр. 40) утверждает, что иногда отношение непроникающего может быть отношением обязательного сопутствования.

¹⁸⁰ N. K., слово *lakṣaṇābhāsaḥ*; Keith, стр. 153—154; Радхакришнан, I, стр. 47.

¹⁸¹ Под этим здесь понимается особый тип проникновения, при котором проникающее (здесь = «определяющее») и проникаемое (здесь = «определяемое») равны (одинаково распространены).

¹⁸² Это отмечено Кейтом (Keith, стр. 153).

¹⁸³ «*lakṣaṇasya kevala-vyatireki-hetutve prayojanam*» (N.K., слово *lakṣaṇam*).

¹⁸⁴ Sen, стр. 26—27.

¹⁸⁵ Для большей точности отметим, что она не вступает в косвенное временное отношение второго типа (где третьим членом отношения выступает временной интервал).

¹⁸⁶ Матхура, Т.С., IV, стр. 202, строка 1; IV, 2, стр. 276, строка 1; Sen, стр. 27; N.K., слово *vyadhikarānadharmāvacchinnavādi*. Имя его пишется по-разному (см.: *Gopīnāth Kavirāj, Sondala Upādhyāya, Princess of Wales Sarasvatī Bhavana Studies, II, стр. 199*).

¹⁸⁷ Гангеша, Т.С., II, 54. «Свойство, которое не встречается в контрпозитиве, не может ограничивать контрпозитив» («*pratiyogy-avṛttiś ca dharmo na pratiyogitāvacchedakaḥ*»).

¹⁸⁸ Это утверждение и весь конец § 57 базируются на методике, предложенной Матхурой. Затрудняюсь сказать, насколько его практика согласуется в этом отношении со взглядами других представителей навья-ньяя.

¹⁸⁹ См. § 32, прим. 113, в конце.

¹⁹⁰ См. § 16, прим. 50.

Приложение

¹ C. Goekoop, *The Logic of Invariable Concomitance in the Tattva-sintāmaṇi*, D. Reidel, Dordrecht, 1967.

² Букв. «соображения о выведении».

³ Под «возражениями» здесь понимаются все выдвинутые оппонентами определения проникновения.

⁴ Вывод с повсеместно присутствующим субъектом доказательства называется общеутвердительным.

⁵ Определения пронумерованы мною.

⁶ Универсальное отсутствие — это такое отсутствие, контрпозитив которого есть «универсалия».

⁷ В Т.С. последний раздел гл. VII озаглавлен «Четыре *ata eva*» (*ata eva caṣṭuṣṭayam*), поскольку фраза «*ata eva*» («вот почему») встречается в нем четыре раза. Но третье *ata eva* не дает нового короллария: в итоге их всего три.

⁸ Здесь мы имеем, строго говоря, не отрицание отклонения, а отрицание встречаемости отклонения. Поэтому определения по типу (2) не включаются в класс определений неотклонения (*avyabhicāritatva*), хотя они и говорят о «неотклонении».

⁹ Перевод: «[Проникновение есть] общность места с тем, что не является контрпозитивом постоянного отсутствия, [обладающего] общностью места с [первой] общностью и отличающегося [местом] от его контрпозитива».

¹⁰ Перевод: «[Проникновение есть то], чье взаимное отсутствие [обладает] общностью места с обладанием общностью места с тем, чье место не является контрпозитивом этого взаимного отсутствия».

¹¹ Перевод: «[Проникновение есть факт], что вещь занимает место другой вещи, не являющейся контрпозитивом взаимного отсутствия, имеющего общее место с первой вещью».

¹² Притяжательная форма сложного прилагательного.

¹³ Суффикс, прибавляемый к концу сложного слова.

¹⁴ *Sen*, стр. 49—50.

¹⁵ См. стр. 110 настоящего издания.

¹⁶ См. стр. 225 настоящего издания.

¹⁷ I. M. Bochenski, *Formale Logik*, München, 1955, стр. 511—512.

¹⁸ Это заглавные буквы соответствующих немецких слов.

¹⁹ Ст. Шайер использует эту же формулу импликации для объяснения индийского силлогизма.

²⁰ «*Synthese*», vol. XII, № 2/3, 281. Стааль переводит *sādhyā* как «заключение».

²¹ «*Proceedings of the 1960 International Congress*», Stanford, стр. 641.

²² Говоря «здесь дым», мы подразумеваем «здесь дым через контакт».

²³ Ср. список символов в конце.

²⁴ Истинные выводы, где $R \neq S$, разбираются в комментарии Матхуранатхи, например, М., 36. 16—37.1, ср. у Инголласа, стр. 134.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Заголовки и сокращенные наименования упоминаемых в тексте работ расположены в алфавитном порядке в двух списках: в первом перечислены книги, сообщения и статьи, а во втором — каталоги рукописей. Необходимо отметить, что всюду в данной книге, где содержится ссылка на комментарий с указанием страницы и строчки, соответствующий абзац можно отыскать путем отсчета строчек на данной странице комментария в направлении сверху вниз.

1. Книги, сообщения и статьи

- Athalye Yaśavanta Vāsudev. T.S.: The Tarka-sangraha of Annambhatta. Bombay Sanskrit Series 55.
- Bhandarkar 1880: Report of... Sanskrit MSS... in the Deccan College, July 7, 1880, by R. G. Bhandarkar. Bombay Presidency B312, a—j.
- Bhandarkar. 1881—1882: Report of a search for Sanskrit manuscripts during the year 1881—82, by R. G. Bhandarkar. Bombay Presidency B277, 1—11.
- Bhattacharyya D. C. Vās., «Vāsudeva Sārvabhauma», I.H.Q., XVI (1940), 58—69.
- Bh. P.: S.M.
- B.I.: Bibliotheca Indica.
- B.N.: Brief Notes on the Modern Nyāya System of Philosophy and its Technical Terms, by MM. Maheśa Chandra Nyāyaratna (Second Issue, Hare Press, Calcutta, 1891?).
- Chakravarti: «History of Navya Nyāya in Bengal and Mithilā», by Rai Monmohan Chakravarti Bahadur, J.A.S.B. (New Series), XI (1915), 259—292.
- «Chaitanya's Life and Teachings, from... the Chaitanya-charit-amrita, translated by Sir Jadunath Sarkar» (Calcutta, 1932).
- Chatterjee S. C., The Nyāya Theory of Knowledge (Calcutta, 1939).
- Emenau M. B.: A Union List of Printed Indic Texts and Translations in American Libraries, American Oriental Series, vol. VII.
- Faddegon B., The Vaiṣeṣika-system. Amsterdam, 1918.
- Foucher A., Le Compendium des Topiques (Tarka-Saṅgraha) d'Annambhatta. Paris, 1949.
- Gādā: The Gādādhari, Chowkhambā Sanskrit Series (1913—27).
- Gopināth Kavirāj: Gleanings from the History and Bibliography of Nyāya-Vaiṣeṣika Literature, The Princess of Wales Sarasvatī Bhavana Studies III, стр. 79—157; IV, стр. 59—70; V, стр. 129—162.
- Grierson Sir George A., The Test of a Man, being the Purusha Parikshā of Vidyāpati Thakkura, Oriental Translation Fund, New Series, vol. XXXIII.
- Hall Fitzedward, Index: A Contribution Towards an Index to the Bibliography of the Indian Philosophical Systems (Calcutta, 1859).
- Heyting A., Die formalen Regeln der intuitionistischen Logik, Sitz. d. preuss. Akad. der Wissenschaften phys-math. Klasse, 1930, I, 42—71.
- IHQ.: The Indian Historical Quarterly.
- Ind. Ant.: The Indian Antiquary.

- Jāg.: The Jāgadīśi, Chowkhambā Sanskrit Series (1906—1908).
 J.A.S.B.: Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal.
 J.B.O.R.S.: Journal of the Bihar and Orissa Research Society.
 Kālīpada: MM. Sri Kālīpada Tarkāchārya's edition of the Praśastapādabhā-
 syam, Sanskrit Parishat Series 15. Там же содержится:
 Sūktidīpikā и Bhaṣyatātparyya (на бенгали).
 K.: Kāśi Edition.
 Keith Arthur Berridale: Indian Logic and Atomism.
 Khaṇḍanoddhāra of Vācaspati Miśra, ed. by Vindhyeśvarīprasāda Dvivedin
 (V. P. Dube), «The Pandit» (1903—1908);
 Łukasiewicz Jan, Zur Geschichte der Aussagenlogik, «Erkenntnis», V (1935),
 111—131.
 Mitra — Notices of Sanskrit MSS. Vol. I—X by Rajendralāl Mitra: vol. X,
 XI and second series, vol. I—III by Haraprasād Sāstri (Calcutta,
 1871—1907).
 «Nadīyā-kāhinī», by Kumuda-Nāth. Mallik (second ed., Calcutta, 1912);
 Navadvīpa-M: Navadvīpa-mahimā, by Kāntichandra Rāghī (Hooghly, 1891).
 N.Bh.: Nyāya-sūtra-bhāṣya of Vātsyāyana, as published in Nyāyadarśanam,
 Calcutta, Sanskrit Series 18.
 N.K.: Nyāyakōṣa or Dictionary of Technical Terms of Indian Philosophy,
 by M. M. Bhīmācārya Jhalakīkar. Bhandarkar Oriental Research In-
 stitute (Poona, third ed., 1928).
 N.V.: Nyāya-vārttika of Uddyotakara, as published with N.Bh. in Nyāyadar-
 śanam.
 Nyāya-s.-m.—Nyāya-siddhānta-mañjarī, by Janakī Nāth Bhattāchārya,
 «The Pandit», 1907—14.
 Quine William Van Orman: Mathematical Logic (Norton & Co., New York,
 1940).
 Phaṇibhūṣaṇa Tarkavāgīśa: Nyāya-paricaya, Jātīya Sikṣā-pariśad Granthā-
 valī № 5 (Calcutta, Bangābda 1341 [A.D. 1940]).
 P.T.N.: Padārtha-tattva-nirūpaṇa of Raghunātha Śiromaṇi, with the commen-
 taries of Raghudeva and Rāmabhadra Sārvabhauma,— «The Pandit».
 The text is contained in the issues for 1903—1905.
 R.: Raghunātha's Dīdhiti, printed in Jāg. and Gādā.
 Ragh.: Raghunātha's Dīdhiti on the Vyāpti-pañcaka.
 Radhakrishnan S., Indian Philosophy.
 Sabda-kalpadruma, Vākya-lankāra etc. śad-darśana-matādi-saṃyukta-Saṃ-
 skrtābhidhānam. Compiled by Rādhākānta Deva (Calcutta, 1821—51).
 Sāstri: Mitra.
 Satischandra Vidyabhusana, A History of Indian Logic.
 Sen Saisleswar, A Study on Mathurānātha's Tattva-cintāmaṇirahasya. Wa-
 geningen, 1924.
 Singh Shyam Narayan, History of Tirhut, Calcutta, 1922.
 Siv. Miśra: — Nyāyāchārya Pt. Sri Sivadatta Miśra's Gaṅgā-nīrjharīṇi, Com-
 mentary on the V.P.R.
 S.M.: Siddhānta-muktāvalī of Viśvanātha Nyāyapañcānana together with
 Bhāṣa-pariccheda (Bh.P.), Dinakariya and Ramarudriya. Benares,
 1905.
 S.M.Ma.: Bhāṣa-pariccheda with Siddhānta-muktāvalī, tr. by Swāmi Madha-
 vānanda with Introd. by Dr. Satkari Mookerjee (Advaita Ashrama, Cal-
 cutta, 1940).
 S.P.: Saptapadārthī of Sivādītya with Padārthacandrikā and notes by V.S.
 Ghate (Nirnaya-sagar Press, 1909).
 S.P.Calc.: Saptapadārthī of Sivādītya, with translation, Mitabhāṣiṇī, Padār-
 tha-candrikā and Sandarbha. Calcutta Sanskrit Series 8,
 Tarkikarakṣā of Varadarāja, ed. by Pt. Vindhyeśvarī-prasāda Dvivedin
 (V. P. Dube). Reprint from «the Pandit», Benares, 1903.
 T.C.: Tattva-cintāmaṇi of Gaṅgeśa. B.I. (1892—1900). Tattva-cintāmaṇi-ra-
 hasya — там же.
 T.C.R.: T.C.

- T.K.: Tarkakaumudī of Laugāksi Bhāskara. Bombay Sanskrit Series XXXII.
 T.S.: Athalye.
 V.D.: Vaiśeṣikadarśanam, being Prasastapāda's Bhāṣya with Udayana's
 Kirāṇāvalī, ed. V. P. Dube (Dvivedin). Benares Sanskrit Series
 (1885—1919).
 V.P.R.: Vyāptipañcakarahasyam of Mathurā Nātha Tarkavāgīśa with super-
 commentary of Sivadatta Miśra. Kashi Sanskrit Series 64.
 Z.I.I.: Zeitschrift für Indologie und Iranistik.

2. Каталог рукописей

- Cat. Adyar Lib.: A Preliminary List of the Sanskrit and Prakrit Manuscripts
 in the Adyar Library, Madras (1911).
 Cat. Benares: Sūcīpatram, Catalogue of Sanskrit Manuscripts in the Sanskrit
 College Library, Benares (s.d.)
 Cat. Berlin: Die Handschriften—Verzeichnisse der Königlichen Bibliothek.
 Erster Band, Sanskrit-Handschriften, von Albrecht Weber. Berlin, 1853.
 Cat. Bibl. Nat.: Catalogue Sommaire des Manuscrits Sanscrits et Palis.
 par. A. Cabaton, Bibliothèque Nationale, Paris, 1907.
 Cat. Bik.: A Catalogue of Sanskrit Manuscripts in the Library of His High-
 ness the Mahārāja of Bikaner, by Rājendralāl Mitra (1880).
 Cat. Bodl.: Catalogi Codicum manuscryptorum Bibliothecae Bodleianae pars
 octava Codices Sanscriticis completens, by Theodor Aufrecht (1864).
 Cat. Bomb. Br.: A Descriptive Catalogue of Sānskr̥ta and Prākṛta Manu-
 scripts in the Library of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Soci-
 ety, by H. D. Velankar (1926).
 Cat. Burnell: A Classified Index of the Sanskrit Manuscripts the Palace at
 Tanjore, by A. C. Burnell (1880).
 Cat. Cat.: Catalogus Catalogorum, by Theodor Aufrecht.
 Cat. Durb. Lib.: Notices of Sanskrit MSS (extra number). A Catalogue of
 Palmleaf and Selected Paper MSS belonging to the Durbar Library,
 Nepal, by Hara Prasād Sāstri. Calcutta, 1905.
 Cat. Guj.: A Catalogue of Sanskrit Manuscripts in the private libraries of
 Gujerat, etc., by G. Bühler. 1871—1873.
 Cat. I.O.: Catalogue of the Sanskrit Manuscripts in the Library of the India
 Office, by Julius Eggeling and A. B. Keith (1887—1935).
 Cat. Jam. and Kash.: Catalogue of the Sanskrit Manuscripts in the Raghu-
 natha Temple Library of His Highness the Maharaja of Jammu and
 Kashmir, by M. A. Stein (Sir Aurel Stein) (1894).
 Cat. Leipzig: Katalog der Handschriften der Universitäts-Bibliothek zu Leipzig,
 I, Die Sanskrit-Handschriften, von Theodor Aufrecht (1901).
 Cat. Tanjore: A Descriptive Catalogue of The Sanskrit Manuscripts in the
 Tanjore Mahārāja Serfoji's Sarasvatī Mahāl Library, Tanjore, by
 P.P.S. Sastri (1928—1934).

**ИМЕННОЙ И ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛИ
НА САНСКРИТЕ**

Данный указатель является комбинированным. Он содержит: (1) имена авторов и названия работ на санскрите; (2) перечень специальных терминов. В тех случаях, когда тот или иной термин снабжен в тексте русским эквивалентом, перевод этого термина приводится в скобках. Затем следуют указания на ряд мест, где используется соответствующий термин (на санскрите либо по-русски).

- akhaṇḍopādhi (неотделимое имманентное свойство) 41, 44, 58
 atirikta 69, 126, 161
 ativyūpti (сверхпроникновение) 86, 100
 atyantābhāva (постоянное отсутствие отношения; '—') 59, 60
 atyantābhāvātva (постоянное отсутствие) 61, 112, 119
 atyantābhāvābhāva (постоянное отсутствие постоянного отсутствия, '— —')
 72; 73, 107, 108, 112 и след., 146, 150, 162, 163
 atyantābhāvābhāvābhāva ('— — —') 72
 Advaita-makaraṇḍa-īkā 203, 204
 Advaitēśvara-vāda 23
 adhikaraṇa (место) 38, 45, 47, 48, 155, 156
 См. ādhāra, āśraya
 adhikaraṇatā (место₁) 48, 49, 53—55, 63, 73, 74, 130, 133, 134 (дважды),
 138, 139, 158, 159, 161, 162, 164, 165
 adhikaraṇatātva (место₂) 139—141
 adhikaraṇatva (место₁) 105, 106, 110, (дважды), 115, 122 (дважды) 124, 126,
 137, 139, 150, 155
 adhikaraṇatva-sāmānya (родовое место₁) 53, 138, 140, 141
 anatirikta-vṛtti 51
 ananugatatā 151
 anantargatatva 152
 anavacchīna (неограниченное) 162. См. след. слово
 anavacchinnādhikaraṇatā (неограниченное место₁) 78, 158
 Ср. niravacchinnādhikaraṇatā
 anavasthā (бесконечный ряд) 72
 anavasthiti 212
 anugatatva 151
 anumāna (инструмент вывода, средство выведения) 32—35, 92, 209 (дейст-
 вие выведения) 36
 Anumāna-dīdhiti (часть Tattva-cintāmaṇi-dīdhiti) 16, 17, 20
 Anumāna-dīdhiti-rahasya (Часть Tattva-cintāmaṇi-dīdhiti-rahasya) 23
 anumiti (вывод, выводимое) 32—34

- anumiti-karāṇa (инструмент выведения) 32
 anuyogī (субъюнкт) 46, 59
 anuyogitā (субъюнкт₁) 46, 54, 214
 anekāśeṣatva 163
 antargatatā 158
 Annambhaṭṭa 31—88 passim, 222—224
 anyatara 68
 anyatarābhāva (отсутствие дизъюнкции) 68, 69, 147—151
 anyūnānatirikta-vṛtti 51
 anyonyābhāva (взаимное отсутствие, «—»), 58, 59, 72, 82, 126, 127, 152, 161
 anyonyābhāvatva (взаимное отсутствие₁) 170—172
 anyonyābhāvābhāva (постоянное отсутствие взаимного отсутствия, «— —») 75, 76, 106, 110—115, 118—121, 126, 161
 anyonyābhāvānyonyābhāva (« — — —») 172
 anyonyābhāvānyonyābhāvābhāva (« — — — —») 172
 anyonyābhāvābhāvābhāva (« — — — —») 75, 104, 105
 Apūrvavāda-rahasya 21
 aprasiddha (недемонстрируемое примером) 66, 85, 101
 aprasiddhyāvṛtyāpti 85, 105, 124—126
 abhāva (отсутствие) 41, 45, 57—63, 86, 87
 abhāva-kūṭa 69, 70, 95
 abhāva-bheda (различие отсутствий в зависимости от их мест) 27, 69, 70, 144, 145, 150, 174, 177
 abhāvatva (отсутствие₁) 62, 72
 См. atyantābhāvatva, anyonyābhāvatva
 abhāvābhāva. См. atyantābhāvābhāva, anyonyābhāvābhāva, anyonyābhāv ānyonyābhāva
 abhāvāvacchedaka (ограничитель отсутствия) 62
 abhāvīya-pratīyogitā. См. pratīyogitā
 abhāvīya-viśeṣanatā-viśeṣa-sambandha (отношение частной спецификации отсутствия) 62, 77, 78, 106—108, 116—118
 abhāvīya-svarūpa-sambandha (частное отношение отсутствия) = abhāvīya-viśeṣanatā-viśeṣa-sambandha
 abhidheyatva. См. vācyaatva
 avagāhin 42, 211
 avacchinna (ограниченный) 50—56, 60—63, 77, 78, 180, 181
 avacchedaka (ограничитель) 50—56, 60—63, 67, 77—78, 211
 avacchedaka-sambandha (ограничивающее отношение) 53—55, 77
 avacchedakatā (ограничитель₁) 55, 120, 121, 219
 avacchedakatātva (ограничитель₂) 219
 avacchedakatāvacchedaka (ограничитель ограничителя₁) 55
 avacchedakatva (ограничитель₁) 120
 Avacchedakatva-nirukti 23
 avṛtti-heṭukānumiti 128
 avyabharitatva (неотклонение) 65, 66, 69, 91
 avyāyibhāva 98, 99
 avyāpti (непроникновение) 85, 103, 104, 216

avyūpyatva-sambandha (отношение непроникающего, букв. отношение непро-
никнутости) 84, 103
avyūrya-vṛtti (неполная встречаемость или сопутствие) 77—79, 121, 126,
127, 142, 148, 161, 173, 174, 177—179
aśeṣatva-mātra 162, 184
asaṃgata 154, см. saṃgati
asad-dhetu 127. Ср. sad-dhetu
asamavāyī-kāraṇa (причина, не пребывающая непосредственно в действии,
косвенная причина) 33
asamānādhikaraṇya 152
asambandha 212
asambhava 64, 86, 145, 216
asiddha (неподкрепленное примером) 128. Ср. aprasiddha недемонстрируе-
мый термин
Ākaṅkṣā-vāda 21
ākāśa (небо-эфир) 40, 147, 148. Ср. gagana
Ākāśa-khaṇḍana 29, 208
Ākāśa-vāda 29
Ākhyāta-vāda 19, 21, 29
Ākhyāta-vāda-ṭippanī 21
Ākhyāta-vāda-vivṛti 21, 29
Ātma-tattva-viveka 24, 27, 28
Ātma-tattva-viveka-dīdhiti 21, 24, 207
Ātma-tattva-viveka-vivṛti 21
ātmā (душа, субъект) 34, 37, 40, 87, 116, 117
ādhāra (субстрат) 45, 49. Ср. adhikaraṇa, āśraya
ādheya (вмещаемое) 45, 49
ādheyatā (вмещаемое) 48, 49, 55, 63, 130—134
Āyur-dāya 29
Āyur-dāya-bhāvana 29
Āloka. См. Tattva-cintāmaṇi-āloka
Āśraya (вместилище, субстрат) 45, 121, 130. Ср. adhikaraṇa, ādhāra

-in 38, 96, 213.

-īya 87, 88

Udayana 12, 21, 22, 27, 28, 114, 201, 204, 223. Ср. Kiraṇāvālī, Kuṣumāñjali

Ātma-tattva-viveka

udāharaṇa (пример) 36

Udyotakara 35

upanaya (применение) 35

upatāna (инструмент отождествления) 32

upatiti (отождествление, отождествляемое) 32

upalakṣaṇa 154, 174

upādhi (выделяющее свойство) 42—44, 49, 79, 80, 82, 213

upodghāta 93, 95

ubhaya-gūpatva (двойственная природа) 75, 76

ubhayatva (обоюдность) 100, 102, 136, 152, см. dvitva (конъюнкция)
ubhayābhāva (отсутствии конъюнкции) 68, 69, 100—102, 170
aikādhikaraṇya 125, см. sāmānādhikaraṇya

-ka 87

Kaṇāda 205

kaṇaṇa (nimitta-kāṇa) (инструмент) 33—35

karṭṭ (деятель) 209

karṁadhāṅga 97

kāṅaṇa (причина) 33, 34

kāṅaṇatā (причина₁) 49, 50—52

kāṅaṇatva (причина₁) 211

kāṅyatā (результат₁) 49

kāṅyatva (результат₁) 211

kāla (время) 33, 40, 82, 83, 211

kālika-sambandha (временное отношение) 77, 82, 83, 86, 108, 109, 116, 117,
155, 156, 215

Kiraṇāvali 27, 28, 207, 212

Kiraṇāvali-dīdhiti-rahasya 28

Kiraṇāvali-prakāśa-dīdhiti 22, 28, 204

Kiraṇāvali-prakāśa-rahasya 28

Kiraṇāvali-rahasya 28

Kusumāñjali 22, 114, 204

Kusumāñjali-prakāśa 11

kūṭa, см. abhāva-kūṭa

Kṛṣṇakānta Vidyāvāgīśa 206

Kṛṣṇānanda 16

kevala (чистое) 129, см. śuddha

kevalānvayī (неотрицаемое, универсальное, повсеместно встречающееся);
65, 66, 91, 124, 125, 134, 137, 142, 147, 173

kriyā (действие) 34, 40, 41, 209

kṣaṇa 211, 219

Khaṇḍana-khaṇḍa-khāḍya 11, 22, 204

Khaṇḍana-khaṇḍa-khāḍya-dīdhiti 22

Khaṇḍana-bhūṣā-maṇi 22

Khaṇḍanoddhāra 202, 223

gagana (небо-эфир) 40, 127, 128, 135. То же, что и ākāśa

Gaṅgā-nirjharīni см. также Śivadatta Miśra 223

Gaṅgeśopadhyāya 11—13, 25, 27, 28, 31, 33, 205 и далее по тексту

Gādādhara (см. Gādādhari) 13, 21, 25, 81, 151, 163, 177, 179, 180, 182—185.
см. Gādādhari

gandha (запах) 39, 40, 219

Gādādhari 222 et passim см. Gadādhara

guṇa (см. gūra, см. прочие гуны не перечисляемые отдельно, jñāna; gandha,
saṁkhyā, saṁyoga) (качество) 35, 40, 41, 209

Guṇa-kiraṇāvali-prakāśa-dīdhiti 19

Guṇa-kiraṇāvali-prakāśa-dīdhiti-rahasya 97

Guṇa-kiraṇāvalī-prakāśa -rahasya 25, 97
Guṇa-śiromaṇi-prakāśa 19
gaugava (сложность, трудность) 49, 110, 135

Candrasīmha 209

Candrāloka 202

cālanīya-nyāya (просеивание) 64, 165, 166

Cūḍāmaṇi, см. Janakīnātha Cūḍāmaṇi

Jagadīśa 13, 20, 144, 151, 156, 177, 179, 180, 182—184, 205, 207

Janakīnātha Cūḍāmaṇi, см. Nyāya-siddhānta-mañjarī 24, 25, 205, 207, 223

Janakīnātha Sarman 207, см. Janakīnātha Cūḍāmaṇi

Jayadeva Pakṣadhara 11, 13—15, 17, 18, 26

Jayadeva Pīyūṣavaṛṣa 202

Jayarāma Nyāyarañcānana 24

Jayānta 12

jala (вода) 40

Jāgadiśī 232 et passim, см. Jagadīśa

jāti (родовая характеристика) 40—44, 57, 60, 71—81

jñāna (знание) 33, 34, 36, 37, 39, 41, 42, 45, 49, 56

jñāpaka 93

jñeyatva 65, 66

Tattva-cintāmaṇi 11—13, 17, 21, 23, 26—28, 204, 223

Tattva-cintāmaṇi-dīdhiti 19, 20, 21, 23, 26, 28, 177—185, см. также Anumāna-dīdhiti

Tattva-cintāmaṇi-dīdhiti-ṭippaṇi 206

Tattva-cintāmaṇi-dīdhiti-rahasya 25, 29 см. также Anumāna-dīdhiti-rahasya

Tattva-cintāmaṇi-prakāśa 202

Tattva-cintāmaṇi-rahasya 25, 28, 223 et passim

Tattva-cintāmaṇy-āloka 28, 29, 202, 205

Tattva-cintāmaṇy-āloka-rahasya 29

tattvavat 39, 126, 215

tattvena 186

tatpuruṣa 95, 98, 143

tat-svarūpatā 72, см. tādātmya

Tarka-kaumudī 224, см. Laugākṣi Bhāskara

Tarkāmṛita 206

Tarkika-cūḍāmaṇi 34, см. также Janakīnātha Cūḍāmaṇi

Tarkikarakṣā 202, 203, 224

Tarkika-Śiromaṇi 16, 203, см. Raghunātha Śiromaṇi

-tā 47, см. -tva

tādātmya (существенное тождество) 71—75

tādātmya-sambandha (отношение-существенного тождества) 85, 110—115,
118—121

-ti 32, 208

tulyatva (равенство) 71, 212

tejas (свет, тепло) 40

-tva 47, см. -tā

daṇḍitva 44

dik (пространство—направление) 40, 82, 210

Dinakarīya 212, 223

Dīdhiti, см. Tattva-cintāmaṇi-dīdhiti, Khaṇḍana-khaṇḍa-khādyā-dīdhiti

Duve V. P., см. Khaṇḍanoddhāra, Tarkikarakṣā

dravya (субстанция) 40, 41, 52, 53, см. pṛthivī, jala, tejas, vāyu, ākāśa, kāla, dik, ātmā, manas

Dravya-kiraṇāvalī 29

Dravya-kiraṇāvalī-prakāśa 22

Dravya-kiraṇāvalī-prakāśa-ṭikā 203

Dravya-kiraṇāvalī-prakāśa-vivṛti 22

dvitva (двойность) 80, 81. См. ubhayatva

dharma (свойство) 47

Dhuṇḍirāja Sāstri 201, 223

dhvaṃsābhāva 58

Nañ-artha-vivṛti 21, см. Nañ-vāda

nañ-dvaaya (двойное отрицание) 95

Nañ-vāda 19, 21, 29

Nañ-vāda-ṭikā 21

Nañ-vāda-vyākhyā 29

Nañ-viveka 21, см. Nañ-vāda

Nañ-vyutpatti 21, См. Nañ-vāda

nigamaṇa (заключение) 36

nimitta-kāraṇa (инструментальная причина) 33—35, 51, 52, см. также ka-
raṇa

niyāmaka 218

Niyojanānvaya-nigūraṇa 23

niravacchinna-vṛtti (неограниченная встречаемость) 122—129, 159—161,
168, 169

niravacchinnādhikaraṇatā(-tva) (неограниченное место) 121, 124, 126, 130,
138, 139, 159, 173 (см. также anavacchinnādhikaraṇatā)

nirūpaka (обнаружитель) 48, 49, 60, 67, 79, 87

nirūpita (обнаруживаемое) 48, 49, 60, 79, 87

nirūpitatva-sambandhāvacchinna 53

Nirūpya-nirūpaka-bhāva (взаимная зависимость) 49

Nirodhalakṣaṇa 22

nirdhūmatva 166

nirvikalpa-jñāna (неопределенное знание) 41, 42

niveśana (дополнение, вставка) 85, 100

niṣṭhatva-sambandhāvacchinna 51

Nīlakaṇṭha (комментатор «Tarkasaṃgrāha») 209

Nyāya-kusumāñjali, см. Kusumāñjali

Nyāya-kośa 31—90 passim 201, 223

Nyāya-cūḍāmaṇi 207, см. Janakīnātha Cūḍāmaṇi

Nyāya-dīpikā 206

Nyāya-rahasya 207

Nyāya-līlavatī 19, 22, 28

Nyāya-lilāvati-prakāśa 22
Nyāya-lilāvati-prakāśa-dīdhiti 22
Nyāya-lilāvati-prakāśa-dīdhiti-rahasya 28
Nyāya-lilāvati-prakāśa-rahasya 28
Nyāya-lilāvati-prakāśa-vistārikā' (= -dīdhiti) 22
Nyāya-lilāvati-rahasya 28
Nyāya-lilāvati-vibhūti 22
Nyāya-varṭtika 35, 223
Nyāya-varṭtika-tātparyā-ṭīkā 211
Nyāya-siddhānta-mañjarī 24, 25, 207, 210, 223, см. Janakīnātha Cūḍāmaṇi
Nyāya-sūtra-bhāṣya 35, 223
Nyāya-sūtra-vṛtti 206

pakṣa 33, 38
pakṣatā (pakṣa) 47, 214
Pakṣadhara, см. Jayadeva Pakṣadhara
pakṣa-dharmatā 209
pakṣa-dharmatva 127
Padakṛtya 208
padārtha (категория) 40, 41, 50 (= тематика) 12
Padārtha-khaṇḍana 21, см. Padārtha-tattva-nirūpaṇa
Padārtha-khaṇḍana-ṭippanī 21, 24, 207
Padārtha-tattva-nirūpaṇa 15, 21, 29, 31—90 passim, 206, 207, 223
paramārtha 162, 168
paramparā-sambandha (косвенное отношение) 76, 77, 82, 83
paramparayā 212
parāmarśa (усмотрение) 33, 35
parīkṣā 92, 177
parārthānumāna (вывод для других) 36
paravyasāya (извлечение) 63
paravyasitārtha (извлеченное значение) 63, 95
paryāpta 136, 137
paryāpti-sambandha (отношение paryāpti) 77, 80—82, 136, 137
Pāṇigrahādhikṛtya-viveka 29
Puruṣa-parīkṣā 202
pṛthivī (земля) 39, 40, 219
prakāga (главный спецификатор) 44, 45, 86, 116
prakāratā (главный спецификатор) 47, 49
pratijñā (тезис, теория) 36
pratiyogi
 abhāvīya-pratiyogi (контрпозитив) 59, 75, 214
 saṃsarga-pratiyogi (адъонкт) 46, 49, 59, 130—133, 134, 214
pratiyogi-vyadhikaraṇatva 150, 179—183
pratiyogi-vyadhikaraṇātyantābhāva 151, 168
pratiyogi-samānādhikaraṇatva 150
pratiyogi-samānādhikaraṇātyantābhāva 78, 151, 180, 181
pratiyogitā
 abhāvīya-pratiyogitā (контрпозитив) 59—61, 63, 111, 114, 213

saṃsarga-pratīyogitā (адъюнкты) 47, 49
pratīyogitāvacchedaka (ограничитель контрпозитива) 60, 61, 113, 220
pratīyogitāvacchedakāvaccinna-pratīyogi-vyadhikaraṇābhāva 182
pratīyogy-avṛttitva 152, 153
pratyakṣa (восприятие, то, что воспринимается) 12, 32
pratyakṣa-karaṇa (инструмент восприятия) 32
pradhāna-padārtha 98
gramā (истинное знание) 32, 36
gramāṇa (инструмент для получения истинного знания) 32
gramīti (истинное знание) 32
Prasastapada 22, 222, 223
Prasanna-gāghava 202
prāg-abhāva 58
prātipadikārtha 95
prāmāṇya (истинность) 92, 177
phalāyoga-vyavacchinna 209
phalopahita (инструментальная причина, непосредственно предшествующая результату) 209

bahuvrīhi 97—100
bauddha-dhikkāra-didhiti 21, см. Ātma-tattva-viveka-didhiti
Bauddha-dhikkāra-vivṛti 28
Brief Notes on the Modern Nyāya System 31—90 passim, 222
Bhagīratha Ṭhakkur 14
Bhaṭṭācārya-cūḍāmaṇi 207, см. Janakīnātha Cūḍāmaṇi
Bhaṭṭācārya Śiromaṇi 203, см. Raghunātha Śiromaṇi
Bhavānanda Siddhāntavagīśa 20, 205, 206
bhā 47
bhāna 161
bhāva (присутствие, букв. становление) 56—58
bhāvatva 211, 217
Bhāṣa-pariccheda 222, см. Viśvanātha Nyāyarañcānana
bhās 47
Bhāsarvajña 12, 201
Bhimācārya Jhalakīkar, см. Nyāya-koṣa
bhūtalāghaṭa 97
bhūtalopakumbha 97
bheda, см. anyonyābhāva

Maṇimīśra Yajñapati Upādhyāya 205
Mathurānātha Tarkavāgīśa 23—30, 34, 41, 44, 55, 65, 70, 72, 75, 76, 86, 92—
176, 205, 206, 212, 213, 218, 220, 223
manas (разум) 40
-mant 38
Malamāsa-tattva 22
Malimuca-viveka 22
mahā-kāla (универсальное время) 82, 83, 219
Maheśa-candra Nyāyaratna, см. Brief Notes on the Modern Nyāya System

Maheśa Ṭhakkur 14, 24
Mādhavācārya (автор «Sarva-darśana-saṃgraha») 201

Yogyatā-rahasya 21
yogyatva (способность) 51

Raghunandana 16, 22
Raghunātha Bhaṭṭācārya (Srī) 22
Raghunānta Siromaṇi 12, 13, 15—23, 25, 26, 28, 29, 35, 41, 50, 57, 58, 72, 80,
138, 143, 144, 153, 164, 171, 177—185, 206—209, 213, 218, 219
Rādhākānta Deva, см. Sabda-kalpadruma
Rāma Tarkālaṅkāra (Srī) 23, 26
Rāmakṛṣṇa Bhaṭṭācārya Cakravarti 19, 20, 203
Rāmacandra Nyāyavāgīśa 21
Rāmabhadra Sārvabhauma 17, 19, 24
Rāmarudriya 216, 223
Rucidatta 12, 202
Rudra Nyāyavācaspati 22
rūpa (форма, цвет) 40, 218
rūpāni 212

lakṣaṇa (определение) 32, 85, 86, 94, 202
Lakṣaṇa-tattva 202
Lakṣaṇa-mañjarī 13
liṅga (знак) 38 см. hetu
Lilāvati, см. Nyāya-lilāvati
Lilāvati-prakāśa-dīdhiti 19
Lauḡākṣi Bhāskara 33, 35, см. Tarka-kaumudī

-vattva, vattā (обладатель, место) 61, 62, 112—114, 115, 138, 153, 154, 155,
161, 162, 167, 168
-vant 38, 39, 46, 58, 59, 144, 145, 152—155, 170
Varaḡarāja, см. Tarkikarakṣā
Vardhamānopādhyāya 12, 22, 28, 205
Vallabha 22, 27
Vākya-vāda 21
Vācaspati Mīśra 14
Vācaspatya 215
vācyatva 65—67
vāyu (ветер) 40
Vāsudeva Sārvabhauma 15—18, 204, 205, 207
Vidyāpati 14
vinigamaka 104
Vindhyeśvarī-prasāda Dvivedin, см. Khaṇḡanoddhāra; Tarkikarakṣā
vipakṣa («анти-пакша») 161, 162, 178, 183, 184
Virodha-lakṣaṇa 23
viśiṣṭa (специфицированное) 72—74, 83, 84, 120—124, 129, 157, 175, 180—
183, 209, 217

- viśiṣṭa-nirūpitādhāratā-sambandha (отношение, в котором место₁ обнаруживается специфицированным объектом) 83, 84, 135
 viśiṣṭa-vaiśiṣṭyāvagāhi-jñāna 211
 viśiṣṭābhāva 158, см. viśeṣābhāva
 viśeṣa (элементарное различие) 40, 41
 viśeṣaṇa (спецификатор) 42—44, 45, 72—74
 viśeṣaṇa-viśeṣya-bhāva 215
 viśeṣaṇatā (спецификатор₁) 47
 viśeṣaṇatā-viśeṣa-sambandha (отношение частной спецификации 'P') 42, 43
 45—47, 62, 76, 79, 80, 107, 108, 116, 117
 viśeṣābhāva (viśiṣṭābhāva), см. abhāvīya-viśeṣaṇatā-viśeṣa-sambandha (специфическое отсутствие) 60, 69, 95—98, 155, 156
 viśeṣya (квалифицируемое) 43—45
 viśeṣyatā (квалифицируемое₁) 47, 49, 214
 viśeṣyatva (квалифицируемое₁) 87—116
 Viśvanātha Nyūyarañcāna 20, 33, 35, 38, 41, 223 et passim
 viśayatā (содержание₁) 49, 213
 viśayatva-sambandha (отношение содержащего, букв. отношение содержания) 84. Ср. 92, 93
 viśayitā (знание₁, букв. содержащее₁) 49
 viśayitva-sambandha (отношение содержания, букв. отношение обладательства содержанием) 85, 103, 104, 107, 215
 Viṣṇu-purāṇa 14
 Viṣṇuśarma 24
 vṛt (встречаться) 46, 58
 vṛtti 46
 vṛtti-niyāma (требующее сопутствования) 46, 77, 79, 83
 vṛttitāva (встречающееся₂) 65
 vṛttitva (встречающееся₁) 48, 56, 63, 65
 vṛttitva-sāmānya (родовое встречающееся₁) 53, 65
 vṛttin (встречающееся) 48
 vṛtty-aniyāma (не требующее сопутствования) 77, 84, 85
 vaiśiṣṭya 211
 Vaiśeṣika-sūtra 41
 vyakti (проявление, индивид) 48, 51, 65, 70, 138, 139, 153, 160, 162, 165, 166, 178, 179, 183
 vyakter abheda 212
 vyadhikaraṇa-dharmāvacchinna-pratīyogitā-nirūpakābhāva 86
 vyadhikaraṇa-prakaraṇa 32
 vyadhikaraṇa-bāhuvṛthi 99, 100, 170
 vyadhikaraṇa-sambandhāvacchinna-pratīyogitā-nirūpakābhāva 86, 134
 vyabhicāri-hetu 209
 vyavahāra 112, 115, 127
 vyāpaka (проникающее) 31, 32, 162—169
 vyāpakatā (проникающее₁) 167—169
 vyāpakatāvachedaka (ограничитель проникающего₁) 167—169
 vyāpāra (операция) 33, 34, 35, 37, 38

- vyāpti (проникновение) 31—33, 69, 77, 91, 92, 125, 164, 209
 vyāpti-jñāna (знание проникновения) 33, 35, 38, 91
 vyāpti-dhī (знание проникновения) 33
 vyāpti-pañcaka (пять [недостаточных] определений проникновения) 28, 31, 64, 65, 125
 Vyāpti-pañcaka-rahasya 10, 25, 26, 27, 224 et passim
 vyāru (проникаемое, проникнутое) 31
 vyāru-vṛtti (полное сопутствование) 79, 125—127, 160, 161, 173, 174, 179, см. avyāru-vṛtti
 vyāruatva-sambandha (отношение проникающего, букв. отношение проникнутости) 84
 vyāvartita 217
 vyāsajya-vṛtti-dharma (свойство vyāsajya-vṛtti) 81, 82, 152
 Vytpatti-vāda 19

 śakti 211
 Śaṅkara Miśra 14, 207
 Śaṅkarācārya 14, 218
 śabda (слово, инструмент вербального знания) 32
 Sabda-kalpadrūpa 205, 208, 215, 223
 śabda-ja-jñāna (вербальное знание) 32
 Sabda-khaṇḍa-śiromaṇi 20. Часть «Tattva-cintāmaṇi-dīdhiti»
 Sabda-maṇi-dīdhiti 20. Часть «Tattva-cintāmaṇi-dīdhiti»
 Sabda-vādārtha 20.
 Sabda-śakti-prakāśikā 206, 207
 śabda-bodha (вербальное знание) 32
 Siromaṇi Bhaṭṭācārya 19, 20, 203. См. Raghunātha Siromaṇi
 Sivādatta Miśra, Nyāyācārya Paṇḍit Śrī 29, 223
 Sivāditya 35, 209
 śuddha (kevala) (чистое) 72—74, 83, 84
 Śrī Harṣa 11

 ṣaṣṭhī (родительный падеж) 79

 saṃyoga (контакт) 30, 45, 46, 52, 76—79, 122, 220
 saṃsarga-pratīyogī, см. pratīyogī
 saṃsargābhāva (отношение отсутствия) 58, 59, 214
 sakala (все) 155, 161—163, 183, 194, 213
 sakhaṇḍopādhi (составное выделяющее свойство) 54
 saṅkara 212
 saṅkhyā (число) 40, 80, 81. 211
 saṅgati (релевантность) 93, 95, 177, см. asaṅgata
 Satānanda 216
 sattā (существование, реальность) 56—58, 73, 74, 122—125, 129, 130
 sattātva (реальность₁) 124
 sad-dhetu 121, 175, 177—179
 Saptapadārthī 223, см. Sivāditya
 sama-niyatā-bhāva 71
 samavāya (присущность) 36, 40, 43, 45, 46, 76, 77, 79, 80, 129, 130

- samavāyi-kāraṇa (существенная причина) 33, 52
 samavāyi-kāraṇatā 52
 samavāyi-samavetatva 76
 sambandha (отношение) 46—49, 53—55, 76—85
 savikalpaka-jñāna (определенное знание) 41, 42
 sākālyā (всеобщность) 155, 156, 178
 sākṣāt-sambandha (прямое отношение) 76, 82—83
 sādhya 38, 39
 sādhya-sāmānīya 212
 sādhyatā (sādhyā) 47, 50, 54
 sādhyābhāva (отсутствие sādhya) 61, 89, 102, 103
 sāpekṣa-dharmau (взаимозависимые свойства) 49
 sāmānādhikaraṇya 137, см. aikādhikaraṇya
 sāmānya (классовая характеристика, целокупность) 44, 48, 53, 108, 109
 Sāmānya-lakṣaṇa 18, 205
 Sāmānya-lakṣaṇa-pratyāsatti 205
 sāmānyābhāva (родовое отсутствие) 60, 64—66, 69, 70, 95, 100, 134, 164, 170, 178
 Sārvabhauma, см. Vāsudeva Sārvabhauma и Rāmabhadra Sārvabhauma
 Sārvabhauma-nirukta 17
 sāhitya (сопровождение, соупствие) 217
 Siddhānta-muktāvalī 223, см. Viśvanātha Nyāyaraṇicānana
 Siddhānta-rahasya 27
 siddhānta-lakṣaṇa 31, 32, 125, 164
 Siddhānta-sāra 24, 207
 siddhi 38
 siśādhyiṣā 38
 sīmā-paricchedaka 78
 Sūktidipikā (Джагадиши) 219, 223
 Sondada 86
 sthā 64
 sva- 220
 svaiva 211
 sva-pratīyogī-vṛtty-anyaṇyābhāva 82
 sva-pratīyogī-avṛtty-anyaṇyābhāva 82
 svarūpa (tādātmya) (существенное тождество) 71—73
 svarūpa-sambandha (специфическое отношение 'P') см. viśeṣaṇatā-viśeṣa-sambandha
 svarūpāsiddhi 128
 sva-sūnutā-sambandha 46
 svārthānumāna (вывод для себя) 36, 37

 Hari Miśra 14
 Haridāsa Nyāyalaṅkāra 204
 hetu 36, 38, 39, 56, 85, 209
 hetutā (hetu) 47, 54, 56
 hetv-abhāva (ошибочное hetu) 89, 157, 158
 hetv-abhāsa (отсутствие hetu) 85

СПИСОК ПРИМЕРОВ ВЫВОДА

- anumānam pramānam pramiti-kāraṇatāvachedaka-rūpavattvāt 92, 93
 anumitir anumititara-bhedavaty anumiti-lakṣaṇāt' 94
 idaṃ vācyam (abhidheyam) prameyatvāt 154, 173
 idaṃ vahnimad gaganāt (samavāyādinā gaganādi-hetuke) 127, 128, см также 135, 137
 etad-ghaṭatvābhāvavān paṭatvāt 161, 162
 etad-rūpavān etad-rasāt 109
 kapi-saṃyogābhāvavān sattvāt 124, 125, 139, 141, 159, 173
 kapi-saṃyogi-bhinnaṃ guṇatvāt 126, 139—141
 kapi-saṃyogy etad-vṛkṣatvāt 121, 122, 140—143, 158, 159, 173, 179
 kālika-sambandhāvachhinna-pratiyogitākātmatva-prakāraka-pramā-viśeṣyatvāb-
 hāvavān viśeṣaṇatā-viśeṣeṇa, ātmatvāt 116—118
 gaganāvṛtti-dharmavān gaganānyatvāt 184
 guṇa-karmānyatva-viśiṣṭa-sattābhāvavān guṇatvāt 122—124
 guṇa-karmānyatva-viśiṣṭa-sattāvān jāteḥ 183
 guṇatvavān jñānatvāt 103, 104
 ghaṭatva-ghaṭākāśa-saṃyogānyatarābhāvavān gaganatvāt 147—149
 ghaṭatvavān ghaṭatva-tad-abhāvavad-ubhayatvāt 136
 ghaṭatvavān ghaṭopaṭobhayatvāt 136
 ghaṭatvātyantābhāvavān paṭatvāt 105
 ghaṭānyonyābhāvavān ghaṭatvatvāt 119—121
 ghaṭānyonyābhāvavān paṭatvāt 105, 110, 111, 120, 121
 ghaṭa-tādātmya ghaṭatvāt 119
 dravyatvābhāvavān saṃyogavad-bhinnavāt 161
 dravyaṃ guṇa-karmānyatva-viśiṣṭa-sattvāt 72—75, 84, 129, 132, 133, 135, 181
 dravyaṃ sattvāt 134, 156, 157, 164, 165, 168, 182
 dhūmavān vahneḥ 100, 127, 138, 139, 170, 178
 dhūmābhāvavān vahny-abhāvāt (nirdhūmatvavān) 163
 nirdhūmatvavān nirvahnitvāt 165, 166, 184
 nirdhūmatva-vyāpyavān tattvena nirvahnitvāt 183, 184
 pṛthivī kapi-saṃyogāt 159, 160, 168, 169, 179, 180
 prameyavān jñānatvāt (samavāya-viśayitvādi-sambandheṇa) 107—109
 vahnimān gaganāt 135—138. Cp. 127, 128
 vahnimān dhūmāt 101—103, 146, 152, 153, 170, 171, 175, 176, 178
 saṃyogi dravyatvāt 144
 sattāvān jāteḥ 103, 104
 sattāvān dravyatvāt 129, 130, 133, 134

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика	3
Из предисловия к первому изданию	7
Введение	8
Раздел I. Биографические сведения	11
Раздел II. Анализ некоторых теорий и методов логики навья-ньяя	31
Раздел III. «Вьяпти-панчака» Гангеши	91
Раздел IV. «Вьяпти-панчака-рахасья» Матхуранатхи, служащая комментарием к «Вьяпти-панчака» Гангеши	92
Раздел V. Отрывок из «Дидхити» Рагхунатхи, являющейся ком- ментарием к «Вьяпти-панчака» Гангеши	177
Приложение	186
Примечания	201
Список литературы	222
Именной и предметный указатели на санскрите	225
Список примеров вывода	237

Дэниэл Генри Холмс Инголис

ВВЕДЕНИЕ
В ИНДИЙСКУЮ ЛОГИКУ
НАВЬЯ-НЬЯ

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор Л. Ш. Фридман
Младший редактор И. В. Бушуева
Художник Е. В. Бекетов
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор Л. Ш. Береславская
Корректоры Р. А. Калиштейн и Р. Ш. Чемерис

Сдано в набор 9/1У-1973 г.
Подписано к печати 9/ХП- 1974 г.
А-11600. Формат 60х90/16. Бум. № 1
Печ. л. 15
Уч.-изд. л. 15,55. Тираж 2500 экз. Изд. № 2915
Зак. 594. Цена 1р. 32 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Офсетное производство 3-й типографии
издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2